

Е. Н. Черных

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира

Том 1

Е. Н. Черных

**Культуры номадов
в мегаструктуре
Евразийского мира**

Том 1

Nomadic Cultures in the Mega-structure of Eurasian World

Evgenij Chernykh

Moscow
2013

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира

Евгений Николаевич Черных

ТОМ
1

Москва
2013

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Ч 47

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-01-16008

Черных Е. Н.

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.:
Языки славянской культуры, 2013. — 368 с.

ISBN 978-5-9551-0674-8

Евразийский континент при его членении на основные геоэкологические зоны напоминает трехслойный «пирог», в котором различные слои последовательно накрывают друг друга с севера на юг. Середина «пирога» — это Великий Степной Пояс континента. Протянувшийся на восемь тысяч километров от Черного моря до моря Желтого этот Пояс служил в течение долгих тысячелетий доменом кочевых и полукочевых народов. Взаимоотношения номадов со своими соседями, и особенно с южными — оседло-земледельческими культурами и цивилизациями, — практически всегда отличались чрезвычайной сложностью.

Первый том книги посвящен древнейшему периоду становления и формирования мира номадов в мегаструктуре Евразии. Основными источниками для реконструкций истории культур данного периода являлись археологические материалы в широких пределах от эпохи Прото-металла до раннего железного века или же от IX / VIII вплоть до I тысячелетия до новой эры.

ББК 63.4 (2)

В оформлении книги использованы фотографии творений, принадлежащих скульптору и художнику Даши Намдакову. Некоторые иллюстрации предоставлены автору книги самим скульптором из его творческой мастерской, другие — воспроизведены из каталога выставки произведений «Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова», состоявшейся в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже в 2010 году; фото А. А. Бронникова и В. М. Бойко (СПб.: Издательство «Чистый лист», 2010).

На переплете на передней стороне изображение скульптуры — «Воин Чингисхана», на задней — «Старый воин», на контртитule — «Золотая Шория».

ISBN 978-5-9551-0674-8

9 785955 106748 >

© Е. Н. Черных, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Предисловие.....	11
Введение.....	13
Трагичное столетие	13
«Каждый пояс земли...»	14
Земля — прародитель всего сущего	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТЕПНОЙ ПОЯС В МЕГАСТРУКТУРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА

ГЛАВА 1. МЕГАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА

И ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОЖЕНИЯ..... 21

Некоторые замечания о понятии мегаструктуры	21
Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения.....	21
Долгий путь формирования мегаструктуры	25
Четыре материковых анклава	26

ГЛАВА 2. СТЕПНОЙ ПОЯС И МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ 29

Север — Юг — Запад — Восток	29
«Слоеный пирог» доменов трех моделей культур	30
Геоэкология Степного Пояса	34
Западноевразийская половина Пояса и ее границы.....	36
Джунгарские ворота и горная монгольская степь	38
Аравийские пустынные нагорья.....	45
Степной Пояс как домен пастушеских культур	45

ГЛАВА 3. СЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРЕХСЛОЙНОГО «ПИРОГА»

ПО ВЕРТИКАЛИ 49

Что есть Восток с евроцентристской позиции?	50
Меридиональные геоэкологические «водоразделы»	51
Азия и Европа: где граница между ними?.....	52
Запад и Восток за рамками геоэкологии: антропология.....	57
Запад и Восток за рамками геоэкологии: лингвистика.....	59
Запад и Восток за рамками геоэкологии: идеологические системы.....	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЛЬТУРЫ СКОТОВОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ:	
РАЗЛИЧИЯ В БАЗОВЫХ ИСТОЧНИКАХ	71
Эпохи «дописьменная» и «письменная»	71
Различия в подходах и методах исследований	72
Археология и оценка ее источников	74
Сложности трактовки погребальных сооружений	77
Археологи в качестве представителей потустороннего мира	81
«Монгольский синдром» кочевых культур	84
ГЛАВА 5. «ДАРЫ» НОМАДОВ МИРОВОЙ ИСТОРИИ	86
Восприятие соседей и самооценки	86
Всадничество	88
Монотеизм	90
Курганы и мавзолеи	93
«Мост» между Востоком и Западом	96
Маятник колебаний культурных воздействий	96
ГЛАВА 6. КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА	98
Конница и металл	98
Металл и историко-археологические эпохи	99
У истоков металлургии	100
Прочие инновации ЭРМ	102
Производство и нормативный фактор	103
ЭРМ — евразийский феномен	104
Территориальные «скачки» в зонах культур ЭРМ	105
Проблема пространственной стагнации	107
ГЛАВА 7. ЭПОХА ПРОТО-МЕТАЛЛА В ЕВРАЗИИ	110
Древнейший металл планеты	110
Восточная Анатолия	113
Центральная Анатолия	119
Левант: Иерихон и Телль Асвад	121
Эпилог эпохи Прото-металла	123
ГЛАВА 8. МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ»	
В БАЛКАНО-КАРПАТЬЕ	126
Начало эпохи металлов: медный век	126
Балканский неолит	127
Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура	129
Центральный блок провинции: Варненский некрополь	130
Центральный блок провинции: медный рудник Аи бунар	135

Второй блок провинции: трипольская общность	139
Третий блок провинции: степные скотоводы.....	141
Степные культуры и «синдром культурной непрерывности».....	145
Направление импульсов.....	147
ГЛАВА 9. У ИСТОКОВ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ	149
Зарождение провинции: ранний бронзовый век.....	149
Майкопская культура больших курганов.....	152
Поселения майкопской общности	160
Хозяйство майкопской общности	161
Загадки майкопского феномена	162
ГЛАВА 10. ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: КАВКАЗСКИЙ «МОСТ» МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ	168
Средний бронзовый век: домен южный	168
«Оккупация» Балкано-Карпатья.....	169
Арслантепе: «Оружейный Зал» и «Царская Гробница»	172
Металл на Арслантепе и его параллели.....	175
Отблеск майкопского следа	177
От прото-ЦМП к ЦМП	180
Дрейф золота вокруг Черного моря.....	183
Северные топоры в южном исполнении.....	188
ГЛАВА 11. ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И НОМАДЫ СТЕПНОГО ПОЯСА	190
Средний бронзовый век: домен северный.....	190
Три блока северокавказских культур	190
Импульс на север: степные курганные культуры.....	194
«Ямная» археологическая общность культур	194
«Пионеры» освоения горно-металлургического производства	197
Первая волна с Запада на Восток.....	200
Катакомбная археологическая общность культур	202
Радиоуглеродная хронология степных культур и ее парадоксы	203
Ямная и катакомбная общности:	
где хронологическая грань между ними?	206
Морфологическая парадигма Оскара Монтелиуса: как быть с ней?	207
ГЛАВА 12. БОЛЬШОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЫВОК И ВЕЛИКАЯ СТАГНАЦИЯ	211
Поздний бронзовый век	211
Джинн, вырвавшийся из плавильного горна	212
Эпоха Великой стагнации: что это?	213
Ядро евразийских культур	215

ГЛАВА 13. ВТОРОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ: КАРДИНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ	218
Новые системы на руинах Циркумпонтийской провинции	218
Западноазиатская (Евразийская) металлургическая провинция: перемены в характере культур	219
«Демократический» облик степных культур	221
Западноазиатская провинция: у истоков формирования	222
Западноазиатская провинция: фаза стабилизации	225
Феномен Каргалов	229
Западноазиатская провинция: финал и распад	235
Вторая и третья волны миграций с Запада на Восток	240
Особенности Западноазиатской провинции: трудноразрешимые вопросы	241
ГЛАВА 14. СОСЕДИ ЗАПАДНОАЗИАТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ	243
Формирование новых систем	243
Европейская металлургическая провинция	244
Кавказская металлургическая провинция	251
Западноазиатская, Европейская и Кавказская провинции: акцент на различиях	256
Ирано-Анатолийская металлургическая провинция	259
Гиксосы — Манефон — Иосиф Флавий	265
ГЛАВА 15. РЫВОК ИЗ ЦЕНТРА АЗИИ НА ЗАПАД: ЧИНГИЗОВЫ ПРОВОЗВЕСТИКИ	269
Сейминско-турбинский транскультурный феномен	269
Некрополи или же мемориалы-жертвенники?	270
Сейминско-турбинский металл	274
Химико-металлургические группы	278
Фигурки животных и людей на сейминско-турбинском металле	279
Хоровод животных и «визитная» карточка восточных пришельцев	281
Культуры центра Азии и «монгольский синдром»	283
Воины-пришельцы	284
Финал СТ-феномена	286
ГЛАВА 16. ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ И ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРОВИНЦИИ	288
В поисках сейминско-турбинского наследия	288
Карасукская культура и оформление Восточноазиатской металлургической провинции	289
Древнекитайская (Шан-Чжоу) металлургическая провинция	294

ГЛАВА 17. У ИСТОКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА	304
Пятый век Гесиода: металл ужасающий, металл-убийца.....	304
Пространственные и хронологические рамки эпохи железа	307
Периодизации технологические и социальные: проблема согласования.....	308
ГЛАВА 18. СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ ГЕРОДОТА.....	310
Скифы: кто они?.....	311
Истоки скифов, по Геродоту.....	312
Похороны царей	314
Скифы и эллины: взаимные оценки	318
ГЛАВА 19. СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ АРХЕОЛОГА	321
Скифский мир: что это?.....	321
Наследники «майкопа» — две тысячи лет спустя	322
Величие курганов скифского мира	323
Группы царских курганов и их география	328
Металлы у скифов	330
Источники металла.....	332
Скифское золото	334
Отречение от старого мира	339
Иррациональное в культуре	342
Сарматы сменяют скифов	346
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАЛЕНДАРНАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ДОПИСЬМЕННОЙ» ЭПОХИ ЕВРАЗИИ	349
Библиография	354

Предисловие

Номады — скотоводы-кочевники, и их роль в истории евразийских народов чрезвычайно велика, многообразна и неоднозначна. В течение многих тысячелетий исконными доменами кочевых или же полукочевых пастушеских народов служили Степной Пояс Евразии, протянувшийся от Желтого моря на Востоке вплоть до моря Черного на Западе, а также Аравийский полуостров с примыкающими к нему с севера пустыней и степью Сиро-Палестины. Именно на этих суровых и далеко не всегда приветливых пространствах зарождалась колыбель для бесчисленных, сменяющих друг друга поколений, для которых важнейшей моделью жизнеобеспечения являлось скотоводство.

Когда же степняки приручили лошадь, сумели оседлать ее и сделать послушной наезднику, то с этого времени и на долгие тысячелетия вооруженные конные номады стали постоянной угрозой своих соседей, их непереносимым ужасом. Номады не очень много рассказывали о себе, а их сохранившиеся до наших дней творения чаще всего напоминают поэтику героического эпоса, нежели систематизированную летопись их деяний. Несравненно больше мы узнаем об этих народах из письменных документов их оседло-земледельческих соседей. Но сколь поразительным предстает здесь контраст в оценках! Львиная доля подобных свидетельств насыщена либо звенящей ненавистью, или же глубоким страхом перед этими агрессивно-стремительными конными пастухами. Но вот номады победили, теперь они владыки своих недавних ненавистников: с этого момента их может окутывать невероятная лесть поработанных, воспевающих их «небесные и ни с чем не сравнимые» доблести. Фальшь беспримерная! И к сожалению, не столь уж часто в руках наших оказываются письменные свидетельства, где более или менее правдиво предстают перед ученым картины быта, характера и истории кочевников.

Этим сложным проблемам и вопросам была посвящена объемная книга автора «Степной Пояс Евразии: феномен кочевых культур», опубликованная в 2009 году издательством «Рукописные памятники Древней Руси». Пару лет спустя автора запросили о возможности подготовки второго издания книги. Автор согласился, но почти с самого начала работы над новым вариантом рукописи стало очевидным, что получается не повтор прежнего труда, но уже другая книга. Ее несомненной базой послужила, безусловно, исходная публикация. Однако существенные переделки коснулись основного плана книги, но не только. Гораздо большее внимание здесь уделено многим деталям геоэкологического членения Евразии и подразделения материка на Запад — Восток. Иное звучание приоб-

рели многие важнейшие акценты затронутой проблематики. От некоторых глав автор предпочел отказаться, а вместо них были написаны новые, включая и ряд приложений. Именно поэтому было предложено для книги уже новое — нынешнее название.

За последнее время автору удалось посетить ряд музеев Западного и Северного Китая, ознакомиться с археологическими материалами, происходящими из тех памятников, что очень важны для нашей тематики. Эффект от этого изучения получался как бы двояким. С одной стороны, многие древности Востока Евразии предстали более выпукло и отчетливо. Однако, с другой, заметно изменилась оценка того барьера, который служит своеобразной препоной между археологической наукой Запада и Востока. Преграда эта, в глазах автора, стала ныне казаться существенно более высокой и значимой, нежели это виделось при первом и достаточно беглом знакомстве с затронутыми здесь проблемами. Основной и наиболее досадной преградой служит, конечно, языковой барьер, когда для преобладающего большинства западных специалистов остается мало или же вовсе не понятной огромная масса публикаций на китайском языке. Барьер диктует необходимость существенно большей осторожности в тех общих заключениях, когда предлагается характеристика контактных зон и взаимодействий между культурами евразийского Запада и Востока. Правда, высказанное опасение, в первую очередь, относится к археологическим материалам, в то время как письменная документация кажется несколько более свободной от подобного рода неприятностей. Во всяком случае, автор надеется, что все подобного рода ограничения отразятся, прежде всего, на главах настоящей книги, где пойдет речь об археологии восточной половины Евразии.

Введение

ТРАГИЧНОЕ СТОЛЕТИЕ

Тринадцатый век в сознании множества народов Евразийского материка предстал как один из самых кровавых и трагичных во всей долгой истории крупнейшего континента нашей планеты. Ключевым событием этого времени, без всякого сомнения, явились молниеносные и всеокрушающие нашествия стремительных монгольских всадников — кочевников. Всего за несколько десятилетий территория их завоеваний покрыла такие пространства, что все произошедшее до того — да, пожалуй, и много позднее — не просто удивляло, но и потрясало неправдоподобием гигантского скачка и охвата. Воля покоренных степными всадниками прочно сложившихся и казавшихся несокрушимыми государств будто бы по мистическому мановению оказалась повергнутой буквально в паралич. Порой возникало впечатление, что некоторые из подобного рода социальных объединений даже не пытались хоть как-нибудь активно сопротивляться.

В долгой исторической памяти тех народов, которые не только в научной, но даже в популярной беллетристике привычно относят к высокому разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений картины прошлого. Подобными воспоминаниями наполнены не только письменные источники, но также изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда явились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что эти дьявольские создания питаются мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Только за тяжкие грехи наши мог Господь наслать на нас эту адскую напасть». Примерно такими смутными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы вплоть до крайнего европейского запада — Британских островов. Сходные стенания и проклятия слышались в те времена и по множеству областей Азиатской части континента.

Отряды этих «нелюдей»-конников возникали из евразийских степей и в них же едва ли не бесследно могли исчезнуть. То были обитатели неохватных, пугающих своей пустынной безграничностью степных далей, где глазу непривычного к ним человека из иных ареалов Евразии было не на чем остановить свой взгляд. Порой эти всадники казались неуловимыми и непобедимыми...

Каким же образом оседлым обывателям можно было понять этих никогда не расстающихся с конским седлом и бесконечно мчащихся по просторам безжалостных воинов? И в чем причина столь резких отличий в их облике и стиле поведения от рутинно-привычной жизни обитателей городов, сел или даже убогих стоянок лесных рыболовов-охотников? Так что же?

«Каждый пояс Земли...»

Рис. В.1. Рашид ад-дин (~1247—1318). Памятник в Хамадане, Иран

Может быть, именно зарождение и укрепление гигантской сухопутной Монгольской империи Чингизидов натолкнули на раздумья самых образованных людей того времени. Вот, скажем, знатный перс Рашид ад-дин (рис. В.1), первый везир при дворе ильханов, — монгольских завоевателей и властителей Ирана. Заметим при этом, что он, кроме обладания своим незаурядным придворным статусом, может быть помещен в разряд выдающихся историографов Средневековья. Вот как — уже в самом начале XIV века — представлял себе персидский историк по сути заново открывшийся перед его мысленным взором гигантский евразийский мир:

«Прежде всего, надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отличное друг от друга население, одно оседлое, другое кочевое. Особенно

в той области или стране, где есть луга, много трав, в местностях, удаленных от предместий городов и от селений, много бывает кочевников, — что мы наблюдаем в пределах Ирана и во владении арабов, где есть безводные пустыни с травой; такая земля подходящая для верблюдов, потому что они поедают много травы, а воды потребляют мало. По этой причине племена и кланы арабов устроили по всем степям и долинам места своих кочевок от пределов Запада до крайнего побережья Индийского океана в количестве большем, чем это требовала численность народа. Точно так же народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, <...> известных под именем Могулистана (страны монголов), <...> кои явились смежными с (Великой) Китайской стеной... Благодаря своей силе, могуществу, власти и завоеваниям, они распространились по всем областям Китая, Индии, Кашмира, Ирана, Византии, Сирии и Египта, подчинив себе большую часть государств населенной части мира» (Рашид ад-дин 1: 73—74).

Итак, каждый пояс земли порождал специфическое по своему облику, стилю жизни и характеру занятий население. Эта мысль Рашид ад-дина, безусловно, весьма справедлива, но назвать ее весьма оригинальной вряд ли возможно.

Земля — прародитель всего сущего

Почти двумя тысячелетиями ранее, еще в 5 веке до н. э., «отец» западной истории греческий ученый Геродот одну из своих книг «Мелопомена» посвятил подробному описанию скифов. И их история, и их быт, равно как и восприятие окружающего мира у этих воинственных кочевников, казались крайне необычными и диковинными для коренных обитателей греческих полисов. «Этой особенностью скифов, конечно, благоприствует их земля», — писал Геродот, и был, конечно же, прав. Тогда он сумел, кажется, выразить, правда, в весьма «заземленной» форме господствовавшие в Древней Греции возвышенно религиозно-мифологические представления, что именно Земля — Гея — и явилась прародителем всего сущего в этом мире.

Рис. В.2. Гесиод, бронзовый бюст, ранее принимался за изображение Сенеки (конец 1 века до н. э.; Национальный археологический музей Неаполя; Wikipedia)

Ярче и полнее всего эти откровения прозвучали — по крайней мере, из дошедших до нас произведений того раннего времени — в «Теогонии» Гесиода (рис. В.2) — великого поэта и мыслителя, жившего и создававшего свои удивительные труды между 750 и 650 гг. до н. э.:

*Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекрасный, — Эрос.*

Сами же «вечные боги» обязаны своим появлением в этом безграничном космосе странному союзу между прародительницей Геей и Небом — Ураном, ее же порождением:

*Гея же прежде всего родила себе равное ширью Звездное Небо —
Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных...*

* * * * *

*Славьте священное племя богов, существующих вечно,
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба...*

Затем также в странной и не совсем логичной последовательности Гея произвела на свет сначала море — Понт, а вслед за этим уже безграничный Океан:

*Также еще родила, ни к кому не всходявши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт.*

А потом, разделивши Ложу с Ураном, на свет Океан породила глубокий...

Согласно этой мифологии, появление людей в нашем мире отделял еще весьма долгий срок. Дети Геи и Урана чрезвычайно разнообразны и друг на друга зачастую совсем непохожи. Отцу-Урану многие из его порождений внушают страх, и он заталкивает их в недра Земли. Наконец, один из самых отважных его отпрысков — титан Кронос, подученный уже сильно утомленной Ураном своей матерью Геей, ухитрился кастрировать собственного отца, но из крови изувечен-

Рис. В.3. Платон (~ 428—348; глиптотека, Мюнхен)
и Сократ, справа (~ 469—399; Лувр)

ного Урана стали возникать в этом мире иные существа уже иного облика...

Но вот примерно тремя столетиями позже в диалогах Платона (рис. В.3), ученика Сократа, великого мыслителя, основателя идеалистической философии — Земля уже полностью лишена своего мистико-мифологического облика:

«Вот в чем я (Сократ) убедился. Во-первых, если Земля кругла и находится посреди неба, она не нуждается ни в воздухе, ни в иной какой-либо подобной силе, которая удерживала бы ее от падения, — для этого достаточно однородности неба повсюду и собственного равновесия Земли, ибо однородное, находящееся в равновесии тело, помещенное посреди однородного вместилища, не может склониться ни в ту, ни в иную сторону, но останется однородным и неподвижным. Это первое, в чем я убедился. Далее, я уверился, что Земля очень велика и что мы, обитающие от Фасиса до Геракловых Столпов занимаем лишь малую ее частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота, и многие другие народы живут во многих иных местах, сходных с нашими. Да, ибо повсюду по Земле есть множество впадин, различных по виду и по величине, куда стеклись вода, туман и воздух. Но сама Земля покоится чистая в чистом небе со звездами — большинство

рассуждающих об этом обычно называют это небо эфиром» (Платон. Федон; <http://i-text.narod.ru/lib/platon.html>).

Комментарии относительно изложенного в «Теогонии» варианта зарождения нашего мира у материалиста Геродота также отсутствуют. Поэтому у историка и выходят на первый план рассуждения о вполне реальных условиях бытия разных народов, а также об их сильнейшей зависимости от условий существования в различных районах известного Геродоту мира.

Спустя почти две тысячи лет Рашид ад-дин смог придать этим ранним соображениям больший порядок, вводя понятие «пояс земли» с акцентом на многочисленные популяции степняков Евразии. И мы можем сказать, что данное определение персидского историка напоминает нам в чем то современный термин «геоэкологическая зона» или же для более конкретного случая — «Степной Пояс Евразии». Последние понятия составляют базовую основу того, что мы ныне понимаем под более широким понятием — структура или даже, что точнее, мега-структура Евразийского мира, чему в основном и будет посвящена наша книга.

Скульптор Даши Намдаков

Стихия

Конь Модэ

Часть первая

СТЕПНОЙ ПОЯС В МЕГАСТРУКТУРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА

Глава 1

МЕГАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА И ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОЖЕНИЯ

Некоторые замечания о понятии мегаструктуры

Итак, важнейшие черты облика и характера различных культур в огромной степени и чаще всего предельно жестко зависели от тех геолого-географических условий, в которых обретались разнообразные человеческие сообщества (это, как мы теперь знаем, не составляло секрета даже для древних мыслителей). В настоящее время подобное междисциплинарное направление нередко именуют *геоэкологией*. Правда, трактовка и понимание данной науки и поныне далеко не всегда отличается четкими и достаточно согласованными формулировками, причем даже в среде специалистов. Однако для нас наиболее привлекательным является тот ее аспект, что нацелен на изучение *«пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества»*, если следовать некоторым определениям энциклопедического характера.

В развитии этих кратких определений автор должен привлечь внимание читателя к понятию структуры мира — в данном случае Евразийского: оно обязательно будет являться как бы *двучастным*. Постоянным природным базисом подобного рода структур являются, во-первых, специфика геолого-географических характеристик той или иной Евразийской зоны (области), а во-вторых представляющие в неперменной сопряженности с природным окружением оккупирующие ее группы людей — социумы. Особенности моделей жизнеобеспечения подобных социумов и характера их культур обыкновенно определяются рядом важных причин, и среди последних, как правило, на основное место претендует технологический уровень конкретной человеческой общности. Ведь именно господствующая в культуре технология жизнеобеспечения, в основе которой лежит умение извлечь из природного окружения те или иные, но желанные блага, и обуславливает базовый облик культуры и ее генеральную модель.

Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения

Кажется резонным и даже неперменным предварить основные части нашей книги хотя бы кратким определением тех терминов и понятий, которых придерживается автор и с которыми читатель будет постоянно сталкиваться в тексте. Необходимость этого очевидна, поскольку далеко не все из подобного рода опре-

делений принадлежат числу устойчиво признаваемых и согласованных в широкой среде специалистов. Начнем же мы с одного из наиболее важных для нашей проблематики — с понятия культуры.

Культура — суть характер и способ существования некоего общества или социума. В ней заключены практически все стороны повседневного бытия любого социального организма. Ее структура включает в себя социальное устройство общества, характер материальных производств и технологии последних; здесь и господствующий в данном обществе язык, равно как доминирующее в социуме мировоззрение, а также идеологические каноны и формы их выражения на базе царившего там понимания мира и т. д.

Определим эту совокупность в качестве признаков так называемой **«живой»** культуры. Как правило, в ней и отражен способ существования некоего этноса. Чаще всего определение этноса вызывает среди этнологов весьма оживленную дискуссию. В понимании автора, этнос представляет собой в большей или меньшей степени обособленную от иных и соседних социумов популяцию, в которой все входящие в этот социальный организм люди признают себя членами данного этноса (т. н. «самоидентификация»). Практически всегда в рамках подобного этноса преобладает очень часто восходящее к мифическому истоку мнение о всеобщем биологическом родстве их членов, а также приверженность к представлению о социальном единстве. Также чаще всего этнос заключен в границах единого географического пространства.

Продолжением любой «живой» культуры является культура **«мертвая»**. Любая «живая» культура при завершении своего жизненного пути оставляет потомкам массу свидетельств своего бывшего существования в виде руин поселков или городов, некрополей, разнообразных артефактов. И тогда во всем этом богатстве начинают возникать черты уже иной культуры — культуры «мертвой», но тесно связанной со своей прародительницей. «Живую» культуру изучают этнографы, антропологи, историки, экономисты и др. Культура «мертвая» находится в едва ли не в монопольном владении у археологов. Поэтому такой своеобразный феномен-наследник практически всегда именуется **культурой археологической**.

Археологи всегда погружены во множество миров порой бесчисленных свидетельств некогда живого бытия разнообразных этносов. Но вот важнейшая проблема археологии: каковой должна выглядеть корректная расшифровка всего облика «живой» культуры? Ведь перед нами зачастую пусть многочисленные, но лишь мало выразительные осколки разбитого негатива стеклянной фотопластинки, на которых угадываются лишь отдельные элементы былой жизни. И еще один почти всегда острый вопрос: оставлена ли нам эта культура одним единственным этносом или же перед нами осколки полиэтничных социумов? Формации полиэтничные могут включать реально родственные и близкие по культуре объединения типа восточнославянских племен эпохи Киевской Руси (например, поляне, северяне, дреговичи и др.) или тюркских этносов (к примеру, близкие по огуз-

ским языкам группы — туркмены, турки, азербайджанцы и др.). Но ведь создавались даже и вовсе не родственные, но как бы искусственные мульти-этноты. Последние являлись своеобразным порождением имперских формаций, когда политически господствующий этнос насильственно ассимилировал ему подчиненные группы, объявляя под запретом этносы иные; либо же возникала химера квази-этноты типа «советский народ».

Наряду с этими формулируют и массу других вопросов. Вот, к примеру: на каком языке объяснялись эти — оставившие нам «мертвую» культуру — люди? Или — каковы были каноны их идеологии?.. По существу перечень таких вопросов кажется бесконечным, и профессиональные археологии чаще всего не склонны обольщать себя надеждой на быстрые и надежные ответы.

Однако на их фоне намного более перспективными выглядят те направления изысканий, когда археологи обращаются к каналам реконструкции древних производственных технологий.

В археологической практике одним из важнейших и характерных признаков культуры признается показатель уровня ее технологического развития, а в качестве первостепенной отметки служит оценка технологии жизнеобеспечения. Понятие «технология жизнеобеспечения» также очень емкое, и оно охватывает многие сферы бытия. Однако в изначальном или же базовом смысле под этим, безусловно, понимается обеспечение людей пищей, ведь без этого ни одна популяция или же культура существовать не могут чисто физически. Такого рода позиция позволяет весьма четко различать две основные технологии: **а) добычу пищи и б) производство пищи.**

Добыча пищи — если речь идет о животном мире — базируется на охоте и рыболовстве, а при обращении к растительному миру — только на собирательстве. Указанная технология предполагает лишь заимствование у природы или же присвоение людьми тех необходимых продуктов, которые регулярно воспроизводятся самой природой без участия в таких процессах человека.

Производство пищи предполагает целенаправленное воспроизводство человеком — или же его активное участие в подобного рода процессах — как растительных, так и животных видов питания. Этим достигается цель создания более надежных и по возможности максимально независимых от природных условий ресурсов. Важнейших источников для этого всего два: земледелие и скотоводство. Земледелие предполагает выращивание человеком некоторых видов растений: в Евразии для этой цели использовали по преимуществу злаки и бобовые. Скотоводство означает обладание уже одомашненными (доместичированными) видами некоторых животных, которые становятся для человеческих популяций основным источником мясной и молочной пищи. В громадном большинстве евразийских культур этой цели служил крупный и мелкий рогатый скот.

Такие термины, как «*добыча*» или же «*производство пищи*», в археологии в свою очередь служат основой для более емких понятий уже трех генеральных

моделей жизнеобеспечения: 1) экономики присваивающего типа, 2) производящей экономики и, наконец, 3) комплексной производящей экономики. Эти понятия моделей, как правило, охватывают то, что не только связано с обеспечением пропитания, но уже выходит далеко за пределы добычи пищи, к примеру, производство одежды — кожаной, меховой и т. п., — источником которой служили домашние или дикие животные. То же самое относится к производству, скажем, костяных орудий или оружия. Вполне понятно также, что собиратели и земледельцы использовали многие растительные виды не только для питания: дерево шло для построек, лен — для тканей и т. д. и т. п. Скотоводы разводили лошадей и верблюдов в подавляющем большинстве случаев не для использования их в пищу, но также для иных целей — военных, транспортных и т. п.

Наконец, третья генеральная модель — комплексная производящая экономика. Тогда по преимуществу в комплексе со скотоводством и/или земледелием люди постигают тайны горно-металлургического производства и металлообработки. В этом случае человек-мастер уже не соучастник в природных процессах воспроизводства, но истинный преобразователь природы: скажем, из зеленого хрупкого камня — малахита — он теперь в состоянии получить медь — новое, тяжелое, красное и ковкое вещество. То был революционный сдвиг, означавший для каждой культуры переход на принципиально новую и более высокую технологическую ступень развития

Автор сознает, что постулаты, обозначенные здесь в предельно кратком изложении, могут быть достаточно хорошо известны многим читателям. Но об этих моделях тем не менее следует напомнить, чтобы логика изложения о взаимосвязи моделей древней экономики с геоэкологическими зонами Евразии оказалась более понятной. И еще об одном: распределяя разнообразные социумы по разрядам земледельческих или же скотоводческих культур, мы стремимся нацелить внимание лишь на господствующую в данной общности экономическую модель жизнеобеспечения. Однако почти непременно в любом из социумов нетрудно подметить элементы иных моделей, играющих роли второстепенных или же третьестепенных спутников основного вида занятий. Например, невозможно назвать культуру скотоводов, в которой значительная доля общественной энергии не затрачивалась бы на занятия охотой. Да и земледельцы на практике почти никогда не обходились без стада домашних животных; однако выращивание злаков, без сомнения, поглощало их основное и время, и внимание. Собирачество непременно имело место у сообществ любой экономической модели; впрочем, от этого занятия, как мы знаем, люди не могут отказаться вплоть до нынешнего дня.

Нетрудно, наконец, наметить также относительную хронологическую последовательность появления трех основных моделей жизнеобеспечения. Вполне

понятно, что добыча пищи являет собой наиболее архаичный комплекс технологий, по сути восходящий не только к эпохе раннего каменного века — палеолита, но по существу даже к животному миру. Палеолит же — к нему мы обратимся чуточку ниже — всем культурам последующих эпох, независимо от их географической локализации, оставил в наследство единственно возможную в те поры модель жизнеобеспечения — экономику присваивающего типа. Однако уже очень скоро, в самом начале т. н. пост-палеолитических культур картина начала видоизменяться и усложняться порой весьма впечатляюще: на сравнительно монотонной в технологическом плане гигантской евразийской картине зазмеились выразительные «трещины» разделов и вздыбились явные «вершины», представшие свидетельствами зарождения культур более продвинутых экономических моделей. Стали проявляться признаки культур с производящей экономикой, а несколько позднее — даже модели комплексного производства.

Долгий путь формирования мегаструктуры

Та мегаструктура Евразийского мира, к которой мы будем — пусть неравнозначно, но почти неизменно — обращаться в главных разделах книги, сформировалась сравнительно недавно. Постепенное, хотя при этом довольно быстрое сложение ее ключевых элементов протекало уже в последние 12 тысяч лет, и этот финальный отрезок *четвертичного геологического периода, или же антропогена*, геологи именуют *голоценом*. Определение предшествующего ему периода в 2,5 или даже 2,6 миллиона лет звучит как *плейстоцен*, и тот отрезок по своей временной протяженности, как мы видим, более чем в две сотни раз превышает завершающий четвертичный период голоцен.

С плейстоценом связано начало человеческой истории и его древнекаменный век, именуемый в археологии палеолитом. Сегодня, пожалуй, как известно многим, именно

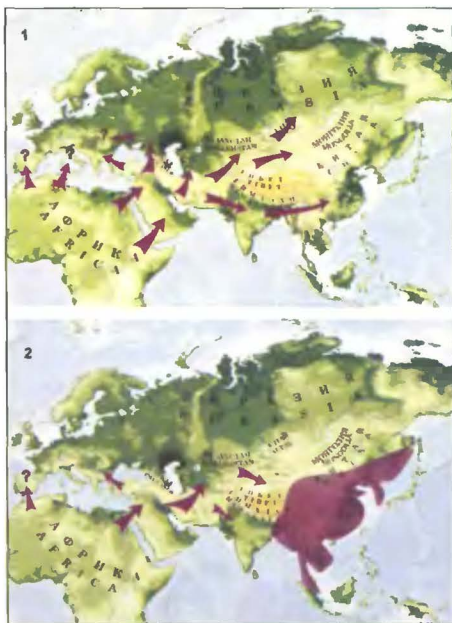

Рис. 1.1. Две волны миграции человека в Евразии из Африки в раннем палеолите: 1 — первая волна — ~ 2,0—1,5 млн лет назад; 2 — вторая волна — ~ 60 тысяч лет назад (Деревянко 2009, рис. 1 и 33)

с плейстоценом были связаны великие ледниковые периоды Северного полушария нашей планеты. В тот протяженный период ледяные могучие панцири закрывали собой многие миллионы квадратных километров севера Евразийской суши, и в определенном ритмичном повторе то надвигались к югу, то медленно отступали на сотни километров.

Тогда, примерно 2 или 1,5 миллиона лет назад, из Африки на пространства южной Евразийской окраины ступили (рис. 1.1: 1) наши двуногие предки вида *Homo erectus* (человек прямоходящий или же прямоходящий), *Homo habilis* (человек умелый), *Homo ergaster* (человек способный к творчеству). С этими разновидностями *Homo* и были связаны самые ранние периоды палеолита, а также вторая волна переселения из Африки в Евразию (рис. 1.1: 2). Их постепенное биологическое развитие завершилось появлением вида *Homo sapiens sapiens*, что означает в буквальном переводе с латыни «человек разумный, разумный».

В скобках хочется заметить, что для автора и доныне остается необъяснимым дублирование — «разумный, разумный». Что это должно значить: разумный до невозможности? Или что-то еще?... Во всяком случае, именно к этому виду «до невозможности разумных людей» относимся, судя по всему, и мы с вами.

Этот последний и якобы венчающий развитие человечества вид *Ното*, зародившись в недрах позднего палеолита, пересек разделительную грань между эпохами плейстоцена и голоцена и, в конечном итоге, предстал основным творцом бесконечного ряда пост-палеолитических культур. Их история оказалась уже целиком связанной с периодом голоцена.

В голоцене — этой длящейся до наших дней эпохе в истории Земли — почти сразу обозначился ряд глобальных и по преимуществу геоэкологических инноваций, непосредственно и весьма жестко отразившихся на существовании и судьбе практически всех человеческих пост-палеолитических сообществ. Вот очень краткий перечень важнейших из них и, прежде всего, тех, что оказались самым тесным образом сопряженными с историей евразийских социумов:

- изменение климата и исчезновение ледников;
- формирование новых геоэкологических зон и областей;
- перемены в характере и видовом составе животного мира;
- революции в технологии жизнеобеспечения;
- скачкообразный рост неравномерности исторического (культурно-технологического) развития на планете: в чем причина?

Четыре материковых анклава

Наверное, мы должны специально указать здесь на еще один — но исключительной важности — признак голоценовой эпохи: образование четырех по суще-

ству изолированных друг от друга материковых «анклава» — Евразии, Африки, Америки и Австралии.

Прилагая к таким гигантским объектам — материкам — термин «анклав», мы намеренно идем на нарушение традиции употреблять это понятие по отношению к несопоставимо более мелким территориальным подразделениям, частично или полностью изолированным друг от друга. Но мне кажется, что в данном случае такое несущественное терминологическое отступление не может повредить основному смыслу обсуждаемой здесь проблематики.

В результате таяния гигантских масс льда узкий и нестабильный Берингов «мост», связывавший до тех пор Евразию с Америкой, оказался полностью поглощенным волнами поднявшихся более чем на сотню метров вод Северного и Тихого океанов. Ведь именно по нему пролегли пути переселения позднелолитических евразийцев на Американский материк. По всей видимости, в еще более ранние тысячелетия Тихий и Индийский океаны перекрыли другой — юго-восточный — узкий и очень длинный тропический сухопутный «мост» между Азией и Австралией (рис. 1.2). На крайнем западе и на юге Евразии за счет этих глобальных климатических сдвигов раздались вширь и превратились для палеолитических людей в неодолимые барьеры Гибралтарский и Баб-эль-Мандебский проливы, а Суэцкий перешеек между Африкой и Азией, наоборот, оказался сильно «сдавленным» водами Средиземного и Красного морей. Именно тогда — уже с начала голоцена — претерпел перемены и весь облик планеты.

Впрочем, с геолого-географической точки зрения, произошедшие искажения береговых континентальных контуров вряд ли можно было относить к числу заметных и сколько-нибудь значимых. Однако для истории человеческих общностей кажущиеся внешне незначительными изменения в абрисе береговых линий роль сыграли чрезвычайную. И разумеется, самым главным здесь явилось фактическое пресечение тех путей, по которым пролегли линии активных связей между крупными популяциями на всех материках Земли.

Правда, Евразию и Африку по-прежнему связывал узкий Суэцкий перешеек, однако роль этого зыбкого мостика в долгой истории большинства африканских культур кажется в начале голоцена относительно мало значимой. Тем более, что мы должны подчеркнуть здесь главное: при обсуждении различных аспектов очевидной изоляции Африки от Евразии обычно подразумевают области, расположенные южнее Саха-

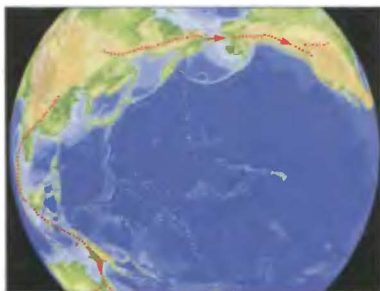

Рис. 1.2. Пути расселения человека в эпоху верхнего палеолита из Евразии в Америку и Австралию

ры — а это примерно 20 млн кв. км, — но не северные. Последние, площадью до 10 млн кв. км, были связаны уже с долиной нижнего и среднего Нила, либо вплотную прилегали к Средиземноморскому побережью. Древние культуры Северной Африки оказались как бы «подключенными» к общеевразийским, но не к южно-африканским моделям развития.

Для нас же, интересующихся структурой нашего континента в связи с историей народов Евразийского Степного Пояса, наиболее примечательным событием можно считать обособление и изоляцию от иных частей суши самого крупного материка Земли — Евразии. Тогда же началось сложение и проявление тех ключевых элементов геоэкологической структуры Евразии, которую мы можем наблюдать и сегодня.

Однако вряд ли можно полагать, что такого рода перемены свершились одномоментно. Скорее всего, этот процесс оказался достаточно растянутым во времени и пространстве. В геохронологии и в геологии четвертичного периода дату начала голоцена ученые предпочитают определять максимально точно: **11700 лет тому назад**. Однако для археологов и историков ориентация на эту хронологическую «точку» — чрезмерно определенную в своей безусловно-сти — вряд ли покажется убедительной. Для более корректного различения эпох голоцена и плейстоцена эту точку, по всей вероятности, необходимо «растянуть». Ведь основным признаком несходства обеих эпох служили ледники; до голоцена они покрывали гигантские площади, а в голоцене их как бы уже не стало. Но это не так или не совсем так: ведь исчезновение ледового панциря не могло свершаться в таком поразительно стремительном темпе. Процесс этот, по всей видимости, достаточно активно протекал и 14—12 тысяч лет назад. Да и позднее, скажем, 11 и 10 тысяч лет назад не такой уж редкостью было натолкнуться на отдельные, достаточно крупные, хотя уже изолированные друг от друга ледовые массивы — остаточные фрагменты бывшего ледового панциря. Так, скажем, на севере Американского материка в конце плейстоцена и в раннем голоцене сохранялись два могучих ледяных «щита» — Лаврентийский (восточный) и Кордильерский (западный). То были гигантские остатки бывшего сплошного ледяного покрова в Северном полушарии.

И по этим причинам можно думать, что черты важнейших контуров Евразийской геоэкологической структуры вряд ли могли сложиться ранее VII—VI тыс. до н. э., или же примерно девять или же восемь тысяч лет назад.

Глава 2

СТЕПНОЙ ПОЯС И МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Север — Юг — Запад — Восток ♣

В мегаструктуре гигантского тела Евразийского мира вполне возможно и, пожалуй, не столь уж трудно различить ее важнейшие «мега-составляющие». По широтной вертикали, или же по линии «Север—Юг», в качестве путеводных перед нами предстанут важнейшие геоэкологические зоны Евразии. Их основные облик, характер и местоположение на нашем материке, как мы уже говорили в предшествующей главе, оформились довольно поздно — спустя несколько тысячелетий после перехода от плейстоцена к голоцену. Зоны располагались в определенном порядке, как бы налегая и перекрывая друг друга с севера на юг, отчего эта картина весьма стала напоминать своеобразный «слоеный пирог» (рис. 2.1). Важнейшие составляющие этого «пирога» и послужили устойчивыми доменами для культур различных моделей жизнеобеспечения.

При горизонтальном или же меридиональном членении мегаструктуры Евразийского мира по линии «Запад — Восток» ее генеральная картина будет сильно отличаться даже в самом принципе «конструкции». Здесь геоэкологические зональные контрасты также будут играть определенную роль, однако на первый план выступят признаки уже совершенно иного свойства. Среди них наибольшее значение мы будем придавать, во-первых, ключевым различиям в антропологии популяций Востока и Запада Евразии. Во-вторых, здесь будет разниться характер основных лингвистических семей обеих половин континента. И наконец, в-третьих, мы не сможем пройти мимо резкого контраста важнейших идеологических систем, господствующих в каждой из этих частей Евразийского мира. Поэтому при опоре на эти признаки искомая линия своеобразного водораздела между Востоком и Западом должна будет рассекать обоснованный геоэкологическими признаками «слоеный пирог» доменов на две почти равные части (рис. 2.2).

Кажется достаточно очевидным, что в качестве «первичных» или же исходных нам необходимо будет признать признаки геоэкологического характера и связанные с ними модели жизнеобеспечения древних социумов. Ведь именно они обусловили и смогли олицетворить ту — фактически сакральную в понимании множества разновременных культур и цивилизаций — связь человека с Землей, породившей едва ли все самое значимое и сокровенное в нашем мире.

Автор, конечно же, не является последователем этих мировоззренческих канонов древних греков, о чем мы вели речь еще во введении. Однако в них, как

мы говорили, совсем нетрудно уловить некий здравый, глубинный смысл: именно земля является базовым источником и творцом знаковых черт каждой человеческой культуры. Другие признаки популяций и их социумов — антропологические, лингвистические, идеологические, а также ряд иных — предстают перед нами уже в качестве как бы «вторичных», ведь их связь с Землей проявляется лишь косвенно. По этой причине нам будет резонным рассмотреть первоначально детали мегаструктуры по широтному сечению Евразии по линии «Север—Юг», а только потом обратиться к признакам меридионального членения.

«Слоеный пирог» доменов трех моделей культур

К старту Эпохи Раннего Металла, или же к V тыс. до н. э., вполне ощутимо стали проявляться стабильные черты устойчивого порядка в распределении экономических моделей по широтному признаку. К концу III тыс. до н. э. полотно основных технологически сходных блоков культур Евразийского мира по вертикали «Север — Юг» приобрело окончательный вид: сформировалась базовая конструкция мегаструктуры всего материка. С этого времени картина широтного технологического расслоения Евразийских сообществ сохранила свои важнейшие черты вплоть до рубежа Нового Времени, или же в течение последующих четырех тысячелетий. История формирования вертикали «Север — Юг» чрезвычайно интересна и важна, и мы обязательно будем очень часто возвращаться к некоторым ее ключевым сюжетам. Поэтому следует более подробно ознакомиться с основными конструктивными деталями намеченной вертикали.

Сложившаяся геоэкологическая структура и послужила тем фундаментом, на котором к финалу III тыс. до н. э. на всем неохватном пространстве Евразийского материка сформировались три важнейшие, устойчивые по своей конструкции, но несходные между собой модели жизнеобеспечения евразийских археологических общностей: 1) охотники, рыболовы и собиратели, 2) мобильные — кочевые или полукочевые — скотоводы и 3) оседлые земледельцы.

На приводимой карте (рис. 2.1) хорошо видны порядок и расположение трех указанных суб-миров или же доменов Евразийского континента. «Покрывало пирога» — суровый и холодный северный мир охотников-рыболовов и собирателей. База «пирога» — знойный и разноликий мир оседлых земледельцев. Оба домена протянулись многотысячекилометровыми полосами с запада на восток — от Атлантики вплоть до морей Тихоокеанского бассейна. «Верхний» и «нижний» миры весьма четко и, пожалуй, даже непродоходимо отчленил друг от друга растянувшийся на долгие восемь тысяч километров домен мобильных скотоводов.

Исключение в таком строгом разделении изолированных «слоев пирога» составлял, пожалуй, лишь западный фланг континента, или же европейский регион, где в Восточной Прибалтике и на самом юге Скандинавии земледельческие народы входили в непосредственный контакт со своими соседями — охотниками, рыболовами и собирателями.

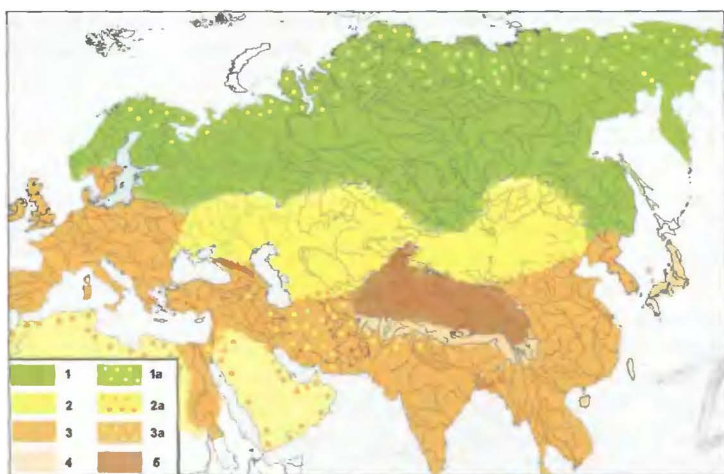

Рис. 2.1. Ареалы основных геоэкологических зон Евразии и господствующих моделей жизнеобеспечения культур:

1 — лесная и тундровые зоны; ареалы культур собирателей, охотников и рыболовов; 1а — ареал культур оленеводов; 2 — Степной Пояс (от Черного до Желтого морей); ареал кочевого и полукочевого скотоводства; 2а — земледельческие (оазисные) культуры в скотоводческих ареалах; 3 — зоны господства оседлых земледельческих культур; 3а — скотоводческие культуры в ареалах земледельческих культур; 4 — подгорные зоны; смешанный тип моделей жизнеобеспечения; 5 — высокогорные зоны; необределенный (смешанный) тип моделей жизнеобеспечения

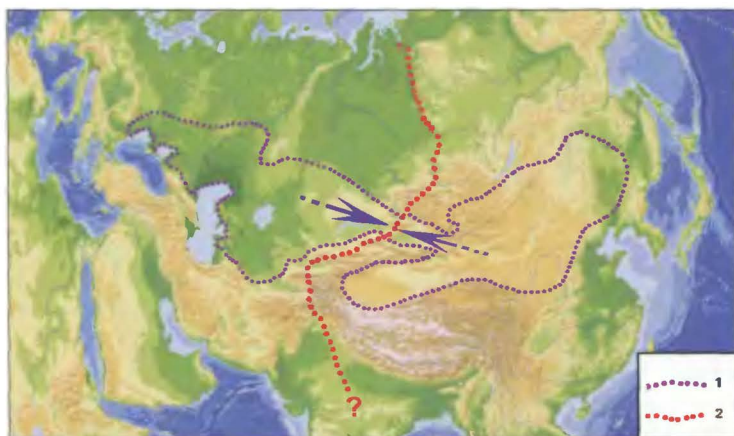

Рис. 2.2. Границы Степного Пояса: 1 — фиолетовый пунктир. Западный и восточный домены Евразии; 2 — разделение по красному пунктиру. Джунгарские ворота (синие стрелы)

Металлургия и/или металлообработка являлись неперенными занятиями как у скотоводов, так и у оседлых земледельцев, отчего мы и помещаем экономику последних в разряд *комплексной производящей*. Охотники и рыболовы южной полосы лесной зоны Евразии если и знали металл, то в большинстве случаев редко; да и медь там почти никогда не играла сколько-нибудь значимой роли. По этой причине экономику лесных народов мы и причисляем к категории *присваивающей*. Каждая из совокупностей культур одной из трех основных моделей оказалась четко сопряженной с конкретной геоэкологической зоной, служившей надежным доменом для этих столь непохожих друг на друга общностей.

С геоэкологической позиции наиболее однородной выглядит, пожалуй, лесная, лесотундровая и полярно-тундровая зона Евразии — домен охотников, рыболовов и собирателей. Она простиралась без каких-либо заметных перерывов вдоль Северного Ледовитого океана — от Атлантики вплоть до Тихого океана, покрывая до 17—18 млн кв. км. Определенной аномалией на этой сравнительно монотонной в технологическом смысле картине культур охотников, рыболовов и собирателей выглядят крайне малочисленные полукочевые и кочевые группы оленеводов, передвигавшихся по тундровой и лесотундровой зонам на крайнем севере Евразийского континента.

Иной предстает зона мобильных скотоводческих культур. В их домене легко различить два изолированных друг от друга ареала. Основная часть домена — это и есть знаменитый Степной Пояс Евразии, рассекающий континент от Желтого моря на востоке вплоть до Северного Причерноморья на западе (точнее — даже до устья Дуная) и упирающийся в отроги Восточных Карпат. Другая, но уже существенно меньшая часть домена, оккупированная кочевыми и полукочевыми скотоводами — это Аравийский полуостров, который порой считают субконтинентом. Оба во многих чертах родственных ареала отклоняет друг от друга зона господства земледельческих культур нагорий Ирана и Анатолии (рис. 2.1, 2.3).

Наконец, южный домен оседло-земледельческих культур являет собой наиболее крупную, и вместе с тем пеструю, порой даже контрастную в геоэкологическом отношении зону. Охватывая суммарно до 22—23 млн кв. км, этот домен включает в себя не только исключительно пригодные для высокопродуктивного земледелия ареалы, подобно хрестоматийно известным речным долинам Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ и других, но также регионы оазисов, изолированных и как бы вкрапленных в те аридные области, где занятие земледелием казалось либо невозможным, либо относилось к числу «рискованных».

Весьма существенная доля в южной зоне приходится на высокогорные области, подобные гигантскому узлу и запутанному лабиринту хребтов Тибето-Гималайской системы, включающей также хребты Памиро-Тянь-Шань. В том же ряду оказывается, к примеру, и несравненно менее значимая система Главного Кавказа. Подобного рода высокогорья занимали в южном «слое» суммарно не менее 4—5 млн кв. км, и оседлое земледелие в узких и сжатых ущельях долин их рек и речек вряд ли могло играть сколько-нибудь значительную роль. Кроме того,

такие могучие узлы горных систем расчленили весь южный домен на составные и зачастую весьма строго изолированные друг от друга регионы. Когда наше внимание от вертикали «Север — Юг» переместится к горизонтали «Запад — Восток», мы обязательно вновь обратимся к Тибето-Гималайскому узлу: ведь эта самая мощная в Евразии антиклиналь играла роль чрезвычайно трудно преодолимого барьера, разделявшего на западный и восточный части домен южных земледельческих популяций.

Каждая из трех основных составляющих вертикали «Север — Юг» оказалась представленной своеобразным блоком культур и сообществ. И каждый из блоков занимал в многотысячелетней истории евразийских народов место особое, но, разумеется, далеко не однозначное.

Самой малозначимой в длительном историческом «сериале» выглядит роль северного блока охотников, рыболовов, собирателей. Их многочисленные и рассеянные от западного до восточного флангов Евразии культуры на фоне более южных общностей представляются нам относительно монотонными. Специалисты по археологической картине этих северных общностей, скорее всего, не согласятся с этим утверждением: они укажут на различия в орнаментации глиняной посуды, в формах кремневых орудий, в планировке жилищ и т. п. Но автор имеет в виду именно генеральные черты и детали их бытия, обусловленные родством моделей жизнеобеспечения. Позднее, когда обсуждение переключится на евразийскую горизонталь «Запад — Восток», потребуются обратиться уже к ряду достаточно заметных отличий между популяциями Западной и Восточной Сибири, но они в большей степени будут опираться уже на иные признаки.

По всей видимости, в основе существования народов лесного домена был прочно заложен принцип самодостаточности. Носителей этих культур мало волнует и привлекает то, на чем строят свою жизнь южные соседи. Технологические постижения южан их почти не интересуют или же захватывают крайне редко: иначе сдвиги в этом плане археологи заметили бы непременно. Юг болезненно затрагивает лесных охотников лишь в те моменты, когда агрессивные степняки врываются в их владения с требованиями ясака. Их южных соседей, как в бронзовом веке, так и много тысячелетий спустя, вплоть до Нового времени, добытая лесными охотниками пушнина интересует прежде всего. Ясак степные соседи могут требовать лишь когда они чувствуют себя в полной силе. Но если они слабы, разбиты и унижены врагами, то среди бесконечных и чуждых для их привычного окружения и менталитета лесных пространств и болот они жаждут лишь укрытия и спасения от победоносных недругов. Как правило, археологи и этнологи общности охотников, рыболовов и собирателей почти без колебаний относят к разряду так называемых первобытно-родовых или же первобытнообщинных, хотя и сами термины и наполнение каждого из них могут не совпадать в представлении и изложении у различных исследователей.

Мнения исследователей, стоящих на самых различных позициях, сходятся в согласии, что наибольшее многообразие социально-экономических структур

в III—II тыс. до н. э. было сконцентрировано, конечно же, у народов южного оседло-земледельческого домена. Этому удивительному и гигантскому калейдоскопу ярких и ярчайших культур посвятили и археологи, и историки неисчислимую массу работ — от многостраничных талмудов вплоть до статей в энциклопедиях и заметок в журналах. Перед нашими глазами проходят бесконечные высоконаучные, а также не вполне научные изложения древнейшей истории Египта, Ура, Вавилонии либо иных исходных цивилизаций Месопотамии и Леванта, или же неприступных твердынь «горных орлов» анатолийской империи Хеттов. Переваливая к востоку горный узел Тибета-Гиндукуша, мы начинаем перелистывать гораздо менее известные для европейцев страницы истории мифического и трудно доказуемого прародителя китайских государств — Ся — либо уже вполне реальных на Востоке Евразии царств Шан и Западного Чжоу...

Автор совершенно не склонен в очередной раз формулировать и повторять те зачастую прописные истины, касающиеся всей длинной череды мира южного домена; он полагает, что все эти вполне хрестоматийные сюжеты достаточно широко и неплохо известны читателям нашей книги.

Однако обсуждение различных сторон «слоеной» евразийской вертикали «Север — Юг» провоцирует заключение, что в генеральном контексте нашей темы для нас будет гораздо интереснее и в чем-то важнее обращение к проблемам и характеристике Степного Пояса Евразии, служившего долговременным и чрезвычайно устойчивым доменом скотоводческих культур. Своими важнейшими признаками Степной Пояс весьма отличен как от северного (лесного), так и от южного (оседло-земледельческого) доменов не только в геоэкологическом смысле, но также в отношении теснейшего симбиоза с ним особого типа культурных образований — мобильных скотоводческих общностей. Вот почему домен Степного Пояса очень заманчиво определять также в качестве срединного разделителя основной широтной вертикали Евразийского континента между Севером и Югом. Именно эта позиция обусловила крайне специфическую и важную его роль в многотысячелетней истории евразийских культур. При всем этом его истинная и чрезвычайно сложная роль в истории евразийских народов освещена несопоставимо хуже, нежели, скажем, характер и облик цивилизаций южного домена. Причем касается это не только исторических фолиантов, но также разнообразных публикаций археологических материалов. Именно эти причины и заставляют нас в следующих разделах более подробно охарактеризовать как геоэкологию евразийского Степного Пояса, так и феномен кочевых и полукочевых пастушеских социумов.

Геоэкология Степного Пояса

Тотальная протяженность Степного Пояса Евразии близка восьми тысячам километров. Его общий территориальный охват достигает также восьми, но уже

миллионов квадратных километров (рис. 2.2). Базовыми чертами СП служат прежде всего ландшафтно-экологические признаки:

- 1) отсутствие или же явно подчиненная доля лесного покрова при полном господстве покрова травянистого;
- 2) континентальный или даже резко континентальный аридный (засушливый) климат с жарким летом и морозной зимой;
- 3) простираение по умеренным широтам Евразийского материка.

Понятие Степного Пояса должно восприниматься как относительно условное: по существу перед нами весьма сложный геоэкологический феномен. Важнейшей причиной принятого здесь наименования послужило то, что протяженная степная полоса в этом Поясе занимает центральную, как бы осевую, линию. Сама степь на всем необъятном широтном протяжении предстает перед наблюдателем в облике весьма и весьма разнообразном. Такой вывод вполне очевиден не только в процессе сопоставления основных элементов растительного покрова, но, пожалуй, различия бросаются в глаза еще более выпукло даже при простом наблюдении за геоморфологическими особенностями различных регионов. Степь может открывать себя либо в виде абсолютно плоской равнины, подобной, скажем, пейзажам Северного Прикаспия, либо в облике степи горной, характерной, например, для огромного монгольского ареала. По всей видимости, именно эта разноликость и явилась причиной неожиданного множества определений — вроде как степь причерноморская, прикаспийская, южноуральская, алтайская и многие другие.

С севера к собственно степи в большинстве регионов примыкает обширная полоса лесостепей. Уже из самого определения следует, что в лесостепи заметно нарастает доля древесного покрова. Проводить же между степью и лесостепью отчетливо выраженную и четко маркированную границу практически нереально, — эта грань крайне туманна и весьма неопределенна. Аналогичный вывод следует и в отношении южных приграничных полос Степного Пояса. Здесь в ряде регионов — от Северного Каспия вплоть до восточного фланга всей полосы — к степи подступают полупустыни и пустыни. Границы между степью и полупустыней также выглядят крайне размытыми и неясными. Столь же расплывчаты и туманны критерии различий между полупустыней и пустыней.

Контуры основных ареалов охвата Степного Пояса «правильными» очертаниям и отнюдь не отличаются. Даже беглый взгляд на карты (рис. 2.1; 2.2) позволяет различить в самом Поясе две явные «половины» — западную (или западноевразийскую) и восточную (или восточноевразийскую). Граница между ними выражена весьма четко и вряд ли может быть подвергнута сомнению: это знаменитые Джунгарские ворота. Они отражаются на карте (рис. 2.3) в виде резко суженного перехвата, своеобразного «гирла» (об этих воротах более детальная речь пойдет несколько ниже). Территориальные охваты обеих частей примерно равны: в пределах 3,8—4,2 млн кв. км. Восточноазиатская «половина» предстает внешне как будто более однородной по овалному контуру абриса ее охвата (исключая, пожалуй, пустыню Такла-Макан). В западноевразийской

Рис. 2.3. Джунгарские ворота и два основных прохода между Алтаем и Тарбагатаем (долина Иртыша), между Тарбагатаем и Джунгарским Алатау (Алаколь и Эби-нур). Космическая съемка (Над Землей: 86)

же «половине» слабо заметен некий раздел между т. н. восточноевропейской и западноазиатскими частями (рис. 2.2). Последняя по площади существенно больше — 2,5 млн кв. км против 1,5 — а их граница маркирована своеобразной «перемычкой» — отрогами Южного Урала и всхолмленностью Мугоджар, вплоть до поразительно плоской и унылой полупустыни северного Прикаспия.

Начиная краткий обзор восточной и западной частей или же половин Степного Пояса, мы готовы понемногу затрагивать то генеральное членение Евразийской мегаструктуры, определяемое уже как меридиональное распределение «Запад — Восток».

Западноевразийская половина Пояса и ее границы

Край западной зоны Степного Пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи (рис. 2.4) вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, охватывает северный Крым, потом по периметру огибает море Азовское. Морские границы сменяются мощным и трудно преодолимым валом Большого Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного Пояса. К юго-восточному побережью этого огромного моря-озера (в древности его именовали Хвалынским) близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с выразительной мощностью

Рис. 2.4. Степи западного ареала отличаются более спокойным рельефом, мягким климатом и растительным покровом (Южное Приуралье)

Рис. 2.5. Каракумы. Барханы в этой пустыне встречаются не столь уж часто; преобладают солончаковые равнины

Рис. 2.6. Каракумы. Солончаковые равнины внезапно прерываются сравнительно невысокими горными цепями Копетдага. Так в этом ареале четко очерчивается южная грань Степного Пояса

Рис. 2.7. Кажутся неприступными южные склоны хребтов Тянь-Шаня. Едва ли не вертикальные их стенки могут порой превышать тысячу и даже полторы тысячи метров

Кавказа, однако и здесь граница между захватывающим каракумскую пустыню Степным Поясом и более южными регионами с зелеными оазисами Иранских нагорий также выглядит вполне определенной (рис. 2.5; 2.6).

Вслед за Копетдагом — и опять-таки с юга — Степной Пояс резко упирается в трудно преодолимые громады горной системы Памиро—Тянь-Шаня (рис. 2.7). Их запутанные хребты и высокогорья внезапно разворачиваются и резко «ныряют» к югу, к Гиндукушу. Затем затейливым кольцом огибая обширную пустыню

Такла-Макан, горные цепи Куэньлуня и Алтынтага почти без заметных прогибов сливаются с Тибетом и Гималаями.

Полезно будет подчеркнуть еще раз, что западноевразийской части Степного Пояса присущи весьма четко выраженные южные границы. Последние определены либо морскими побережьями, либо протяженными громадами молодых горных хребтов, которые в геологической науке обычно именуют трансконтинентальной Альпийско-Гималайской антиклиналью. В противоположность южным границам Пояса границы северные — в его западном ареале — весьма расплывчаты и проходят (за исключением неширокой полосы Южного Урала) по четко выраженным низменным областям. Сами же эти грани должны как будто уже по основному определению быть связанными с кромкой лесной (таежной) полосы Евразии. Однако и в этом случае различия между лесостепью и лесом по всему их протяженному фронту выражены далеко не столь отчетливо на фоне «строгих» южных границ западноевразийской половины Степного Пояса.

Джунгарские ворота и горная монгольская степь

Повторим, что границей между западноазиатской и восточноазиатской половинами Степного Пояса служили Джунгарские ворота. Эта зона являла собой не что иное как своеобразный и глубокий «прогиб» — или же, согласно принятой в геологической науке терминологии, геосинклиналь — с одной стороны, между молодыми складчатыми системами Альпийско-Гималайского подвижного Пояса — Памиро-Тянь Шанем, Гиндукушем и Гималаями, а с другой — уже с гораздо более «старой» по своему геологическому возрасту горной системой Алтая (рис. 2.3). Джунгарская геосинклиналь оказалась очень удобной для передвижений многочисленных групп кочевников вместе со своими стадами. Сам «прогиб»

как бы разделял на две части относительно невысокий и небольшой горный массив Тарбагатай. К юго-западу от Тарбагатая путь кажется менее «комфортным», хотя он и выводил кочевников довольно близко к знаменитому и так называемому полупресноводному озеру Балхаш (рис. 2.3: проход Алаколь — Эби-нур). Более приветливым выглядел северо-восточный проход. Здесь, прижимаясь временами к горам Алтая, по какому-то странному и малообъяснимому обстоятельству, уже в ареале весьма суровых горных джунгарских пустынь и полупустынь зарождались истоки великой сибирской реки Иртыш, именуемой в ее верховьях как Кара-Иртыш. Долина Иртыша и связанные с ней озера становились многим более желанными для мобильных скотоводов (рис. 2.8). Отсюда, вдоль этой речной долины, начинался долгий, более чем четырехтысячекилометровый путь на необъятные пространства Великой Западносибирской равнины.

Для Джунгарских ворот внезапно напрашивается странная параллель с российскими воротами сельской усадьбы. Хозяева там всегда сооружали собственно «ворота», ведущие во двор усадьбы, а также «калитку». «Ворота» широки и удобны для проезда громоздких телег, а через «калитку» во двор могли проникать лишь люди. В Джунгарии за «ворота» можно признать, пожалуй, лишь путь на север и северо-запад по долине Иртыша (или Кара-Иртыша), прижимающейся порой к Алтайским горам. Между Тарбагатаем и высоким хребтом Джунгарского Алатау, относящимся к Тянь-Шаньской системе, имела место именно та узкая «калитка», через которую и проникали на запад (рис. 2.3, проход Алаколь—Эби-нур). Но, оказывается, можно было соорудить также и поразительную по смелой конструкции «щель» в одном из хребтов Тянь-Шаня, чтобы прорваться на благодатную долину реки Или, ведущую к западному пресноводному флангу озера Балхаш и к подгорным оазисам Тянь-Шаня (см. Приложение 2).

Восточноевразийская часть гигантского Степного Пояса весьма приметно отличается от западной. По существу это уже горная степь (ср. рис. 2.9; 2.10), и ее ландшафт в большинстве регионов совсем не сходен с тем, что характерен для областей, расположенных западнее Джунгарских ворот. Резко континентальный характер климата здесь намного более ощутим, а почвы несравненно менее плодородны. И хотя в сравнении с западом восточная часть Степного Пояса покрывает более южные широты, влияние севера сказывается здесь гораздо сильнее: ведь зона вечной мерзлоты опускается в этом регионе едва ли не до пустынных пространств Гоби (рис. 2.11).

Важнейшим и, по существу, центровым ареалом восточной области являются, конечно же, огромные пространства Монголии, включая и регионы Монголии Внутренней, что расположена уже в границах Китая. Генеральный пространственный охват данного центрального ареала огромен — не менее двух с половиной миллионов квадратных километров.

Рис. 2.8. Широкая долина Иртыша в пределах Джунгарских ворот. На горизонте виднеются северные отроги хребта Тарбагатай

Рис. 2.9. Джунгарские ворота; на заднем плане хребты Монгольского Алтая

Резко меняется на востоке и характер главнейших — северных и южных — границ Степного Пояса. Здесь, в отличие от западноевразийского ареала, в степные и даже пустынные регионы надвигаются и вклиниваются нависающие с севера лесистые отроги Саяно-Алтая (рис. 2.12). Восточная грань этой могучей горной системы ограничивается долиной и бассейном устремляющейся к Байкалу Селенги. К востоку от нее путник должен уже передвигаться по «диким степям Забайкалья». Правда, забайкальский — не степной, а в сущности, лесостепной — пейзаж мало походит своим «полу-горным» обликом на те, которые можно видеть, скажем, в лесах Восточной Европы или же Западной Сибири.

Южная граница в Монгольской степи почти всегда являет собой обширнейшую пустыню или же Великую Гоби — холмистая, по преимуществу каменистая или же глинисто-солончаковая, либо песчаная и, по сути, полностью безлесная равнина. Порой равнинный характер ландшафта нарушают следы древних и разрушенных за сотни миллионов лет гор, перемежающихся с песчаными барханами (рис. 2.13—2.15). Еще далее за пустыней вздымаются стены исполинских горных систем Кузнь-луня, Алтынтага, формирующих северную грань истинной крыши мира — Тибета. Именно их впечатляющие взор отроги (рис. 2.17) и очерчивают южные рубежи Евразийского Степного Пояса.

Восточный фланг всего Степного Пояса покрывает пространства Маньчжурии и вплотную подходит к Желтому морю.

На общем фоне сильных различий между обоими половинами Степного Пояса примечательно, что крайний восточный рубеж приобретает здесь черты до некоторой степени сходные с его абсолютно противоположным, крайним западным флангом, примыкающим к северо-западному побережью Черного моря, к Нижнему Поду-

Рис. 2.10. Степи восточного ареала отличаются от западных своим рельефом (горная степь Центральной Монголии)

Рис. 2.11. Климат на восточной половине Степного Пояса заметно более суров, чем на западной. Центральная Монголия: снежный буран в середине августа. Такая погода здесь не редкость

Рис. 2.12. Джунгарские ворота, лесистые склоны Алтая, прилегающие к долине Иртыша

Рис. 2.13. Горы, песчаные барханы и глинисто-солончаковые равнины между южными склонами хребтов Монгольского Алтая

Рис. 2.14. Монгольский Алтай. Верблюды и пустыня неразлучны: без этого животного невозможно было преодолевать сотни километров безводных пространств. Верблюды у кочевников служили также и «пустынной кавальерией»

Рис. 2.15. Южная Гоби с ее каменистыми холмами. Группа деревьев теснится к едва заметному источнику воды; здесь находился колодец разрушенного в 30-е годы прошлого столетия ламаистского монастыря Ульгий-нур

Рис. 2.16. Барханы негостеприимной пустыни Такла-Макан, огромная котловина которой располагается юго-западнее Джунгарских ворот. Средняя высота каждого из барханов может быть близка сотне метров (The ancient culture: 6)

Рис. 2.16а. Северный Синьцзян. И летом, и зимой в этой полупустыне скот сам добывает себе подножный корм

Рис. 2.17. Непрístupные и обрывающиеся к пустыне склоны Тянь-Шаня весьма нередко поражают неповторимой фантазией и разнообразием красок

навью. А из Маньчжурии и Западной Монголии для скотоводов Степного Пояса открывается относительно удобный выход на Великую Китайскую равнину — эту знаменитую колыбель великой китайской цивилизации, чьи центры были сосредоточены в основном в бассейне нижнего течения Хуанхэ (Желтой реки) вплоть до Янцзы. Здесь южная граница Степного Пояса очерчивалась неповторимым в мировой практике рукотворным гигантом — неповторимым лабиринтом Великой Китайской стены.

Рис. 2.18. Эти почти отвесные и напоминающие гигантскую лестницу склоны горных хребтов не так давно отделяли «холодное и пустынное монгольское нагорье» от богатых равнин коренного Китая (граница провинций Хэбэй и Шаньси — Wikipedia)

Вот как, например, граница между монгольскими нагорьями и Великой Китайской равниной поразила в свое время (в 1873 году) нашего выдающегося путешественника Н. М. Пржевальского (1946: 59).

«Наконец, далеко впереди на горизонте показываются неясные очертания того хребта, который служит резкой границей между высоким, холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая. Этот хребет носит вполне альпийский характер. Крутые боковые скаты, глубокие ущелья и пропасти, остроконечные вершины, иногда увенчанные отвесными скалами, наконец, вид бесплодия и дикости — вот общий характер этих гор, по главному гребню которых тянется знаменитая Великая стена <...>.

До последнего шага путешественник идет между холмами волнистого плато, а затем перед его глазами вдруг раскрывается удивительнейшая панорама. Внизу, под ногами очарованного зрителя, встают, словно в причудливом сне, целые гряды высоких гор, отвесных скал, пропастей и ущелий, прихотливо перепутанных между собой, — а за ними расстилаются густо населенные долины, по которым серебристой змеей вытекают многочисленные реки. Контраст между тем, что осталась позади, и тем, что лежит впереди, поразительный. Не менее велика и перемена климата».

Наверное, Пржевальского поразило то различие в ландшафтах, которое можно хотя бы отчасти продемонстрировать той единичной фотографией, где хорошо заметна резкая граница «между высоким холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая» (рис. 2.18). Теперь его же впечатления, но уже от иной, но столь же впечатляющей своим контрастом грани между полупустынями и пустынями Монголии и Тибето-Гималайским горным узлом (1948: 101):

«Непрерывная, гигантская стена гор от верхней Хуан-хэ до Памира <...> огораживает собою с севера самое высокое поднятие Центральной Азии и разделяет ее на две, резко между собою различающиеся, части: монгольскую пустыню на севере и Тибетское нагорье на юге. Нигде более на земном шаре нельзя встретить на таком обширном пространстве столь резкого различия двух рядом лежащих стран. Горная гряда, их разделяющая, часто не превосходит нескольких десятков верст в ширину, а между тем по одну и по другую ее стороны лежат местности, совершенно различные по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец, по происхождению и историческим судьбам народов, здесь обитающих».

И в этом случае также на фотографиях можно увидеть хотя бы кусочки этих внешне столь контрастных и потому поразивших нашего знаменитого путешественника миров (см. рис. 2.7 и 2.17).

Аравийские пустынные нагорья

Степной Пояс породил великое множество разнообразных скотоводческих — кочевых и полукочевых — культур, чья активность в большей или меньшей степени, прямо или косвенно отразилась на судьбах огромного большинства евразийских народов. Однако у Степного Пояса в этом отношении имелся и своеобразный «конкурент» — Аравийский полуостров. Сам полуостров охватывает территорию около 2,8 млн кв. км. Аравийские безводные нагорья плавно перетекают на севере в Сирийскую пустыню, занимавшую регион между Месопотамией и Палестиной. Суммарная площадь такого рода пустынных областей была не меньшей, нежели 3,0—3,2 млн кв. км: в сравнении со Степным Поясом пространства, конечно, не столь обширные, однако же достаточно внушительные.

Желтое и как бы изолированное от иных зон поле самого крупного из полуостровов Евразийского континента хорошо выделяется на карте (рис. 2.1; 2.2; 2.19—2.21). Эти пустынные и чередующиеся с зелеными оазисами нагорья Аравии стали знаменитыми, пожалуй, еще с библейских времен. Они отражены как в изустных преданиях и эпических сказаниях, так и в письменных свидетельствах. Именно здесь зарождались истоки ранних пастушеских культур семитоязычных народов — евреев и арабов (рис. 2.22). Синайский полуостров мог бы стать своеобразным повтором Джунгарских ворот Степного Пояса, связующих в данном случае бедуинов Аравийских пустынь и обитателей африканской Сахары. Однако долина Нила и, прежде всего, ее дельта — домен государств Древнего Египта — пересекали пути для регулярных связей мобильных скотоводов.

Судьба в какой-то момент столкнет потомков аравийских выходцев с пришельцами из глубин Степного Пояса, и это также станет одной из весьма ярких страниц евразийской истории; но об этом речь пойдет ниже, уже в третьей части нашей книги (см. главу 20). Однако их судьбы оказались весьма различными, и сравнение их путей развития может представить для нас интерес особый и даже в некотором смысле чрезвычайный. По этой причине автор во вторую часть книги поместит относительно подробные описания неожиданно для их соседей взлета культур аравийских кочевых и полукочевых племен, и в таком случае, можно полагать, контраст сопоставляемых картин северных и южных пастушеских народов предстанет намного более ярким.

Степной Пояс как домен пастушеских культур

Степной Пояс являлся истинным и едва ли не «вечным» доменом скотоводческих культур Евразии. Эти бескрайние просторы служили им не только колыбе-

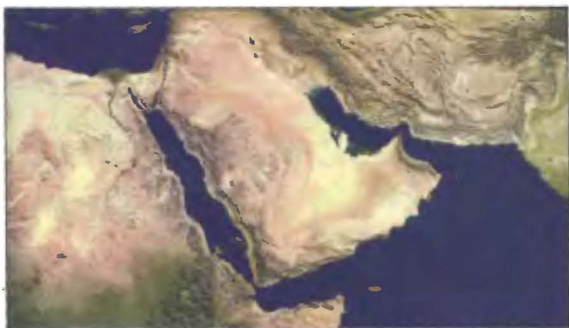

Рис. 2.19. Аравийский полуостров и окружающие его территории. Космическая съемка (Над Землей: 127)

Рис. 2.20. Пустыня Южной Аравии с удивительно ровными и высоченными — никак не менее впечатляющими, нежели в Такла-Макан — грядами песчаных барханов. Во времена пророка Мухаммеда эти столь неприветливые пустынные пространства преодолевали местные кочевники на верблюдах (Google, космическая съемка)

Рис. 2.21. И в наши дни в тех же «песчаных степях аравийской земли» бродят стада овец, с большим трудом находящие здесь жалкий корм (Google)

лю, но и тем родным домом, который мог надежно укрывать их от врагов, где можно было скрыться от противника, запутать его своими неверными и непривычными для него следами. Здесь нужна была совершенно иная стратегия пространственной ориентации, трудно постижимой для выходцев из иных экологических зон, из иных регионов, где господствовали несходные модели жизнеобеспечения...

Народы Степного Пояса обрели истинную мощь лишь с того времени, когда им удалось не только приручить дикую степную лошадь, но оседлать ее, приспособить под верховую езду. Ведь до появления всадников перекочевки пеших пастухов даже по открытым пространствам почти всегда лимитировались не только крайне медлительным темпом передвижения стад крупного или мелкого рогатого скота, но также и ограниченными возможностями самого пешего пастуха направлять движение стада, оберегать его от хищников. Именно с момента появления в степи конников мобильность и скорость перемещения пастухов возросли неизмеримо, а боевое преимущество стремительных и маневренных конных отрядов над мало подвижными и привязанными к своим полям и поселкам земледельцами стало чрезвычайно осязаемым. Не подлежит сомнению, что данный эффект шаг за шагом нарастающего превосходства, в первую очередь, проявил себя именно на равнинах Великого Степного Пояса. С зарождением всадничества мы и предпочитаем именовать подобные скотоводческие культуры *мобильными*.

Доместикация верблюда и приручение этого животного под верх также привели к заметным переменам в том статусе, который приобрели скотоводы пустынных регионов (рис. 2.14; 2.22). Благодаря своей лучшей приспособляемости к условиям аридных областей, верблюда отличали немаловажные преимущества даже перед более скоростной и маневренной лошадей. Его способность обходиться длительное время без воды делала верблюда незаменимым вьючным животным в тяжелых условиях пустынь и полупустынь. Верблюд совсем неплохо мог проявлять себя также в качестве верхового животного; во всяком случае, исход многих битв между отрядами различных населявших нагорья Аравии племен зависел от искусства воинов, поражавших врагов с высоты горбов этих животных. Весьма примечательно, что при взятии в 638 году арабами-

Рис. 2.22. Перекочевка библейского Авраама со своими стадами в Ханаан; фрагмент гравюры Гюстава Доре (Книги: 30—31)

мусульманами Иерусалима их второй праведный халиф Абу Омар въезжал в этот город-сказку победителем, но верхом на верблюде, как и подобало в те времена воину — сыну пустынных нагорий.

Наконец, еще одно обстоятельство позволило степным народам резко усилить мощь своих воинских отрядов: открытие металла и начавшееся изготовление больших серий металлического оружия. Особое значение в конных битвах приобрели, конечно же, луки со стрелами. Наконечники стрел нередко выделывались уже не из камня или кости, но из меди, бронзы или железа, и такие изделия отличались от костяных или хрупких кремневых наконечников возросшей пробойной силой. Кроме того, мастер-кузнец или литейщик всегда старался придавать им форму — по сравнению с камнем — более устойчивую, стандартизованную и тем самым приспособленную для дальнего прицельного полета стрелы. Последнее играло громадную роль в ходе развития тактики конных стремительных набегов и сражений: именно в этом чаще всего и сказывалось непревзойденное искусство летучих степных ратей.

Кавалерия зародилась на пространствах Степного Пояса уже на ранних этапах бронзового века. Довольно скоро вслед за этим стремительную лошадь сумели впрячь в легкую боевую колесницу, на которой кроме возницы помещался воин — стрелок из лука или носитель боевого копья либо меча. Конные отряды шаг за шагом приобретали все более и более значимый статус главной ударной силы едва ли не во всех армиях канувшего в прошлое мира. Однако все это было не так уж давно. Ведь процесс совершенствования стратегии конных войн продолжался вплоть до Нового времени.

Даже в Первую мировую войну кавалерия продолжала играть заметную роль. А лихие «тачанки-ростовчанки» времен Гражданской войны — «наша гордость и краса!» — такие слова звучали в очень популярной песне 30-х годов. Даже в самый канун Великой Отечественной войны, уже в 1940 году, наш советский и очень именитый тогда поэт-песенник В. Лебедев-Кумач сочинил такие стихи:

*И сбылось сталинское слово,
Как оно сбывается всегда,
Разбивала конница любого,
Не давала скрыться никуда.*

Однако именно в эти же месяцы на полях начавшейся Второй мировой войны боевые конные подразделения подошли вплотную к своему трагичному финалу... Оставалось, пожалуй, единственное утешение: гордость своим долгим и славным прошлым, ведь возраст кавалерийской истории-эпопеи насчитывал к этому времени не менее пяти тысячелетий.

Глава 3

СЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРЕХСЛОЙНОГО «ПИРОГА» ПО ВЕРТИКАЛИ

Широтное членение Евразийского мира по линиям «*Север — Юг*», о чем шла речь в предшествующей главе, предполагает обязательную постановку во главу угла геоэкологических условий. Именно они позволили достаточно четко намечать контуры огромных пространств, что в течение долгих тысячелетий являлись доменами трех весьма несходных между собой суб-миров — этих своеобразных мифических «трех китов», на которых и покоилась земная твердь.

Наш следующий шаг — это наброски долготных или же меридиональных водоразделов, рассекающих Евразию по вертикальной линии «*Запад — Восток*». Выявленный в результате предшествующих построений «слоеный пирог» из едва ли не безразмерно вытянутых с востока на запад контрастных евразийских суб-миров не только можно, но, пожалуй, должно «расчленить» довольно похожей на строгую вертикаль генеральной линией на две примерно равные части. При сопоставлении этих «половин» между собой мы станем ориентироваться не только на основные модели жизнеобеспечения в среде сообществ, причастных к каждой из горизонталей «слоеного пирога». Базовые структуры наших построений будут обогащены уже иными гранями: на первом плане проявят себя признаки антропологические, лингвистические и, наконец, идеолого-мировоззренческие. Ведь именно такого рода «детали» и придают неповторимость характеру и облику различных культур.

Однако при этом не следует полагать, что предлагаемое долготное членение Евразийского мира тем самым отодвигает геоэкологические характеристики на дальний задний план. Отнюдь! Их роль, как и прежде, остается весьма значимой. И в этой связи, например, феномен Джунгарских ворот подробно обсуждался ранее, где едва ли не с максимальной определенностью удавалось прочертить границу между двумя равноценными половинами Степного Пояса. Но вместе с тем многие ключевые детали структур социумов Запада и Востока будут намного более подробно затронуты уже в последующих частях книги, когда пойдет речь о разнообразных аспектах исторического развития многих скотоводческих общностей Степного Пояса и сопряженных с ними культур южного домена оседлых народов. Поэтому настоящую главу автор предлагает рассматривать лишь как своеобразное введение в эту очень сложную тему.

Что есть Восток с евроцентристской позиции?

При подразделении Евразийского мира на Запад и Восток мегаструктура нашего материка предстанет уже в ином, но, кажется, в еще более любопытном свете. Тогда на поверхности незамедлительно окажутся столь примечательные даже для современных людей понятия будто бы несовместимых миров Востока и Запада. Многие при этом вспоминают и с охотой цитируют звучащие как эпиграф к данной теме начальные строки английского поэта и писателя Редьярда Киплинга из его знаменитой «Баллады о Западе и Востоке»:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Строшный Господень суд.*

Так, согласно господствующей вплоть до нынешнего дня евроцентристской точке зрения, истинный Восток берет свое начало в Палестине. Именно там располагается Восток Ближний, включающий в себя и Малую Азию, и Месопотамию. За ним следует уже Восток Средний — а это Иран, Афганистан и так называемая Средняя Азия, государства которой — Туркмения, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия — совсем недавно значились в составе Советского Союза. И лишь далеко-далеко — уже за Тибетом и Гималаями — раскинулись страны Востока Дальнего. Истинный Запад в евроцентристской парадигме — это, конечно же, лишь Европа.

Сам термин евроцентризм был сформулирован сравнительно недавно — кажется, лишь в 20-х годах прошлого столетия, и его порой связывают с именем германского писателя Карла Хаусхофера, весьма близкого по своему духу нацистам: ведь его учеником был весьма памятный из истории германского национал-социализма заместитель Адольфа Гитлера по партии, Рудольф Гесс. Однако сходные определения евроцентризма появлялись и существенно ранее. Укажем хотя бы на работы крупного немецкого ученого первой половины 18 века Йоханна Х. Цедлера, который в одном из собственных энциклопедических трудов еще в 1741 году писал: *«Хотя Европа самая малая из всех четырех частей мира, но ее следует считать самой благодатной среди прочих.... Здесь изобильны все продукты. Жители отличаются очень хорошими и вежливыми обычаями; они остроумны в науках и занятиях ремеслами»* (Wikipedia). В то время, когда писались цитируемые строки, Австралию за отдельную часть света не признавали, потому и частей света было лишь четыре: кроме Европы, Азия, Америка и Африка.

Однако наиболее явно аксиомы подобной евроцентристской позиции с разделением мира на Запад и Восток оказались предположительно озвучены еще в 7—8 столетиях нашей эры, уже после зарождения и бурной экспансии ислама. Ведь именно тогда шаг за шагом, но стремительно и неуклонно нарастала конфронтация между христианским (как бы западным) и мусульманским (как бы восточным) мирами. Бесконечно бурлящим фокусом этого — продолжающегося вплоть до наших дней — кровавого «диалога цивилизаций» стала Палестина

с ее бесконечными битвами за «Святую Землю», за тот истинный, по мнению многих католических лидеров эпохи крестоносных походов, Центр мироздания. Однако взгляд этот, по всей вероятности, мог зародиться гораздо раньше, скорее всего, еще в 5—4 вв. до н. э., во времена греко-персидских войн и последующих за ними завоеваний Александра Македонского, а также противостояния Рима с Парфией уже в самом начале нашей эры.

Боюсь, однако, что евроцентристский подход при таком членении Евразийского мира сильно искажает реалии, отчего мы вновь будем вынуждены обратиться к геоэкологии.

Меридиональные геоэкологические «водоразделы»

Самым неповторимым по своей мощи и выразительности на Евразийском континенте являлся, конечно же, Тибето-Гималайский складчатый «водораздел» с примыкающими к нему с северо-запада поднебесными хребтами и высокогорьями Памира и Тянь-Шаня; он ведь и служит подлинной «крышей мира». Весь этот узел могучих хребтов весьма четко — пожалуй, даже жестко и трудно преодолимо — расчленил мир оседло-земледельческих культур Евразии на западную и восточную половины (рис. 2.2). Для мобильных скотоводов таким «водоразделом» служил уже совершенно иной, непохожий на южный, геоэкологический феномен: так называемые Джунгарские ворота или же Джунгарский проход, и об этом чрезвычайно любопытном и специфическом центре Евразийского континента мы вели более подробную речь в предыдущей главе.

Наконец, у лесных и лесотундровых племен охотников и рыболовов эту грань выполнял также природный феномен, но уже совершенно непохожий на первые два. То был Енисей, и огромный бассейн этой великой сибирской реки отличала поразительная асимметрия (рис. 3.1). Фактически все основные многоводные притоки Енисея — Ангара, обе Тунгуски, да и другие, менее значимые, — впадали в него с востока. Они несли свои воды с возвышенной горно-таежной страны, под которой понимают собственно Восточную Сибирь или же Среднесибирское плоскогорье. А сам Енисей — или же его основное русло — являл собой определенно выраженную грань, отчленявшую гористую Восточную Сибирь от удивительно плоской и низменной Сибири Западной. При этом кажется примечательным и вместе с тем весьма странным одно обстоятельство: перенасыщенная избыточной влагой: могучими реками и речками бассейна Оби и Иртыша, с его бесчисленными протоками, необозримыми болотами и озерами, Западная Сибирь — да к тому же едва ли не вплотную придвинутая к руслу Енисея — почти никакого участия в водном снабжении этой великой реки не принимала. Таким предстает расчленение Евразии на Восток и Запад с позиции геоэкологических признаков.

Особый вопрос относительно Индостанского субконтинента давно занимает исследователей своей очевидной неопределенностью. Здесь трудно отыскать четкие и надежные геоэкологические реперы, которые позволили бы без особых

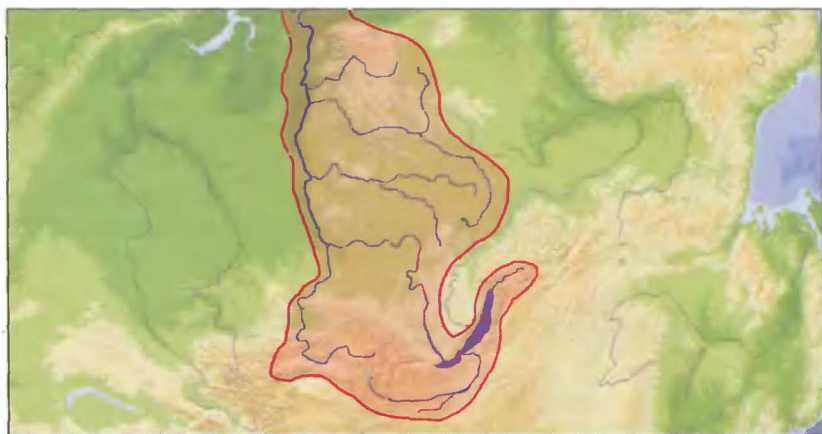

Рис. 3.1. Бассейн Енисея. Бросается в глаза резкая асимметрия в расположении основных притоков, питающих его: более 95% всей площади бассейна приходится на горно-таежные ареалы Восточной Сибири, в то же время число притоков из низменной и весьма обильной влагой Западной Сибири минимально

колебаний прочертить грань между Востоком и Западом. По всей вероятности, надежнее всего этот «водораздел» размещать между бассейнами Инда на западе и Ганга с Брахмапутрой на востоке. Однако и в данном случае эта граница предстанет крайне размытой и нечеткой. Да и более южные регионы Деканского плоскогорья также занимают в нашей дуалистической схеме Восток — Запад достаточно неопределенное положение.

Между прочим, мы открывали эту главу поэтическими строками Редьярда Киплинга относительно вечной несовместимости Запада и Востока. Однако любопытно, что автор имел в виду Индию как олицетворение истинного Востока, а мы не в состоянии определенно наметить место этого субконтинента: может быть это все-таки Запад, хотя и его периферийная зона? Также достаточно туманными для Индостанского субконтинента будут выглядеть наши заключения при обзоре антрополого-лингвистических и идеолого-мировоззренческих деталей. Но и в этом случае мы столкнемся с явной реминисценцией евроцентризма по отношению ко всему, что выходит к востоку за грани христианской культуры.

Азия и Европа: где граница между ними?

Вопрос этот в принципе касается в первую очередь геоэкологических граней для обоих материков. Однако он вплоть до нынешнего дня приобретает для обитателей «истинно западного мира» определенно болезненное звучание в противопоставлении цивилизованной демократической Европы отсталой в социальном плане, антидемократически обустроенной Азии. Кроме того, серьезное обсуждение лишь географического аспекта данной проблемы на страницах

нашей книги может, на первый взгляд, показаться весьма странным. Ведь даже не очень успевающие по географии школьники наверное в состоянии дать более или менее верный — с позиции наших учебников — ответ. Правда, при этом всплывут на поверхности и некие несуразности: ведь, скажем, одно руководство рекомендует границу между материками проводить по Кумо-Манычской впадине, а другое — по Главному Кавказскому хребту, и далее на север — либо по реке Урал, или же по пустынной речке Эмбе. С Уральскими горами разногласий, конечно, гораздо меньше, хотя и здесь их невозможно избежать — уж очень расплывчатыми и размазанными предстают водораздельные грани этой одной из древнейших складчатых горных систем Евразии.

Однако мы можем стать невольными участниками тех бесконечных споров, что вот уже не менее двух с половиной тысяч лет вяло продолжаютя вплоть до наших дней. Вот что, к примеру, писал еще в V в. до н. э. «отец истории» Геродот:

«Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем. И Азию они считают по величине равной Европе. Поэтому я кратко расскажу о величине обеих частей света и о том, какую форму имеет каждая <...>. Омывается ли Европа морем с востока и с севера, никому достоверно не известно. Мы знаем лишь, что по длине она равна двум другим частям света. И я не могу даже понять, почему собственно трем частям света, которые являются одной землей, даны названия по именам женщин. Непонятно мне также, почему реки Нил и Фасис в Колхиде (по другим: река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и меотийский город Портмее) образуют границу между ними. Нельзя выяснить имена тех, кто разграничил их и от кого взяты названия этих трех частей света» (рис. 3.2).

Но вот пройдет еще тысяча лет, и византийский хронограф Прокопий Кесарийский («Война с готами»: IV,2) — а это уже шестой век — опять повторит, что именно река Фасис — ныне это река Риони — служит отчетливой границей между двумя материками:

«В этой стране [в Закавказье] поднимаются очень высокие горы, покрытые лесом и труднодоступные. Они тянутся до самых Кавказских гор, позади же них по направлению к востоку лежит Иберия, простирающаяся до пределов персо-армян. Через эти горы, уходящие высоко в небо, течет река Фазис, начинаясь с гор Кавказа и впадая в середину этого «полумесячного» залива Понта. Некоторые считают, что в этом месте река Фазис служит границей двух материков. Места, которые идут налево, если смотреть вниз по течению, являются Азией, а направо лежащие называются Европой. В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов, на другой же стороне лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-либо внимания поселка <...>. По преданиям местных жителей, в этой части Лазики находилось и то золотое руно, из-за которого в своих мифах поэты

Рис. 3.2. Так, по всей вероятности, представлялась карта мира «отцу истории» Геродоту

заставили эллинов строить Арго. Но это, по моему мнению, совсем неверно» (<http://www.webcitation.org/61A3eOAs3>).

Уже во времена поздней Античности стали упоминать также и далекие холодные Рифейские горы, под которыми большинство о них пишущих, но много позднее, подразумевало горы Уральские. За этими Рифеями, наконец, стали размещать Азию. Эту евро-азиатскую грань как будто обозначил в 1572 году на своей знаменитой карте великий фламандский картограф Герхард Меркатор (рис. 3.3; 3.4). При этом понятно, что самого Урала (Рифеев) ни античные географы, ни гениальный фландец никогда не видели, и почему было отдано предпочтение именно данному межматериковому рубежу совершенно неясно (здесь как раз и возникает любопытная перекличка с недоумением Геродота!) В данном случае как будто возобладал определенный — пусть умозрительный — выбор рубежей, а сама традиция укрепились. Однако дискуссии по этой теме продолжаются и по день нынешний.

Вот, к примеру, в 1964 году на Лондонском съезде Международного союза географов в очередной раз его делегаты рекомендовали всем принять свои исправленные и уточненные позиции о границах между двумя материками (рис. 3.5). Но тщетно! Фактически сегодня, то есть в 2010 году, уже Русское географическое общество организует экспедицию в Казахстан «с целью ревизии общепринятых взглядов на прохождение границы Европы и Азии по территории Казахстана» (Wikipedia). Ну, и что?..

Уже после всяческих рекомендаций весьма представительных географических конференций и съездов западноевропейские — и активнее всего германские — археологи, например, чуть ли не единогласно соотносят древние памятники Балкано-Карпатья с юго-восточной Европой. Но если юго-восток Европейского материка — это Балканы, то куда же в таком случае следует помещать громадные пространства Северного Причерноморья, Приазовья вплоть до реки Урала? А ведь именно они, согласно установлениям съездов, как будто и есть юго-восток Европы?..

...Вспомним также в связи с этим и мысль великого русского химика Д. И. Менделеева, высказанную им в 1906 году, что «отделение Европы от Азии во всех отношениях

Рис. 3.3. Герард Меркатор (1512—1594)

Рис. 3.4. Так представлялась граница между Азией и Европой на карте Г. Меркатора 1572 года

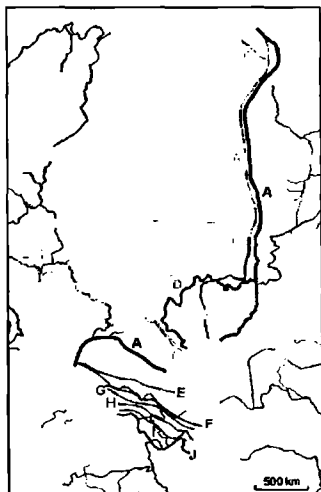

Рис. 3.5. Варианты границ между Европой и Азией в представлениях и диспутах современных географов (1964 год)

искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже пропадет». Однако правота отечественного гения оправдалась не вполне, поскольку это навязчивое «евро-азиатское разделение» никак «пропадать» не желает. Параллельно этому и ныне раздаются заслуживающие внимания высказывания, что «Европа — это не географическое пространство, но лишь идея» (выражение французского журналиста и философа Бернара-Анри Леви). Смысл подобного рода изречений отражен, к примеру, уже в постоянном и мучительном для многих российских граждан вопросе: «Россия — это Европа или Азия?», либо иначе: «А что Россия — эта страна выражает собой идею Азии или все-таки Европы?».

И поскольку подобного рода диспуты никак не желают затихать (рис. 3.5), то постараемся и мы внести свою лепту в данную проблематику, приближаясь к ней, однако, с несколько иной стороны. Разрешение основных вопросов «континентально-меридионального» характера мы

предпочитали предыдущие размышления вести на базе обращения к реальным «широтным геоэкологическим водоразделам». А сами водоразделы автор старался как бы совместить по возможности очень плотно с социокультурными различиями у популяций по обе стороны от геоэкологических граней. Похожий путь выглядит реальным и в случае евро-азиатских разделов.

Может ли нас устроить «официальная» межматериковая граница, сопряженная с Уральскими горами и рекой Уралом (или же Эмбой), а также «размазанной» по Предкавказью впадиной Кумы и Маныча? Крайне сомнительно! Ведь ни пологий и неясный в своем основном «хребте» Уральский горный массив, ни уж тем более южные степные реки «водораздельными» признаками если и обладают, то в безнадежно малой степени. То же следует сказать и по поводу крайне малозаметных различий у социокультурных общностей, локализованных как западу, так и к востоку от этих весьма проблематичных межматериковых граней. Поэтому резонно вновь обратиться к четкой структуре Степного Пояса — этого основного и наиболее надежного, хотя и широтного, разделителя Евразии.

Выше уже говорилось, что многотысячекилометровый Степной Пояс Евразии своим западным флангом подпирает дугу Восточных Карпат, доходя до устья Дуная (рис. 2.2). Кажется безусловным, что именно в данном регионе следует видеть более надежные признаки отчленения собственно Европы от степных и более восточных пространств Азии. Вполне реально также продлить эту не очень протяженную линию размежевания от Карпат на север — вплоть до Восточной

Рис. 3.6. Официальная (2) и реальная (1) границы между Европой и Азией в представлении автора

Балтии. В таком случае разделительная линия — или, точнее, полоса — протянется от юго-восточного угла Балтики вплоть до северо-западного края Черного моря, близ дунайского устья (рис. 3.6).

На предлагаемом здесь полотне собственно Европейский материк весьма похож на огромный, изрезанный исключительно причудливой линией морских и океанских рубежей полуостров. Будет точнее именовать его даже Европейским мега-полуостровом или же субконтинентом, как бы «приклеенным» к западному краю неохватного массива Азиатского континента. Та же часть Европы, которая по традиции именуется у нас Восточной, соотносится, безусловно, с Азией и никоим образом из ее основного и огромного тела не вычленяется.

Запад и Восток за рамками геоэкологии: антропология

Пожалуй, несравненно более рельефным предстанет «меридиональный раздел» Евразийского континента, если привлечь — пусть даже очень кратко — к намеченной картине детали уже совершенно иного характера: *антропологические, лингвистические и идеологические (религиозно-мировоззренческие)*. Все эти признаки, сопряженные с конкретными экономическими моделями и формировали в конечном итоге характер и облик *ключевых общностей или же культур* в западном или же восточном регионах Евразии.

Правда, при таком подходе необходимо иметь в виду одно весьма немаловажное обстоятельство. Геоэкологические или же природные признаки устойчи-

вы, постоянны или же, по меньшей мере, мало изменяемы в течение почти всего периода голоцена. В отличие от них атрибуты основных антропологических и лингвистических семей, и в особенности идеологических структур, похожей стабильностью как во времени, так и в пространстве не отличались. Это было обусловлено полной зависимостью от характера их носителей — социумов, общностей, культур — и от позиции последних в евразийских времени и пространстве.

В этом «нестабильном» ряду относительно большая устойчивость присуща, конечно же, признакам антропологическим. Безусловно, что практически все основные группы важнейших антропологических семей уходят своими корнями в культуры палеолита, и этой темы мы кратко касались еще в первой главе нашей книги. Но дело даже не столько в этом. Пожалуй, гораздо более существенным здесь было то, что исходные ископаемые костные материалы могут быть, во-первых, относительно легко изучены и верифицированы не только традиционными, но и новейшими методами палеоантропологии и, во-вторых, антропологические материалы всегда и очень надежно бывают связаны с археологическими артефактами и комплексами определенных культур и общностей.

Наиболее общим дифференцирующим антропологическим признаком для народов Евразии являются, конечно же, разделение на две крупные семьи или же расы — монголоидов и европеоидов. Последнюю, кстати, очень часто именуют кавказской или же белой расой, хотя сами термины прозвучали в научных изданиях более двух столетий назад. Наименования эти восходят к германской гёттингенской научной школе и, по всей видимости, первыми учеными, наметившими упомянутые расы были Христоф Майнерс (Christof Meiners) и Иоганн Фридрих Блуменбах (Johann Friedrich Blumenbach). В своей крупной работе 1785 года «Grundriß der Geschichte der Menschheit» Хр. Майнерс утверждал, что в своей антропологической основе истоки человечества покоятся на двух исходных базах — кавказской и монгольской. Может быть, именно тогда же в его работах были заложены основы так называемого «научного расизма». Монгольская раса — утверждал автор — не только слабее кавказской телом и духом, но не может сравниться с ней и по добродетелям; из этого вытекало его оправдание рабства (кстати, с 1803 года он являлся научным куратором Московского Университета). Однако одновременно с Хр. Майнерсом в Гёттингене работал более молодой и, пожалуй, намного более талантливый исследователь И.Ф. Блуменбах. Уже в 1775 году этот — как считается, основатель германской зоологии и антропологии в качестве научных дисциплин — 23-летний ученый написал на латыни свою первую крупную работу — диссертацию «De generis humani varietate nativa». В ней он утверждал разделение человечества на четыре основных расы, среди которых самыми яркими были кавказская («белая») и монголоидная («желтая»). Эти положения он активно развивал во многих своих последующих работах, где очень много внимания уделял краниометрии. Грузин же он почитал особо:

«Кавказский тип — для изучения я взял именно этот тип, горский тип Кавказа, потому как его южный клон производит самую красивую расу людей, под этой

расой я в первую очередь подразумеваю грузин. Все физиологические признаки сводятся к этому. Таким образом мы должны с большой уверенностью утверждать, что Кавказ — это место рождения человечества» (<http://anthropology.ua.edu/bindon/ant275/presentations/Pre-Darwinian.pdf>).

Однако вряд ли стоит развивать эту тематику более детально. С времен работ И. Блументбаха сколько-нибудь заметных кардинальных сдвигов в представлении о географическом распределении различных групп, составлявших семьи обеих основных евразийских рас, не наблюдалось: доменом кавказской или же европеоидной расы во всех ее вариациях является западная половина Евразии, а монголоидной — ее восточная половина.

Запад и Восток за рамками геоэкологии: лингвистика

Характер и строй языка носителей той или иной культуры периода голоцена также может уходить своими корнями в палеолитическую древность. Однако в сравнении с антропологией ситуация выглядит в этой сфере гораздо более сложной и неопределенной. Наиболее трудным пунктом в подобного рода изысканиях является наведение надежных каналов взаимосвязи между историко-археологическими реконструкциями и лингвистическими теориями. Вполне удовлетворительный характер приобретают эти соединительные археолого-лингвистические «мостики» лишь на материалах «письменных» культур, когда все основные детали лингвистической структуры фиксируются очевидной документацией. Изначально палеолингвистика формулирует глобальные гипотезы по существу независимо от археологических реалий. Чаще всего она использует и собственные методы определения абсолютного возраста той или иной лингвистической семьи на базе выработанных в недрах этой науки методов глоттохронологии. Лишь только после этого предлагаются попытки совмещения лингвистических постулатов с археологическими конструкциями. Однако именно тогда и выходят на поверхность нестыковки и провалы в столь желанных связующих мостиках для двух наук.

Главный, весьма досадный, а зачастую просто неодолимый барьер вырастает здесь, конечно же, в виду резкого различия между сугубо конкретно-материальной базой археологической науки и совершенно иначе формируемой, по сути, виртуальной, а с точки зрения археологии, даже во многом абстрактной логики теоретических лингвистических построений. Эти нестыковки весьма отчетливо проявляются в развернутой и подробнейшим образом истолкованной теории *индоевропеистики*, авторами которой явились Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (1984, том II: 717—740; 748—752; 859—894). Важнейшие и реконструируемые авторами элементы индоевропейского праязыка позволяют им воссоздавать практически весь облик древнейших культур их носителей. Однако простое наложение воссоздаваемых ими праиндоевропейских лингвистических характеристик на археологические полотна вызывает массу справедливых возражений, равно

как и используемые ими глоттохронологические схемы. Столь же трудно увязать с археологической конкретикой так называемую *ностратическую* теорию, основателями которой в российской палеолингвистике явились, к примеру, В. М. Иллич-Свитыч (1971) и С. А. Старостин (2003).

Судя по глоттохронологическим выкладкам, зарождение этой лингвистической мега-семьи должно было восходить к самому финалу позднего палеолита — около 15 тысяч лет назад. Однако с позиции культурного полицентризма, основные и безусловные признаки которого в означенное время проявляются вполне отчетливо, теория языкового ностратического единства совсем не выглядит убедительной. По этим причинам при вычленении в вертикали «Запад — Восток» значимых ареалов мы будем ориентироваться на крупные лингвистические группы, но связанные уже с относительно поздним временем.

Столь же безусловным представляется, что евразийский Запад служил домом трех важнейших языковых семей. Крупнейшей на этой половине материка лингвисты признают *индоевропейскую* семью. Объясняющиеся на индоевропейских языках народы и поныне являются наиболее многочисленными на нашей планете. Популяции, по преимуществу говорившие на разновидностях языков этой лингво-семьи в древности, обретались в двух южных зонах Запада — в культурах оседлых земледельцев, равно как и среди мобильных скотоводов. По своей южной границе индоевропейцы соседствовали с народами, входившими в семью *семитских* языков. И наконец, вся северная лесная зона служила домом для относительно малочисленного населения, говорившего на *финно-угорских* языках.

На восточной половине Евразии объяснявшиеся на *тунгусо-маньчжурских* языках народы расселялись по преимуществу в лесной и степной зонах (некоторые лингвисты включают тунгусо-маньчжурские языки в еще более обширную группу языков *алтайской* мега-семьи). Южная зона евразийского Востока была оккупирована многочисленными народами огромной *сино-тибетской* или же китайско-тибетской языковой мега-семьи. В ней, безусловно, самую значительную группу представляли те языки, на которых говорили обитатели Великой Китайской равнины между бассейнами Хуанхэ и Янцзы.

Запад и Восток за рамками геоэкологии: идеологические системы

Примерно к тем же заключениям можно придти, обращаясь уже к идеолого-мировоззренческим характеристикам культур и их общностей. Хотя при изучении этого аспекта несопоставимо полнее прослеживается взаимосвязь между господствующим в том или ином обществе религиозным мировоззрением и его отражением в материальном мире. Правда, корректная дешифровка идеологических канонов лишь на основании ископаемых артефактов — сооружений и погребальных комплексов — далеко не так проста и не всегда может признавать-

ся удовлетворительной и корректной. Наиболее четкие различия в этих сферах проявляются в основном уже в те периоды, когда зарождаются мировые религии с их четко сформулированными канонами. Именно поэтому при дальнейшем изложении мы главным образом будем опираться на эти примеры. Однако важно иметь в виду, что все эти идеологические системы складываются существенно позднее, нежели лингвистические семьи или же тем более антропологические группы. Однако именно в этой сфере, пожалуй, различия между Востоком и Западом проявляются поразительно контрастно.

Для западной половины Евразии наиболее выразительной идеологической системой можно считать сложение блока трех родственных монотеистических *авраамических религий* — *иудаизма, христианства и ислама*. Иудаизм явился истинным родоначальником этих *религий божественного откровения*, связанных с мифической фигурой *Абрама — Авраама — Ибрахима*. Ведь именно этой легендарной персоне впервые среди обитателей земли и явил себя, согласно постулатам этих религий, Всевышний, связав его, однако, строгим Заветом:

«И сказал Господь: утаю ли Я от Авраама раба моего, что хочу делать! От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли, ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд» (Бытие 18: 17—19).

Несколько иначе откровение приоткрывается Ибрахиму:

Вот сказал Ибрахим отцу своему Азару: «Неужели ты идолов превращаешь в богов? Я вижу, что ты и твой народ — в явном заблуждении».

И так Мы показываем Ибрахиму власть над небесами и землей, чтобы он был из имеющих уверенность.

И когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: «Это — Господь мой!» Когда же она закатилась, он сказал: «Не люблю я закатывающихся».

Когда он увидел месяц восходящим, он сказал: «Это — Господь мой!» Когда же тот зашел, он сказал: «Если Господь мой меня не выведет на прямой путь, я буду из людей заблудившихся».

Когда же он увидел солнце восходящим, то сказал: «Это — Господь мой, Он — больший!» Когда же оно зашло, он сказал: «О народ мой! Я непричастен к тому, что вы придаете Ему в сотоварищи».

Я обратил лицо свое к Тому, Кто сотворил небеса и землю, поклоняясь ему чисто, и я — не из многобожников». (Коран 6: 74—79)

Всевышний одарил своим откровением и сына Исаака — Иакова, который увидел сон:

«... вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней (см. рис. 3.7). И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу

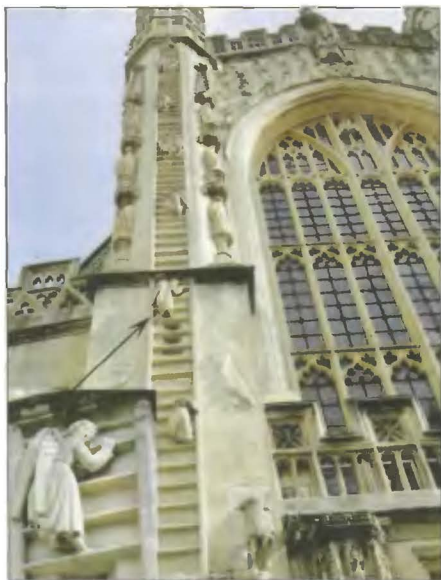

Рис. 3.7. Ангелы, взбирающиеся на небо по бесконечной лестнице. Кафедральный собор в городе Бат (Bath) в юго-западной Англии

и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные; и вот Я с тобою, и сохранию тебя везде, куда ты ни пойдёшь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем, а я не знал!» (Бытие 28: 12—16).

Все три авраамические религии постарались запечатлеть свои важнейшие центры в феноменальных по громадности архитектурных творениях (рис. 3.8—3.10).

Иначе выглядит в этом отношении **Евразийский Восток**. В южной зоне оседло-земледельческих культур он был представлен также тремя четко выраженными важнейшими системами: **конфуцианством, даосизмом и буддизмом**. Из них лишь буддизм, на взгляд автора, может претендовать

быть причисленным в разряд религиозных систем. И конфуцианство, и соперничающий с ним даосизм относились, скорее всего, к системам нравственно-философского, но вряд ли религиозного характера. На Востоке практически невозможно встретить сходных с Ватиканом или Меккой фантастических по своей грандиозности архитектурных сооружений. Храмы приверженцев конфуцианства и даосизма предельно скромны (рис. 3.11; 3.12). И даже буддизм — наиболее «религиозный» из восточных идеологий — не может похвастать творениями, сопоставимыми с архитектурными колоссами Ватикана или Мекки, хотя удивительно стройные, возносящиеся к небу храмы достойны восхищения (рис. 3.13).

Наиболее «заземленным» в этой триаде предстает, без сомнения, учение конфуцианства. По существу эта система мировоззрения признает в числе наиболее значимых ценностей лишь культ «совершенномудрых» предков, а не культ земных правителей, непременно исполняющих наставления «совершенномудрых». Сам Конфуций полагал, что его основной функцией являлось лишь передавать высшую мудрость Неба, но не выдумывать собственную и, кроме того, верить древности и любить ее (Духовная культура: 280).

Вслушайтесь, к примеру, в звучание строф своеобразной философской поэмы «Вопросы к Небу» из антологии древнейшей китайской поэзии «Ши цзин»: порой кажется даже, что уже одного этого будет достаточно для понимания отличий

Рис. 3.8. Панорама центральной части Иерусалима (Wikipedia)

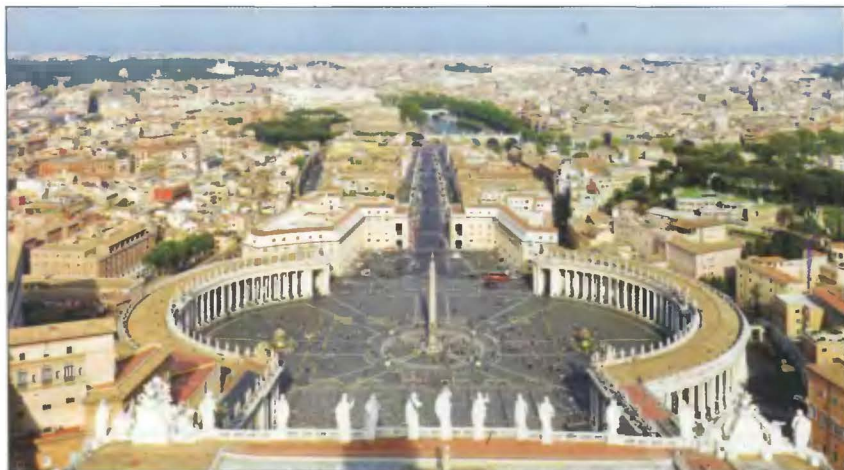

Рис. 3.9. Ватикан — центр приверженцев католицизма
(Фото David Iliiff — <http://ru.wikipedia.org>)

китайского мировоззрения от религиозных канонов далекого Запада. Такой вывод кажется тем более весомым, поскольку традиция связывает инициативу создания данной антологии с именем самого Конфуция.

*Каким был довременный мир, —
С чьих слов до нас дошло преданье?
Не выделялись «верх» и «низ», —
Как нам досталось это знание?
Великий Хаос был безмолвно пуст,
— Кто смог установить его пределы?
Ничто не обретало свойств и форм,
— Как разобраться в этом мы сумели?
Вдруг появился свет, отдельно — тьма,
— Как то случилось и в какое время? (Кравцова: 76—77)*

Да и буддизм столь разительно отличается от западных религий, что многие вполне справедливо не решаются размещать его фундаментальные положения

Рис. 3.10. Мекка, мечеть аль-Харам, во время начала хаджа (Wikipedia)

Рис. 3.11. Конфуцианский храм в Цюйфу (Китай), главный зал (Wikipedia)

Рис. 3.12. Даосский храм Чан чунь в городе Ухань на реке Янцзы (Wikipedia)

в одном и том же ряду с теми, что являются базовыми для религиозных учений ислама, христианства или же исходного для них иудаизма.

«Если буддизм рассматривать только как религию, то она покажется странной. Эта религия никогда не знала ни единой церковной организации (даже в рамках одного государства), ни других централизирующих социальных институтов и тем не менее сохранила до сего дня большую часть своих внешних форм, но главное — содержание, центром которого спуска и 25 веков остается человек, а отнюдь не Бог и не идея. Каждый из нас является творцом не только собственной судьбы, но и всей Вселенной, поскольку лишь совокупность наших дел, слов и мыслей вершит круговорот жизней индивида и мировой процесс. Для этого не надо приносить жертвы, а стоит лишь научиться жить, сообразуясь со здравым смыслом, т. е. находить во всем «золотую середину». Будда назвал свое открытие Срединным Путем, пролегающим между крайностями человеческого существования (например, между жадной наслаждений и полным отказом от них)» (Андросов: 7).

В буддизме совершенно отсутствуют даже сами понятия о Божестве-Демиурге, о Творце всего сущего, о том всеведущем Всевышнем, который ежеминутно с величайшей и непостижимой для смертных мудростью управляет всем необъятным миром.

В переведенной с санскрита на тибетский язык «Маньджушри-мула-тантре» дается «изначальная» картина мира, как ее понимали буддисты тибетского (ламаистского) толка:

«Во время эпохи «крита-юга» человек собственной силой полон был, на всем небе жил, от старости и смерти полностью был свободен.

В то время созвездий не было. Солнца не было, не было и звезд. Богов не было, и мира асурьев не было.

Первая эпоха — это вершина времени. Племя же без людей существования не имело. Продолжительности жизни не имелось. И рождения не было. Религиозного долга не было, сокровенных заклинаний не было. От добродетелей и грехов были свободны. Собственная радость полностью осуществлялась. Их (людей) поведения и деяний тоже не было. Они были чисты и своего Я не имели» (Пагсам-джонсан: 205—206)

Рис. 3.13. Буддийский храм «Три пагоды» в городе Дали (Южный Китай)

В религии буддизма высшее постижение духа — это стремление достичь истинного совершенства, что подвластно лишь буддам. В основе этой религиозно-философской системы лежит учение о «Четырех благородных истинах», о человеческих страданиях, о тех путях к совершенству, о ступенях к высотам добродетели, что в конечном итоге могут привести человека к блаженству и к желанной нирване. Боги не в состоянии соперничать с Буддой, они боятся его совершенства, и в своем совершенстве Будда достигает статуса Великого Правителя жизни. Вот, например, постигший в своих исканиях и трудах истинные вершины Будда объявляет ученикам о своем переходе из земного мира в нирвану. *«В тот момент боги были неспособны выдержать блеск Будды, отшельника, наделенного особыми знаками сверхсущества, и бежали»* (Будон Ринчен-дуб: 164).

В целом по многим базовым деталям своих канонов буддизм оказывается кроме того весьма близок учению Дао.

Последнее, но чрезвычайно важное отличие восточных мировоззренческих систем от религий западных заключено в том, что в их канонах полностью отсутствует понятие «первородного греха», — ведь именно это является одной из фундаментальных основ религий, распространенных на противоположной половине Евразийского континента. Согласно канонам Запада, даже только что появившееся на свет человеческое существо уже несет в себе восходящие еще к первородителям Адаму и Еве зачатки греха и вины перед Создателем. Именно поэтому человек обязан ни на минуту не забывать о божественной милости Создателя, ежечасно вознося ему благодарения и хвалу. Именно поэтому все западные религии, включая и их корневую систему взглядов — иудаизм, расценивают собственные бедствия как результат коллективной греховности народов перед ликом Вседержителя.

По всей видимости, именно такого рода причинами легче всего объяснять весьма контрастные отличия в документах Запада и Востока, когда мы обнаруживаем в них оценку кочевых завоеваний с неременной ссылкой на «вину за тяжкие грехи наши».

Взаимодействия и контакты между носителями восточных и западных учений проявлялись чрезвычайно слабо, а признаки проникновения западных идеологий на Восток Евразии оказывались в целом малозначимы. Для нашей темы, пожалуй, наиболее примечательным в подобном ряду служит несторианство. Эта восточная ветвь христианства, объявленная в пятом веке рядом Вселенских соборов злостной ересью, получила вскоре заметное распространение среди пастушеских народов Тюркских каганатов финальных стадий Эпохи Великого переселения народов — во второй половине I тыс. ее прозелиты появились даже в Китае (империя Тан). Однако никакого развития на евразийском Востоке это учение не получило.

Несторианство, однако, интересно для нашей темы помимо всего тем, что его «всплеск» на Востоке — пусть сравнительно кратковременный и не очень

выразительный — был обязан кочевым народам Степного Пояса. Ведь именно мобильные скотоводческие сообщества издавна играли в истории Евразии роль своеобразного моста между чрезвычайно контрастными между собой гигантскими блоками культур Запада и Востока.

Гораздо более значимым оказалось проникновение на Восток ислама. Его многочисленные конфессиональные группы оказались распространенными по преимуществу среди оседлых тюркоязычных земледельцев Синьцзяна, а это уже ареалы, расположенные восточнее Джунгарских ворот. И наконец, намного более многочисленный восточный анклав мусульман был сосредоточен в Бангладеш, в бассейне низовьев Ганга и Брахмапутры. Однако то были уже следы гораздо более позднего проникновения религии западного толка на Восток.

Часть вторая

КУЛЬТУРЫ СКОТОВОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Глава 4

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ: РАЗЛИЧИЯ В БАЗОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Основным объектом наших исследований служат скотоводческие культуры и общности Евразии. Одно из ключевых направлений наших изысканий состоит в определении реальной позиции крупных блоков скотоводческих сообществ в сложной и гигантской мегаструктуре Евразийского мира. В свою очередь, данное направление ставит перед нами в качестве неременной задачи разработку характера и сущности весьма непростых взаимоотношений пастушеских общностей с культурами кардинально иных моделей и, прежде всего, с оседлыми цивилизациями южного домена. Эта причина диктует необходимость представления в настоящей главе — пусть в достаточно кратком исполнении — той части исторической арены Евразии, на которой и разыгрывались эти события в их динамике.

Эпохи «дописьменная» и «письменная»

Человеческие культуры существуют в разных формах и модификациях не менее двух с половиной миллионов лет. Наблюдение за долгим путем их развития находится по преимуществу в ведении двух наук — археологии и истории. Доля археологии в этой протяженной эпопее выглядит, безусловно, подавляющей: к ней относится более 99 % всего многообразия человеческих сообществ. Все суждения о древнейших этапах развития человечества археология строит, как известно, на анализе поистине безграничной по своим проявлениям, многомиллиардной массы материальных артефактов, произведенных людьми за весь период их бытия. Исторической же науке на этом гигантском полотне «подвластна» лишь чрезвычайно тонкая, финальная «пленка» развития (рис. 4.1). Однако сама «пленка» представлена также трудно исчислимыми миллиардами письменных документов, являющихся необходимой базой для изысканий в рамках истории.

Если же отвлечься от огромного всемирного полотна и остановить внимание лишь на Евразии в постледниковую эпоху голоцена, то есть в последние 12 тысяч лет, то пропорция между участием обеих наук в исследованиях человеческих постпалеолитических культур, конечно, изменится, хотя и не столь решительно. Так, на долю археологии все равно придется львиная — до 9/10 — доля пространственно-хронологического поля, а исторической науке «останется» изучать опять-таки лишь финал развития евразийских социумов.

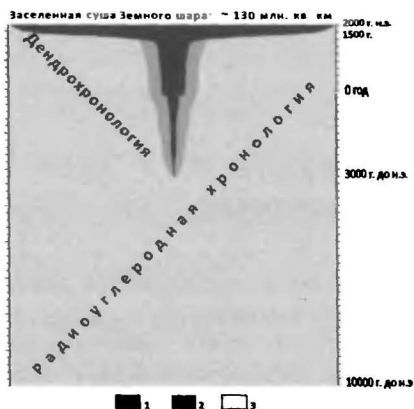

Рис. 4.1. Диаграмма хронологическо-пространственных соотношений между основными методами календарного датирования в археологической и исторической науках (период голоцена). Условные обозначения основных методов датирования: 1 — анализ письменной документации; 2 — анализ материальных источников, датированных по аналогам письменной документации; 3 — дендрохронология и радиоуглеродный анализы

Пограничная зона между сферами «господства» обеих наук выглядит достаточно очевидной: это прежде всего революция в информатике, появление письменности, доступность для изучения и информативность письменных документов. Археология же, если исходить из ее теоретических посылов, такими ограничениями не связана и потому на базе своей методологии может изучать даже самые поздние творения рук человеческих. Правда, ценность исследований позднейших артефактов и роль такого рода изысканий расценивается, как правило, лишь как сугубо вспомогательная, резко уступающая по эффективности историческим методам исследований. Но не будем терять из виду очень важное обстоятельство: наиболее ценные результаты тех работ, которые преследуют задачи широкого пространственно-временного охвата, в первую очередь, в зоне хронологического «стыка» двух указанных наук, почти всегда вытекают из комбинаций и сочетания методов как археологии, так и истории. Для совокупности проблем, избранных основной темой нашей книги, данное обстоятельство будет иметь особое значение.

Вместе с тем имеет определенный смысл различать на этом огромном исследовательском поле две эпохи. Последние, конечно же, неравнозначны по протяженности своего охвата, но зато равноценны по своей исторической значимости. Если же избрать в качестве основного ориентира *методологическую доминанту*, то раннюю эпоху можно называть «*дописьменной*» или же *археологической*; позднюю же резонно именовать «*письменной*» или же *исторической* (см. также **Приложение 1**. Календарная хронология «дописьменной» эпохи Евразии).

Различия в подходах и методах исследований

Два обстоятельства создают основу чрезвычайного дисбаланса при оценках и подходах к базовой документации обеих намеченных эпох. Первое — это характер и темп накопления источников. Второе — методы обработки самих источников.

Практически все основные документы по ранним этапам «письменной» эпохи вплоть до позднего средневековья (в западном истолковании понятия «средневековья»), уже давно — по крайней мере в последние две или даже полторы сотни лет — очень хорошо известны историкам. В пределах «письменной» эпохи лишь только современность демонстрирует энергичное накопление гигантской массы производимой ныне новой исторической документации. Понятно, что эта поздняя масса источников в целом остается за рамками интересующей нас проблематики.

Письменные источники, сосредоточенные в хронологических границах от I тыс. до н. э. вплоть до первой половины II тыс. н. э., многократно изданы и переизданы. Они, как правило, переведены на множество языков. Им посвящены весьма пространные или хотя бы лапидарные комментарии и истолкования в самой разнообразной исторической литературе. Именно этой категории и принадлежат все те многочисленные выдержки и краткие цитаты из различных исторических текстов, хроник или эпических произведений, которые будут широко представлены в последующих главах третьей части книги.

Сходную с исторической ситуацией для «дописьменной» эпохи представить абсолютно невозможно. Накопление во времени новых археологических материалов подчиняется если не правилу геометрической прогрессии, то по меньшей мере прогрессии арифметической. «Свежие», то есть постоянно извлекаемые из культурных слоев поселений или из некрополей, археологические артефакты, датированные от палеолита вплоть до рубежа Нового времени, поступают ежегодно, до отказа переполняя фонды археологических хранилищ. Надо полагать, что читатели были бы весьма удивлены, когда бы автор предлагал свои реконструкции исключительно на базе раскопок, произведенных сто или даже двести лет тому назад. Конечно же, книга ориентирована по преимуществу на трактовку новейших изысканий. Это вовсе не значит, что следовало избегать анализа добытых в отдаленном прошлом, наиболее важных и впечатляющих древностей. Только характеристика их должна проходить сквозь призм новейших взглядов.

Однако еще более впечатляющим предстает контраст между методическими наборами, заключенными в арсеналах обеих наук. За последние 50—60 лет археология поразительно обогатилась за счет насыщенности своей, ныне уже повседневной, практики методами естественнонаучных дисциплин — физико-химических, биологических, геолого-минералогических, технических, включая даже космический мониторинг земной поверхности. Ими ныне охвачены практически все каналы изучения археологических древностей, начиная с полевых разведок и раскопок, завершая календарной хронологией (рис. 4.2) или же изысканиями в области генетики популяций в различных областях нашей планеты.

В то же время багаж методов оценки и анализа документов в сфере исторической науки не претерпел сколько-нибудь заметных перемен, и это воздвигает дополнительный и не очень удобный для кооперации обеих наук барьер.

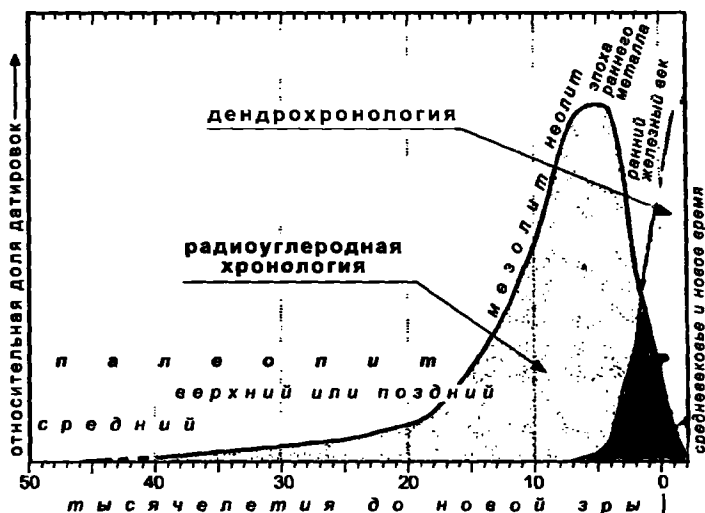

Рис. 4.2. Диаграмма соотношения методов радиоуглеродного датирования и дендрохронологии с основными историко-археологическими периодами

Охарактеризованный здесь весьма выразительный методологический «дисбаланс» между историей и археологией заставляет распределить все охваченные в нашем обзоре материалы на два блока. В первом из них будут сосредоточены основные материалы евразийских скотоводческих культур, анализируемые с помощью методов археологии, и потому эта часть книги получила наименование «Культуры скотоводов в археологических источниках». Следующая за ней часть называется «Культуры скотоводов в исторических картинах», и в ней на первый план выйдут уже исторические методы исследований.

Археология и оценка ее источников

Значимые для археологии ценности ученые добывают из под земли, будь то тонкий слой почвы или же многослойные — естественные или искусственные — отложения глины, песка, щебня. Не менее 95 % всех археологических «сокровищ» тают в себе руины поселений, а также кладбища. В целом малыми или даже ничтожными долями представлены в древностях уже не связанные с селищами либо некрополями клады изделий или же изолированные от населенных пунктов святилища. Изучаемые исследователями поселения чрезвычайно разнообразны: города и городки, селища и деревни, монастыри и святилища или, в конце концов, предельно скромные кратковременные стоянки... По внешним проявлениям своей структуры эти остатки поселений могут быть либо чрезвычайно простыми,

Рис. 4.3. Алтарь подземной раннехристианской церкви (слева) и погребальные катакомбы (справа) на острове Мальта

либо предельно сложными. Однако для тематики нашей книги первостепенное значение будут, пожалуй, иметь материалы некрополей. Причина предпочтения очевидна: подвижные скотоводы оставляли нам очень мало выразительных мест поселений, что становится особенно заметным при сравнении их с культурами оседлых народов. Поэтому кладбищам и различным некрополям мы будем уделять в книге несравненно большее внимание.

В структуре любого из погребальных сооружений всегда различаются лишь два основных блока: подземная камера и надмогильное сооружение или же комплекс сооружений. Каждому из этих блоков — надземному и подземному — придается особое значение. У некоторых культур оба блока должны были равновесно соответствовать друг другу. Скажем, богатство могильного инвентаря влекло за собой обязательную громаду надмогильного холма или иного сооружения. Или же наоборот: и инвентарь, и надмогильные знаки захоронения отличались скромным обликом. В иных случаях все признаки величия фигуры люди прятали глубоко под землю, а поверхностные сооружения ничем особым не отличались. Либо еще один вариант: мемориал для скончавшейся видной персоны сооружали, и он мог выглядеть достаточно выразительным, но останки покойника с этим памятником не были связаны.

История человечества наполнена примерами того, как люди ухитрялись выкручиваться из строгих оков идеологических постулатов, чтобы явить свою особую значимость миру живых. Может быть, ярче всего это проявлялось в христианском мире — особенно в католическом. Например, хорошо известно, что обряд погребений ранних христиан всегда отличался предельной скромностью и суровым аскетизмом (рис. 4.3). Ведь одной из важнейших заповедей изначального христианства всегда был строгий и безусловный примат духовного в земном бытии и отвержение материального начала. Церковь, однако, становилась господствующей

Рис. 4.4. Мавзолей императора Адриана (76—138) в Риме (Wikipedia)

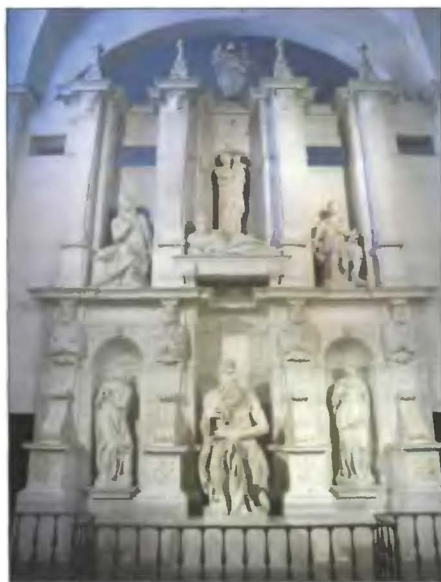

Рис. 4.5. Фасад гробницы римского понтифика Юлия II. Незавершенное творение Микеланджело 1542—1545 гг. Рим, церковь Сан-Пьетро-ин-Винколи (Wikipedia)

щей силой, и от века к веку ее роль в обществе возрастала. Вместе с этим менялись и представления о характере и сути погребальных обрядов, во всяком случае для клерикальной верхушки. Церковные иерархи, соглашась — как бы поневоле — предстать в подземной «ипостаси» перед Господом в предельной скромности, одновременно и страстно желали восславить себя в ярких знаках земного величия. Так, гениальнейший из скульпторов во всей мировой истории Микеланджело свою долгую творческую жизнь был вынужден исполнять капризные заказы верхушки римской курии на сооружение величественных надгробий.

В 1505 году Сангалло, человек приближенный к Ватикану, известил молодого, еще 30-летнего, но уже именитого в то время скульптора о повелении 216-го римского Папы Юлия Второго соорудить тому «...великую гробницу. Величайшую гробницу, каких не быва-

по на свете... Эта гробница будет громаднее, чем надгробье Мавзола <...>, величественнее могил Августа и Адриана.

[Микеланджело поражен]: — *Августа... Адриана... Это же гигантские сооружения!* (см. рис. 4.4).

— *Гигантское будет и у тебя. Не по архитектурным масштабам, а по скульптуре. Святой отец хочет, чтобы ты высек столько грандиозных изваяний, сколько замыслишь, — десять, двадцать, тридцать!*» (Стоун: 447).

Таким предстал тысячелетний путь «восхождения» христианских поводырей от захоронений в подземных катакомбах до «величайших гробниц» (см. рис. 4.5).

Сложности трактовки погребальных сооружений

Памятники, связанные с переходом человека в иной мир, на фоне структур поселенческих кажутся внешне не столь уж сложными и, пожалуй, существенно более монотонными в своих основных проявлениях. Это как бы позволяет многим исследователям склоняться к их упрощенной трактовке. Но вот всегда ли такая верификация бывает оправданной? За сравнительным лаконизмом внешних проявлений деталей погребального сооружения чаще всего бывает скрыт огромный и трудно понимаемый блок идеологических канонов. Ведь именно этим — изустно выраженным в далекой древности — установкам и подчинена, как правило, вся процедура перехода покойного в потусторонний мир. Понимание и корректная расшифровка исходных канонов на базе их материального отражения в погребальных комплексах задача весьма нелегкая. Чаще всего дешифровку такого рода мировоззренческих установок мы проводим по упрощенной схеме, опираясь на логику современной жизни и кажущееся нам рациональным понимание взглядов древних на окружавший их мир. Такая схема во многом оправдывает себя при изучении поселенческих памятников, но при оценке заупокойных древностей она нередко приводит к весьма досадным сбоям.

Наше — и автора, и читателя данной книги — внимание к погребальным памятникам и сооружениям археологической старины должно приобретать особый интерес. Повторим, что культуры кочевых скотоводов оставляли по себе материальную память только лишь в виде захоронений своих соплеменников. В огромном количестве здесь были представлены характерные едва ли не исключительно для Степного Пояса курганные некрополи. Очень широко распространенными оказывались также и так называемые «грунтовые» кладбища, где над могилами усопших никаких сооружений либо не воздвигали вовсе, либо сами подобные сооружения выглядели весьма скромными и мало информативными. Останки поселений полукочевых народов, если они и встречаются, в сравнении с селищами и городами оседлых культур чаще всего не могут сколько-нибудь впечатлить стороннего наблюдателя своим богатством — зачастую они выглядят крайне маловыразительными.

Погребальные памятники всегда в большей или меньшей степени отражают представления той или иной культуры о характере загробной жизни. Потусторонний мир может являться зеркальным повторением земного, и в таком случае каждый почивший должен отправляться в свое последнее путешествие с тем скарбом, который и должен служить его визитной карточкой в ином — по верованиям как древних, так и множества наших современников — уже вечном мире. Родственники и свита выкапывают для покойного вождя громадную погребальную яму, которая и служит основой могильной камеры. Сама камера по возможности должна выглядеть максимально более комфортной и богатой. Элитную персону сопровождает огромная масса драгоценных — золотых, серебряных и прочих диких предметов. После всего этот подземный комплекс должен быть перекрыт гигантской земляной насыпью — курганом. Сам курган мог служить затем сакральным местом поминальных тризн.

Впрочем, переселение в вечный мир далеко не всегда зеркально отражало реалии земного бытия. Вполне вероятно, что пышная «визитная карточка» вождя требовала особых, порой даже чрезвычайных усилий его соплеменников. Но понятно, что пышность ритуала была вовсе не обязательной для рядовых членов того общества. Любопытно, что 30-е годы в советской археологической науке, полностью подчиненной требованиям марксистско-ленинского понимания «пятичленной» истории человечества, необходимо было показать, что в погребальных ритуалах отражалось также и сословие рабов. Легче всего эту униженную социальную прослойку было разглядеть среди беднейших могил с останками погребенных, которых не сопровождал какой-либо похоронный инвентарь...

Попытки максимально полно расшифровать характер и структуру того или иного общества по характеру могил и могильного инвентаря далеко не всегда приводят к успеху. Вот, скажем, один из самых любопытных сюжетов: захоронения коней сопровождают, как правило, наиболее значимые, богатые погребения носителей степных культур общего домена западной половины Евразии (прежде всего, захоронения скифов). И картина контрастная этой: у степных народов восточной половины нашего материка такая традиция либо вовсе отсутствует, либо она встречается как исключение. Например, нам хорошо известно, что монголоязычные народы — скажем, гунны — или же тюркоязычные племена были врожденными всадниками. Однако натолкнуться на специальные захоронения коня в погребениях этих народов можно только очень и очень редко. Так, среди многих сотен человеческих погребений так называемой «Минусинской провинции хунну», кажется, едва ли не единственная могила сопровождалась двумя лошадиными черепами у ног мужчины (Савинов: 40—41, вклейка). Поэтому редкость захоронений коня вместе с человеческими останками здесь говорит лишь о том, что таковы были требования идеологических канонов восточного круга степных культур.

Вспомним и еще об одном варианте погребального обряда, когда на поверхности возводят некий памятник усопшему, однако останков покойника археологи обнаружить не могут. Подобные обряды были опять-таки весьма характерны

Рис. 4.6. Стелы тюркских ханов в Центральной Монголии (6—8 века)

Рис. 4.7. Стелы тюркских ханов в Северном Синьцзяне, 6—8 века. Экспозиция музеев в городах Инин и Пола (Silk road: 54)

для кочевых народов Востока Евразии. Вот, к примеру, краткое извлечение из описания в китайских источниках погребальных церемоний знатных персон у одного из восточных тюркских племен в шестом столетии новой эры. В сущности, это даже трудно считать погребением, поскольку сначала тело скончавшегося сжигают, а пепел зарывают в неглубокую ямку. Над ямкой сооружают насыпь из каменных обломков вкупе с неким памятным знаком. Потом строят так называемый деревянный «дом» и помещают в эту хижину «облик покойного» вместе с «описанием» его прижизненных подвигов. Наконец, сами эти подвиги его соплеменники постараются символизировать длинными рядами поставленных вертикально камнями («балбалами»), и счет таких камней-балбалов должен был по идее равняться числу уничтоженных покойником врагов — *от одного до тысячи*! Почти обязательным было принесение в жертву скота — овец и лошадей. Однако головы жертвенных животных водружали на воткнутые в землю шесты (Войтов: 81).

На долю археологов оставались в таком случае лишь «поминальные» камни, по которым они и пытались угадывать лишь место погребальной церемонии; все остальное исчезало. Наиболее выразительным знаком подобных церемоний служили достаточно стандартные и весьма многочисленные каменные изваяния тюркских вождей, рассеянных по обширным пространствам Монголии и Синьцзяна (рис. 4.6). В правой руке каменный хан держал, как правило, кубок с весе-

Рис. 4.8. «Оленный камень» — стела в Северном Синьцзяне, конец II — начало I тыс. до н. э. (Grand view: 345)

Рис. 4.9. «Оленный камень» — стела в Центральной Монголии (конец II — начало I тыс. до н. э.) на более позднем кладбище. С погребениями этого могильника сама стела связана не была

лящим (?) напитком, а его левая рукой упиралась в пояс с заткнутым за ним оружием (рис. 4.7).

К гораздо более раннему времени, то есть к концу II или же к началу I тыс. до н. э., относятся так называемые «оленные камни», также, по-видимому, олицетворявшие фигуру усопшего вождя (рис. 4.8 и 4.9). За счет западных ареалов территория распространения фигур тюркских ханов была шире, нежели ареал «оленных камней» или стел. Обыкновенно все четыре грани удлиненного скального блока такой стелы покрывали более или менее искусно высеченные изображения летящих оленей. Фигуры этих животных имитировали аппликации парадной верхней одежды покойного вождя. Вот только как будто практически ни разу не удалось идентифицировать место погребальной церемонии в согласии с местом находки «оленного камня». Уже примерно через тысячу лет потомки местных кочевников, как правило, перетаскивали эти удивительные по своей выразительности стелы на края гораздо более поздних по археологическому возрасту могил, в которых находились останки их родичей.

Археологи в качестве представителей потустороннего мира

Здесь мы позволим себе краткое отступление или же ремарку о фантастично звучащем парадоксе. Нас не может не поражать то, что именно археологи, как правило, выступают в странном качестве нежданных «резидентов» потустороннего мира. Ведь именно они самыми первыми, ранее всех, определяют — пусть даже предположительно — социальную значимость той персоны, что покинула земную жизнь многие сотни или даже тысячи лет назад. И вдруг тлен этой персоны совершенно внезапно и нежданно переносится в такой мир, образ которого вряд ли когда-либо был в состоянии зародиться даже в неистово разыгравшемся коллективном сознании растворившейся во временных глубинах культуры....

Если же погребения со множеством драгоценностей в какой-либо культуре изобильны, то археологи зачастую склонны приписывать сообществу последней мощь чрезвычайную. Вместе с тем такое заключение может быть ошибочным. Вот что, к примеру, наблюдал еще на рубеже нашей эры древнегреческий историк и знаменитый путешественник Страбон: *«Албаны больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам; однако они не дики и поэтому не очень воинственны... Старость у албанов в чрезвычайном почёте, и не только родителей, но и прочих людей. Заботы о покойниках или даже воспоминания о них считаются нечестием. Вместе с покойниками погребают и всё их имущество, и потому живут в бедности, лишённые отцовского достояния»* (География: 11, IV). Уже в этом оказывается заложенной специфическая и даже, по всей видимости, ненамеренная ложь археологического источника. Общество могло работать на потусторонний мир, выкладываясь до конца и тем самым старательно готовя себе тяжёлую участь и даже собственную гибель. В характере и направленности подобного рода культур резко нарастала опасная и даже губительная для нее доля иррационального.

Здесь уместно вспомнить историю известного египетского фараона Древнего царства Хеопса и возведения его знаменитейшей пирамиды, что доныне привлекает неослабное внимание миллионов людей и не только туристов. В изложении «отца» истории Геродота это время представляется таким, что фараон, принуждая все население страны сооружать свою величественную каменную гробницу, *«вверг страну в пучину бедствий... Сто тысяч людей выполняли эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца... Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили каменные глыбы, — работа едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды... Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет... А Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег»* (Геродот: IV, 124—126). И вряд ли в передаче Геродотом этой истории мы найдем очень много преувеличений.

Рис. 4.10. Современные захоронения кочевников Монголии (1980 год)

Но вот что любопытно при этом: ведь Хеопс во многом добился, чего желал. Миллионы наших современников спустя четыре с лишним тысячелетия знакомы с его поразительным творением и имеют представление о фигуре древнеегипетского монарха!..

...Если же нам ведомы выдающаяся мощь и значимость культуры, а погребальные памятники неизвестны вовсе или же они крайне невыразительны, то, скорее всего, мы должны заключить, что в данном обществе представления о характере потустороннего мира не были связаны с материальными богатствами. Народы далеко не всех культур связывали переход покойного в иной мир с помещением его останков в чрево земли (рис. 4.10). Вот скажем:

«Погребение совершенно неизвестно современным кочевникам Тибета. Они либо выставляют мертвых на вершинах гор, либо бросают в озера и реки, или следуют общетибетскому обычаю разрезания тела на куски и кормления мясом грифов, которыми изобилуют тибетские нагорья. Старая литература Тибета знает обычай погребения тела в «каменных ящиках», сложенных из каменных плит, но следов подобных погребений еще не найдено, хотя и нельзя отрицать возможность их нахождения» (Рерих: 25).

Чрезвычайно любопытным является возмущенное негодование нашего замечательного путешественника Н. М. Пржевальского по Монголии и Тибету, когда ему, приверженцу христианства, пришлось наблюдать в 70-х годах 19 века столь резко непривычный обряд погребения. Вот, к примеру, Урга 19 столетия — нынешняя столица Монголии Улан-Батор:

«Путешественник встречает <...> отвратительные сцены на кладбище, которое лежит возле самой Урги. Здесь трупы умерших не зарываются в землю, но прямо выбрасываются на съедение собакам и хищным птицам. Потрясающее впечатление производит подобное место, усеянное грудами

костей, по которым, как тени, бродят стаи собак, исключительно питающихся человеческим мясом. Не успеют бросить сюда свежий труп, как его уже начинают терзать эти собаки, вместе с воронами и коршунами, так что через час, или много два, ничего не остается от мертвеца. Буддисты считают даже хорошим признаком, если труп будет скоро съеден — иначе человек, по их понятиям, не был при жизни угоден богу. Ургинские собаки до того привыкли к подобной пожине, что в то время, когда труп несут на кладбище, по улицам города, то вместе с родственниками за покойником неминуемо следуют собаки, часто из его собственной юрты» (Пржевальский 1946: 50).

А вот сведения о другой столице — уже Тибета:

«Обычай хоронить мертвых состоит в том, что их прямо выбрасывают в поле на съедение волкам, воронам и грифам; но ламы, сколько кажется, закапываются в землю. В самой Лхасе, как нам сообщали и как известно от прежних путешественников, судьба мертвеца решается ламами, которые по гаданию определяют, каким образом должен быть погребен труп: сожжен ли, брошен ли в реку, закопан в землю, или отдан на съедение птицам и зверям. В последнем случае мертвеца отвозят в степь и здесь во время чтения молитв режут тело на куски, которые бросают собравшимся грифам. Птицы эти хорошо знакомы с подобною добычей и мигом в множестве слетаются на нее, не боясь вовсе людей; кости скелета разламывают и бросают тем же грифам. Память умерших свято почитается» (Пржевальский 1948: 214).

Перерождения усопшего имеет дело лишь с его душой. Прежнее телесное лишь мешает, препятствует посмертной трансформации, связанной уже с новой телесной оболочкой. Старая оболочка греховна. «За *“грехами”* тела фактически скрывается боязнь самих телесных останков, одержимых злыми духами телесности» (Герасимова 1999: 140). Истинная значимость покойника определялась его деяниями, славой его земной жизни, неизбывной духовностью и благосклонным вниманием к нему высших сил. В таком случае его останки могли, к примеру, предавать огню, как те же буддисты либо индуисты, или же оставлять на усмотрение и волю благородных хищных животных, подобных волкам или грифам (ведь к этим животным невозможно было приравнять омерзительных земляных червей).

Особый подход к похоронному обряду у кочевников, отсутствие привычных могильных сооружений нередко будет ставить нас перед трудноразрешимой загадкой истинного понимания картины тогдашнего мира в пределах Степного Пояса. Но вот, может быть, самый яркий, кажется, даже в чем-то совершенно неожиданный и загадочный для нас барьер... Мы будем именовать его *«монгольским синдромом»*, и данный синдром явится чрезвычайно значимым для археологических построений, в особенности тех, что тесно сопряжены с историей кочевых народов.

«Монгольский синдром» кочевых культур

Итак, в 13 столетии монгольские кочевники стремительно подчиняют более половины пространств Евразийского континента. Их конница сокрушает устои некогда могущественных государств, оставляя за собой дымящиеся руины бесчисленных городов и селищ. Невообразимые и запакованные в бессчетные тюки громады сокровищ влекут один за другим снаряженные победителями караваны верблюдов в неведомые дали Центральной Азии...

Но где же эти россыпи шедевров? Куда сгнули эти фантастические богатства?..

Вспомним теперь: ведь мы практически все и о монгольских завоеваниях, и об этих молниеносных походах, и о «реквизированных» неисчислимых богатствах знаем лишь из письменных документов. И свидетельств этих множество великое: их сочиняли летописцы от Западной Европы до Китая. И все они — на разных языках — кричат, вопят либо скороговоркой сообщают, по сути, об одном и том же — различаются лишь вариации.

Представим теперь нечто — Впрочем, в истории вполне вероятное: монгольские нашествия протекают, к примеру, пятью или даже четырьмя тысячами лет ранее, в те времена, когда евразийские культуры не имеют представления о письменности. Что тогда? Выразимся яснее: если бы у нас в руках не находилась бесконечная масса письменных документов, с их стенаниями и воплями об ужасах монгольских нашествий, то что в таком случае мы могли бы ведать об этих сотрясавших почти всю Евразию катастрофах? Полагаю, что ничего, и вот по какой причине. Монголы после покорения большей половины континента почти ничего после себя не оставили — в смысле археологических источников, разумеется. Обеспечили своих современников руинами и притом в великом множестве. Но ведь руины далеко не всегда могут «говорить», особенно если среди развалин не встречено очевидных и безусловных свидетельств виновников катастрофических разгромов. Однако мы ничего подобного в своих руках не имеем.

Несогласные с отсутствием такого рода источников могут, конечно, укорить автора напоминанием уже не о руинах, но, скажем, о символической столице кочевой монгольской империи Каракоруме (Хархорине), сооруженной при наследнике Чингисхана Угедее почти в центре Азии. Увы, строили ее, однако, совсем не монголы, а по существу, едва ли не полностью китайцы, равно как их мастера сооружали и величественные мемориалы тюркским вождям — своим исконным врагам, о чем речь пойдет далее (см. главы 24—30 в третьей части книги).

И все же: что демонстрирует нам археология? Увы, она упорно «отмалчивается». Монголы ухитрились не оставить для нас на этих бесконечных развалинах царств и городов своих хорошо различимых для археологов «визитных карточек». Но кроме всего, пожалуй, — и это самое важное — в наших руках совершенно отсутствуют те важнейшие материальные свидетельства, по которым мы обычно

можем судить о культуре кочевых сообществ. Монгольские воины не хоронили своих павших на поле брани или же покинувших этот мир по иным причинам так, как это привычно для нашего восприятия. Монголы имперских времен или же немного более поздних времен, оставили после себя редкие и столь невыразительные могилы, что до конца никто из ученых — археологов или же палеоантропологов — не может уверенно утверждать: вот именно в этой могиле захоронен коренной монгол-всадник.

Десятки лет многие энтузиасты, в основном любители-кладоискатели — порой очень состоятельные, те, что способны организовать специальные и дорогостоящие экспедиции, — лелеют вплоть до нынешнего дня мечту найти могилу Чингисхана. И как же манят их завораживающие мечты о якобы подлинных, но доныне не открытых «гималаях» золота, серебра, неопишуемых украшений и — лишь один бог ведает — чего-то такого, что даже трудно себе вообразить! Сколько же энергии было потрачено этими «подвижниками» — и абсолютно впустую! Могил, в понимании западных или же хотя бы китайских канонов, монголы не сооружали. Они отправляли сородичей в дальний и бесконечный путь каким-то иным путем, не оставляя для потомков никаких явных следов. А их предки могли сохраняться лишь в неисчерпаемой памяти последующих поколений. По всей вероятности, их верования и погребальные обряды были очень близки тем, о которых шла речь в предыдущем разделе главы. Судя по всему, идеология монголов имперских и более ранних времен отвергала материальный мир в потусторонней жизни. Видимо, всемогущее и всеведущее Небо-Тенгри вовсе не нуждалось в подобных доказательствах высоких совершенств покинувшей земную жизнь персоны. Чингизиды отвергали материальное в потусторонней жизни, но в посюстороннем, земном бытии жадно и беспощадно для своих противников этих богатств домогались...

Оценка динамики и последовательности исторических процессов на базе одних лишь погребальных памятников, к сожалению, чревата для археологов и историков грубыми просчетами. Если вдруг «чингисхан» неведомых для нас поколений кочевников решает, что высшие силы Неба не нуждаются в груде бесполезных вещей — нам, археологам, может не «повезти», и тогда исчезнут наши кажущиеся столь надежными источники для реконструкции исчезнувшей культуры. И мы начинаем в таких случаях впадать в недоумение по поводу досадных и необъяснимых пробелов в привычной нашему уму гладкой последовательности исторического процесса на неких земных пространствах. С этого момента мы будем прилагать массу стараний, чтобы заполнить эти малоприятные провалы собственными, порой совершенно беспочвенными придумками и фантазиями. Кстати, с похожей ситуацией мы столкнемся, когда коснемся очень ранних степных культур на переломе V, IV и III тыс. до н. э. (см. главу 11).

Вот именно эти причины не позволяют нам упускать внимания столь важного для археологии эффекта «монгольского синдрома».

Глава 5

«ДАРЫ» НОМАДОВ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Восприятие соседей и самооценки

При оценке восприятия культуры, с одной стороны, самое себя, а с другой, культур соседних базой для нас, в первую очередь, послужили, источники исторические или же письменно-документальные: труды историков, хроники, письма и т. п. Письменные источники по ряду аспектов могут быть весьма лживыми. Если изложение касается внутренней жизни того общества, где и создаются источники такого рода, то это очень нередко напоминает истинный панегирик самим себе.

Синдром Нарцисса — а именно так мы определим такую черту менталитета — присущ любой человеческой культуре, и без постоянного самолюбования культура может существовать лишь с большим трудом. Данный синдром по своей сути и является коронным фактором так называемой национальной идеи или самоидентификации: господствующие постулаты понимания мира той или иной культурой не могут и не должны вызывать сомнений у ее носителей. Если же синдром слабеет, как бы размывается, а его базовые каноны разъедает ржавчина подозрений относительно их истинного совершенства, то налицо явные признаки кризиса культуры.

Однако при оценках культур смежных, тем более враждебных, нота критическая, весьма часто презрительная и даже ненавистная, явно доминирует: деяния соседей неразумны и вредоносны; их верования и обряды смешны, нелепы, а для истинной веры оскорбительны; и вообще — лучше бы подобных соседей вообще не существовало. И тем не менее, даже в такого рода насыщенных злобой и желчью документах, для нас очень важны свидетельства об этнографических деталях обустройства жизни соседних народов, о характере их религиозных представлений, даже о внешнем облике людей и т. п. Особое значение, без сомнения, имеют данные о хронологии разного рода событий, сопряженные в этих документах, как правило, с упоминанием или описанием военных акций.

В огромном большинстве случаев кочевники-скотоводы своей письменности не имели. Почти все, что нам стало известным о них, извлечено из письменных документов «цивилизованных» оседлых соседей, чаще всего настроенных к ним крайне враждебно. Лишь в случаях полной, кабальной зависимости от степняков ненависть текстов замещалась раболепной лестью, но от этого степень их фаль-

ши не снижалась. Только порой при непредвзятом цитировании высказываний вождей номадов в подобных документах возможно уловить истинный характер менталитета кочевников и их отношения к своим «цивилизованным» соседям.

Вот весьма выразительное неприятие этих коварных народов — сарацинов — жителями городов и поселений у Аммиана Марцеллина, историка позднего Рима, писавшего свои труды в четвертом столетии:

«Сарацины, которых нам лучше бы не иметь ни друзьями, ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь... У этих племен <...> все люди без различия — воины. Полуголые, покрытые до бедер цветными плащами, на быстрых конях и легких верблюдах передвигаются они с места на место, как во время мира, так и в пору военных тревог. Никто из них никогда не берется за плуг, не сажает деревьев, не ищет пропитания от обработки земли. Они постоянно кочуют на широких пространствах без дома, без определенного местожительства, без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом, не нравится им никогда долго одно и то же пространство земли. Жизнь их проходит в вечном передвижении» (Марцелин-4: 1—5)

Наверное, такому резко негативному восприятию скотоводов-кочевников в немалой степени способствовали, к примеру, даже священные тексты Пятикнижия, где подробно повествовалось о бесконечных блужданиях — от Сиро-Палестины и Месопотамии до Египта — полуоседлого тогда еврейского народа «шатров и стад».

«И сказал Господь Моисею, говоря: отмсти Мадиянитянам за сынов Израилевых, и после отойдешь к народу твоему... И пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола <...> а жен Мадиямских и детей их взяли в плен, и весь скот их, и все стада их и все имение их взяли в добычу, и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем; и взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота; и доставили пленных и добычу и захваченное к Моисею и к Елеазару священнику и к обществу сынов Израилевых, к стану на равнины Моавитские, что у Иордана, против Иерихона. И вышли Моисей и Елеазар священник и все князья общества навстречу им из стана. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и столоначальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: для чего вы оставили в живых всех женщин? Вот они по совету Валааамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе Господнем; итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского пола, оставьте живых для себя; и пробудьте вне стана семь дней; всякий убивший человека и прикоснувшийся к убитому, очиститесь в третий день и в седьмой день, вы и пленные ваши;

и все одежды, и все кожаные вещи, и все сделанное из козьей шерсти, и все деревянные сосуды очистите» (Числа 31, 1—20).

Знаменитый древнееврейский историк Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», видимо, сознавал, что геноцид мадианитян слабо созвучен с десятью заповедями основных законов — «не убий!» — да и других, которые, согласно Торе, были поведаны Моисею Всевышним на горе Синай на пятидесятый день по исходу евреев из Египта. И конечно, поэтому в своем великом труде Флавий предпочел скрыть гнев Моисея в сторону *«пришедших с войны военачальников, тысяченачальников и столоначальников»*: еврейский пророк и вождь гонит их назад для убиения всех мадиамских *«детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе»*. Текст этот, разумеется, совсем не красит авторов священной книги «Чисел», и потому историк совсем его опускает. Отсюда уже намного «пристойней» выглядит и результат сражений: это лишь огромная добыча золота, серебра, скота, а также тридцати двух тысяч девушек, видимо, еще не познавших «мужского ложа». Моисей, как повествует историк, по справедливости распределяет все трофеи между священниками, левитами и народом. *«После этого евреи зажили счастливо, наслаждаясь добытыми собственной храбростью богатыми средствами, и никакое бедствие не омрачало пользование этими богатствами»* (Иосиф Флавий 4: гл. 7, 1).

Такие мало приятные сюжеты и в более позднем христианском мире также предпочитают обходить вниманием: ведь эти тексты есть составные части их Священного Писания.

Итак, во мнениях южных оседлых народов *«степной конный варвар злобен, коварен и агрессивен; он лишь разрушитель и неспособен к созиданию»*. Так ли это? Разумеется, нет.

Всадничество

Двумя величайшими постижениями обязана многотысячелетняя история человеческих сообществ степным народам — всадничеством и монотеистическим (авраамическим) религиям. Причем разделили эту славу первооткрывателей кочевые и полукочевые народы обеих частей домена, как основной — восьмистычекилометрового Степного Пояса Евразии, так и его меньшей, юго-западной части — Аравии.

Нам очень трудно сказать, где и когда следовало бы соорудить памятник пионерам всадничества. В степях ли Северного Причерноморья, где в принадлежавших полусоседным скотоводам маловыразительных поселениях V тыс. до н. э. находят очень много костей лошади? Однако для археозоологов здесь далеко не все ясно. Даже для весьма квалифицированных специалистов по костным останкам бывает очень трудно установить, были ли эти лошади уже одомашнены и приспособлены в качестве верховых? Вполне возможно, что подобного рода события случились в степном Предкавказье, где в IV тыс. до н. э. сооружали

для местных вождей гигантские погребальные курганы майкопской культуры — о них пойдет речь в главе 9. Однако прямых свидетельств всадничества и для этого региона мы также не находим — они лишь косвенные. Только в конце III тыс. до н. э. с появлением намеренных захоронений лошадей с хорошо сохранившимися деталями узда можно уверенно говорить о развитии всадничества. Это же подтверждают и литые навершия бронзовых рукоятей «княжеских» кинжалов того же времени с фигурками взнузданных коней.

Скорее всего, к этому открытию могли быть причастны степные племена, обитавшие в различных регионах Степного Пояса. Ведь пока что единый центр всадничества никак не желает себя обнаруживать, да по всей вероятности, такового центра и не существовало.

Оценка всадничества в качестве одного из «великих постижений» мировой истории, как нетрудно предвидеть, может вызвать возражения и недоумения. Ведь именно кочевники, их конные орды и сокрушали цивилизации южного домена. Стало быть, по этой причине всадничество, если и следует считать великим, то наверняка вредным. Увы, согласиться с этим возражением вряд ли возможно: подобные оценки не могут зиждиться на нравственной подоснове. В противном случае это будет походить, например, на резко негативное отвержение железа в той, скажем, страдальческой форме, в которой двадцать семь столетий назад проклинал его Гесиод, причем в самом начале железного века — уже пято-го по счету древнегреческого поэта:

*Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы или позже родиться.*

А спустя примерно 450 лет едва ли не в тех выражениях ему вторил другой поэт — Каллимах из Кирены:

«Пусть бы погиб род халибов, которые явили на земле железо, как злое растение восходящее» (цит. по Шмидт: 75).

Любопытно, но сходные с этими заклятия очень громко звучали и в не столь уж отдаленное от нас время: даже в 16 веке основоположник современной западной науки о горном деле и металлургии Георгий Агрикола тщетно пытался переубедить неистовых противников железа, в котором, по мнению тех, и гнезилось мировое зло:

«Ибо если бы не было металлов, люди влачили бы самую жалкую и омерзительную жизнь среди диких зверей. Они вернулись бы к желудям и лесным яблокам и грушам, питались бы травами и кореньями, ногтями вырывали бы себе логовища, чтобы лежать в них ночью, а днем бродили бы там и сям по лесам и полям, подобно зверям» (Агрикола: 52).

Уничтожить, однако, металлы никому не удалось, а железо шаг за шагом, но с изрядной скоростью стало захватывать наиболее значимые позиции в жизни многих евразийских народов...

Если правы те сторонники «длинной» хронологии, полагающие началом всадничества V тыс. до н. э., то выходит, что на протяжении почти **шести тысяч лет (!)** конница являлась наиболее мобильным и самым эффективным ударным видом войсковых соединений.

Напомним, что даже в 20-м столетии, в самый канун Второй мировой войны, некоторые западноевропейские и советские политики продолжали считать ее таковым; в конце второй главы мы уже цитировали стих одного из видных советских поэтов, восславлявший непобедимую, как ему грезилось, конницу Красной армии.

Наверное, молниеносные налеты конных отрядов на тех, кто не ведал всадничества, не только пугали, но могли буквально парализовать волю защищающихся. Скорее всего, именно таким было воздействие ничтожных по численности отрядов испанских конных конкистадоров при их вторжении в мир, населенный миллионами жителей культур майя, ацтеков или инков — этих цивилизованных аборигенов Мезо- и Южной Америки.

Мы употребляем слово **«дар»**, заключая его в кавычки, поскольку в кавычках смысл этого понятия звучит, наверное, более точно. Ведь оседлав коня и приспособив его для своих нужд, пастухи, надо полагать, совсем не имели намерения преподнести свой уникальный в те времена опыт в дар остальному человечеству — просто уж так невольно получалось. Однако другим своим великим постижением они, скорее всего, пожелали «осчастливить» или хотя бы поразить весь прочий мир, и о нем пойдет речь ниже.

Монотеизм

Согласно библейской традиции, идеи единобожия пробудились в среде полукочевых еврейских племен скотоводов — *народа шатров и стад*, когда Авраму (позднее Аврааму) — сыну легендарного Фарры, родившемуся в Уре Халдейском, открыл Всеблагий свой завет узреть в самом себе благословенного свыше:

«И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Бытие 12: 1—3).

В согласии с нынешней системой календарной хронологии, событие это следует относить или к концу III, или же к началу II тыс. до н. э., что может вытекать из библейского текста о зарождении постулатов иудаизма. На базе этой религии, как мы знаем, возникают две мировые религии — христианство и ислам. Вкупе с иудаизмом они получают наименование религий *авраамических* или же религий *откровения*. Зарождение христианства в первых столетиях новой эры с племенами мобильных скотоводов связано не было — каноны этой религии шаг за

шагом выкристаллизовывались уже в среде оседлых земледельцев и обитателей городов.

Христианство, хотя и причислено к авраамическим религиям, однако в значительной мере отличается от двух своих родственных религий. По существу, это уже некая «тринитарная» система с признанием за реальность своеобразной «триады» или же Троицы: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой. Вот, к примеру, вполне традиционная трактовка сущности Троицы в восточном православии, выраженная митрополитом Макарием в его сочинении «Православно-догматическое богословие: «Бог Отец не рождается и не исходит от другого Лица; Сын Божий предвечно рождается от Бога Отца; Дух Святой предвечно исходит от Бога Отца. Все три Лица по существу и свойствам совершенно равны между собой <...>. Отец никогда не был без Сына и Духа Святого».

Внешняя критика увидела в этом каноне христианского догмата, пожалуй, одну из наиболее уязвимых, непонятных и трудно приемлемых позиций. Для ислама, например, абсолютно всё заключено в едином Божестве, без каких либо дроблений и приставок. «Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите — **три!** Удержитесь, это — лучшее для вас. Поистине, Аллах — только единый Бог» (Коран: 4, 169 (171)). Для иудаизма подобное абсолютно невозможное «усложнение» сущности Всевышнего явилось одной из самых ненавистных ересей, которую правоверные иудеи узрели в христианстве.

Но и внутри христианского учения уже очень скоро вслед за его сложением возникло и никогда не исчезало обширное поле для критики понятия о «троичности» Всевышнего. Различные родственные в отрицании Троицы течения чаще всего именовались совокупно как антитринитарии. Любопытно, что даже в словах Жана Кальвина — этого едва ли самого сурового и беспощадного блюстителя канонических позиций христианского вероучения (как он понимал их сам), нетрудно уловить некие колебания в справедливости уверений о троичной сути Всевышнего. Вот слова из его знаменитой книги «Наставление в христианской вере», увидевшей свет в 1536 году: «Я не возражал бы против отказа от них при условии, что во всём мире существовала бы только правильная вера — вера в то, что Отец, Сын и Святой Дух суть единый Бог, и однако Сын не есть Отец, и Святой Дух не есть Сын, но Они различны между собой. К тому же я не настолько груб и склонен к крайностям, чтобы затевать большие сражения всего-навсего из-за слов. Ведь и древние отцы стремились говорить об этих вопросах со всем возможным благоговением и всё-таки не сумели прийти к полному единомыслию» (<http://jeancalvin.ru/institution/1/13/>). Однако именно Кальвин явился главным обвинителем выдающегося и разносторонне одаренного испанского ученого Мигеля Сервета (Miguel Servetus), опубликовавшего — кстати, за пределами Швейцарии — книгу «De trinitatis erroribus» («Об ошибках троичности»)

и «Диалоги о Троице» (*Dialogorum de Trinitat*). За эту «ересь» в 1553 году его и сожгли на костре в Женеве. Казнь Сервета стала одним из самых мрачных и позорных деяний, свершенных иерархами молодой реформатской церкви.

Основатель ислама — пророк Мухаммед — был сыном полукочечевого народа курайшитов, одного из многих племен скотоводов и торговцев, рассеянных по всему пустынному Аравийскому полуострову. Именно этих «сарацин» и не желал видеть «ни в качестве друзей, ни в качестве врагов» позднеримский историк Аммиан Марцеллин. В те времена, когда Марцеллин живописал этих «хищных коршунов», пастухам-аборигенам были еще неведомы высокие истины Корана. До откровения Аллаха прозревшему Мухаммеду еще оставалось более двухсот лет. Но именно в этой среде — столь непривычной и враждебной для горожан и селян востока Римской империи — и зародились в начале седьмого века догматы Ислама.

Первые откровения об особой роли Мухаммеда донес до грядущего пророка архангел Джабраил (Джибрил или же Гавриил). Великая книга Коран — это слово Аллаха и последнее Священное писание, которое никаким изменениям уже подвергаться не может. В этом, как полагают истинные мусульмане, коренное отличие Корана от священных книг иудеев и христиан — Библии и Евангелий, где многие святые истины оказались, по их мнению, преступно искаженными.

И в этом случае, подобно всадничеству, мы можем столкнуться с резкими нравственными отвержениями данного феномена, предлагаемого в качестве великого постижения. Для очень многих атеистов был прав Карл Маркс с широко известными афористичными выражениями из его «Критики гегелевской философии»: «Человек делает религию, а религия не делает человека... Она опиум для народа» (*«Der Mensch macht die Religion, die Religion macht nicht den Menschen... Sie ist das Opium des Volkes»*). Или же более сдержанная, почти в виде вопроса, оценка этого феномена у английского философа Бертрана Рассела: «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?» (*Russell Bertrand*).

Христианам же ненавистны каноны ислама, породившие «...народ упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим, опустошивший земли христиан грабежами и огнем» — такими словами призывал своих единоверцев Папа Урбан II к первому крестовому походу против неверных. Слова эти прозвучали почти тысячу лет назад, но сам принцип гневного отвержения иноверцев вряд ли претерпел какие-либо кардинальные перемены до наших дней. Судя по всему, примерно в сходной тональности звучали — да и звучат поныне — уже оценки мусульман по адресу приверженцев христианского учения.

Однако при любых оценках авраамических религий от отстраненно взвешенных у агностиков до озлобленно-фанатичных у приверженцев какой-либо из данных конфессий возможно ли отрицать, что все они в течение долгих столетий и даже тысячелетий являлись и являются основой мировоззрения более

трех миллиардов людей Земного шара и что впервые эти монотеистические идеи зародились в среде кочевых и полукочевых скотоводов? Разумеется, нет!

Курганы и мавзолеи

Некрополи, или «города мертвых», где на одной ограниченной и специально выделенной для этого площади бывает сосредоточено множество захоронений, стали распространяться в Евразии не ранее V или же — максимально — VI тыс. до н. э. (мы не будем иметь здесь в виду единичные или малочисленные человеческие погребения, которые были известны уже для палеолитических общностей). Археологи постоянно крайне заинтересованы в раскопках похоронных комплексов — ведь в их материалах очень часто сконцентрирована богатейшая информация не только о характере и уровне технологического развития культуры, но главным образом, о ключевых установках ее идеологии (последнее кажется особенно ценным). Если в культуре доминирует уверенность, что потусторонний мир столь же материален, как и мир реальный, окружающий носителей данной культуры, то похоронный обряд будет нацелен на достойное представление фигуры и значимости покойного в загробном мире. Тогда весь ритуал с сопровождающим покойного инвентарем будет олицетворять собой его своеобразную визитную карточку, по которой скончавшегося примут к себе властители потусторонних сфер.

Социальная же иерархия «живого, посюстороннего» сообщества, по всей вероятности, достаточно определенно и прямо отражается в могильных комплексах каждого некрополя. Во всяком случае, так полагает огромное большинство профессиональных археологов — и мы не будем здесь дискутировать относительно справедливости подобных взглядов. В любом случае, также всегда будут полагать и утверждать, что богатый инвентарь захоронения выдает социальную значимую в данном обществе персону.

Апогеем заоблачных вершин социальной иерархии всегда служат поразительные по своему богатству и архитектурному оформлению погребальные комплексы. Естественно, что при этом невозможно обойтись без примеров хрестоматийно известных древнеегипетских пирамид с одним из неизменного перечня чудес Света — пирамидой Хеопса, сооруженной около середины III тыс. до н. э. Или же сравнительно недавно открытый и буквально поразивший весь мир погребальный комплекс китайского императора Цинь Шихуанди, с гигантским надмогильным холмом, со многими тысячами терракотовых солдат, рост которых заметно превышал средние размеры мужчин-китайцев, обитателей империи Цинь конца 3 века до н. э. Заметим кстати, что этот поистине фантастический комплекс археологами до конца пока что не вскрыт (рис. 5.1).

Однако автор хотел бы обратить внимание, что феномен невероятных по своим масштабам погребальных сооружений степных вождей проявился существенно раньше: *по крайней мере, на тысячу лет они превосходили в этом отно-*

Рис. 5.1. Центральный холм гигантского погребального комплекса китайского императора Цинь Шихуанди — конец 3 века до н. э. (Wikipedia)

шении пирамиду Хеопса. Имеются в виду гигантские курганы так называемой майкопской культуры, выразителями которой являлись степные племена воинственных скотоводов Северного Предкавказья. Диаметр курганный насыпи их наиболее крупных сооружений превышал порой сотню метров, а высота сохранившейся до наших дней насыпи превосходила десяток метров от основания (во время сооружения этой земляной насыпи она, конечно же, была существенно выше). Под курганом покоились останки местного вождя-князя, проводы которого в загробный мир сопровождалась огромным количеством драгоценного металла — золота, серебра, бронзы.

Позднее — уже в I тыс. до н. э. — произойдет новая вспышка в стремлении увековечить через погребальные обряды невообразимую славу степных владык. Это было связано с памятниками всемирно известной скифской культуры, с ее такими же по масштабам гигантскими курганами и поражающим наблюдателей обилием драгоценностей при останках местных князей. Но вот что, пожалуй, весьма примечательно в этом отношении: земля, где обретали вечный покой великие предки, воистину становилась для кочевых народов священной. Такими словами, например, царь скифов Иданфирс объяснял посланнику персидского царя Дария, отчего же он сразу стал уклоняться от лобовых столкновений с персидским войском:

«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». (Геродот: IV, 127).

Автор, конечно же, при этом далек от мысли утверждать, что именно эти курганные громады степняков послужили прямым прообразом тех мавзолеев, что строили себе владыки античности, к примеру, знаменитый уже своим име-

Рис. 5.2. Реконструкция усыпальницы Мавзола — 4 в. до н. э. (Wikipedia)

Рис. 5.3. Мавзолей Ататюрка в Анкаре

Рис. 5.4. Мавзолей Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в Пхеньяне (Wikipedia)

нем правитель 4 века до н. э. одной не слишком уж приметной юго-западной малоазийской области — Мавзол (рис. 5.2). Или же в очень близкой современности — воистину грандиозный мавзолей Ататюрка, а также совсем уже современный нам мавзолей Ким Ир Сена (рис. 5.3 и 5.4). Усыпальница Владимира Ильича Ленина в сравнении с этими сооружениями выглядит весьма и весьма скромно. Однако какие-то параллели прообразов не могут не напрашиваться и, пожалуй, требуют некоторого внимания. Об этих культурах с гигантскими надмогильными

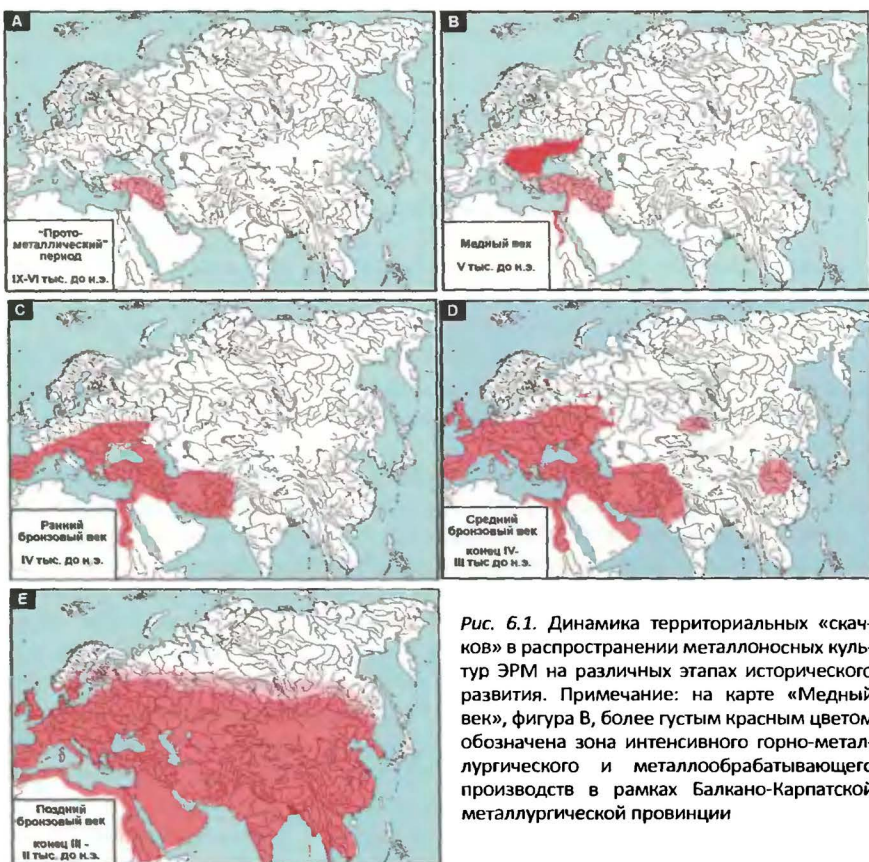

Рис. 6.1. Динамика территориальных «скачков» в распространении металлоносных культур ЭРМ на различных этапах исторического развития. Примечание: на карте «Медный век», фигура В, более густым красным цветом обозначена зона интенсивного горно-металлургического и металлообрабатывающего производств в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции

выкладками заметим, что расширение ареала культур ЭРМ происходило, как правило, не постепенно, но скачкообразно, ярко выраженными рывками. Такого рода «скачки» чаще всего были связаны и обусловлены трансформацией генеральной картины обширного поля археологических культур и общностей на пространствах Евразийского материка.

Единичные и редкие, но уникальные по выразительности и структуре, зачастую огромные поселки «протометаллического» периода оказались разбросанными на весьма обширной — для их столь малого числа — площади до 0,7—0,9 млн кв. км (рис. 6.1: А).

При всей отмеченной выше условности терминов для членения историко-технологических эпох, скажем, что культуры медного века V тыс. до н. э., олицетворявшие старт реальной эры металлов, покрывали общую площадь уже

до 3—3,5 млн кв. км (рис. 6.1: В). В свете этих общностей, сосредоточенных в первую голову на территории Северных Балкан и Карпат, археологи фиксируют уже не единичные, но массовые скопления памятников, в культурных слоях селищ или же в некрополях которых находят множество медных предметов.

В IV тыс. до н. э. общности раннего бронзового века двукратно увеличивают пространственный охват — до 6,5 или 7 млн кв. км (рис. 6.1: С). Территориальный всплеск культур среднего бронзового века, наблюдавшийся близ рубежа IV и III тыс. до н. э., был не столь внушителен: ареал металлоносных культур тогда расширился до 10—11 млн кв. км (рис. 6.1: D). Заметим, правда, что сам период среднего бронзового века выделяется среди культур на многих территориях Евразии лишь с немалым трудом и потому вызывает изрядное число вопросов.

Зато фантастично впечатляющим предстал рывок культур позднебронзового века. Общий пространственный охват металлоносных археологических культур и общностей к середине II тыс. до н. э. достиг того максимума, о котором уже говорилось: от 40 до 43 млн кв. км (рис. 6.1: E).

Проблема пространственной стагнации

Изумляющий нас парадокс исторического развития заключается в том, что апогей ЭРМ очертил рамки той территории, в относительно строгих границах которой протекали все ключевые исторические события последующих трех тысячелетий евразийской истории, имевших место уже после формирования сообществ Евразийского Ядра. Почти тридцать последующих столетий контуры территориальных границ этого Ядра колебались весьма незначительно (рис. 6.2). Во всяком случае, изменения эти представляются столь малозначимыми, что никак не могут быть сопоставимы с территориально-хронологическими рывками предшествующих фаз ЭРМ.

Эпоха «раннего железного века», наступающая следом за ЭРМ в I тыс. до н. э., приносит могучие революционные изменения в металлургию, экономику и военную организацию евразийских народов. Однако эта технологическая инновация практически не выходит за географические рамки, установленные финальной стадией ЭРМ — позднебронзовым веком. В последующие эпохи возникают и распадаются блоки культур и государств, включая, к примеру, греко-персидское противостояние, а также столь знаменитые завоевания Александра Македонского. В этих же границах заключена и эпоха знаменитой триады «Рим — Парфия — империя Хань», являвшейся стержневой в Евразии для финальных и начальных столетий двух сменяющих друг друга эр. Однако и тогда установленные границы Евразийского Ядра если и расширялись, то весьма малозаметно.

В эпоху великого переселения народов, в первой половине I тыс. н. э., гунны стремительно прокатываются от Китая вплоть до Галлии. Спустя около восьми сотен лет еще более сокрушительными предстанут монгольские завоевания, покрывшие львиную долю пространств культур Евразийского Ядра. Однако отря-

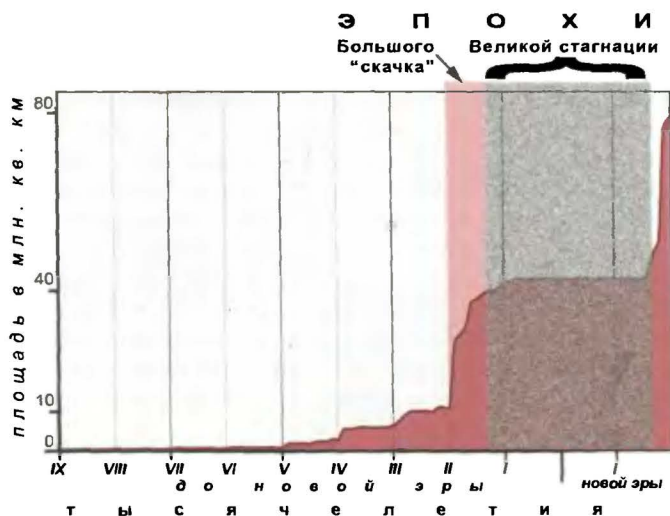

Рис. 6.2. Диаграмма территориально-хронологического распространения технологически высокоразвитых металлоносных культур в Старом Свете

ды этих воинственных скотоводов-кочевников никогда не посягают на выход за пределы некогда и неведомо кем строго очерченного территориального лимита.

Феномен «неодолимого» географического барьера для высокоразвитых культур Евразийского Ядра удивляет тем более, что культуры верхнего палеолита, никак не сопоставимые буквально по любым признакам технологического развития с позднейшими, примерно 40—15 тысяч лет назад преодолевали выстуженные евразийские полярные равнины, переправляясь через ледяной мост Берингии на необъятный Американский материк, осваивая его в конечном итоге, вплоть до Патагонии.

Здесь же, в Евразии, уже со второй половины II тыс. до н. э. мы сталкиваемся с необъяснимой на первый взгляд стагнацией в пространственном расширении высокотехнологичных культур. При анализе этого парадоксального феномена складывается впечатление, что с этого времени почти все связи, едва ли не вся энергия культур Евразийского Ядра оказалась направленной не за его пределы, но была сфокусирована на внутренних системах, заключенных в некогда очерченных рамках. По этой причине едва ли не все взаимодействие между культурами протекает в границах этого Ядра.

Сформулированная выше проблема является, на взгляд автора, одной из наиболее запутанных и трудно объяснимых в мировой истории.

Уже после 1500 г., вслед за загадочным и, на беглый взгляд, весьма странным трехтысячелетним «затишьем» культуры Евразийского Ядра, локализованные

сооружениями более подробно речь пойдет в ряде последующих глав второй части книги.

«Мост» между Востоком и Западом

И еще один сюжет в этой главе, хотя и раскрываемый здесь весьма лапидарно, поскольку более подробно тему эту мы будем развивать также в ряде последующих глав. На фоне пространственно статичных — в физическом смысле, конечно, — культур северного и южного евразийских доменов общности скотоводов Степного Пояса Евразии предстают в качестве чрезвычайно подвижных — или же как мы говорим — мобильных. Правда, ту самую мобильность скотоводы обрели лишь с domestикацией лошади и освоением коня под верховую езду. До того они были крепко «привязаны» к своему медлительному стаду, и их подвижность мало отличалась от оседлых племен. Но оседлав коня, они смогли оторваться от своих стад.

Именно на долю пастушеских мобильных общностей выпало в течение фактически четырех тысячелетий исполнять роль своеобразного сухопутного «моста» между цивилизациями и культурами Востока и Запада Евразии. Роль эта, конечно, выглядит достаточно странно, далеко неоднозначно, и она вовсе не похожа на роль культуртрегерскую. Да и кочевники, если и «несли на себе этот крест», то исполняли такую роль, конечно же, абсолютно невольно — ведь она по своей сути была противопоказана их менталитету и пониманию мира. Однако лишь благодаря свершившимся завоеваниям и этому диковинному «мосту», люди католического Запада, например, начинали узнавать шаг за шагом кое-что об истинном Востоке.

Этот странный и непреднамеренно соорудившийся «мост» был, что хорошо известно, обильно обгаден кровью. И потому опять же, при опоре наших оценок на нравственную базу, мы должны будем зачесть культурам кочевых скотоводов эту многотысячелетнюю акцию в тяжелый и прискорбный минус. Но и в данном случае я не хотел бы безоговорочно соглашаться с такого рода оценкой. Как правило, культурно-технологические прорывы практически у всех цивилизаций сопровождались общественными драмами и трагедиями разной силы, и без этого никогда и никакого движения к вершинам прогресса не наблюдалось. Так что автор предпочитает ограничиться здесь лишь краткой фиксацией роли кочевых народов во многих важнейших общевразийских исторических процессах.

Маятник колебаний культурных воздействий

По этому удивительному — и трудновообразимой восьмимысячекилометровой протяженности — степному мосту прорывались импульсы и волны воздействий с Запада на Восток и с Востока на Запад. Именно материалы этого моста — исторические и т.н. доисторические (или же археологические) — позволяют нам

реконструировать не только направленность этих встречных воздействий, но также их ритм и энергию. Однако признаки таких явлений с явной очевидностью стали проявлять себя только после открытия металлов и формирования культур «мобильных» пастушеских народов, то есть, по всей вероятности, не ранее III тыс. до н. э.

Материалы огромного множества культур, распространенных в Евразии в последние четыре с половиной или даже пять тысяч лет — вплоть до Нового Времени — позволили нам установить, что смена генерального курса в подобном рода воздействиях происходила, по меньшей мере, дважды. Вообще же эти маятниковые воздействия по своему характеру напоминают в чем-то гигантские океанские «приливы» и «отливы». Временные рамки приливов / отливов отличались, весьма длительной протяженностью — не менее тысячи или даже полутора тысяч лет для каждого. И кроме того, в каждом из приливов нетрудно было различить череду следующих друг за другом и нарастающих по мощи нескольких как бы подчиненных генеральной — сходного направления — волн

Наши наблюдения позволяют полагать, что первичная и бесспорная доминанта в этих длительных маятниковых раскачках принадлежала воздействиям с Запада. При этом, пожалуй, особенно интересно, что практически вся последовательность западных волн оказалась сопряженной только с археологической древностью (если исключать, конечно, позднейшую эпоху уже Нового Времени). По преимуществу эти волны укладывались в широкие хронологические рамки: от второй половины III вплоть до конца I тыс. до н. э. (или же до самого начала I тыс. н. э.) — стало быть не менее двух или двух с половиной тысяч лет. Западная доминанта не означает, однако, что не было встречных попыток прорыва или же импульсов с Востока на Запад. Одному из самых ярких рейдов стремительных восточных скотоводов-всадников, получивших наименование сейминско-турбинского транскультурного феномена, будет посвящена специальная глава 15. Однако в этой маятниковой раскачке изначальное господство западных импульсов кажется безусловным.

Сменилось время, и с самого начала I тыс. н. э. — уже в «историческом» периоде развития культур Степного Пояса — хорошо заметным стало преобладание встречных — восточных — воздействий и импульсов. В «исторических» главах книги автор постарается продемонстрировать три последовательно накрывавшие Запад восточные волны: их господство на огромных пространствах западной половины Евразии растянулось более чем на тысячу лет. Венцом или же своеобразным «звездным часом» степных номадов — но одновременно и их «лебединой» песней — явились завоевания Чингисхана и его потомков, завершившихся формированием в 13—14 столетиях невиданной по охвату сухопутной империи Чингизидов.

Глава 6

КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Конница и металл

Зарождение феномена кочевых воинственных культур Великой Евразийской степи было связано с двумя наиболее существенными технологическими и социально-организационными достижениями. На первом плане в этом отношении должно, безусловно, стоять одомашнивание лошади и освоение коня под верховую езду. Номад Степного Пояса без приспособленной под верховую езду лошади вряд ли может считаться собственно номадом. Даже в летние сезоны он малоподвижен, полностью привязан заботами об удобных пастбищах к своему медлительному стаду коров, овец и коз. У пеших пастухов нет никаких возможностей для скоростного маневра; нет даже возможностей успешной обороны своего четвероногого богатства от внезапных нападений быстрых хищников.

Приручение коня, освоение его под верховую езду привело к незамедлительному формированию кавалерии, конных стремительных воинских подразделений, оказавших столь мощное воздействие на характер и динамику развития огромного числа евразийских культур, начиная с IV тысячелетия до новой эры.

Другим столь же существенным сдвигом необходимо назвать открытие металла и металлургического производства. Во множестве сообществ металл сразу же привлек внимание в качестве первоклассного материала для изготовления оружия (чем он, впрочем, служит и до сегодняшнего дня). Воины-скотоводы довольно скоро оценили его свойства.

Вполне естественно, что в цели наших изысканий входит стремление обнаружить самые ранние истоки этих явлений. Однако сразу же должно сказать, что металлургия и коневодство находятся здесь в весьма неравном положении: получить удовлетворительно четкое представление о времени и месте зарождения развитого коневодства мы не в состоянии. Обыкновенно кости того или иного одомашненного животного несут на себе какие-либо следы или же признаки произошедших изменений в сравнении с видами дикими. Лошадь в этом отношении оказалась менее «податливым» видом на фоне иных копытных, к примеру, крупного или же мелкого рогатого скота.

При исследовании археологических древностей металл при сопоставлении с костными останками лошади предстает в качестве несравненно более явного и определенного признака кардинальных технологических инноваций. Он хорошо

сохраняется в культурных слоях или же в могилах; его легко изучать как со стороны формы металлических изделий, так и технологий выплавки того или иного металла из руд; довольно легко уяснить себе и методы его обработки.

Упоминание о металле мы поместили вслед за конницей. Такой порядок изложения вовсе не означает, что роль металла менее значима на фоне доместикации лошади. Соотношение это, конечно, совершенно противоположное: металл с определенного времени становится показателем восхождения человеческих сообществ на принципиально новую ступень развития, на чем мы и остановимся более подробно.

Металл и историко-археологические эпохи

На признаках освоения новых технологий в металлургическом производстве издавна строились базовые посылки глобальной периодизации развития человеческих сообществ. Например, еще в 1837 году организатор первого в мире археологического музея в Копенгагене Христиан Томсен расположил в экспозиции ископаемые древности так, что они четко соответствовали его представлениям об эволюционном хронологическом порядке развития североευропейских культур. Начало отвечало веку каменному, за ним наступал век бронзы, и уж последнему наследовал железный век. Фундамент технологического характера данной схемы выступал вполне определенно, и его универсальный характер, как казалось, даже не требовал специальных дискуссий.

Весьма сходные мысли по этому поводу высказывал и Тит Лукреций Кар едва ли не за две тысячи лет до Томсена. Вот только древнеримский поэт и философ свою весьма похожую и также трехчленную историко-технологическую схему излагал в форме поэтической. Но ведь уже задолго до Лукреция, еще на заре эпохи железа, на рубеже восьмого и седьмого столетий до новой эры, сын ахейского морехода Гесиод различал в человеческой истории пять веков. Эпоху камня в его «Трудах и днях» замещали наполненные блаженством золотой и серебряный века. Периоды драгоценных металлов замещал мрачноватый и преисполненный «насильщиной» век «медных и необорных» по своей мощи гигантов. Станным диссонансом вторгался в гесиодову схему век четвертый — «славных героев божественный род». Венчало же историю человечества то время, в котором обрелся уже сам Гесиод: век «проклятых небом железных людей», которые «никогда не будут ведать передышки от горя и несчастий» (мы вспоминали об этих словах Гесиода в предшествующей главе).

И у библейского пророка Даниила в его толковании сна вавилонского царю Навуходоносору также звучит базирующаяся на смене металлов последовательность царственных перемен:

«Ты — это золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как

железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать» (Даниил 2, 38—41). Правда, у Даниила «всесокрушающее» железо, в отличие от Гесиода, не есть проклятие, но вершина всего материального мира.

Любопытно, однако, что во всех либо фантастико-поэтических, либо научных схемах развития человеческих сообществ металлы непременно выдвигались на передний план и играли роль решающую. Так, по существу, было всегда, и автор не склонен оспаривать эту аксиому. Однако по мере развития исследований досадное «но» проявлялось здесь все яснее и ярче: подобная «триада веков» обнаруживала весьма существенное пространственное ограничение; на роль схемы глобальной и всепланетной она претендовать никак не могла. Оказалось, что подобная схема относится, прежде всего, к так называемому «Ядру» евразийских сообществ, о котором более подробно речь пойдет ниже.

У истоков металлургии

В последние десятилетия в археологической науке весьма распространенным стало понятие «Эпоха Раннего Металла» (ЭРМ). В таких случаях под «ранним металлом» обыкновенно понимают медь, а также сплавы на ее основе или же бронзы: медь явилась первым среди распространенных и потому наиболее «ранним» металлом в истории человечества. Реальный старт ЭРМ восходит к V тыс. до н. э., когда в ряде культур появились большие серии орудий и украшений из химически чистой меди (сплавов тогда еще не знали). Позднее — с IV тыс. до н. э. — начинается производство бронзы или же искусственных сплавов меди с мышьяком, оловом, сурьмой, свинцом, а еще позднее — с цинком (латуни). Заметные серии железных изделий встречаются лишь в некоторых культурах самого конца II тыс. до н. э., а решительный переход множества культур Евразии в век железа длился едва ли не все I тыс. до н. э. Следовательно, хронологические рамки ЭРМ охватывали по существу примерно сорок столетий — с V по II тысячелетия.

Важнейшим и определяющим признаком ЭРМ следует, безусловно, считать постепенное освоение человеческими сообществами (культурами) прогрессивной и, по существу, революционной технологии металлургии и металлообработки. Именно она и стояла во главе ряда открытий, кардинально изменявших отдаленный от нас тысячелетиями мир. Справедливость данного постулата вряд ли требует каких-либо специальных и дополнительных аргументов: весь последующий прогресс человечества в огромной мере был обусловлен умением находить металлоносные минералы и выплавлять из них металлы; обладать искусством обработки последних и мастерством их использования. Становой скелет современных цивилизаций, тех, что мы относим уже к разряду «постиндустриальных», целиком обязан металлам. Без них в нашей нынешней жизни не может обходиться ничто — ни самое большое, ни микроскопически малое.

Люди научились выплавлять металл из руды, а из металла выделять оружие, в результате чего резко возросла производительность труда: обычно так звучал — и звучит поныне — старый, в целом верный, но вместе с тем весьма упрощенный вариант толкования основных последствий освоения металла. Конечно, — спору нет! — даже мягкая медь и уж тем более ее разнообразные сплавы в работе более эффективны и пригодны, нежели камень или кость. Но уже существенно реже обращают внимание на связанное с этим открытием и почти немедленно возникшее международное разделение труда. Причины последнего были обусловлены резкой неравномерностью распределения минеральных богатств по планете. А ведь разделение народов на производителей металла, с одной стороны, а с другой — на его потребителей сыграло колоссальную роль в восхождении человеческих сообществ к структурам современного мира.

Еще реже обсуждается проблема поистине революционного воздействия постижения металлургии на мировоззрение древних. Ведь тогда, пожалуй, впервые человек столкнулся с неведомой для него тайной. Оказалось, что неживая природа способна кардинально менять свою сущность и облик. И действительно, посредством, правда, отнюдь не элементарного воздействия на зеленый хрупкий камень мощного огня удавалось получить совершенно иное, тяжелое вещество красного цвета — медь. Самородки этого металла в природе встречались, но крайне редко. Все это, несомненно, порождало в головах древних смятенную мысль о некоем тайном мире неподвластных человеку сверхъестественных и могучих владык, коим подчинены неисчерпаемые, но надежно скрытые от глаз богатства недр. Этим же непостижимым силам подчинялась и стихия огня. И только некоторым редким и притом наделенным особым даром персонам выпадала фортуна налаживать с этими силами загадочный контакт и пользоваться их расположением. Кажется, с этого времени и началось обособление профессиональных групп и кланов, истинных мастеров данного промысла. И уже из их рядов зачастую выдвигались столь значимые для древних фигуры колдунов, знахарей, шаманов. Так выкристаллизовывался в мире еще один вид разделения труда.

В археологической литературе — не только зарубежной, но и российской — длительное время господствовало мнение, по сути, долгий период являвшееся аксиомой, признававшее, что подобным переломным «Рубиконом» служила так называемая «неолитическая революция» — понятие, предложенное и разработанное выдающимся британским археологом Гордоном Чайлдом. Его теория среди открытий мирового значения ставила на первое место зарождение и развитие оседлого «фермерства», связанного с производством продуктов питания, но не с «присвоением» их посредством охоты и собирательства.

Однако, пожалуй, главнейшей инновацией в технологии производств явилось формирование комплексной производящей экономики — или же металлопроизводства в комбинации с производством пищи, то есть с земледелием и/или ско-

товодством. В комплексной экономике ЭРМ не столь уж трудно уловить древнейший эмбриональный прообраз социо-экономических систем Нового Времени.

Прочие инновации ЭРМ

Теперь коснемся кратко некоторых аспектов развития иных кардинальных технологий, восходящих по времени и своему характеру к Эпохе раннего металла: ведь именно они обеспечивали технологический прорыв к высотам развитых цивилизаций. Правда, может показаться, что такой отход способен увести нас — пусть на время, — но в сторону от генеральной темы книги. Однако я остаюсь в надежде более выпукло продемонстрировать тем самым, сколь примечательной и неожиданной представляла роль культур Степного Пояса в динамике развития большинства евразийских культур, начиная с глубокой археологической древности.

Кроме горного дела и металлургии в период ЭРМ с Евразийским Ядром оказались сопряжены те фундаментальные новшества в различных областях технологии и социальных организаций, которые кардинально изменяли жизнь и мировоззрение человека. Результатом прогресса горно-металлургического производства явилось международное разделение труда (о чем уже шла речь) и развитие на этой основе многотысячекилометровых торгово-обменных связей на пространствах Евразии. Протяженность такого рода путей могла достигать трех, четырех и даже пяти тысяч километров. Тогда же формируются т.н. металлургические провинции. Эти гигантские и достигавшие нескольких миллионов квадратных километров системы являли собой взаимосвязанные и сходные по своему характеру производственные центры. Их родственный облик становился очевидным при изучении форм и типов основных категорий орудий и оружия, а также технологии изготовления последних. Металлургическая провинция охватывала не только производственные горно-металлургические центры или металлообрабатывающие очаги, но и культуры потребителей металла, источники импорта которых восходили к металлопроизводящим центрам.

Эпоха Раннего Металла явилась тем временем, когда, кроме металла, стали ярко проявляться и получать широкое распространение иные инновации кардинального свойства, отчетливо изменявшие облик и характер древних культур. Мы ограничимся здесь лишь их кратким перечислением.

Сфера механики: колесо и колесный транспорт. Освоение новых видов энергии: приручение лошадей и волов под упряжь, коня под верховую езду, верблюдов под выюк и т. п. Информационные технологии: системы письменности. Социальные организации, государственные образования со знанием и использованием письменности, городская революция. Монументальная архитектура: храмы, крепости.

Закончим этот перечень одним очень важным выводом: следствием ускоренного, порой скачкообразного развития явилась неравномерность исторического

развития человеческих сообществ; причем неравномерность эта неотвратимо нарастала с каждым последующим шагом прогрессивных изменений.

Производство и нормативный фактор

В этой связи уместно, пожалуй, обратить внимание еще на один чрезвычайно важный аспект развития металлургии, который практически никогда не затрагивался в специальной литературе. Каковыми же представлялись те генеральные задачи, что преследовали металлургическое производство в каждой конкретной культуре? И в чем заключались нужды того или иного общества, которым должен был удовлетворять либо выплавленный на месте, либо полученный иным путем металл? С какими целями — а ведь они могли быть весьма и весьма несходными — отковывали и отливали мастера сотни тысяч и даже многие миллионы изделий из разнообразных металлов?

Оказалось, между прочим, что дешифровку данной проблемы никак невозможно отнести к простым и заурядным. По всей вероятности, можно полагать, что ее ложная трактовка повела к ряду досадных ошибок в оценках всей долгой истории горно-металлургического производства и связанных с ним человеческих культур. Но, кажется, ярче всего роль этого аспекта проявляется при сопоставлении металлургии Старого и Нового Света, а если быть более точным, то Евразии и Южной Америки. То были два резко противоположных и контрастных по своей сути направления в развитии металлургии. В большинстве областей Евразии основная доля металла шла на изготовление орудий и оружия. В Андийских южноамериканских очагах изумляющее своей необузданной фантазией металлообрабатывающее производство обслуживало практически лишь ритуально-религиозные нужды (Черных 2005; 2008). Базой этой удивительной «индустрии» служили золото, серебро, медь, а также сложные по составу сплавы этих металлов. На фоне этого фантастического по размаху «океана» сакральных артефактов почти незаметными являются численно убогие коллекции орудий и оружия.

Какое-то время на разных материках могли параллельно функционировать «рациональные» и «иррациональные», а порой даже «супер-иррациональные»(!) производственные центры и очаги данной индустрии. Нормативный фактор существования строго определял все поведение культуры; причем формовал он не только ее идеологические догмы, диктовавшие порядок поведения каждого члена общества, но подчинял каноническим установкам даже и ее основные производства. Значение затронутого здесь аспекта наших исследований станет намного яснее, когда мы будем сопоставлять, например, металлопроизводство в цивилизациях Древнего Китая и в культурах Степного Пояса.

Нормативный фактор отражался — и порой весьма существенно — еще на одной стороне функционирования сообществ. Культура могла поощрять и стимулировать какой-либо из видов производства, но могла строго запрещать их, сурово наказывая за нарушение установленных порядков. Примеров здесь

достаточно много, но ограничусь упоминанием лишь двух. В исламе и иудаизме существует жесткий запрет на свиноводство и употребление мяса свиньи в пищу. В более ранних культурах Леванта, Сирии и Месопотамии костные останки одомашненных свиней довольно обычны, отчего мы и заключаем, что запреты появились в этих регионах лишь с господством нормативных установлений обеих религий.

Вспомним и бесконечную цепь жестоких запретов и инквизиторских наказаний в победившем христианском мире даже за самые робкие признаниясправедливости античного понимания окружавшего человечество физического мира типа шарообразной формы Земли.

Почти свежий пример из недавнего прошлого СССР: в сталинский период у нас под запретом находились занятия кибернетикой и генетикой, во всяком случае, в тех формах, которые практиковались в западных исследованиях. Данные этих наук были объявлены лживо-буржуазными, вредоносными, а занятия ими карались.

По всей вероятности, те факты неожиданного отказа от технологий и регресса в области, скажем, горно-металлургического производства, с которыми мы будем сталкиваться при дальнейшем изложении материалов, можно будет трактовать также через призму установлений нормативного фактора в среде конкретных культур.

ЭРМ — евразийский феномен

Если нанести на карту совокупный ареал всех металлоносных — то есть производящих или же просто достаточно знакомых со свойствами меди и бронзы, — культур Эпохи Раннего Металла, то окажется, что данный ареал более чем на 9/10 укладывается в пространства Евразийского континента (рис. 6.1: *Е*). Лишь относительно узкие полоски суши долины Нила и присредиземноморской части северной Африки оказались связаны с этим кругом культур. Именно поэтому мы можем обоснованно утверждать, что ЭРМ является, прежде всего и по своей сути, чисто евразийским феноменом.

Именно на этом континенте к финалу ЭРМ сложилось обширное и представленное рядом родственных блоков Ядро высокотехнологичных культур. В данном Ядре зарождались и реализовывались важнейшие открытия и постижения — о них мы только что вели речь, — позволившие исследователям выявлять те линии развития, что связывали эту отдаленную эпоху с современностью.

В период своего территориального и технологического апогея — к началу второй половины II тыс. до н. э. — максимум территориального охвата относимых к ЭРМ евразийских и отчасти североафриканских (присредиземноморских) культур не превышал 40—43 млн кв. км. Но это составляло не более трети всей обитаемой суши нашей Земли. Черты более поздней горно-металлургической активности во всех прочих областях — в Африке (южнее Сахары), в Мезоамери-

ке — существенно отличались по своим кардинальным признакам от евразийских. Важнейшим и определяющим фундаментом выделяемой эпохи должны служить чисто технологические признаки. Металлоносные же культуры ЭРМ в различных регионах Евразии включали в себя самые разнообразные и порой весьма несходные друг с другом признаки социального характера.

Территориальные «скачки» в зонах культур ЭРМ

Если обозначить на карте Евразии зоны культур ЭРМ в согласии с определенными и сменяющимися друг друга историческими периодами, то мы получим контуры весьма любопытной и выразительной картины (рис. 6.1). Напомним, что старт реальной эры металлов совпал с V тыс. до н. э. и длился непрерывно в течение примерно сорока столетий — то есть до конца II тыс. до н. э., после чего в ряде евразийских регионов начался переход к новой эпохе, к раннему железному веку.

В рамках ЭРМ чаще всего археологи выделяют четыре основных и последовательных этапа развития, получивших в историко-археологической науке традиционные наименования: век медный, а также ранний, средний и поздний бронзовые века. Обозначающие соответствующие века термины — «медный» или же «бронзовый» как будто указывают или же должны указывать на последовательный прогресс культур от более примитивных технологических ступеней, например, медной «добронзовой» индустрии — к производству бронз, когда уже умели готовить сплавы и получать более высококачественный металл. Но историческая реальность преподносит нам картину намного более сложную. И мы очень нередко вынуждены искать объяснения трудно понимаемым провалам в поступательном процессе технологического восхождения. С этим читатель познакомится уже в последующих главах.

В грубом исчислении на каждый из этих предположительных этапов пришлось примерно по одному тысячелетию. Однако генеральной эпохе раннего металла предшествовал весьма протяженный во времени так называемый «протометаллический» период, длившийся примерно три с половиной или даже четыре тысячелетия — с IX по VI тыс. до н. э. (рис. 6.1: А) Для археологов и историков этот период представляет интерес совершенно особый. В данном случае, металл и пусть даже весьма зачаточное представление о его свойствах в среде носителей столь ранних и поразительно развитых культур не привели к ожидаемому развитию горно-металлургической технологии в этих регионах. Впрочем, представление об этом феномене уже само по себе являет ценность несомненно исключительную, отчего мы и посвятим ему следующую главу 7.

Очевидный интерес представляют также показатели территориальной динамики распространения металлоносных культур ЭРМ. О контурах их пространственных ареалов можно получить представление из блока карт (рис. 6.1); пока же мы охарактеризуем данные их площадей. Перед этими арифметическими

прежде всего на его европейском фланге, стремительно взламывают устоявшиеся и традиционно стабильные пространственно-ограничительные барьеры (рис. 6.2). Человечество вступает в эпоху Великих географических открытий, или же — что кажется более точным — в Эпоху Великой Европейской колонизации нашей Планеты. Тогда надвигается период кардинального слома и подчинения (а в ряде случаев даже уничтожения) фактически всех культур прочих двух третей поверхности Земли, остававшихся тогда еще за пределами Евразийского Ядра и потому неведомых для его обитателей. Не исключено, конечно, что освоение эффекта огнестрельного оружия послужило дополнительным импульсом свершившегося прорыва. Однако возможно ли лишь эту мощь считать определяющим фактором решительных перемен?

Сначала на юг и запад, преодолевая совершенно неведомые им океанские просторы, двинулись португальцы с испанцами, открывая все новые для себя земли, Америку, Новый Свет. Вскоре эту испано-португальскую эстафету подхватили англичане с голландцами...

Спустя почти столетие после колумбовых открытий немногочисленные отряды российских казаков перевалили Урал и устремились на неизведанный восток — в Сибирь, к Чукотке и далее к Америке. Двигались они очень быстро, но старательно обходя при этом с севера трудноодолимые для них степные племена Евразийского Ядра... Однако именно с этим «сибирским» движением казацких дружин и покорением лесного пояса Сибири будет связано начало одного из драматических этапов в истории народов Степного Пояса.

Глава 7

ЭПОХА ПРОТО-МЕТАЛЛА В ЕВРАЗИИ

Древнейший металл планеты

Древнейший металл планеты к скотоводческим народам Степного Пояса отношения не имеет. Однако без представления об этих первых шагах в выработке изначальных понятий о металле и его роли в жизни человечества будет гораздо труднее понять и осознать сложные извивы долгого исторического пути развития евразийских сообществ. И это тем более, что вся последующая многотысячелетняя история народов нашего континента уже в рамках Эпохи Раннего Металла будет окрашена активной борьбой и непростым взаимодействием двух генеральных и основополагающих моделей развития культур — оседлой и кочевой.

И еще о тех аспектах, как будто напрямую с историей мобильных скотоводов не связанных, но весьма и весьма важных в методологическом отношении. Культуры эпохи Прото-металла чрезвычайно ярко олицетворяют старт взрывоподобной и яркой **неравномерности историко-технологического развития** — то есть тех явлений, что нас так часто удивляют, но суть и причины которых остаются для нас плохо объяснимыми. Другой аспект, который нередко и притом весьма болезненно дискутируется археологами и историками — проблема **моно- или же полицентризма** историко-технологического развития человеческих общностей. Притом оба этих взаимосвязанных аспекта касаются не только народов Евразийского континента — их охват представляется существенно более обширным.

Самые ранние из ныне известных на Земле металлических изделий, произведенных руками человека, стали известны в памятниках Анатолии, Леванта, Северной Месопотамии и Западного Ирана (рис. 7.1). Эти медные и свинцовые предметы залежали в слоях, время которых уходит еще в IX, а возможно, даже и в X тысячелетия до нашей эры, и такая дата не может не показаться воистину фантастической. Памятники, в которых были обнаружены эти в целом довольно невыразительные металлические вещицы традиционно относят к самым ранним ступеням новокаменного века, то есть еще к неолиту. Вместе с тем, как бы нарушая традицию отнесения к новокаменной эпохе тех памятников, где обязательно наличествует глиняная обожженная посуда, такие огромные поселки археологи согласно помещают в так называемый докерамический неолит. Тогда же здесь начинают проявляться первые признаки земледелия и почти одновременно ско-

товодства. Керамика также появляется, но уже ближе к заключительным фазам развития — видимо, не ранее VII—VI тыс. до н. э. — и это будет уже привычный для традиционной археологии керамический неолит.

Наиболее впечатляющей чертой этих памятников является, конечно же, каменная и глиняная архитектура и, пожалуй, каменная скульптура. Ниже мы обратимся к наиболее ярким образцам этих поразительных по своей древности ярких творений из камня или глины. Облик их поражает не только специалистов, но и наблюдателей профессионально неискушенных. Мелкие медные поделки не могут, конечно же, конкурировать с этими громадами по своей выразительности; однако они создают некий добавочный, хотя и не совсем ясный фон восхищения перед трудно объяснимыми технологическими и интеллектуальными взлетами у носителей этих культур. Ведь в X—IX тысячелетиях до н. э. завершался или же только что завершился геологический период плейстоцена; наступала пора новой — голоценовой, четвертичной — уже современной для нас геологической эпохи. Может быть, на глазах людей тех тысячелетий уходили в прошлое культуры позднего палеолита, когда аборигены ютились в весьма примитивных обиталищах и не ведали керамики. А по просторам Сибири, столь далекой от плодородных долин Тигра и Евфрата, еще кое-где бродили последние стада мамонтов — этих своеобразных символов навеки исчезающей эпохи.

Открытия подобных фантастических памятников и удивляли, и поражали, но вместе с тем как будто еще и еще раз прочно утверждали броскую и афористичную гипотезу «Ex Oriente Lux» — «Свет с Востока». Само это утверждение было сформулировано еще в 19 столетии, и вот уже более столетия, возможно, исключая самые последние десятилетия, и историки, и археологи почитали ее в качестве безусловной и безупречной аксиомы. Действительно, парадигма археологической науки 19-го и первой половины 20-го столетий зиждилась на ряде «неоспоримых» истин, к каковым относилась и эта. Полагали — и с большими основаниями, — что фактически все важнейшие технологические, интеллектуальные и духовные постижения человечества являлись творческим плодом культур и цивилизаций, локализованных в области стран «Плодородного полумесяца», то есть по существу в Месопотамии или же — в более широком понимании — на Ближнем Востоке. Еще не так давно даже Анатолию считали «царской дорогой», исполнявшей лишь роль проводника благотворных идей и того «света» истин, что струился из чудесного источника в северо-западном направлении и озарявшего Балканы, Центральную и Западную Европу. Человечество, населявшее области за пределами «блаженных стран», было обязано этим избранныкам буквально всем. Способности европейских и северных азиатских «варваров» оценивались лишь по признакам сравнения: сколь удачно они были в состоянии усваивать и воплощать в собственное бытие те мысли и достижения, что зарождались и исходили из блаженных краев.

Ареал тех памятников, о которых шла речь, довольно обширен — примерно 0,7—1,0 млн квадратных километров (рис. 7.1). Из 30—35 поселений, в слоях кото-

рых обнаружены безусловные или же «условные» находки медных изделий, мы нанесли на карту лишь пять. К категории «условных» относились такие предметы, в отношении которых с уверенностью достаточно сложно говорить: являются ли они творением рук человеческих? Вполне вероятно, что это просто необработанные обломки дендритов самородной меди или же недостаточно изученный специальными аналитическими методами кусочек малахита, который посчитали за медный окисленный предмет.

Все упомянутые пять памятников с металлом принадлежали к числу наиболее ранних в этой серии — к так называемым периодам докерамического неолита периодов А и В (PPN A & B). В этих поселениях металл, обнаруженный в погребениях под домами, сочетался с иными ярчайшими проявлениями культуры — архитектурой или же скульптурой. На той же карте показано расположение также весьма примечательных памятников — поселений и сакральных святилищ, в которых металла пока что не обнаружили, но они дают нам еще более полное представление о характере и облике всей этой удивительной эпохи Прото-металла.

Суммарно находок из металла мы смогли зафиксировать около трехсот. Впечатление по поводу относительно большого их числа сразу же снижается, если вспомнить, что эти мало выразительные и мелкие предметы рассеяны по огромной площади, а слои их содержавших поселений датируются в пределах четырех или даже пяти тысячелетий — с IX по VI тыс. до н. э. (см. Приложение 1). И это тем более, что примерно треть от всех ныне известных находок металлических

Рис. 7.1. Эпоха Прото-металла. Красным цветом обозначены памятники докерамического неолита с находками меди и свинца; желтым — ареал более поздних культур неолита / халколита (VI—V тыс.) той же эпохи с находками также самородного металла

предметов было извлечено из слоев восточноанатолийского памятника Чайоню-тепеси — 113 экземпляров.

Карта показывает, что древнейшие памятники, о которых пойдет речь в настоящей главе, сосредоточены в трех регионах. В центральной Анатолии расположены два поселения с достаточно выразительными коллекциями металла — Чатал-хёйюк и Ашикли-хёйюк. В Леванте — также два поселения, но без металла — легендарный Иерихон и Телль Асвад. Наиболее многочисленная группа памятников сосредоточена в Восточной Анатолии, где она связана с верховьями Тигра и Евфрата. С металлом здесь сопряжены культурные напластования двух поселений — Чайоню-тепеси и Телль Халула; известны также находки мало выразительных медных находок из Невали Чори. В слоях двух других памятников — в святилище Гёбекли-тепе и в наиболее древнем в названной группе селище Кёртик-тепе металла пока что не нашли. Мы же начнем свой рассказ с наиболее представительной здесь восточноанатолийской группы.

Восточная Анатолия

Чайоню-тепеси

Этот огромный поселок расположен в предгорной части Тавра, близ сезонно пересыхающего притока («сая» или же «сайра»), несущего весенние или ливневые воды к самым верховьям реки Тигр. К этому району очень близко с запада подходят такие же сухие русла, но уже устремленные в бассейн верхнего Евфрата. В 6 км к северо-востоку расположен знаменитый и огромный медный рудник Эргани Маден. Однако, как прояснили специальные изыскания, самородная медь и медная руда из Чайоню оказались связанными с иными — более мелкими окрестными рудопроявлениями.

Помимо меди, важнейшей и наиболее впечатляющей достопримечательностью Чайоню является, безусловно, каменная архитектура (Özdoğan а.о.). Самой древней постройкой стало круглое в плане сооружение. Его возвели еще в X тыс. до н. э. Однако медные поделки залежали в более поздних зданиях IX—VIII тыс., сложность конструкций которых угадывалась по каменным кладкам оснований-фундаментов. Последние в чем-то даже напоминали знаменитый критский лабиринт Минотавра (рис. 7.2). Крайне интересно и то, что при сооружении одного из больших каменных фундаментов был использован вяжущий раствор, близкий по составу и характеру современному бетону. Слои, к которым относятся эти удивительные сооружения, согласно калиброванным радиоуглеродным определениям, укладываются в хронологический отрезок в рамках одной сигмы между 8900 и 6900 гг. до н. э. (см. Приложение 1).

Исследователи поселка полагают, что уже с самого начала обитатели Чайоню сумели освоить первичные формы земледелия: об этом свидетельствовали находки карбонизированных (обугленных) зерен культурных злаков (пшеница, ячмень). Скотоводство было связано с более поздними слоями, а ранние фазы

Рис. 7.2. Чайоню-тепеси. Каменная архитектура IX—VIII тыс. до н. э.

Чайоню содержали костные останки лишь диких животных, добытых аборигенами во время охоты.

Кроме меди (рис. 7.3), в каменных сооружениях Чайоню и между зданиями удалось обнаружить более четырех тысяч (!) кусочков медного минерала — малахита. Некоторые из этих кусочков оказались обработанными; просверленные отверстия указывали, что это были бусины зеленых малахитовых ожерелий.

Телль Халула

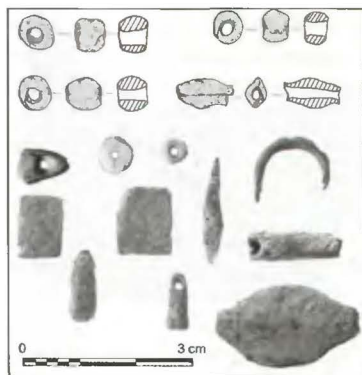

Рис. 7.3. Медные изделия и малахитовые бусинки из слоев Ашикли-хейюк (два верхних ряда) и Чайоню-тепеси

Это поселение времени IX—VIII тыс. до н. э. (см. Приложение 1) расположено на севере Сирии в бассейне верхнего течения Евфрата (Molist а.о. 2009); по этой причине к восточноанатолийской группе памятников должно относиться условно. Поселок довольно обширный: его общая площадь достигала 8 га. Пожалуй, наиболее интересным результатом раскопок этого телля стало открытие 114 сидячих и скорченных — туго спелёнутых — захоронений людей под слоями глинобитных домов VIII тыс. Некоторые из этих захоронений сопровождалась металлом. Среди них наиболее примечательной находкой можно считать вытянутую лунообразной формы медную пластину, украшав-

Рис. 7.4. Телль Халула. Одно из сидячих погребений, а также череп покойного с медной пластиной (Molist a.o. 2009)

шую головной убор покойника (рис. 7.4). Пластина была изготовлена, по всей видимости, из куска самородной меди путем проковки вхолостую. Найдено также более десятка медных бусин. И, конечно же, привлекает особое внимание крупный и массивный свинцовый шар диаметром более 10 см (рис. 7.5). На поверхности свинцового «мяча» четко заметны отпечатки переплетения грубой материи, в которую шар был завернут.

Прочие три памятника восточноанатолийской группы наибольший интерес для нас представляют своей скульптурой, а также мелкими каменными артефактами.

Невали Чори и Гёбекли-тепе

Слои поселения Невали Чори, датированные IX тыс. до н. э. (см. Приложение 1) содержали небольшое число медных и примитивных по форме изделий. Наибольшую известность этот памятник, относимый к самому началу голоценовой геологической эпохи, получил благодаря каменным массивным изваяниям-скульптурам (Hauptmann 1993). Однако в этом отношении его намного затмило воистину фантастическое по своей выразительности святилище Гёбекли-тепе (Schmidt 2006). Этот первобытный «храм» находится также в бассейне Верхнего Евфрата, примерно в полусотне километров к юго-востоку от Невали Чори (рис. 7.6). Памятники синхронны и исследователи относят их к докерамическому неолиту или же к IX—VIII тыс. до н. э. В Гёбекли медные предметы пока не обнаружены, хотя дальнейшие раскопки могут преподнести новые сюрпризы.

Гёбекли поражает своими огромными каменными стелами, на плоских сторонах которых высечены изображения различных животных (рис. 7.8 и 7.9). Много-

Рис. 7.5. Телль Халула. Медные бусины и свинцовый шар (Molist a.o. 2009)

тонные вертикально стоящие стелы были расставлены по правильной окружности диаметром примерно в 300 метров (рис. 7.6 и 7.7). Именно это и послужило основанием для представления о Гёбекли как о некоем святилище или же культовом центре, своеобразном и древнейшем в Евразии языческом «храме». При этом возникает целая цепь любопытных, но вполне естественных вопросов. К примеру, каков же был способ транспортировки на этот «храмовый» холм подобных массивных блоков, ведь тягловых животных люди тогда не ведали? Каким образом подобным массивным блокам удавалось придавать столь завершённую и даже совершенную форму и т. д. и т. п.?

Гёбекли удивляет еще одним: серия из радиоуглеродных определений возраста выявляет поразительный размах хронологических рамок этого уникального памятника (Benz: Comment — Göbekli). В пределах 68 % диапазона вероятно-сти самые ранние даты опускаются до границы в 8700 лет до н. э., а наиболее поздние — даже до середины VI тыс. до н. э. При этом нельзя исключить, что этот храм-святилище служил аборигенам в течение трех тысячелетий. Однако интерпретация загадочного трехты-сячелетнего размаха в хронологии Гёбекли задачей автора не является.

Рис. 7.6. Храм-святилище Гёбекли-тепе: общий вид (Wikipedia)

Кёртик-тепе

Это поселение расположено к северо-востоку от всех упомянутых только что памятников этой анатолийской группы, уже в самых верхних бассейнах Тигра (Özkaaya, Coşkun; Benz a.o. 2011). Кёртик-тепе является

Рис. 7.7. Храм-святилище Гёбекли-тепе: каменные стелы (Schmidt 2006)

Рис. 7.8. Храм-святилище Гёбекли-тепе: каменные стелы с изображениями животных (Schmidt 2006)

Рис. 7.9. Храм-святилище Гёбекли-тепе: каменная стела со скульптурным изображением хищного животного (Wikipedia)

Рис. 7.10. Кёртик-тепе: погребения с каменными сосудами (Özkaça, Coşkun 2009)

Рис. 7.11. Кёртик-тепе: орнаментированные каменные сосуды и плитка (Özkaça, Coşkun 2009)

наиболее ранним из памятников времени PPNA, представленных в восточноанатолийской группе: все 13 известных ныне автору радиоуглеродных датировок указывают на середину X тыс. до н. э. Аборигены обитали в круглых жилищах, диаметром от 2,5 до 3,5 метра, стены которых были сложены из крупной речной окатанной гальки. Под стенами домов удалось вскрыть 418 единичных и некоторое количество двойных захоронений людей в скорченном положении (рис. 7.10). Однако самым поразительным в огромной серии материалов этого тепе служат, пожалуй, многие тысячи удивительных — и притом разноцветных — каменных изделий: орудий, бусин, пластин. Такого разнообразия и многообразия каменных артефактов археологи не встречали пока что на иных памятниках всего этого ареала. Из них наибольшее впечатление оставляют, безусловно, каменные тонкостенные сосуды, стенки которых покрывала поразительная по своей художественной выразительности гравировка (рис. 7.11).

Центральная Анатолия

Ашикли-хёйюк

Этот поселок расположен недалеко от города Аксарай, севернее знаменитых вулканических урочищ Каппадокии с их скальными пещерными монастырями и «городами». Археологи также относят Ашикли к фазе докерамического неолита. Датированные в основном IX тыс. до н. э. (см. Приложение 1) жилые сооружения на этом селище резко отличны от каменных строений Чайоню или даже Кёртик-тепе. Здесь господствовали довольно простые по форме прямоугольные или же трапециевидные в плане, тесно примыкавшие, как бы «прилепленные» друг к другу, жилища. Стены обиталищ возводились из глиняных («саманных») крупных блоков — разновидности сырцового кирпича. Такой же кирпич служил материалом и для возведения оборонительной (?) стены Ашикли, хотя некоторые части этого вала люди сооружали с помощью блоков известняка и вулканического туфа. Исследователи полагают, что на этом поселке им удалось обнаружить древнейшую из известных в Центральной Анатолии оборонительных стен.

В слоях Ашикли нашли 45 медных изделий: после Чайоню это вторая по представительности коллекция металлических предметов. По своему характеру они довольно сходны с предметами из Чайоню (рис. 7.3).

Чатал-хёйюк

Для X—VI тыс. до н. э. в Центральной Анатолии мы не знаем памятников с каменной архитектурой или же скульптурой, сходных с восточноанатолийскими образцами. Зато здесь процветает архитектура, базирующаяся на сырцовый кладке. Вершиной этого является и по настоящий день, пожалуй, фантастический по своей выразительности поселок Чатал. На фоне тех памятников, которые мы привлекли для нашего обзора Чатал-хёйюк является позднейшим: его самые многочисленные в нашей серии определения возраста укладываются в основ-

Рис. 7.12. Чатал-хёйюк — жилой холм (GOOGLE-Earth)

Рис. 7.13. Чатал-хёйюк: глинобитные стены с росписью и со скульптурными изображениями леопардов (Mellaart 1965)

ном в рамки VII тыс. до н. э. (см. Приложение 1).

Сам жилой холм огромен: его площадь равна 13 га (рис. 7.12). Мощность культурного слоя достигает 19 метров, и этот «слоеный пирог» напластований был обеспечен трудно подсчитываемым числом — видимо, многими и многими сотнями — домов и святилищ. Сооружения эти плотно лепились друг к другу своими стенами. Дома по разным причинам — может быть, и из-за землетрясений — разрушались, и поверх их руин немедленно вырастал новый пласт построек. В конечном итоге это и привело к почти безмерному разрастанию огромного рукотворного холма. Первый его исследователь английский археолог Джеймс Меллаарт (1961—1965 гг.) именовал его даже «неолитическим городом», и в чем то он был, пожалуй, прав (Mellaart 1965; 1967).

Жители на Чатал-хёйюке проникали внутрь построек через лазы в крышах;

таким же путем они общались и между собой. Стены построек воздвигали из сырцового крупногабаритного кирпича или же плоских блоков (рис. 7.13). Внутренняя облицовка жилищ была, как правило, гладкой и нередко украшенной росписью. Местные живописцы оставили для нас даже фреску, как полагал Д. Меллаарт, с общим видом или же планом «города». Вытянутые в цепочки ряды домов представлены на фоне расположенного неподалеку и извергающегося вулкана Гасан-даг (рис. 7.13). Вообще же изображение искусство Чатал-хёйюка не может не поражать: кроме настенной росписи, в руинах домов обнаружены прекрасные глиняные статуэтки. Их очень много: сидящие и стоящие люди (рис. 7.14), разнообразные животные — леопарды (рис. 7.13), бараны, быки... Нередко фигурными обкладками украшали кремневые ножи изысканной формы и т. п. В верхних слоях уже находят глиняную посуду.

Рис. 7.14. Чатал-хёйюк: глиняная статуэтка Богини-матери (Wikipedia)

На Чатал-хёйюке, равно как и на Ашикли, господствует архитектура из сырцовых кирпичей, хотя вся она гораздо более выразительна и совершенна. На Ашикли мы знаем о существовании оборонительного вала или же стены, а для Чатал-хёйюка очевидных признаков подобного сооружения археологи не обнаружили. Вместе с тем никаких следов разрушений, подобных тем, что остаются в результате чужеродных нападений и нашествий, не замечено. Культура Чатал-хёйюка как бы «скончалась» и завершила свой путь сама собой, без явных посторонних воздействий. И кроме всего, нам очень трудно проследить ее влияние на позднейших обитателей Центральной Анатолии.

И наконец, о металле. Медных находок, как можно думать, здесь сделано немалое количество, а кроме меди нашли также капли свинца. Но, к сожалению, статистика в отношении металлических предметов на сегодняшний день в Чатал-хёйюке либо отсутствует, либо автору она оказалась недоступной. Формы же металла напоминают те, о которых мы говорили и для иных — более ранних — памятников Малой Азии, то есть и среди них встречаются бусинки, пронизки, маленькие проколки (сравните с рис. 7.3)

Левант: Иерихон и Телль Асвад

Если же мы перенесемся на юг в Левант, к руинам легендарного библейского города Иерихона (Jericho), то в нем, равно как и в Гёбеكلي либо как в Кёртик-тепе, мы не услышим о находках меди. Правда, Иерихон вообще как бы

Рис. 7.16. Телль Асвад: погребения с глиняными масками на человеческих черепах (Stordeur a.o. 2010; также www.pi-h-ch)

Рис. 7.15. Иерихон: каменные стены, башня и череп покойного с глиняной маской (Mellaart 1965)

выходит за пределы ареала памятников и культур «протометаллической» эпохи: он самый южный из всех нами рассматриваемых пунктов. Однако и этот памятник IX—VIII тыс. до н. э. в состоянии удивить многих своей выразительной мегалитической архитектурой. Еще более полувека назад здесь были раскопаны остатки грандиозной для того времени каменной стены и башни (рис. 7.15). Вообще же в человеческом сознании приверженцев иудаизма и христианства Иерихон и его истинный символ — *обрушенные от трубных звуков каменные стены* — тесно сплелись между собой. Вспомним библейский текст, повествующий об осаде города в конце II тыс. до н. э.:

Шесть дней, трубя в трубы, обходили древние евреи Иерихон. Наконец, в решающий седьмой день осаждающие его встали очень рано и обошли город семь раз, после чего «...народ воскликнул, и затру-

били трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ весь вместе громким и сильным голосом, и обрушилась вся стена города до своего основания, и весь народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город. И предали заклятию все, что было в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Навин 6, 19—20).

В сознании почему-то отложилось, что от рева труб пали стены Иерихона, а оказывается, что от слаженного и могучего народного крика. Конечно, между событиями II и IX—VIII тысячелетий до н. э. хронологический разрыв огромный, но параллель может оказаться довольно любопытной.

Однако главное, на что хотелось бы обратить внимание, это находки черепов с сохранившимися на них глиняными масками, имитирующими лицо покойника (рис. 7.15). Ведь совсем недавно также в Леванте было раскопано и исследовано поселение Телль Асвад (Stordeur a.o.). Этот крупный памятник расположен близ южной границы Сирии. Его относительная дата соотносится с периодами PPNA и PPNB, а даты абсолютные определяются значительной серией радиоуглеродных определений возраста и укладываются по преимуществу в IX и во вторую половину VIII тыс. до н. э. По своей глинобитной архитектуре домов Телль Асвад совершенно отличен от Иерихона с его могучими каменными стенами. Однако в многочисленных погребениях в слоях под домами открылось очень большое число человеческих черепов с глиняными масками, подобными той, что очень много лет тому назад была обнаружена в Иерихоне (рис. 7.16).

Эпизод эпохи Прото-металла

В протяженных хронологических границах эпохи Прото-металла возможно различать две последовательные фазы. Первая из них связана с X—VII тыс. до н. э. Для нее характерны чрезвычайно эффектные памятники, как поселенческие, так и сакральные. Практически все они сугубо индивидуальны и, как правило, важнейшими чертами своего облика и характера вполне зримо отличаются друг от друга. Даже расположенные поблизости друг от друга Невали-чори и Гёбекли мы должны относить к разным категориям: Невали — поселок, Гёбекли — святилище. О различиях центральноанатолийских поселений Чатал-хёйюка и Ашикли мы уже говорили.

Эпоха Прото-металла предстает перед нами в качестве неожиданного и поразительного феномена своеобразных «точечных взрывов», отразившихся по преимуществу на технологическом и идеологическом руслах. Я склонен именовать эти взлеты или взрывы постижений и открытий «точечными», поскольку они были связаны, по всей вероятности, с довольно немногочисленными популяциями, оставившими нам единичные и неповторимые поселки — либо сравнительно небольшие как Ашикли, либо огромные — подобные Чатал-хёйюку. Каждый такой человеческий коллектив искал свой путь развития и находил его. Искания эти отразились для нас в мегалитической скульптуре, подобной Гёбекли, или же

Невали Чори, в каменной или глиняной архитектуре, как в Чайоню-тепеси или же Чатал-хёйюке, в появлении и развитии земледелия и скотоводства и, конечно, в открытии металла (но пока что не металлургии!). Вместе с тем нельзя заметить, чтобы их чрезвычайно яркие и звучные достижения распространились сколько-нибудь широко, захватывая другие, даже близкие, соседние популяции.

Наверное, поэтому мы и остерегаемся именовать эти локальные явления «археологической культурой», но лишь соотносим подобный феномен с культурой лишь одного определенного памятника. Ведь «археологическая культура», как правило, должна охватывать значительные территории и, кроме того, быть представленной группой сходных между собой памятников — селищ и/или могильников. На первой фазе эпохи Прото-металла мы этого ничего не видим. Повторим, что описанные выше «взрывы» касались единичных и неповторимых по большинству признаков памятников.

Культура первооткрывателей могла подниматься до поразительных высот. И длилось ее существование достаточно долго — вплоть до тысячелетия. Но затем она начинала нисходить вплоть до ее полного исчезновения. Она умирала в процессе своеобразного «окукливания», завершая свой путь без видимых активных внешних губительных воздействий. Более того, ее блистательные черты не только растворялись, но забывались. Ее многие достижения уже не были востребованы теми популяциями, что господствовали здесь на последующих фазах исторического развития.

В этом отношении крайне любопытной для нас явилась вторая и более поздняя ступень Прото-металла, относимая по преимуществу к VI—V тыс. до н. э. На этой фазе в этом обширном регионе уже формируются классические «археологические культуры», территориально представленные на более или менее широких пространствах и, как правило, некоторой — опять же количественно большей или меньшей — группой однотипных памятников. Зона культур «Прото-металла» расширяется в сторону Леванта и Нижнего Египта, а также Центрального Ирана (рис. 6.1). Среди ранних общностей второй ступени наибольшим вниманием пользуются такие широко известные и знаковые в археологическом мире культуры как Хассуна, Халаф, Самарра, а несколько позднее — Убейд, или же убейдский период. Их главным отличительным признаком стала керамика, привлекавшая внимание удивительной красотой, разнообразием и завершенностью форм, богатым моно- или же многоцветным декором. Архитектура жилищ совершенно не унаследовала мегалитических конструкций ранней ступени; вместо этого полностью возобладала традиция глинобитных обиталищ и святилищ. Огромные серии разнообразных глиняных статуэток смогли поведать археологам о мировоззрении древних носителей этих культур.

Медные вещицы в памятниках этих культур и общностей встречаются по-прежнему, но столь же редко (Мерперт, Мунчаев: 307—315). Кроме того, они не отличаются ни сколько-нибудь выразительной формой, ни технологическим совершенством. Пожалуй, в сравнении с великолепием глинобитной архитек-

туры и морем керамического многообразия упомянутых культур Месопотамии, Леванта или же иных смежных регионов, «излучавших» благостный «Свет с Востока», эта длительная технологическая «неподвижность» не может не привлекать особого внимания и — что естественно — требовать также удовлетворительного объяснения. И это станет особенно очевидным на фоне подлинной металлургической революции, взорвавшей мир в V тыс. до н. э. Однако революция произойдет на севере Балкан и в Карпатах, то есть уже в существенном отдалении от тех «райских куц», что «были обязаны», согласно традиционной для истории и археологии аксиоме, всегда и непременно находиться «впереди планеты всей».

Глава 8

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» В БАЛКАНО-КАРПАТЬЕ

Начало эпохи металлов: медный век

Взрыв металлургической «революции» произошел достаточно далеко на северо-западе, в стороне от тех регионов, что служили колыбелью культур эпохи Прото-металла. Даже если вести отсчет от крайнего западного и в определенных отношениях наиболее яркого в серии анатолийских памятников «протометаллической» эпохи Чатал-хёйюка, то до географического — но не технологического! — центра грядущей «революции» дистанция получается весьма выразительная: не менее тысячи километров — и это по прямой линии. Географический же центр общностей, в среде которых осуществлялся великий перелом, скорее всего, следует размещать где-то вблизи от так называемых Железных ворот Дуная — там, где великая европейская река прорывает теснину между подступающими друг к другу массивами Балканской и Карпатской горных систем.

Металлургическая «революция» V тыс. до н. э. обозначила поразительный рывок в древней технологии горно-металлургического производства. Как бы внезапно явившиеся перед археологами и историками богатейшие коллекции изделий из химически чистой меди и золота почти немедленно приобрели статус истинных символов медного века Балкано-Карпатья. В далекой юго-восточной стороне, в долинах стран «Плодородного полумесяца», продолжали маячить лишь их бледные тени — примитивные по форме и технологии медные вещицы. Весьма выразительная глинобитная архитектура и великолепная керамическая посуда с настоящей металлургией никак не сочетались.

Технологический скачок привел к формированию древнейшей в Евразии и, соответственно, в Старом Свете системы, которую мы именуем металлургической провинцией. Под такого рода образованиями мы понимаем совокупность родственных по своей металлической продукции производящих горно-металлургических центров, и в нашей книге к их характеристике мы будем возвращаться еще не один раз. «Провинция-пионер» получила название Балкано-Карпатской (БКМП). Принятое наименование отражало ситуацию, когда все основные горно-металлургические центры провинции опирались в своем производстве на богатые меднорудные базы Северных Балкан и Карпат. Вместе с тем истинной и формирующей единство провинции — но уже в культурно-производственном

отношении, — ее своеобразной геоэкологической осью явился Дунай, или же точнее, весь обширный бассейн Среднего и Нижнего Подунавья.

И, наконец, вкратце еще о двух важных аспектах этого периода. Зарождение и развитие металлургии меди мы, безусловно, должны поставить в этом ряду событий на первый план. Балкано-Карпатская металлургическая провинция целиком соотносится с медным веком, если следовать традиционным для археологии определениям основных исторических эпох. Искусственных сплавов на медной основе здесь не знают, а те редчайшие исключения на фоне громадных и впечатляющих коллекций химически чисто-медных изделий лишь подтверждают данный вывод. Вторым событием этой поры и этого региона — также весьма важным — стало зарождение скотоводческих культур великого евразийского Степного Пояса, и это имеет к тематике нашей книге уже прямое отношение.

Однако какой представляется нам та база, что предшествовала «металлургическому взрыву»?

Балканский неолит

Вопрос об истоках металлургической революции в Балкано-Карпатье как бы повисает в воздухе, предложить удовлетворительный ответ на него пока что очень сложно. В наших руках почти нет никаких отчетливых свидетельств плавного развития и динамики восхождения от культур каменного века к раннеметаллическим. Все свершалось как бы в стремительном рывке. Общности неолита на Балканском полуострове и в Подунавье, датируемые VI тыс. до н. э., предстают перед археологами в облике достаточно сходном с синхронными им культурами заключительной фазы эпохи Прото-металла в Анатолии или в Месопотамии. Весьма сходным кажется и уровень их технологического развития. Здесь также господствовали многослойные жилые холмы, которые в арабоязычных странах обычно именуют «теллями», в тюркоязычных — «тепе», у греков — «магулами», а у южных славян — «могилами».

Обычно подобные холмы располагались неподалеку от разнообразных водных источников, и холмы эти, как правило, хорошо различимы — в особенности на фоне плоских равнин (рис. 8.1). Постоянное нарастание слоя на этих холмах-«могилах» с течением времени легко объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, древние обитатели сооружали себе глинобитные постройки, которые после разрушения оставляли большую массу строительного мусора и развалин. Во-вторых, в течение нескольких тысячелетий, по крайней мере, с VI по III тыс. до н. э., на Балканах и в Подунавье имела место примечательная и удивительно стойкая традиция: люди почти всегда предпочитали сооружать свои обиталища именно на вершинах покинутых предшественниками жилых холмов. Объяснить такое предпочтение не так-то просто, но сходная традиция господствовала повсеместно, причем не только на Балканах, но также в Анатолии, в Леванте, Месопотамии, Иране и т. д. Вместе с тем ни на Балканах, ни тем

Рис. 8.1. Так выглядят на равнине телли или же «селищные могилы». Вся многометровая толща их напластований сложена из переслаивающихся развалин разновременных и налегающих друг на друга глинобитных построек

более в Карпатах мы не встречаем таких теллей, где бы мощность культурного слоя превышала 12—15 метров. И в Анатолии, и тем более в Месопотамии эти напластования могли достигать существенно больших значений (вспомним хотя бы Чатал-хейюк, а он не самый могучий из такого рода памятников).

Рис. 8.2. Глиняная фигурка человека эпохи неолита (культура Винча-В, Среднее Подунавье)

Наиболее ярким и значимым материалом при изысканиях археологов по различению и определению конкретных археологических культур, как правило, служит глиняная посуда: в сравнении с прочими артефактами она несравненно более многочисленна, а многообразие и изысканность ее деталей всегда привлекает особое внимание. На Балканах обломками великолепных по качеству и оформлению глиняных сосудов насыщены даже самые ранние слои еще только начинающих свой «рост» селищных холмов. Даже древнейшие образцы балкано-дунайских сосудов удивляют бесконечным разнообразием форм, весьма сложным по рисунку причудливым орнаментом, а также исключительно высокой технологией обработки глины. Как правило, из глины к тому же лепили множество разнообразных статуэток, изображавших фигурки людей (рис. 8.2) или животных. Основным занятием при добыче пищи служило земледелие. Скотоводство же, по всей видимости, играло в этом отношении роль вспомогательную, даже подчиненную.

Металл, если и встречался в неолитических напластованиях, то крайне редко и в виде невыразительных по форме мелких вещей; к тому же не всегда удается доказать связь этих предметов с руинами новокаменного века.

Повторим, что большинство основных признаков Балкано-Дунайских культур указывало на принципиальное тождество их с оседло-земледельческими общностями Анатолии или Месопотамии. Однако сходство замечалось, прежде всего, с теми из них, что характеризовали заключительную фазу эпохи Прото-металла и относились по преимуществу к VI—V тыс. до н. э. При всем том в Балкано-Карпатые совершенно отсутствовали памятники, сколько-нибудь похожие на ранние — то есть на те, что характеризовали фазу т.н. «точечных» взрывов «протометаллической» эпохи, — подобные Чайоню или же Гёбекли с их каменной архитектурой и/или скульптурой. И доньше не удастся обнаружить на Балканах гигантских поселений типа Чатал-хёйюка с великим разнообразием цветных фресок на стенах глинобитных строений. В Балкано-Карпатые неолитические селища оставляют более скромное впечатление.

Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура

Примечательно, что общий облик балкано-карпатских культур медного века, датированного здесь уже целиком в рамках V тыс. до н. э. (см. Приложение 1), на беглый взгляд принципиально почти не меняется. Перед нами все те же бесчисленные «селищные могилы» с глинобитными хижинами; та же восхищающая взор керамика в развалинах жилищ; сходная с более ранней глиняная скульптура: изображения женщин или животных. Порой даже хочется во всей свите многочисленных археологических культур видеть своеобразный мир «глиняного царства»: так он ярок и завлекателен. Однако в этот «глиняный мир» буквально врываются металлы — медь и золото, начинают свою деятельность мощные производственные горно-металлургические центры Балкано-Карпатской металлургической провинции. При этом индустрия каменных орудий продолжает сохранять свой высокий уровень.

В предшествующих разделах мы говорили, что истинным культурно-производственным ядром этой провинции служил бассейн Среднего и Нижнего Подунавья. Именно с упомянутыми регионами оказались тесно увязаны все важнейшие производственные очаги. Если область распространения и воздействия металлопроизводящих и металлоносных культур и выходила за границы дунайского бассейна, то не намного и не существенно. На карте (рис. 8.3), к примеру, очерчена южная грань БКМП: здесь граница провинции, упираясь в Родопы, проходит по долинам Фракии, а это уже за пределами дунайского бассейна. Однако южнее Родопских гор тогда же продолжают свое нерушимое господство традиционные неолитические культуры: за этой границей о металле либо ничего не знали, либо имели о нем весьма зыбкое представление.

Проблема закономерностей в распространении металлопроизводства и металлопотребления, стремительных территориальных продвижений прогрессивных технологий, процессов их внезапного торможения носит, безусловно, глобальный характер: вопросы эти будут возникать перед нами едва ли не постоянно. Конечно же, мы постараемся каким то образом пояснить сущность этого исторического парадокса, но эти попытки мы предпримем позднее, когда столкнемся с более разнообразным сравнительным материалом. Правда, тема эта отчасти уже затрагивалась при обзоре эпохи Прото-металла, при обсуждении загадок поразительно раннего открытия меди и — в то же время — трудно-объяснимого четырехтысячелетнего застоя в развитии металлургии...

В рамках БКМП нетрудно наметить три четко выраженные группы или же блока (рис. 8.3). Первая и центральная во всей системе группа оседло-земледельческих культур охватывала весь бассейн Среднего и Нижнего Подунавья с некоторыми прилегающими к ним с юга областями (Фракия). Именно в этом обширном регионе были сосредоточены все важнейшие культуры Балкано-Карпатя вкуче с производящими горно-металлургическими центрами. Общая площадь центрального блока культур оказалась близка 700—800 тысяч кв. км.

Вторая группа культур — по сути тождественных балкано-карпатским и также оседло-земледельческих — распространялась уже за пределами дунайского бассейна в пределах верхнего и среднего течения рек Днестр, Прут, Южный Буг, доходя до Среднего Поднепровья, где проходила восточная граница этого блока. Общая площадь последнего равнялась примерно 160—190 тысяч кв. км. Для российских читателей эта группа культур может показаться достаточно известной, благодаря их совокупному наименованию: в данный блок входили памятники разных хронологических этапов знаменитой трипольской культуры или же — точнее — общности. Территория последней приходилась на безрудную зону, и по этой причине горно-металлургического производства здесь не могло быть в принципе. Трипольские обитатели полностью зависели от поставок металла из очагов центрального блока БКМП. Чаще всего в рамках трипольской общности археологи выделяют три последовательные в хронологическом отношении культуры — Триполье А, В и С1.

Наконец, последняя — и для нашей темы особенно интересная — группа культур была рассеяна по широкой зоне степи и лесостепи, от низовьев Днестра и Буга вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья. Здесь на площади в 400—500 тысяч кв. км. господствовали общности подвижных скотоводов, чрезвычайно несходные по важнейшим проявлениям своей культуры оседлым земледельцам первой и второй групп Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Центральный блок провинции: Варненский некрополь

Характеристика культур центрального блока БКМП построена в основном на базе материалов, добываемых археологами из руин бесчисленных поселений,

а также из древних кладбищ. Ученые наметили здесь весьма значительное число культур. Наименования их большей части, равно как и данные об их абсолютной хронологии, можно найти в Приложении 1. Мы, однако, остановимся лишь на двух из них. Первую археологи именуют Караново VI-Гумельница, а вторую — Варна. Они расположены в юго-восточной части провинции — во Фракии и Нижнем Подунавье, а также близ западного побережья Черного моря (рис. 8.3).

Думается, что для лучшего понимания феномена БКМП будет резонаным обратиться также лишь к двум, правда, неординарным памятникам указанных культур, занимающим совершенно особое положение в этой древнейшей системе взаимосвязанных производственных очагов. Первый из памятников, приобретший статус безусловного символа metallургической провинции, — это Варненский «золотой» некрополь, в могилах которого было сосредоточено древнейшее на нашей планете золото. Другой памятник — Аи бунар («Медвежий источник» или же «колодец» в переводе с тюркского) — медный рудник с яркими и огромными горными выработками V тыс. до н. э., синхронными погребениям из Варны. Оба памятника находятся на территории Болгарии.

Могильник был случайно обнаружен осенью 1972 года на западной окраине города Варна, близ берега черноморского лимана (рис. 8.4); по этому некрополю, кстати, и получила свое название культура Варны. На сегодняшний день археологам на этом кладбище удалось вскрыть более трехсот могил. В огромном большинстве случаев могильные ямы были предназначены для покойников вполне

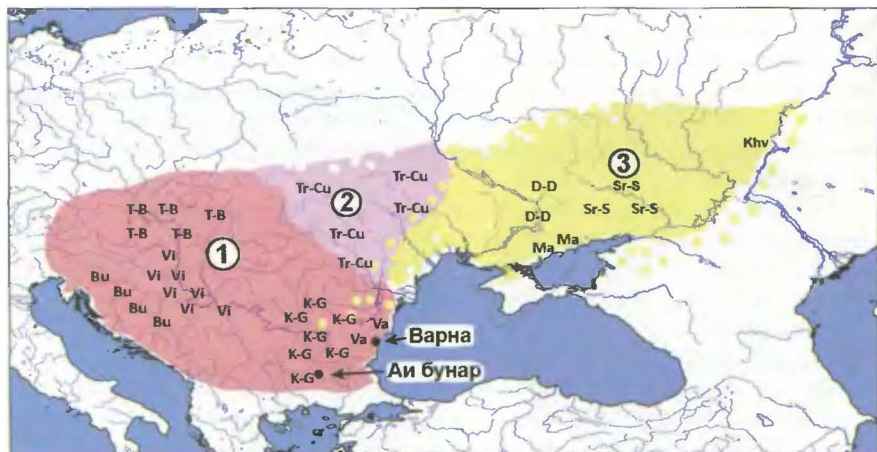

Рис. 8.3. Ареал Балкано-Карпатской metallургической провинции.

Условные обозначения: 1 — центральная группа оседло-земледельческих культур: Ви — Бутмир, Т-В — Тисаполгар-Бодрогкерестур, Vi — Винча, К-Г — Караново VI-Гумельница, Va — Варна; 2 — периферийная группа оседло-земледельческих культур: Tr-Cu — Триполье-Кукутени; 3 — степные скотоводческие общности: D-D — Днепро-Донецкая, Ma — Мариупольская (Азово-Днепровская), Sr-S — Средний Стог, Khv — Хвалынская

Рис. 8.4. Варненский некрополь. Раскопки 1974 года. На заднем плане виднеются берега лимана

«обыкновенного» ранга. Трупы их, как правило, укладывали на дне могил на спине с вытянутыми или согнутыми в коленях ногами. Скончавшихся людей в потусторонний мир чаще всего сопровождал довольно скромный инвентарь: глиняный сосуд/сосуды, а также изготовленные из просверленного мягкого камня или же из морских раковин бусины и т. п. Не столь уж редкими оказывались здесь моги-

лы, где, помимо останков покойного, ничего не находили...

Однако, безусловно, самый жгучий интерес не только у археологов, но и у широкой публики вызвали несколько могил, чей заупокойный инвентарь отличался феноменальным богатством (рис. 8.5—8.7). При этом лишь в единственной из могильных ям находился скелет человека, все прочие богатые захоронения человеческих останков не содержали.

Единственный покойник — мужчина средних лет, удостоившийся чести быть захороненным в специально выкопанной для него яме, был буквально засыпан золотыми украшениями (рис. 8.8, верхнее фото). Вокруг головы был выложен нимб из золотых бляшек. На руках были надеты массивные, также золотые, браслеты. В правую руку ему вложили обтянутую золотыми муфтами деревянную рукоять, на которую был насажен полированный мраморный топор (рис. 8.5). Даже на его пенис надели золотой «презерватив». Погребенный в этой могиле являлся, конечно же, знатной персоной, видимо, даже военным вождем: ведь кроме золота при его останках находилось большое число медных орудий и оружия.

В каком-то отношении еще более примечательными явились в Варне могильные ямы без человеческих останков. Болгарские археологи определяли эти объекты как символические погребения; в археологической науке такие захоронения чаще всего именуют кенотафами. Здесь в ямах находились россыпи золотых украшений; среди золота лежали и медные предметы, правда, здесь уже не столь многочисленные, как в погребении вождя (рис. 8.6). Символом знатного положения той персоны, в память которой сооружался кенотаф, служила глиняная маска, чей лик был также украшен золотыми пластинами (рис. 8.9). Мелкие и также золотые бляшки поверх «лика» на таких масках могли изображать зубы.

Безусловно, что золото Варны сразу же после его открытия явилось сенсацией номер один в мировой археологии. В богатых погребениях Варны нашли более трех тысяч золотых предметов. Однако и коллекция медных орудий (рис. 8.10), среди которых тяжелые топоры и тесла занимали первый план, также привлекали особое внимание. Повторим, что такие формы металлургии и металлообработки

Рис. 8.5. Варненский некрополь. Золотые изделия и мраморный топор из богатых погребений

Рис. 8.6. Варненский некрополь. Погребение-кенотаф с золотом и редкими медными изделиями

Рис. 8.7. Варненский некрополь. Большое керамическое блюдо с росписью с применением пыльцы золота

Рис. 8.8. Варненский некрополь. Погребение вождя в одной из могил Варненского некрополя

Рис. 8.9. Варненский некрополь. Одно из погребений-кенотафов. Глиняная маска человеческого лица с золотыми аппликациями

Рис. 8.10. Медные орудия из различных погребений Варненского некрополя

появились на Балканах и в Карпатском бассейне фактически без сколько-нибудь заметного длительного временного «разбега». Естественно, что подготовительный (латентный) этап подобной технологии должен был непременно иметь место. Однако, кажется, что последний протекал весьма стремительно, и такие периоды различать на археологических материалах удается далеко не всегда.

Центральный блок провинции: медный рудник Аи бунар

Мощные следы горных разработок на Аи бунаре были обнаружены археологами также осенью, но еще 1971 года (Черных 1978: 56—74). Рудник принадлежит категории древнейших на нашей Земле и, во всяком случае, он относится к наиболее впечатляющим из этого крайне редкого разряда сохранившихся и известных нам памятников горного дела. Отличия Аи бунара от Варненского могильника заключались не только в резком несхождении характера обоих памятников. Некрополь был призван продемонстрировать потусторонним силам — получилось, однако, что вместе с ними также и нам — все лучшее из творений местных мастеров по золоту и меди. В противоположность этому горняки и рудознатцы V тыс. до н. э., вгрызавшиеся в рудоносные известняки и доломиты горного урочища, абсолютно не желали, чтобы взгляд посторонних даже касался их работ (об этом мы скажем ниже). Однако исследования этого редкостного и древнейшего в Евразии памятника горного дела позволили, наконец, осознать, сколь тяжела, таинственна и непривычна для той эпохи оказалась работа по извлечению из тисков скальной породы той драгоценной руды, что должна была служить исходным материалом для выплавки меди, попадавшей, в конечном итоге, и в могильные ямы Варненского кладбища.

Медное месторождение Аи бунар находится в лесистом и невысоком горном массиве самого центра Северной Фракии (рис. 8.3). Рудопроявление невелико, а рудные жилы, где преобладают малахит и азурит, здесь круто падают вглубь земли. При этом зеленые и синие минералы меди выходили на поверхность, что и позволяло древним рудоискателям опознавать само месторождение и вести разработку его основных рудных линз. Мощность сложенных рудными минералами жил колебалась от 0,5 до 5 метров в ширину, а сами прослойки медной руды могли простирались от нескольких десятков до сотен метров. Обнажения минеральных выходов протянулись ломаной дугой, с перерыв-

Рис. 8.11. Аи бунар. Буровые разведочные работы на одной из центральных выработок в 1972 году

Рис. 8.12, рис. 8.13 (справа). Ай бунар. Расчистка края одной из горных выработок в 1972 году

Рис. 8.14. Ай бунар. Расчищенный до глубины 6—7 метров участок одной из центральных выработок

Рис. 8.15. Ай бунар. Малые щелевидные расчищенные выработки

вами примерно на полтора километра, и повсюду древние шахтеры закладывали выработки на всех этих выходах. Самые богатые линзы и жилы минералов локализовались в центре рудопроявления. Именно на этих участках оруденения и были зафиксированы наиболее выразительные следы значительных горных работ (рис. 8.12—8.15).

Выработки представляли собой, как правило, круто наклонные, длинные щели. Последние постепенно сужались в глубину, так что работа в них с определенного уровня оказывалась крайне затрудненной из-за крутых известняковых и доломитовых бортов, сдвигавших щели проходок. Шахтеры старались выбрать все доступные им медные минералы, отчего археологи смогли добраться на ряде периферийных выработок до дна древних разработок. К сожалению, этого не удалось сделать на самых значительных — центральных — выработках. Правда, бурение (рис. 8.11) показало, что там их глубина могла достигать 25—30 метров!

Тотальный объем извлеченной на Аи бунаре медной руды мог достигать примерно 30 000 тонн. В реальности, исходя из приблизительных норм древней технологии, плавка этой руды могла дать приблизительно 1000 тонн меди. Аи бунарская руда и выплавленная из нее медь отличается от всех прочих значительным разнообразием примесей сопутствующих химических элементов. Признак этот позволил установить, что до нынешнего времени в музеях Болгарии сохранилось всего лишь не более 15—20 кг меди (см. например, отдельные находки: рис. 8.16) Первоначально это сильно удивляло исследователей, однако, все работы по обследованию древнего горно-металлургического производства в Евразии показали, что такова примерная и обычная доля сохраняющихся остатков от металлургического производства Эпохи Раннего Металла.

Проводящиеся в последние десятилетия исследования древних рудников стали приводить ученых к весьма обоснованным заключениям о зачастую громадных объемах добытой руды и, соответственно, металловыплавки. Эти изыскания позволили провести ревизию господствовавших ранее заключений о ничтожных масштабах древнего горно-металлургического производства.

Мнение это опиралось на визуальные оценки тех незначительных коллекций металла, что сохранялись во множестве музеев разных стран.

Теперь обратимся к ряду иных наблюдений за феноменом Аи бунара, также удивлявших ученых своими парадоксами. Например, оказалось, что по завершении тяжких трудов, покидая навсегда рудник, горняки старательно перемещали «пустую» породу, скальные обломки и щебень назад в собственные карьеры, с таким трудом пробитые в скальных породах. Горы этого отработанного материала, без всякого сомнения, возвышались здесь же, рядом с щелями выработок, когда шахтеры дробили в этих карьерах скалы, извлекая из них медные минералы. А ведь «пустая» порода — это десятки тысяч тонн! — по общему объему всегда многократно превосходила «полезную» рудную массу. С современной точки зрения, эта многотрудная акция абсолютно иррациональна.

Рис. 8.16. Аи бунар. Медные втульчатые орудия горняков: топор-кирка (вверху) и клиновидный топор

Рис. 8.17. Аи бунар. Погребение горняков в узкой щелевидной выработке (мужской костяк справа)

Однако древние горняки полагали совершенно иначе. Таинственные недра милостиво позволили им позаимствовать у них некую долю скрытых богатств. Теперь задачей шахтеров становилось как можно тщательнее скрыть следы своего проникновения в глубины земли — в противном же случае нерадивых ожидала жестокая месть со стороны хозяев подземных кладовых. По мере активного изучения древнейшего горного дела становилось все более и более ясным, что подобная — бессмысленная с позиции современных рациональных взглядов — практика носила едва ли не всеобщий характер во множестве регионов Евразии. По существу, на Аи бунаре удалось приоткрыть явные признаки архетипа в понимании взаимоотношений горняков с властителями недр. В связи с этим любопытны, пожалуй, и захоронения самих горняков в засыпанных пустой породой выработках. В одной из самых тесных щелей натолкнулись на останки парного погребения мужчины и женщины (рис. 8.17). У мужчины перед захоронением отчленили левую ногу и положили ее поверх тела женщины, прикрыв отрубленную конечность крупным камнем. Находки подобного рода намеренных захоронений на рудниках — редкость чрезвычайная.

Другая неожиданность Аи бунара: полное отсутствие следов выплавки меди как в ближних, так и в его дальних окрестностях. Более того, богатые металлом памятники Балкано-Карпатской металлургической провинции вообще не содер-

жали ни следов выплавки меди из медных руд, ни мастерских, где бы отливали и отковывали те разнообразные орудия, что в массе сохранились до наших дней. Это особенно удивляло на фоне других — существенно более бедных металлом — культур, относящихся к иным историческим периодам: там находки глиняных или же каменных форм для отливки медных или бронзовых орудий не кажутся чем-то необычным. По всей вероятности, вся деятельность мастеров горно-metallургического производства в рамках БКМП подчинялась неким загадочным требованиям высокой секретности.

Второй блок провинции: трипольская общность

Трипольская общность — основное ядро второго блока провинции — являет собой восточную периферию культур центральной группы БКМП. В ней отражены все важнейшие черты более западных сообществ Балкано-Карпатского региона. Здесь также господствует оседлый стиль бытия и хозяйствования. Не исключено, что животноводство здесь играет заметно **большую** роль в сравнении культурами центрального блока. Пожалуй, наиболее ярко о родстве трипольцев с культурами центрального блока говорит глиняная посуда. Особенно выразительны парадные, покрытые причудливым многоцветным орнаментом керамические сосуды, относящиеся ко времени расцвета трипольской культуры (рис. 8.18). Глиняная пластика также многообразна: традиционные здесь женские фигурки (рис. 8.19), изображения животных и т. п.

У трипольцев практиковались весьма сходные формы домостроительства. Раскопки показывают, что чаще всего фундаментом хижины служила глинобитная платформа, на которой и воздвигалось само жилище. Об этом же говорят и модели жилищ, встречающиеся при раскопках селищ этой культурной общности (рис. 8.20).

Мы упомянем о трех основных различиях трипольских культур в сравнении с западными общностями. Первое из них — существенно меньшее число медных изделий в культурных слоях местных селищ на фоне придунайских или же фракийских. Отсутствие собственной меднорудной базы привело трипольцев к полной зависимости от производственных очагов центрального блока БКМП в поставках металла. Специальные исследования дают основание полагать, что на базе привозного металла трудились местные мастера по обработке металла.

Рис. 8.18. Трипольская общность. Глиняный расписной многоцветный сосуд

Рис. 8.19. Трипольская общность. Глиняные женские фигурки

Рис. 8.20. Трипольская общность. Глиняная модель жилой постройки

Второе отличие заключается в едва ли не полном отсутствии погребальных памятников. Известен лишь единственный могильник, датированный самым финалом существования культуры. Однако по богатству и разнообразию инвентаря он ни в коей мере не может равняться с Варненским некрополем.

Третье отличие, пожалуй, можно считать наиболее значимым. Охваченный трипольским населением регион полностью лишен тех теллей или же «селищных могил», столь характерных, по крайней мере, для южного района центрального блока БКМП. Поэтому здесь невозможно встретить многослойных поселков с чередованием многочисленных и последовательных разнокультурных напластований. Трипольская общность — это относительно далекий «выплеск» оседло-земледельческих культур балкано-карпатского стиля в восточном направлении.

В ареале от Днестра до Днепра археологи никогда не отмечали неолитических земледельческих культур с мощными культурными отложениями и массивными глинобитными сооружениями. Видимо, это явилось основной причиной отсутствия здесь традиции заселения одного и того же места в течение тысячелетий. Вместе с тем некоторые археологи полагают, что именно в ареале трипольской общности существовали гигантские поселки-протогорода (рис. 8.21). Ученые реконструируют их форму и размеры на базе различных методов аэрофото съемки; при этом полагают, что площадь таких селищ может достигать 40, 60 и даже 100 гектаров! Правда, вплоть до нынешнего дня ни одно из подобного рода гигантских поселений сколько-нибудь широким раскопкам не подвергалось. Поэтому подобные утверждения должны оставаться в разряде гипотез.

Вполне возможно, что именно отсутствие впечатляющих многослойных теллей и послужило довольно существенной разницей в картине абсолютной хро-

Рис. 8.21. Так представляют себе некоторые археологи характер и планировку гигантских поселений трипольской культурной общности (Энциклопедия)

нологии трипольской общности на фоне культур центрального блока провинции. При сравнении сумм вероятностей всех трех основных культурных составляющих эту общность — Триполье А, В и С1 — очень хорошо заметен неустойчивый характер распределения вероятностей известных датировок при сравнении их с более западными балкано-карпатскими объединениями (см. Приложение 1, рис. Пр1.2; сравните диаграммы распределения культур центрального блока и трипольской общности). Позднейшая из всех трипольских культур С1 вообще как бы уже выходит за хронологические рамки наибольшей активности металлургических очагов БКМП. Эта культура синхронна более поздним системам, связанным уже с иными регионами (по всей видимости, с культурой Бодрогкерестур на Среднем Дунае), но пользуется все еще импортной балкано-карпатской медью.

И наконец, последнее. Сам «трипольский домен» соседствовал с весьма неприветливыми и нередко жестокими для земледельцев скотоводами Степного Пояса. Возможно, именно поэтому трипольцы здесь выглядели достаточно чужеродным элементом. Однако именно трипольцам принадлежала роль связующего звена между двумя основными и несходными между собой мирами Евразии — древним оседло-земледельческим и зарождающимся степным пастушеским.

Третий блок провинции: степные скотоводы

Первые шаги скотоводов в мир металлов свершались в зоне стыка между культурами центрального и — в основном — трипольского блоков. Сопоставление их культур между собой не может не поражать — столь разительным выгля-

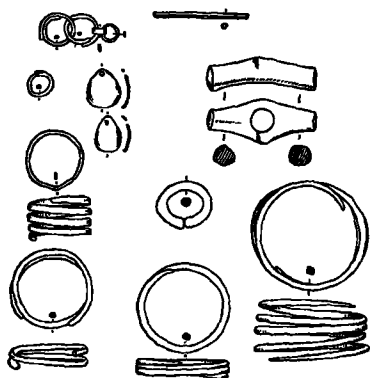

Рис. 8.22. Медные предметы в памятниках степных культур и общностей в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции

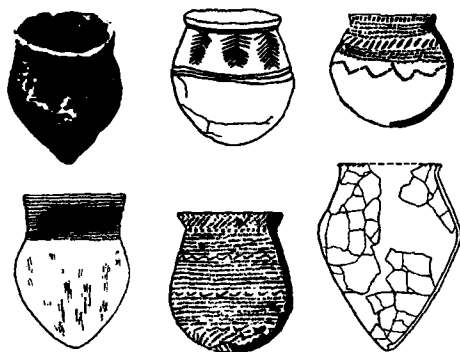

Рис. 8.23. Образцы глиняной посуды в памятниках степных общностей медного века

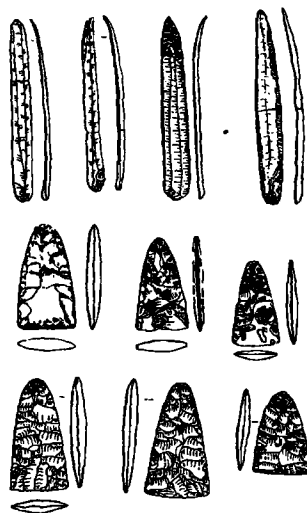

Рис. 8.24. Образцы кремневых орудий и оружия в памятниках медного века степных культур

дит контраст. Вообще же едва ли не все характеристики, с которыми столкнется наш читатель при знакомстве со степными культурами БКМП, вольно или невольно пройдут через своеобразную призму постоянного сравнения их с общностями оседлых земледельцев: мне кажется, что при таком освещении специфические черты культуры пастушеских сообществ проступят несравненно более выразительно.

В эпоху раннего металла подвластная степным скотоводческим народам территория располагалась южнее и восточнее трипольской общности — этого ядра второго блока БКМП. По существу, в зоне господства пастушеских культур оказался весь крайний западный фланг Степного Пояса — от низовьев Дуная вплоть до Нижнего и Среднего Поволжья (рис. 8.3). Именно на этих широких степных и отчасти лесостепных пространствах удалось выявить и изучить большое число памятников — по преимуществу могильных, — в комплексах которых имелись отчетли-

вые свидетельства знакомства местных скотоводов с металлом. Археологи часто очень по-разному именуют эти пастушеские культуры. Бросается в глаза досадная разногласия в их названиях: мариупольская, среднестоговская в Причерноморье, хвалынская в Поволжье и т. д.

Медные изделия здесь в сравнении с металлом центрального блока, конечно же, не впечатляют. Перед нами преимущественно не очень выразительные украшения — бусины, пронизи, браслеты, бляшки и т. п. (рис. 8.22). При этом специалисты предполагают, что большинство из них отковывалось местными мастерами. Однако совокупное число этих изделий весьма значительно: более пяти с половиной тысяч! Наиболее впечатляющее число медных подвесок — около двух с половиной тысяч — обнаружили только в двух погребениях в городе Кривой Рог в Поднепровье. Metallических же орудий — подобных шильям или проколкам — ничтожно мало.

Согласно химическому составу, вся эта медь восходит к своим коренным источникам — горно-metallургическим очагам центрального блока БКМП. Именно это и послужило основанием для включения степных сообществ в рамки данной провинции, хотя характер металлообработки на фоне центральных и даже трипольских очагов находился здесь на весьма примитивном уровне.

Керамические сосуды являются, как правило, основным индикатором кардинальных различий. Степная посуда на фоне своих западных соседей также примитивна; ее выдает по преимуществу округлое или же приостренное дно (рис. 8.23).

Причину предпочтения такой кругло- или же остродонной формы сосуда можно понять при обращении, например, к мумифицированным погребениям очень далекого от Северного Причерноморья бассейна Тарима — уже к востоку от Джунгарских ворот. Мумии эпохи бронзы на этих кладбищах на окраинах пустыни Такла-Макан сопровождались разнообразной органикой прекрасной сохранности. Все кругло- или же остродонные сосуды обязательно помещались в шерстяную грубую «плетенку», туго облежавшую тулово горшка (The Ancient Culture in Xinjiang: 23, 8; 24, 5). Сосуд мог подвешиваться за хлястик-ушко «плетенки» либо к поясу человека, либо к подпруге животного, или же к суку дерева. Об этих погребениях в Синьцзяне более подробно речь пойдет ниже (см. главу 11).

Совершенно иной в сравнении с трипольской или же подунайской выглядит также вся система орнаментации сосудов и техника ее нанесения: это не роспись тулова горшка, но нарезка или же его своеобразная гравировка каким-то малым инструментом еще на мягкой глине, до ее обжига. Основным материалом для изготовления оружия служил кремнь. Из этого материала, следуя еще неолитической традиции, выделяли многочисленные наконечники стрел, тесла, долота (рис. 8.24) и т. п.

Безусловно, что животноводство являлось главным занятием степных аборигенов. Как правило, в стадах преобладал крупный рогатый скот, хотя доля овец и коз, особенно в степных районах, оказывалась весьма значительной. Однако в ряде коллекций, происходящих из раскопок поселений в междуречье Днепра и Донца, на первый план могут выходить кости одомашненной лошади: доля ее

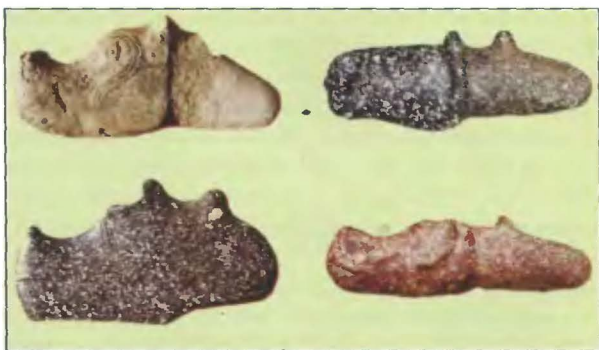

Рис. 8.25. Зооморфные и т. н. «абстрактные» каменные скипетры-навершия. Распространены в степной зоне Европы, а также в бассейне нижнего Подунавья; однако их находки единичны

останков в слоях некоторых селищ могла достигать 60%! К глубокому сожалению, сегодня мы не в состоянии сказать с уверенностью, был ли в этих культурах конь уже освоен под верховую езду? Предположения о всадничестве у этих народов высказываются довольно часто, однако строгих доказательств этого важнейшего для степняков достижения пока что нет. Порой аргументом для доказательства такой гипотезы приводят наличие своеобразных каменных «скипетров» со схематическими изображениями, как часто полагают, конской головы (рис. 8.25). Аргумент этот, однако, не очень весом: у древних весьма нередко приобретали сакральный смысл фигурки заведомо диких животных — медведей, лосей, оленей и т. п.

Земледелие, скорее всего, не практиковалось вовсе. Если же в культурных слоях и попадались отдельные следы злаков, то их присутствие можно было относить либо за счет контактов с соседями-земледельцами, либо случайным и неконтролируемым попаданием по возрасту поздних злаков в поселенческие слои степных культур (во всяком случае, об этом говорят радиоуглеродные датировки зерен).

Основную долю материалов степных обществ поставляют нам раскопанные археологами кладбища. Погребения людей крайне редко отличаются богатством; чаще всего покойники уходили на тот свет совершенно лишенными инвентаря. Нельзя исключать, что именно погребения наиболее знатных сопровождалась медными украшениями, но такого рода факты очень мало характерны для степных культур медного века.

Поселения мало выразительны, их культурный слой беден находками. Население обитало в хижинах легких конструкций, чей земляной пол был слегка углубленным в землю. Скорее всего, сам характер селищ также нес на себе признаки подвижного быта скотоводов-степняков. Если прибегать к этнографическим параллелям, то можно, например, полагать, что подобные обиталища использовались

жителями лишь в зимний период, когда скот со своими пастухами не мог свободно передвигаться с места на место, но был «привязан» к определенным местам обитания семей скотоводов.

Степные культуры и «синдром культурной непрерывности»

Здесь мы позволим себе еще раз обратиться к ряду общих определений теоретического плана. И прежде всего — что есть для исследователя древностей археологическая культура? Обычно в археологии под этим подразумевают некий повторяющийся во времени и пространстве комплекс материально выраженных признаков. Сами признаки культуры многообразны, и их комплекс охватывает все, что оставляют нам носители того или иного сообщества — от самых мелких артефактов или же рядовых погребений вплоть до грандиозных сооружений, скажем, сакрального характера. Множится признаками богатство того или иного комплекса, и параллельно ему возрастает возможность корректной верификации реконструируемой культуры. Намечаемый комплекс должен — как во времени, так и в пространстве — достаточно определенно отличаться от соседних. Также должны быть всегда ограничены хронологические (вертикальные) и территориальные (горизонтальные) рамки любой археологической культуры.

Таковы изложенные весьма лапидарно теоретические послышки выделения археологических культур. Однако будничная практика вносит свои коррективы в этот важнейший процесс. Порой эти поправки принимают столь существенный характер, что мы определяем тогда выявленный феномен как **«синдром культурной непрерывности»**.

Именно с этим синдромом и сталкивается исследователь при погружении в анализ вовлеченных в систему БКМП степных скотоводческих культур медного века. В этом массиве древностей нас встречают крайне туманные, расплывчатые и весьма разноречивые определения археологических культур, господствовавших в V тыс. до н. э. на обширных пространствах от низовьев Дуная и Днестра вплоть до Нижнего и Среднего Поволжья. Комплексы материально выраженных признаков каждой из реконструируемых культур нестабильны. Этнокультурные грани как бы растушеваны и «размазаны» по координатам времени и пространства. К тому же и их материально выраженные признаки не очень выразительны, а их повторяемость — или же стабильное воспроизводство — весьма неустойчиво.

Синдром культурной непрерывности весьма близок тому, что лингвисты именуют языковым или же диалектным континуумом, когда исключительно трудно установить истинную и четко выраженную грань между различными родственными диалектами (см., например, работы: Мейе, Bloomfield и другие). Подчеркнем лишь одно, правда, не принципиальное отличие: в лингвистике рассматривается по преимуществу гори-

зонтальный или пространственный континуум, а в археологии, наряду с пространственным, также не менее значим вариант вертикальной или же хронологической непрерывности.

Кажется чрезвычайно любопытным и в каком-то смысле даже парадоксальным, что признаки синдрома культурной непрерывности ярче всего можно уловить если наблюдать за жаркими и далеко не всегда плодотворными дискуссиями специалистов о том, как же все-таки следует именовать ту или иную культуру? Как отличить ее от соседней во времени и пространстве? Где кроются те надежные признаки для корректных культурных верификаций? И споры такого рода, по сути, бесконечны — они не стихают десятилетиями. Именно такого рода дискуссии сопровождают едва ли не всю историю изучения степных северо-причерноморских общностей.

И здесь же легко продемонстрировать пример обратного характера. Так, при желании провести разделительные грани между блоками степных объединений с культурами оседло-земледельческими, к примеру, культурой трипольской, никаких проблем не возникает. Материальные признаки сопоставляемых блоков предельно контрастны, и потому все кажется совершенно ясным. Никаких сколько-нибудь серьезных разногласий у исследователей в этом плане не наблюдается.

Исторические параллели, которые в изобилии можно будет почерпнуть уже из следующей — исторической — части книги, позволяют утверждать, что такая ситуация чрезвычайно характерна для огромного большинства мобильных кочевых или полукочевых обществ. Стремительные пространственные передвижения, бесконечные междоусобицы и стычки, захваты и перемещения различных групп населения приводили к активному смешению различных этнокультурных групп. Естественно, что все это непременно сказывалось на археологическом материале, с чем мы и сталкиваемся постоянно при изучении материалов степных скотоводов.

Кажется, что в первую очередь именно это и отразилось на общем полотне, где мы постарались продемонстрировать распределением сумм вероятностей абсолютных датировок для всех степных культур, связанных по металлу с производящими центрами Балкано-Карпатской металлургической провинции (см. Приложение 1). В этом Приложении на рис. Пр.1.2 представлена картина распределения сумм вероятностей для пяти степных общностей, хотя культурная верификация едва ли не каждого датированного образца в каждой из них могла быть оспорена. Проявления очевидной слабой сопряженности многих результатов проведенного анализа весьма удивляли и ранее (см., например: Chernykh 2008: 77, 78, fig. 4; 2011: 154—155, figs. 4 and 5), так что комментировать сами результаты было крайне затруднительно. По этой причине далее — уже в главе 11 настоящей книги — мы ограничимся сведением всего большого материала по 192 датировкам степных общностей в три территориальные группы комплексов, объединенных по территориальному признаку с привязкой к крупным речным бассейнам — Днепр-Буг, Дон-Донец, Волга-Урал.

По ходу изложения материалов скотоводческих культур, с явными признаками синдрома культурной непрерывности мы столкнемся и еще не раз, поскольку данный феномен в той или иной мере коснется многих сообществ. В то же время, этот синдром окажется столь же существенным, например, и для многих культур лесной зоны Евразии.

Направление импульсов

Начало данной главы было сосредоточено на обсуждении феномена металлургической «революции», неожиданного и могучего взрыва горно-металлургического производства в Старом Свете, обязанного культурам медного века Балкано-Карпаты. При анализе этого важнейшего события в археологической среде чаще всего склонны принимать во внимание два возможных и исходных импульса, приведших к зарождению самого феномена.

Первый из них мог исходить из среды прото-металлических анатолийских культур VII—VI тыс. до н. э. Правда, сомнения в этой гипотезе кроются в отчетливо выраженном торможении развития этой технологии в Анатолии и Месопотамии; причину этого можно усматривать в строгих запретах на развитие этой технологии в нормативных канонах культур прото-металлической зоны. Однако еле заметная пульсация производства меди продолжалось там в течение не менее четырех тысячелетий, и невозможно исключить, что предполагаемый — хотя и очень слабый — анатолийский импульс мог последовать в северо-западном направлении. Реакция носителей подунайских культур на эти инновации оказалась неожиданно благоприятной, что и послужило основой для вспышки абсолютно нового для балкано-карпатских культур прогрессивного производства.

Доказать подобный механизм проникновения, равно как и анатолийский источник балкано-карпатского феномена, крайне сложно. Материалы начальной, скрытой (латентной) фазы развития горно-металлургического производства на севере Балкан весьма скудны и крайне невыразительны. По этой причине данная гипотеза может подкрепляться лишь отсылками на позднейшие исторические параллели типа вспышки новых технологий на северо-американском континенте после заселения его пространств энергичными диссидентами западноевропейских культур. Согласимся, однако, с тем, что такую возможность исключать не следует.

Вполне возможно и другое объяснение: основой здесь явились как вполне самостоятельный внутренний импульс, так и вполне очевидное отсутствие запретов в нормативных канонах балкано-карпатских сообществ на широкое внедрение и развитие этой технологии. Во всяком случае, такого рода объяснение феномена балкано-карпатского технологического скачка выглядит существенно более простым и надежным.

Теперь коснемся проблемы импульсов уже со стороны металлургии балкано-карпатских культур: в какие же стороны были направлены их русла? Ответ здесь

однозначен: импульс последовал на восток и северо-восток, в зону культурно чужеродных им скотоводов-степняков. Заметим — и это очень важно! — не в ареалы близких по характеру и духу оседло-земледельческих культур Анатолии, не на соседний юг Балканского полуострова с его высокоразвитыми неолитическими сообществами, но в те степные края, откуда по балкано-карпатским культурам центрального, а также периферийного трипольского блоков в не столь уж отдаленном будущем последуют тяжелые удары.

Сравнение обоих блоков оседло-земледельческих культур со степными сообществами, скорее всего, приведет к заключению, что последние предстают глубокими варварами на фоне оседлых земледельцев буквально по всем основным позициям. Любопытно при этом, что наиболее активными посредниками, скажем, в металлургических контактах с коренными очагами БКМП послужили именно металлообрабатывающие мастерские трипольской культуры, с которыми скотоводы поддерживали вполне очевидные связи. Однако эти длительные и постоянные контакты совершенно не поколебали приверженности основных принципов жизнеустройства у населения обеих противоположных по своему характеру культурных групп. Более того, отдельные степные группы проникали по Дунаю на сотни километров вплоть до центральных областей оседлых земледельцев. Однако и при этом внешние проявления их культуры оставались совершенно неизменными; об этом легко судить, поскольку сами взаимодействующие между собой культуры хранили верность своим основным канонам. Но как это ни парадоксально, финал этих контактов оказался во многом не в пользу культур, блиставших своими золотом и медью, расписными сосудами, выразительной пластикой...

Впрочем, сходными парадоксами насыщены буквально все периоды исторического развития человеческих сообществ. Правда, подобные парадоксы особенно ярко проявят себя уже на следующем этапе развития культур и общностей обширного региона БКМП. Причем основные события будут связаны не с теми степняками Северного Причерноморья, которые первыми восприняли столь завораживающие знания о новом материале — меди, но со скотоводческими сообществами уже иного региона.

!

.

•

Глава 9

У истоков Циркумпонтийской МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

2

Основные производственные центры центрального блока Балкано-Карпатской металлургической провинции весьма отчетливо укладываются в рамки V тыс. до н. э. (см. Приложение 1, рис. Пр1, 2: 1—9). Даже диапазоны практически всех совокупностей уже в очень широких рамках 95,4 % вероятности крайне редко выходят за пределы этого тысячелетия. Наиболее заметное отклонение хронологического диапазона в сторону омоложения демонстрирует немногочисленная совокупность датировок самой северной и самой поздней в этом блоке культуры Бодрогкерестур (рис. Пр1, 2: 10). Судя по всему, горно-металлургические центры именно этой культуры и служили источниками меди для периферийных металлообрабатывающих очагов Трипольской общности, особенно на ее финальной стадии С1 (рис. Пр1, 2: 13). Однако именно на ранние столетия четвертого тысячелетия приходится явный упадок некогда могучей системы, с которой мы связывали знаменательную металлургическую революцию в Евразии. Вместе с тем именно на это тысячелетие и приходится зарождение в Евразии новых культурно-технологических феноменов, пришедших на смену Балкано-Карпатской провинции.

Переходя к знакомству с этими неожиданными материалами, мы в очередной раз столкнемся со странными и внезапными скачками или же взлетами технологического развития. Автор данной книги будет доволен, если читатель станет шаг за шагом привыкать к мысли, что старт едва ли не всех ярких событий и технологических достижений почти всегда предстает перед исследователями как бы внезапным, внешне парадоксальным, напоминая своеобразный взрыв. События такого рода непременно отражались в форме целостного клубка исключительно броских и материально выраженных комплексов — именно о подобных явлениях мы и вели рассказ в предшествующих седьмой и восьмой главах. О событиях сходного характера речь пойдет также здесь.

Зарождение провинции: ранний бронзовый век

Смену Балкано-Карпатской металлургической провинции на Евразийском континенте породил тот регион, который на удивление долго и вяло, едва ли не бесконечные пять тысячелетий, пребывал в дремотном состоянии. Металлургия как бы застыла здесь на весьма маловыразительном уровне, что особенно броса-

лось в глаза на фоне иных аспектов культуры вроде архитектуры или скульптуры. Данную и не всегда до истинной глубины понимаемую стадию мы и окрестили эпохой Прото-металла. Предыдущая глава завершалась утверждением, что наиболее четко выраженным направлением импульса балкано-карпатской металлургии являлось северо-восточное — к чужеродным скотоводческим культурам степных и лесостепных пространств северного Причерноморья. Однако следов балкано-карпатского импульса в сторону анатолийских нагорий — к малоазийским культурам — проследить практически не удалось. Судя по всему, именно такой странной изоляцией Северных Балкан от Анатолии легче всего объяснять зарождение там нового облика металлургии, как в технологии металлургического производства, так и в формах производимых изделий.

Важнейшим событием IV тысячелетия, безусловно, стало зарождение и формирование *Циркумпонтийской металлургической провинции* (ЦМП). Свое название эта — ставшая вскоре центральной в Евразии — система взаимосвязанных горно-металлургических и металлообрабатывающих центров получила от древнегреческого наименования Черного моря — Понт Эвксинский. Иначе говоря, «*окружающая Понт Эвксинский*» провинция. Система эта в своем развитии прошла две основные фазы.

Первая из них явилась временем сложения и формирования, и автор именует ее как **прото-ЦМП**. На этой стадии основные производящие очаги ЦМП охватывали Черное море лишь с юга и востока — то есть с территорий Малой Азии и Кавказа (рис. 9.1). Общая площадь прото-ЦМП равнялась приблизительно 1,7—1,9 млн кв. км, а сам ранний этап провинции вписывался по преимуществу в рамки IV тыс. до н. э.

Второй фазой ЦМП явилось очевидное торжество технологических установок ее ведущих центров уже по всему обширному периметру Причерноморья над господствовавшими в V тыс. формами БКМП. По данной причине именно с того времени, то есть фактически уже с III тыс. до н. э., провинция по праву получает название Циркумпонтийской. На втором этапе территория ЦМП увеличилась более чем вдвое, достигнув 4—4,5 млн кв. км (об этой фазе пойдет речь в следующей главе).

В рамках активности производящих центров провинции необходимо отметить два события, сыгравшие огромную роль в технологической и культурной жизни народов Евразийского континента. Основные металлургические очаги ЦМП перешли на производство искусственных бронз — *сплава меди с мышьяком* (мышьяк — не металл, его нередко именуют металлоидом). В данном отношении металлургии провинции явились «пионерами» новой технологии, в производстве *мышьяковых бронз*. Уже на последующих хронологических этапах в весьма значительном ряду производящих очагов Евразии можно было наблюдать использование подобной и, надо заметить, весьма неожиданной даже для современных исследователей технологии сплавов. Тем самым как бы наступил реальный бронзовый век.

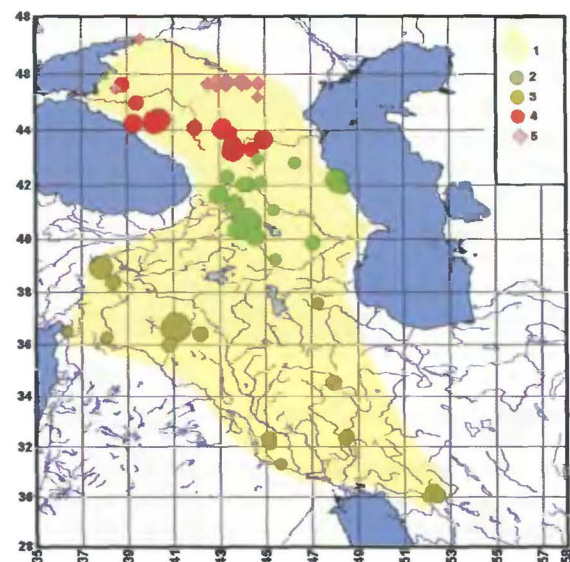

Рис. 9.1. Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция. Условные обозначения: 1—ареал прото-ЦМП. Территориальное распространение поселений и курганов с датировками 14С; 2—культура позднего Урука и связанные с ней комплексы; 3—куро-араксинская культура; 4—культура больших курганов «майкопа»; 5—культура курганов «степного майкопа»

Другим событием, также чрезвычайно ярко окрасившим многие страницы евразийской истории, стало зарождению в пределах Степного Пояса так называемых **курганных культур**. Надмогильные «поминальные» насыпи — большие или малые, скромные или же гигантские — стали служить истинным символом степных скотоводческих культур. Чаще всего именно они становились теми специфическими маркерами, по которым археологи решаются ныне определять этнокультурную принадлежность тех или иных групп населения, даже если эти погребальные курганы сооружались людьми далеко за пределами Степного Пояса. Именно по этой причине наше дальнейшее описание археологических культур и общностей Степного Пояса едва ли не обязательно в той или иной мере станет отзвуком оценки такого — зачастую неперменного для степняков — ритуала сооружения надмогильных холмов.

Структура ЦМП на первой фазе ее существования по ряду важных деталей напоминала ту, что мы отмечали для провинции Балкано-Карпатской: ее составляли два блока культур. Южные оседло-земледельческие общности определяли, безусловно, основную и самую обширную группу в рамках ЦМП. Их памятники обозначили едва ли весь тот ареал, которому мы посвятили выше раздел об эпохе Прото-металла (см. главу 7, рис. 7.1). Кроме того, в IV тысячелетии зона металлоносных оседло-земледельческих культур расширилась за счет Южного Кавка-

за. Общая площадь культур данного блока достигла в тот период приблизительно 1,3—1,5 млн кв. км. Сырьевой базой для горно-металлургического производства в этой обширной зоне послужили богатейшие и разнообразные месторождения меди, а также иных полезных ископаемых (мышьяка, сурьмы, серебра, золота), рассеянные по горным областям Анатолии, Южного Кавказа и Западного Ирана.

Северные скотоводческие культуры в границах ЦМП оккупировали пространство к северу от Большого Кавказа. Территория, покрытая памятниками северного блока скотоводческих курганных культур, оказалась сравнительно небольшой — до 300—350 тыс. кв. км. То есть ее доля лишь приближалась к пятой части от общей площади прото-ЦМП (рис. 9.1). В северном блоке коронной культурой, вне всякого сомнения, являлась майкопская, хотя площадь ее была и вовсе незначительной — вряд ли более 75—80 тысяч кв. км.

Майкопская культура больших курганов

Впечатляющая серия курганов майкопского типа — а именно эти надмогильные насыпи скрывали под собой богатейшие захоронения местных вождей — и составила истинный облик самой культуры. Памятники майкопского облика — мы нередко будем именовать их ***культурой больших майкопских курганов*** — тесно группируются в основном по северным предгорьям Кавказа, в бассейнах рек Кубани и верхнего Терека. Почти так же — «культурой больших кубанских курганов» — предлагал называть ее более полувека назад один из пионеров научного исследования майкопских древностей А. А. Иессен (1950).

Название «культура больших майкопских курганов» очень длинное и при частом повторении полного титула культуры весьма неудобное. Поэтому мы пойдем на его сокращение и при дальнейшем изложении будем употреблять уже краткое — «майкоп» — но обязательно в кавычках.

Основная доля до настоящего времени раскопанных и ставших исключительно знаменитыми подкурганных погребений сосредоточена по преимуществу на северо-западном Кавказе, в предгорьях левобережных притоков Кубани; однако близкие им древности в немалом числе встречаются и на низинном, более плоском, уже чисто степном правобережье кубанского бассейна. Восточнее Прикубанья памятники майкопского типа доходят до Чечни, и здесь границы этой культуры едва ли не вплотную подходят к знаменитым Дербентским воротам Прикаспия (рис. 9.1).

Поселения майкопской культуры, или же общности, также известны, но они в сравнении с курганными памятниками крайне невыразительны, и им будет посвящен краткий раздел вслед за характеристикой курганных могильников.

Сколько-нибудь подробно описывать курганные некрополи «майкопа» абсолютно нереально, да и постановка подобной задачи в нашей книге выглядела бы

Рис. 9.2. Примерно так выглядели самые крупные курганы майкопской общности (к сожалению, автор не имеет возможности продемонстрировать читателям фотографии реальных курганов «майкопа». На фото изображен также гигантский курган, но гораздо более позднего времени. См. Imzeichen: 71)

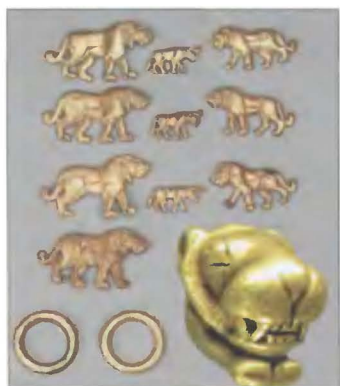

Рис. 9.3. Курган в городе Майкопе. Золотые украшения

Рис. 9.4. Курган в городе Майкопе. Золотые и серебряные ожерелья, бусы из полудрагоценных камней

весьма нелепо. Поэтому мы ограничимся знакомством с наиболее выразительными комплексами и начнем краткий рассказ о получившем мировую известность Майкопском кургане, что и явился своеобразным «родоначальником» всей этой культуры.

Еще в позапрошлом веке разраставшийся в конце столетия вширь город Майкоп «накрыл» своими кварталами древнюю и впечатляющую своими размерами надмогильную насыпь. После получивших широчайшую известность раскопок даже ту улицу, с которой этот древний курган оказался неожиданно связанным, назвали Курганной. Местное население ведало об этом рукотворном холме давно, однако лишь в 1897 году к его раскопкам приступил известный русский археолог Н.И. Веселовский. И хотя похвастать высоким уровнем методики его раскопок ныне вряд ли возможно, восстановить важнейшие черты этого памятника все же удалось.

В майкопском погребальном сооружении все казалось огромным: высота насыпи превышала 10 метров; диаметр курганного холма превышал сотню

Рис. 9.5. Курган в городе Майкопе. Золотая и серебряные фигурки быков и осла. Все фигурки имеют в области спины и живота отверстия для насадки их на серебряный стержень, крепивший балдахин над телом покойного вождя

Рис. 9.6. Курган в городе Майкопе. Золотая и серебряная посуда из погребения вождя

метров (он напоминал своими размерами тот — не-майкопский, что изображен на рис. 9.2). Сам холм перекрывал обширный могильный прямоугольный котлован размером 5,5 м на 3,7 м и глубиной около полутора метров. Погребальную яму окружал кольцевидный кромлех из поставленных на ребро каменных плит. Стены обширного котлована-усыпальницы были укреплены деревом. Дно могилы выложили каменными окатанными речными булыжниками или массивной галькой. Деревянные стенки разделили котлован на три неравные части, в которых и сохранились останки трех покойников. «Важнейшего» в этом погребальном комплексе покойника поместили в южную половину могильного сооружения.

Густо засыпанный красной охрой погребенный лежал скорченно на боку. Именно эту персону и сопровождал наиболее яркий по богатству инвентарь. Золото: 68 бляшек-львов, 19 бляшек-быков, 38 колечек, весьма многочисленные пятилепестковые бляшки-розетки (рис. 9.3). Покойник был украшен ожерельями, от которых сохранилось огромное число весьма разнообразных по форме бусин — золотых, серебряных, бирюзовых (рис. 9.4). Голову погребенного обвивали золотые ленты. Перед покойным лежали шесть метровых серебряных стержней. На концах четырех из них были насажены золотые и серебряные — по две для каждого металла — фигурки быков и осла (рис. 9.5). У стенок могилы поставили 17 драгоценных сосудов, из которых были два золотых, 14 серебряных (рис. 9.6), а также бронзовые (рис. 9.7) и один каменный. В этом ярком ряду сакральной посуды самыми примечательными оказались два серебряных сосуда с гравированными изображениями различных животных (рис. 9.8). В могиле лежали также 10 бронзовых изделий — оружие и орудия: топоры-тесла, большой

Рис. 9.7. Курган в городе Майкопе. Бронзовый сосуд («ведро»). Погребение сопровождалось большим количеством бронзовой посуды

Рис. 9.8. Курган в городе Майкопе. Серебряные сосуды с выдавленными и гравированными изображениями животных на фоне горного ландшафта. Внизу: фрагмент изображения на венчике нижнего сосуда какого-то животного, объедающего листья или плоды с дерева; хорошо видны заклепки — следы починки сосуда.

кинжал, долото, крюки и т. д. (рис. 9.9 и 9.10). Кроме прочего, здесь же были поставлены круглодонные глиняные сосуды (об этой категории инвентаря — в следующей главе).

Погребения в двух меньших по размеру «отсеках» могильного котлована также сопровождалось богатым инвентарем, хотя и сильно уступали в этом отношении «южной» — центральной — персоне майкопского кургана.

Километрах в пятидесяти к юго-востоку от Майкопа тем же Н.И. Веселовским, но уже в следующем, 1898 году, были проведены раскопки других курганов, правда, с методической точки зрения они отличались уже заметно более низким уровнем. Однако и здесь материал оказался весьма впечатляющим, хотя по своему богатству и уступал майкопскому. Тем не менее курганы у станицы Царской, переименованной после революции 1917 года в Новосвободную, также получили мировую известность. Спустя 91 год исследования этого удивительного некрополя продолжили советские археологи под руководством А. Д. Резепкина. Раскопки продолжались 13 лет, и за это время удалось раскопать «22 кургана, 8 из которых были перекрыты гигантской 12-метровой насыпью кургана Серебряный» (Резепкин: 8). Археологи добыли воистину громадный разнообразный материал из подкурганых могил (рис. 9.11—9.13). Самым любопытным, пожалуй, явилось здесь то, что захоронения свершались нередко в могильных домиках, сложен-

Рис. 9.9. Майкопские курганы. Бронзовые ножи-кинжалы, желобчатое долото и втульчатые крюки — довольно обычный набор изделий в богатых могилах культуры

Рис. 9.10. Курган в городе Майкопе. Бронзовое втульчатое оружие — тесло-топор, топор и тесло; внизу под ними желобчатое долото

Рис. 9.11. Курганы урочища «Клады». Втульчатый бронзовый топор — один из наиболее характерных типов оружия Циркумпонтийской металлургической провинции на обеих фазах ее функционирования (Резепкин: 321)

ных из массивных каменных плит, именуемых чаще всего дольменами (рис. 9.14). Удивлял огромный общий вес многих каменных погребальных конструкций — до 14—16 тонн! Дольмены чаще всего окружались кольцевой кладкой из каменных булыжников и крупной речной гальки (рис. 9.15), после чего перекрывались массивной земляной насыпью. Однако и до нынешних дней в окрестностях громадного могильного поля близ станицы Новосвободной, на поверхности земли, но землей не засыпанные, встречаются дольмены, хорошо сохранившие свой изначальный облик за прошедшие долгие тысячелетия (рис. 9.16).

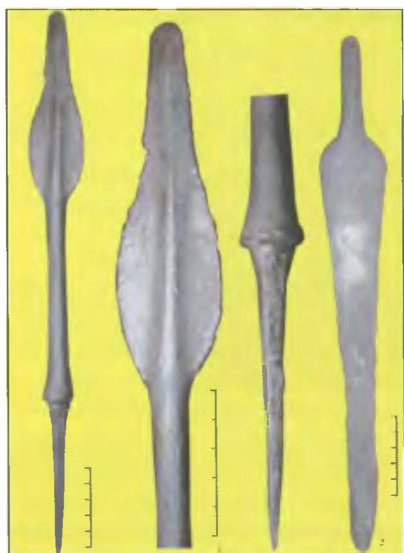

Рис. 9.12. Курганы урочища «Клады». Типичный набор бронзового оружия для Циркумпонтийской провинции (Резепкин: 322)

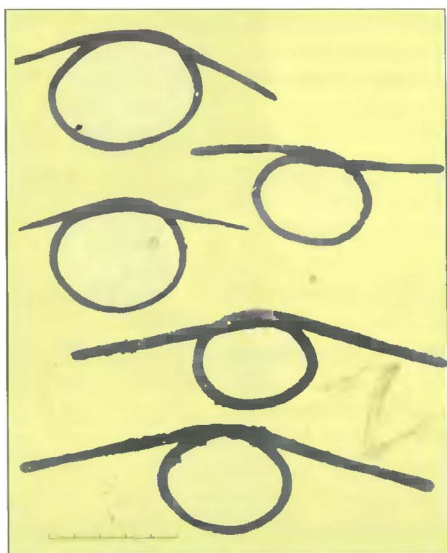

Рис. 9.13. Курганы урочища «Клады». В этих согнутых в петлю бронзовых прутках многие археологи видят детали конской узда — псалии (Резепкин: 321)

Рис. 9.14. Курганы урочища «Клады». Каменные дольмены, в которых совершались многие захоронения «майкопа». Вверху: круглое отверстие в плите входа в погребальную камеру закрыто каменной, также круглой, пробкой (Резепкин: 313, 314.)

Рис. 9.15. Курганы урочища «Клады». Каменная насыпная ограда центральной усыпальницы из крупных речных окатанных булыжников (Резепкин: 311)

Рис. 9.16. Урочище «Клады». Дольмен, не перекрытый земляной насыпью (Wikipedia, фото Чуприна)

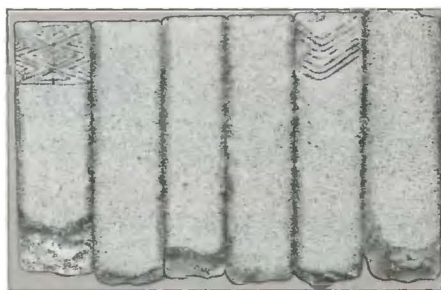

Рис. 9.17. Майкопская общность. Подкурганная гробница в Нальчике. Такими могучими обтесанными туфовыми блоками были выложены стены погребальной камеры

из 24 массивных и вертикально поставленных туфовых плит (рис. 9.17). Длина каждой из плит-стел колебалась от 1,7 до 2-х метров. Крышей гробницы служили положенные горизонтально поверх пристенных блоков шесть аналогичных плит из вулканического туфа; здесь длина каждого из таких блоков превышала четыре метра. Как и в майкопском кургане, пол гробницы был также выложен массивным галечником (булыжником). Некоторые из поставленных вертикально плит были выполнены в виде антропоморфных стел: на них человеческую голову довольно грубо и схематично обозначили навершием-выступом. На этих стелах, а также на некоторых обычных прямоугольных могильных плитах гравировкой были нанесены геометрические узоры (рис. 9.17).

В гробнице сохранились останки двух покойников. При этом исследователи предполагали, что один из них — гораздо более рослый и мощного сложения

Однако мощь и величие каменных погребальных конструкций курганов левобережного бассейна Кубани превосходил, пожалуй, надмогильный холм, раскопанный в пределах города Нальчика, то есть уже в бассейне Терка (Чеченов). Высота его сохранившейся насыпи достигала 11—12 метров, диаметр превышал сотню метров. Totalный объем земляной насыпи равнялся 23 000—25 000 кубических метров! Курганная насыпь перекрывала гробницу размером 3,13 x 2,34 м. Стены гробницы были выложены

в сравнении с соседним — был умерщвлен насильно. Весь погребальный инвентарь сопровождал уже второго покойника, отличавшегося от первого заметно субтильным сложением. Его фигуру и одежду украшали более трехсот мелких золотых изделий — в основном бусин. Здесь же лежал богатый набор бронзового оружия, а также металлический котел.

В целом к древностям «майкопа» можно относить до полутысячи бронзовых изделий (преимущественно орудий и оружия), примерно 7,5 тысяч золотых украшений и сакральных предметов, а также более 1100 серебряных вещей. Практически все эти сокровища происходят из раскопанных археологами или же разоренных и не дождавшихся научных раскопок богатых захоронений, к примеру, как у станицы Старомышастовская на правом берегу низовьев Кубани, где находилось огромное число золотых и серебряных украшений (Мунчаев: 225).

Мы упомянули здесь лишь о некоторых выдающихся захоронениях знатных персон майкопской культуры, хотя число ныне раскопанных ярких могил здесь существенно больше. Не следует думать, однако, что все погребения майкопской культуры отличались подобным набором разнообразного инвентаря и сходными типами сложных могильных сооружений. Конечно же, богатейшие могильные комплексы сооружались в честь родовых или племенных вождей или хотя бы выдающихся клановых старейшин. Большинство захоронений этой культуры характеризовалось существенно более скромным набором инвентаря, указывая тем самым на более низкий социальный статус погребенных.

В последние годы археологи выделяют также группу так называемых «степных майкопских» подкурганых погребений. Их ареал выходит за границы основной культуры и граничит с ней с севера (рис. 9.1), в бассейне Нижнего Дона и в Калмыкии. «Степной майкоп» отличает отсутствие в захоронениях сколько-нибудь ярких металлических предметов, но при наличии в погребальном инвентаре керамики майкопского типа. Радиоуглеродные датировки говорят о принципиальной синхронности сооружения курганов собственно «майкопа» и «майкопа степного» (см. Приложение 1, рис. Пр1.3: 3, 4).

И наконец о двух как бы независимых, но пересекающихся в «майкопе» линиях связи. Первая из них — это великолепный металл: бронза, золото, серебро. Его истоки ведут безусловно на юг, за Главный Кавказский хребет, к нагорьям Малого Кавказа и Анатолии, к домену оседло-земледельческих культур. Вторая линия — это мир мегалитов, тесно связанный с духовной жизнью разнообразных обществ от Северного Кавказа, через Средиземноморье вплоть до Атлантики. Мир мегалитов был воплощен либо в многочисленных и многообразных погребальных сооружениях, либо в подобиях величественных храмов типа Стоунхендж в Британии (рис. 9.18) или же храмов-некрополей на Мальте (рис. 9.19). Позднее, на второй фазе Циркумпонтийской металлургической провинции, эта традиция коснется также культур южного домена, когда будут сооружаться некрополи типа Аладжи-хёйюка и других (этих сюжетов мы коснемся позднее).

Рис. 9.18. Знаменитый сакральный (храмовый) комплекс Стоунхендж в юго-западной Англии (Jonson 2008: 10, 11)

Рис. 9.19. Храм-усыпальница на острове Мальта в Средиземном море (Каттанео, Трифони: 116)

Обращаясь к этим поразительным по своим масштабам и древности — а это IV тыс. до н. э. — автор хотел бы напомнить о так называемых «дарах» степняков мировой истории — прообразе мавзолеев: о феномене «даров» мы вели речь в главе 5. И действительно эти величественные громады надмогильных сооружений для знати являются и поныне наиболее древними во всей Евразии.

Поселения майкопской общности

В любом случае, на фоне общей пышности и очевидного — пусть выраженного даже «суммарно» — богатства погребального инвентаря, относимые к майкопской археологической общности поселения выглядят если не убого, то уж, по крайней мере, совершенно непрезентабельно. Селищные материалы, за исключением некоторых общих форм для этой культуры глиняной посуды, не содержат практически ничего, что соответствовало бы погребальному инвентарю, или же тому, что позволяет нам видеть в майкопской культуре явление исключительного ранга для всего Евразийского континента.

Как правило, селища располагались в труднодоступных урочищах кавказских предгорий. Некоторые совсем маловыразительные поселения-стоянки ухитря-

лись ютиться даже под небольшими скальными навесами. В слоях майкопских поселков практически никогда не удастся встретить сколько-нибудь впечатляющего металлического инвентаря, хотя бы отдаленно сходного с погребальным. В культурных слоях этих весьма незначительных по площади поселений преобладают орудия из кремня и иных видов камня. Почти нереально выявить на местах обитания выразительные формы жилой или же сакральной архитектуры. Лишь только на одном из селищ культуры, носящим название Мешоко и расположенном в верхнем течении реки Белой — левого притока Кубани, — исследователям удалось раскопать остатки каменной стены, в которой археологи распознали следы оборонительного сооружения. Однако площадь самого поселения Мешоко также совсем невелика — не более 1,5 га. Кроме того, радиоуглеродные даты как будто говорят о более раннем возрасте этого селища на фоне иных комплексов майкопской общности, хотя серия проведенных датировок невелика (см. Приложение 1, рис. Пр1.3: 1).

Хозяйство майкопской общности

В реальности вплоть до нынешнего дня майкопские памятники — равно как селищные, так и погребальные — не содержат хоть сколько-нибудь безоговорочно воспринимаемых аргументов в пользу занятия аборигенов земледелием. Хотя при этом ставшие уже давно традиционным утверждение о «майкопе» как о первой и развитой земледельческой культуре на Северном Кавказе весьма нередко и даже до сих пор бывает представлено в археологической литературе (см. например: Кореневский и др. работы). Доминирование животноводства у обитателей селищ майкопского типа кажется безусловным. Вместе с тем обескураживает то, что основным животным, чьи костные остатки сосредоточены в поселенческих слоях, являлась здесь domesticiрованная (одомашненная) свинья. На основе этих материалов археозоологи заключали, что свиньи составляли примерно половину стада у аборигенов. Однако эта категория животных совершенно не присуща формам кочевого скотоводства. Разводить в таком множестве свинью были в состоянии лишь оседлые обитатели. И это также сразу ставит нас перед сложным вопросом этнокультурного соотношения групп людей, условно объединяемых нами в рамках майкопской археологической общности. Первую и основную в ней группу являли те, что оставляли нам свои выразительные подкурганые захоронения; вторую — те, что ютились на скромных по облику селищах в северных предгорьях Большого Кавказа.

Опять-таки, равно как и для общностей степей Северного Причерноморья, для майкопской культуры также весьма остро стоит вопрос о domesticiрованной лошади. Конские кости если и встречаются в слоях поселений, то в количестве воистину мизерном. Во всяком случае, их доля здесь совершенно несопоставима с той, о которой мы говорили при исследовании культур степного круга в рамках Балкано-Карпатской провинции. Кроме всего, то незначительное количество

остатков лошадиных костей на так называемых майкопских селищах не может нести какой-либо определенной информации о вероятном использовании здесь лошади в качестве верхового животного. Возможно ли это? В принципе да, и к этому заключению как бы подводят нас находки в майкопских погребениях согнутых в петлю бронзовых прутков (рис. 9.13). Не исключено, что перед нами детали узды для верхового коня — своеобразные псалии, хотя вряд ли одно это может служить безусловным доказательством.

Отсутствие лошадей со сбруей в курганах «майкопа» также не может являться свидетельством отсутствия всадничества. Погребение лошади в могиле ее владельца или близ нее — вещь совершенно необязательная, и мы столкнемся со всем разнообразием этих обрядов при изложении материалов более поздних эпох. Капризы канонов погребальных обычаев, их труднообъяснимые запреты подчиняются зачастую малопонятной для нас логике. По этой причине автору представляется, что косвенные, но яркие свидетельства зачастую могут говорить о том или ином явлении в идеологической сфере более надежно. Все это ставит нас перед необходимостью гораздо более пристально взглянуть в удивляющие своей противоречивостью черты майкопской культуры, чтобы получить на наши вопросы хотя бы гипотетические, но в определенной мере удовлетворительные ответы.

Загадки майкопского феномена

Майкопский феномен открывается перед нами впечатляющим перечнем загадок. Начнем, пожалуй, с первой из них, правда, уже сформулированной ранее: действительно ли обретались на этих убогих стоянках те, кто был включен нами в разряд персон вполне очевидного высокого статуса, то есть погребенных под курганами? Крайне сомнительно! По всей вероятности, здесь мы сталкиваемся с отражением по меньшей мере двух групп обитателей Предкавказья. Эти группы были каким-то образом связаны между собой, но одновременно достаточно резко отличались своим социальным статусом. К высшим относились те, кому после их кончины полагалась подкурганная гробница. К низшим же принадлежали обитатели невыразительных селищ. Обе этих категории памятников в целом синхронны, что демонстрируют нам значительные серии радиоуглеродных датировок (см. Приложение 1, рис. Пр1.3: 2, 4).

В предложенной гипотезе нет ничего «сверхнеобычного». Этнография представляет нам достаточное число примеров подобной иерархии в рамках единых этнокультурных общностей. Ограничимся лишь одним примером: сомалийцы в Восточной Африке. Там кланы кочевых скотоводов — и по существу до нынешнего дня — явно доминируют над оседлыми земледельцами. Вожди скотоводов предлагают тем «добровольную крышу», как бы обязуясь оборонять их от вражеских происков, а за это «обороняемые» должны стать постоянными данниками номадов. В 19 столетии этнографы фиксировали у сомалийцев также третью, совсем уж угнетенную группу — «тумалло», металлургов и кузнецов. Клань мастеров по

металлу вообще были принижены там до статуса неприкасаемых (Huntingford; Menkhaus: 330—331). Однако при оценке относящихся ко всем группам сомалийского народа материалов с позиции археологических источников, было бы нетрудно обнаружить среди этих материальных предметов явно связующие их признаки: ведь все три эти столь различающиеся по своему статусу группы сомалийцев находились в постоянном и длительном общении.

Обратимся к следующей группе связанных с майкопскими древностями трудных вопросов и ситуаций. Могильники этой общности содержат огромное число бронзовых высококлассных вещей и массу золотых изделий*. При этом дисбаланс в концентрациях металлического инвентаря среди погребальных комплексов больших курганов «майкопа», с одной стороны, а с другой — со всеми прочими синхронными им комплексами не может не поражать, и это четко отражают публикуемые здесь диаграммы (рис. 9.20 и 9.21). Золото безусловно доминирует над прочими металлами в погребальном инвентаре больших курганов (рис. 9.22). Параллельно этому металл «майкопа» — а это, как мы видим, по преимуществу золото — столь же резко преобладает над комплексами оседло-земледельческих культур южного домена прото-Циркумпонтийской металлургической провинции (рис. 9.23). И наконец, о впечатляющем контрасте: совершенно иначе на фоне курганов «майкопа» предстают пропорциональные соотношения в южных коллекциях металла: мышьяковые бронзы здесь отчетливо преобладают над драгоценными металлами (рис. 9.24).

Опять же сформулируем вопрос для «майкопа»: кто и где добывал руду и выплавлял этот металл? Кто и где отливал и отковывал все эти орудия, оружие и украшения? И здесь мы оказываемся в очевидном тупике, поскольку **никаких сколько-нибудь отчетливых следов** горно-металлургического производства, связанных с майкопской культурой, до сих пор обнаружить не удалось. Майкопские древности не дают в наши руки ничего: здесь нет ни рудников, ни литейных мастерских. Нет среди могильного или же селищного материала ни одной (!) литейной формы для отливки тех великолепных бронзовых изделий, что во множестве представлены в этих коллекциях. То же самое мы можем сказать и о загадочном изобилии драгоценных металлов — золота и серебра — в погребениях майкопских вождей. Так из каких же источников явилось все это богатство?

В связи с этим отвлечемся к положению в центральном блоке культур Балкано-Карпатской металлургической провинции. Мы отмечали, что там также нет никаких свидетельств обработки металла на селищах. Однако раскопки относящегося к этому времени рудника Аи бунар (см. главу 8) позволили говорить об огромных масштабах добычи медных минералов. Руда из этого месторождения была широко представлена в слоях некоторых близлежащих селищ медного века — культуры Караново VI-Гумельница (Черных 1978: 75—76).

* В расчетах на диаграммах (рис. 9.20 — 9.24) мы опирались на базу данных по металлам Циркумпонтийской металлургической провинции, созданной в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

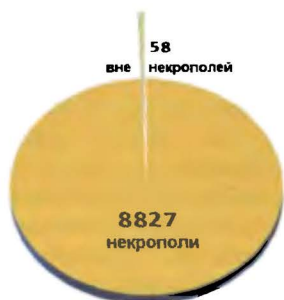

Рис. 9.20. Майкопская общность. Соотношение между числом металлических находок в погребениях под «большими курганами» и вне курганов

Рис. 9.21. Майкопская общность. Соотношение между числом металлических находок в «больших курганах» Предкавказья и в комплексах курганов т. н. «степного майкопа»

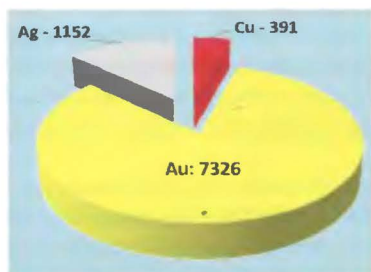

Рис. 9.22. Майкопская общность. Соотношение между числом находок из различных металлов в погребальных комплексах курганов

Рис. 9.23. Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция. Соотношение между числом изделий из различных металлов в погребальных комплексах «майкопа» (северный домен) и оседло-земледельческих культур (южный домен)

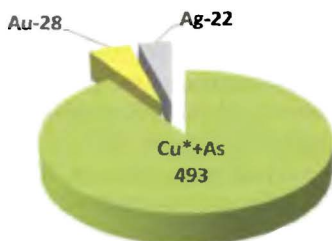

Рис. 9.24. Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция. Соотношение между числом изделий из различных металлов в оседло-земледельческих культурах южного домена

И еще об одном чрезвычайно контрастном сопоставлении прото-ЦМП и Балкано-Карпатской провинцией. В структуре БКМП ее третий блок — степных скотоводов — выглядит маргинальным по всем признакам, включая металл. Здесь же скотоводческая периферия не только выдвигается на первый план, но и подавляет массой металла — особенно драгоценного — все прочие южные центры ЦМП. Удивляет не только это: комплексы богатых майкопских захоронений содержат приблизительно **в два раза больше** золотых изделий, нежели во всей Балкано-Карпатской металлургической провинции. Кроме того, в центрах БКМП, по сути, практически не ведали о серебре, а в больших майкопских курганах этого металла очень много. И параллельно с таким превосходством по массе драгоценных металлов оказывается, что совокупной меди в прото-ЦМП примерно **в три или даже четыре раза меньше** (!), чем во всей предшествующей ей по времени Балкано-Карпатской провинции.

Судя по всем признакам, и бронза, и драгоценные металлы поступали в распоряжение майкопских воинственных номадов с юга, из-за хребтов Главного Кавказа или же из Анатолии. Именно там и можно было встретить месторождения медной руды и золота, в которых резонно было бы видеть источники металлов для культур обеих фаз Циркумпонтийской провинции (Bayburtoğlu, Yildirim). Так, к примеру, на руднике Сакдрисси в Грузии стали известны в последнее время одни из самых древних разработок на золото (Stölner, Gambashidze: 193). Наиболее ранние следы горных работ там связываются с куро-араксинской культурой и могут быть датированы даже IV тыс. до н. э. В слоях того же тысячелетия на поселениях культуры позднего Урука — Хабуба-Кабира в Северной Сирии, Арслантепе, Фатмали-Каледжик в Восточной Анатолии — стали известны материалы, свидетельствующие о местной обработке серебра (Pernicka a.o.; Hess a.o.; Hauptmann, Palmieri).

Северокавказские небогатые медные месторождения не отвечали по своим химико-минералогическим свойствам составу той меди, что составляла пышный погребальный инвентарь майкопских вождей. Месторождений золота, доступных для разработки в древности на Северном Кавказе, вообще неизвестно. Кроме того, на ряде богатых южных поселений обнаружены находки глиняных литейных форм для отливки характерных для ЦМП форм бронзового оружия. Южные корни этого богатства нетрудно различить и в тех изображениях, что сохранились на гравировке серебряного сосуда из Майкопского кургана (рис. 9.8). Изображенные на этом сосуде животные слишком необычны и экзотичны для фауны Северного Кавказа. Аналогичных сосудов к югу от Кавказа для IV тысячелетия нам не известно, однако общий стиль изображений, вне всякого сомнения, ведет нас в этом направлении.

Наверное, при этом может возникнуть дополнительный и весьма коварный вопрос: если на юге, среди оседло-земледельческих культур, бронза, золото и серебро чрезвычайно редки, то чем же возможно объяснять столь значительный майкопский «перевес»? Напрашиваются два варианта объяснений. Первый

и относительно простой указывает на идеологические каноны: мировоззрение северокавказских номадов той эпохи требовало сопровождать покойника в вечное путешествие всеми возможными материально выраженными богатствами. Нельзя исключать, что именно в этом видели воинственные кочевники важнейший смысл своего земного существования. У оседлых земледельцев подобные идеологические каноны явно отсутствовали; их погребения скромны, а похоронный ритуал не стандартизован. Но откуда же тогда «мирные» и малоподвижные пастухи — если у них не было конницы — сумели доставать такую массу драгоценностей?

Второй вариант труднее доказать с помощью археологических материалов, однако он намного более реален: конные номады облагали данью или же — выражаясь проще — грабили своих южных соседей. Они ведь могли присваивать не только металл, но и захватывать в плен тех мастеров, что были в состоянии создавать все эти высококачественные изделия.

Нетрудно предвидеть и последующий за этим предположением вопрос: а как доказать, что майкопские воины были всадниками? Действительно, ныне у нас нет прямых свидетельств наличия у этого населения лошадей под верховую езду. Однако автор не в состоянии назвать иной причины — кроме развитого всадничества, которая позволила бы этим скотоводам накопить поразительную массу богатств; а оно, без всякого сомнения, было связано с культурами южной зоны прото-ЦМП, синхронными основным погребальным комплексам майкопа (см. Приложение 1, рис. Пр1.3). Я повторю: скотовод без верховой лошади попросту не способен всерьез угрожать кому бы то ни было. Будучи привязан к своему медлительному стаду, он, конечно же, малоподвижен. Кроме всего, у него не было ни возможности, ни технологических традиций производить все это на собственной горно-металлургической базе и собственными силами. У нас имеются лишь косвенные свидетельства наличия верхового коня. В инвентаре ряда погребений встречаются парные, скрученные петлей бронзовые прутки (рис. 9.13), но об этих находках мы упоминали выше.

Проблема источников металлов в «майкопе», конечно же, чрезвычайно острая и непростая. Мы постараемся прояснить ее при обращении уже в следующей главе к более южным — закавказским и анатолийским культурам.

Майкопский феномен в истории евразийских культур занимает свое особое и весьма выразительное место. Его носители явились родоначальниками столь широко распространившегося в скором времени курганного погребального обряда, который был воспринят степными скотоводами. В гигантском геоэкологическом ареале Степного Пояса сама культура занимала крайнее географическое положение. Она как бы прижималась к Большому Кавказу, охватывая там весьма ограниченный район предгорий. По существу, основные каноны ее культуры невозможно считать порождением мира тех бескурганных пастушеских народов, что оккупировали степные и лесостепные пространства от устья Дуная вплоть до Южного Урала и были связаны с продукцией центров Балкано-Карпатской про-

винции. Основные признаки «майкопа» не слишком отвечают их монотонной и «размазанной» картине, о чем мы уже вели речь в предыдущей главе при обсуждении так называемого «синдрома культурной непрерывности».

Майкопская скотоводческая общность стала по существу первой из тех культур, что столь явно и отчетливо противопоставили себя миру оседло-земледельческих культур. Она заняла весьма значимое место в иерархии крупных систем взаимосвязанных общностей и центров Западной Евразии. В ней, как в некоем фокусе, скрестились самые разнохарактерные черты. Здесь выражена особая пышность погребального обряда, чем прочно запечатлеют себя в тысячелетиях некоторые культуры кочевников Степного Пояса. Великолепный металл упорно указывает на его источники в южной зоне Циркумпонтийской провинции. Кроме того, мощь и выразительность ее каменных погребальных конструкций требует от нас внимания уже в ином, западном направлении — к обширному миру мегалитов.

Несомненно, что насыщая погребальные камеры своих вождей золотом, серебром и бронзой, выкладывая огромные каменные кольца вокруг гробниц, подтаскивая многотонные каменные плиты к могилам, сооружая гигантские насыпи над этими комплексами, майкопцы имели перед собой цель совершенно ясную и, думается, очевидную — представить потусторонним силам поразительное могущество не только собственных вождей. Тот народ, что был в состоянии сооружать подобные величественные мемориалы для своих лидеров, мог вполне рассчитывать также на признание собственной доблести уже в иной, неземной и потусторонней сфере.

Достиг ли этот народ желанной цели? Безусловно, да! Ведь мы, как уже говорилось ранее, и явились странными представителями тех самых мистических миров. Мы признали если не доблести, то уж, по крайней мере, мощь и силу этих кочевников на фоне иных племен. Вот только не слишком ли дорого заплатили они, вкладывая свой непомерный труд в эти материальные доказательства? И очень непросто представить себе, сколько же лет и сил потребовала это непрерывная транспортировка безмерного числа кубометров грунта и каменных блоков для возведения этих бесконечных надмогильных насыпей...

Глава 10

ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: КАВКАЗСКИЙ «МОСТ» МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ

Средний бронзовый век: домен южный

Металл — бронза, золото и серебро — в погребальных комплексах «майкопа» обозначил для нас чрезвычайно яркие следы теснейших контактов пастушеских племен Северного Кавказа с Кавказом Южным и Восточной Анатолией. Тогда — в эпоху ранней бронзы — сформировался так называемый «Кавказский мост» между Севером и Югом, который чрезвычайно действенно и практически без перерывов функционировал на протяжении IV и III тысячелетий до новой эры. Его активность стала очевидной уже на стадии прото-ЦМП, что и отразилось в основном на курганный культуре «майкопа». Через Кавказский мост направлялась на Север, в степи значительная масса мышьяковой бронзы и на второй фазе Циркумпонтийской провинции, когда эта гигантская система производственных горно-металлургических и металлообрабатывающих центров приобрела, наконец, свои «полноформатные» очертания. Тогда же мы можем говорить и о наступлении *среднего бронзового века*. Употребляя слова «теснейшие контакты», мы вовсе не подразумеваем, что подобного рода «контакты» были дружескими и взаимовыгодными. Вполне вероятно, что Кавказский мост весьма нередко бывал обильно окрашен кровью, как это очень и очень часто случалось во время лобовых соприкосновений культур номадов и оседлых фермеров.

Первым сигналом о завершении фазы прото-ЦМП и переходе ко второй, поздней, стадии Циркумпонтийской провинции явились резкие передвижения в начале III тыс. до н.э. культур южного домена в западном направлении — по нагорьям Малой Азии и далее через черноморско-эгейские проливы на Балканы и в Карпатский бассейн. Второй сигнал прозвучал примерно в то же время, и он знаменовал собой затухание «майкопа» на Северном Кавказе. Тогда же курганные культуры, перевалив через Большой Кавказ, предприняли «перекочевку» от Главного хребта на более комфортный для них юг. В III тыс. до н. э. в Закавказье во многом повторились черты сценария растворившихся больших курганов «майкопа». Наконец, в третьем и весьма значимом знаке-сигнале можно видеть формирование в западной зоне Степного Пояса обширнейшего блока степных курганных культур.

Следовательно, не будет преувеличением считать начало III тысячелетия до новой эры чрезвычайно важным рубежом в истории народов западной полови-

ны Евразии. Причем перемены коснулись обоих доменов — как оседло-земледельческих культур, так и степных скотоводов. Характер изложенного в предшествующей главе повествования подсказывает, что будет оправданным именно в настоящей главе завершить краткий обзор основных общностей южного домена в надежде, что динамика и логика исторических процессов на гигантских циркумпонтийских пространствах, включая и степные северные, станут для нас существенно более понятными.

«Оккупация» Балкано-Карпатя

К концу IV — началу III тыс. до н. э. площади, занятые металлоносными культурами на всех пространствах Евразии, расширились с 6,5—7 млн кв. км. — в период предшествующий — вплоть до 10—11 млн кв. км (см. главу 6, рис. 6.1: *С, D*). Безусловно также, что центральные очаги ЦМП стали играть среди этих передовых евразийских культур роль главную. Продукция ЦМП и технологические каноны ее металлургического производства стали знаковым символом и эталоном так называемой западноевразийской модели металлургии, и модель эта в течение, по крайней мере, III и II тысячелетий до новой эры во многом определяла характер горно-маталлургического производства едва ли не во всей западной половине Евразии.

Важнейший канал активности культур южного домена был устремлен на запад и северо-запад, в заповедные края центрального блока культур некогда могучей Балкано-Карпатской металлургической провинции. К финалу V тыс. до н. э. многие юго-восточные центры БКМП погрузились в небытие, а к середине IV тыс. большинство ее регионов оказалось уже в зоне господства производящих центров Циркумпонтийской провинции (рис. 10.1). Примечательно, что едва ли не повсеместно оказались забытыми или даже совершенно отринутыми бывшие технологические установки, господствовавшие в основных очагах Балкано-Карпатской провинции, а ведь уровень тех методов производства ни в коем случае нельзя было считать низким. На смену прежним приемам пришли уже непохожие на них. На первый план выдвинулись такие формы и технические навыки металлургии и металлообработки, что нашли свое, пожалуй, самое яркое выражение в погребальном инвентаре «майкопа». Формы оружия и орудий, отлитых чаще всего из мышьяковой бронзы и сосредоточенных чаще всего в богатейших могилах этой культуры, получили с того времени статус знаковых, едва ли не обязательных для важнейших производственных очагов ЦМП (рис. 10.2).

Существенные перемены наблюдались в характере и облике многих сообществ. Бывшие яркие оседло-земледельческие культуры Балкано-Карпатя как будто утратили тот блеск и глянец, что придавал их памятникам особую привлекательность: сменившие их культуры выглядели существенно более тусклыми. Исчез блеск узоров расписной керамики; отныне в руинах множества селищ господствовала довольно «скупная» рядовая посуда без особых изысков. Значи-

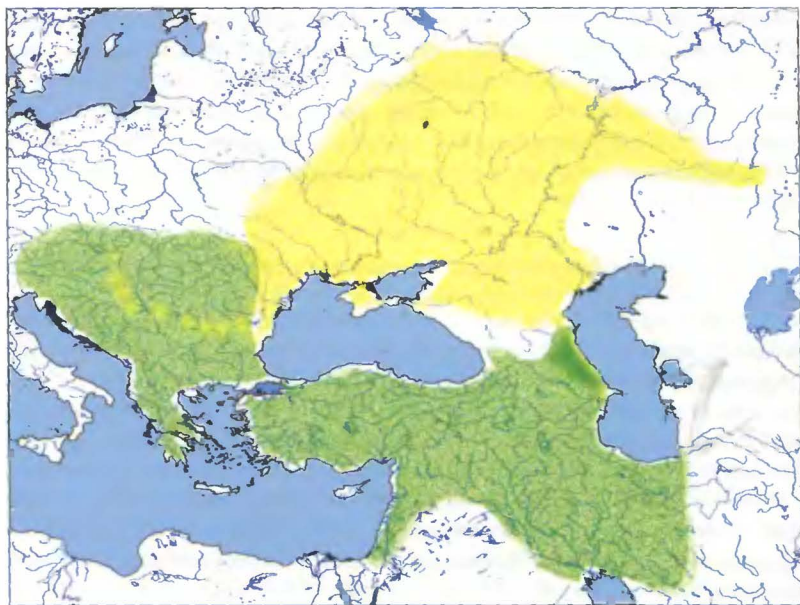

Рис. 10.1. Циркумпонтийская металлургическая провинция, средний бронзовый век, III тыс. до н. э. Зеленым цветом обозначен южный домен оседло-земледельческих культур; желтым — северный домен скотоводческих культур

тельно менее выразительной представлялась и технология выделки глиняных сосудов. Носители вновь сформировавшихся земледельческих культур Подунавья и Фракии отказались также и от основательной по приемам строительства глинобитной архитектуры. Теперь аборигены ютились в облегченных по конструкции домах и хижинах, где стенами служил обмазанный глиной плетень. Их жилища утратили ту былую сложность и привлекательность, которой мы могли любоваться даже при изучении глиняных моделей домов в культурах системы Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Однако среди огромной массы археологических артефактов обнаружилась одна чрезвычайно важная и принципиально новая деталь: появилось немало число обломков или даже хорошо сохранившихся глиняных литейных форм для отливки орудий и оружия, — такого прежде в этих регионах мы не встречали. Прежде всего литейные матрицы относились к тем видам изделий, что служили истинными маркерами продукции в важнейших производственных — особенно в северных — очагах ЦМП: мы имеем в виду так называемые боевые втульчатые топоры (рис. 10.3).

В рамках второй фазы ЦМП намного более четко отразились два основных блока культур — оседло-земледельческих и скотоводческих (рис. 10.1). И если на

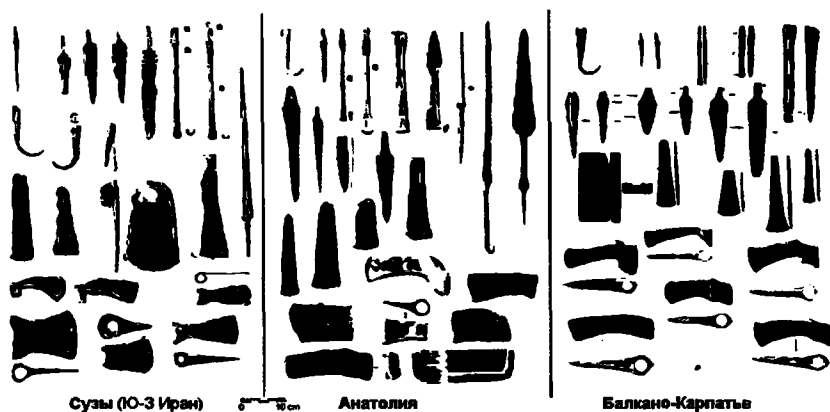

Рис. 10.2. Циркумпонтийская металлургическая провинция, средний бронзовый век. Типичные бронзовые изделия южного домена провинции

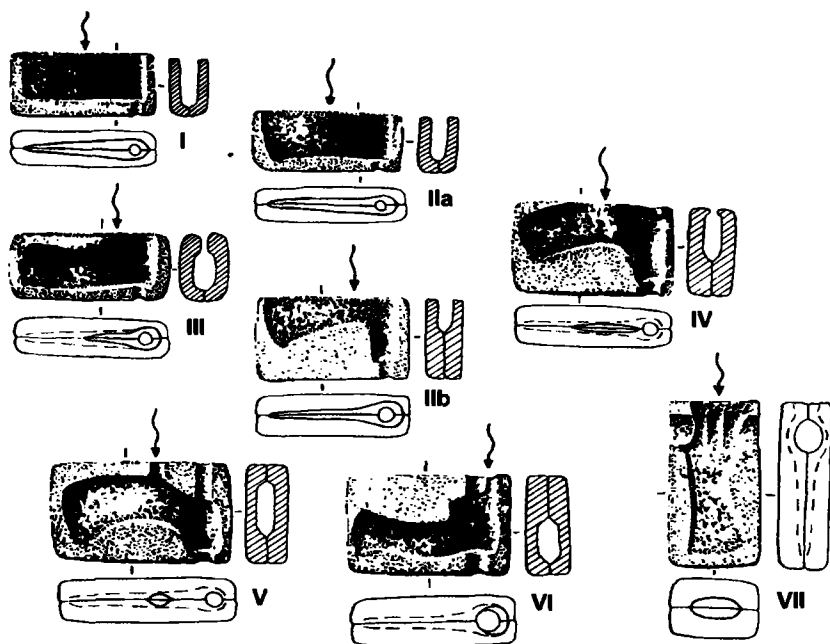

Рис. 10.3. Циркумпонтийская металлургическая провинция, средний бронзовый век. Основные типы литейных форм провинции для отливки втульчатых топоров

первом этапе формирования провинции — прото-ЦМП — для блока скотоводческих общностей мы фиксировали весьма незначительный по площади ареал, то в III тыс. до н. э. он вырос многократно — до 1,7—2 млн кв. км. И это без учета активного проникновения кочевников в регионы, занятые оседлыми земледельцами.

Первостепенной задачей нашей книги является, естественно, освещение характера и динамики развития скотоводческих культур, и в данном случае тех, что были втянуты в систему ЦМП. Заметим, что загадок подобного рода оказалось изрядное множество. Нам придется очень часто прибегать к сопоставлениям культур кочевых скотоводов и сообществ оседлых земледельцев. И здесь нам нужно будет учитывать одно немаловажное обстоятельство, связанное со спецификой культурной верификации древностей в каждом из доменов. В Степном Поясе при определении пространственно-хронологических граней каждой из археологических культур археолог чувствует себя обязанным расставлять и рассортировывать все «по полочкам». К тому же совсем нередко и порой мучительно старается он, преодолевая неприятные ловушки *синдрома культурной непрерывности*, придумывать какие-то новые наименования для выделяемых им культур или же их вариантов. Таким образом — благодаря вновь обретенным названиям — варианты культур как бы получают независимый и отличный от соседних статус.

При изучении крупных селищ южного домена (титулатура поселений здесь звучит по разному в зависимости от языка: *тепе*, *телль*, «*магула*», «*селищна могила*» и др.) исследователь не должен обязательно включать их в рамки той или иной археологической культуры. Довольно часто в представлении археолога эти *тепе* могут являть собой как бы вполне «самодостаточный» культурный феномен. Ведь подобные поселения, чаще всего, напоминают «слоеный пирог», насчитывающий до десятка совершенно разнотипных отложений. В южном домене проблема обязательного и жесткого уяснения пространственных и хронологических рамок конкретных культур звучит не столь остро.

Перечисленные «неудобства» в нашем случае, прежде всего, касаются проблемы установления источников металла в культуре «майкопа», и поиск этих источников следует, конечно же, вести на юге, в зоне оседло-земледельческих культур. В попытках углубленной разработки русла этих загадочных связей, в первую очередь, мы обратимся к материалам Арслантепе — одного из самых ярких и к тому же прекрасно изученных поселений южной зоны ЦМП. Материалы этого поселка совершенно неожиданно приоткрыли нам исключительно важный эпизод столкновения группы северных скотоводов с аборигенами оседло-земледельческих культур.

Арслантепе: «Оружейный Зал» и «Царская гробница»

Многослойное поселение Арслантепе находится неподалеку от северо-восточной окраины турецкого города Малатья, в том регионе Восточной Анатолии,

где очень близко сходятся верховья Тигра и Евфрата. По площади Арслантепе отнюдь не самое крупное из известных селищ Анатолии — примерно пять гектаров (рис. 10.4). Зато мощность культурных отложений жилого холма весьма выразительна — примерно 30 метров. Впечатляет также и широта хронологического охвата этих напластований — от медного века (V тыс. до н. э.) вплоть до Нового времени (жилой холм венчал тонкий слой исламского поселка). Последние 50 лет чрезвычайно успешные изыскания здесь проводит итальянская археологическая экспедиция (Palmieri Alba 1981; Palmieri Alberto, Di Nocera 1999; 2000; 2010; Frangipane 2001; Frangipane et al. 2001; Frangipane ed. 2010 да и другие весьма многочисленные публикации этих авторов). Поэтому практически во всех основных позициях данного раздела мы следуем за ключевыми выводами этих исследователей.

Рис. 10.4. Арслантепе, жилой холм. Съемка с вертолета (Wikipedia, photo Orhan Durgut)

Практика исследований слоев любых жилых холмов южного домена делает почти обязательной присвоение блокам напластований некой знаковой номенклатуры. Так и в данном случае слои медного века здесь определяются как Арслан VIII и VII. Культурные отложения бронзового века обозначены как Арслан VI-A, VI-B, VI-C. Более дробные членения могут носить определения типа Арслан VI-B1, VI-B2 и т. п. Но в этом «слоеном пироге» стратиграфических напластований Арслантепе нас будут привлекать лишь те, что самым тесным образом связаны с двумя коллекциями — или же комплексами — великолепного бронзового оружия.

После финала того периода, который итальянские археологи относят к медному веку (Арслан VII), наступает бронзовый век (Арслан VI-A). Культурные слои эпохи бронзы несут на себе отчетливые следы роста административной значимости селища — по крайней мере, в ее региональном смысле. Из крупных глиняных блоков-кирпичей тогда возводят стены дворца и храма, а их оштукатуренные стены украшают росписью. К дворцовым и храмовым комплексам примыкает довольно сложная и разветвленная система различных помещений: последние также глинобитные и соединенные между собой узкими проходами. Керамика, как и обычно для всех поселков южной зоны, являет собой наиболее многочисленный и многообразный материал. При этом кажется, что большую часть глиняной посуды на Арслантепе выделявали на гончарном круге.

В слоях эпохи бронзы на фоне предшествующего периода обнаруживают существенно больше металлических изделий и их фрагментов. Находки в постройках медной руды и шлаков говорят нам, что выплавка металла, а также отливка и

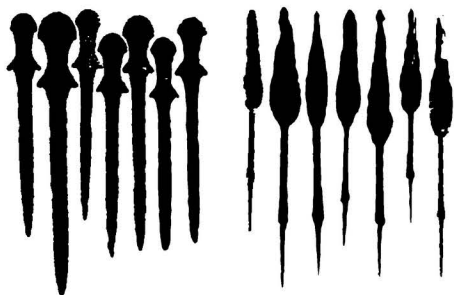

Рис. 10.5. Арслантепе. Бронзовое оружие из так называемого «Оружейного Зала» (Frangipane ed. 2010, fig. XIII.6)

отковка изделий производились либо в границах самого селища, либо в непосредственной близости от него. Металл почти всех металлических предметов представляет собой сплавы меди с мышьяком — так называемую мышьяковую бронзу, где во многих случаях анализы фиксировали также высокую примесь никеля. Сплавы меди с мышьяком и никелем ($\text{Cu}+\text{As}+\text{Ni}$) являются для археологов очень важным признаком при расшифровке связей этих культур с общностями отдаленных от Восточной Анатолии регионов.

Пожалуй, одним из самых важных и примечательных открытий на Арслантепе явился так называемый «Оружейный Зал». В некий весьма драматический для обитателей жилого холма период на Арслантепе оказались сокрушенными основные архитектурные сооружения — дворец, храм и примыкающие к ним постройки. Рушились их сложенные из глиняных крупных кирпичных блоков стены. В одной из разрушенных комнат, под массивной и упавшей стеной археологи обнаружили великолепные образцы бронзового оружия. В двух плотно сомкнутых группах предметов, но как бы отделенных друг от друга очень тонким слоем обвалившейся штукатурки, лежали 12 длинных — до 53 см — наконечников копий и девять также длинных — до 62 см — мечей (рис. 10.5 и 10.6).

Находка этого оружия оказалась исключительно редкой — причем не только для Анатолии, но пожалуй, и для всего обширного южного домена ЦМП. Эту в немалой степени удивившую исследователей коллекцию можно было бы — правда, с изрядной долей фантазии — считать намеренно запрятанным под упавшей стеной кладом. Однако комплекс этот столь явно перекликался с другой — также исключительно яркой — находкой на Арслантепе, так что версия «сознательно

Рис. 10.6. Арслантепе. Расчищенные фундаменты и остатки стен дворцово-храмового комплекса поселения (период VI-A). Стрелкой показано место «Зала», где хранился арсенал бронзового оружия (Frangipane 2010, fig. II.1a)

запрятанного клада» должна была отпасть сразу же. Однако феномен «Оружейного Зала» существенно прояснился лишь ровно два десятилетия спустя. Тогда в 1996 году археологи натолкнулись и тщательно обследовали могильный комплекс, которому сразу же было присвоено наименование «Царская Гробница».

Правда, особой сложностью конструкция «Гробницы» не отличалась (рис. 10.7). На западном склоне жилого холма, в стороне от развалин предшествующих периодов бытования, но недалеко от вершины, сначала выкопали большую овальной формы яму размерами 435 на 345 см и глубиной немногим более метра. Затем уже в самом центре большой ямы отрыли еще одну яму поменьше, вертикальные стены которой были выложены каменными обрубленными по краям плитами. Плитами был обозначен контур погребальной камеры размерами 205 на 120 см при глубине от 40 до 60 см. В камере захоронили на правом боку и в скорченном положении мужчину. Кости покойного оказались очень плохой сохранности, и потому его наиболее вероятный возраст палеоантропологи определили в широких пределах: от 30—35 вплоть до 45—50 лет. Сам мужчина являлся как бы «заглавным покойником» всего комплекса «Царской гробницы». Его сопровождали останки еще четырех человек, но уже в совершенно иной позиции.

После перекрытия погребальной камеры большими каменными плитами поверх них уложили трупы еще двух молодых людей. Девушка возраста 16—17 лет лежала на боку с согнутыми в коленях ногами. От скелета второго трупа сохранилась лишь верхняя половина, а все кости, начиная от таза, вообще отсутствовали. Этому — предположительно — юноше было всего от 12 до 14—15 лет. Рядом, но уже за пределами самих плит, как бы поверх ног «главного» усопшего, уложили трупы также двух молодых покойников. У одного — вероятно юноши 16—17 лет — также полностью отсутствовала нижняя часть скелета. Рядом находились останки совсем юной девушки 12—14 лет, покоившейся на левом боку с подогнутыми ногами и как бы молитвенно вздернутыми вверх руками. На черепе сохранилась пластинчатая медная диадема, украшавшая ее головной убор, видимо, еще при жизни. Антропологи уверяют, что все эти молодые люди были насильственно умерщвлены, и это заключение вряд ли вызывает возражения. Видимо, их печальной долей явилось сопровождать главную персону в дальнем потустороннем путешествии.

Металл на Арслантепе и его параллели

В основной камере, принадлежавшей «главному покойнику», кроме керамической посуды, находились 64 металлических предмета (рис. 10.7). Среди них самый большой интерес вызывают, безусловно, девять бронзовых наконечников копий, по два меча и кинжала, четыре плоских тесла-топора, долота и стамески. Кроме бронзовых вещей найдены серебряные украшения и изделия из сплавов меди с серебром. Обнаружено также и золото, но его было очень мало: всего три бусины и одна спиралевидная подвеска. Посуда из погребального инвентаря

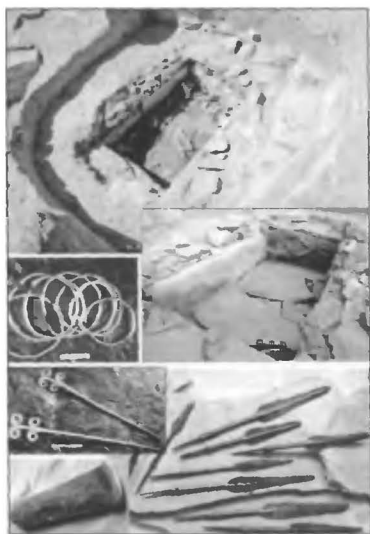

Рис. 10.7. Арслантепе. Погребальная камера «Царской усыпальницы» (вверху), а также инвентарь из захоронения вождя — бронзовые изделия и серебряные кольца (Frangipane 2010, fig. 11.8)

включала в себя как глиняные вылепленные вручную горшки, так и сформованные на гончарном круге сосуды.

По особенностям всего комплекса похоронного обряда «Царская Гробница» совершенно чужеродна погребальным канонам оседло-земледельческих культур южного домена ЦМП, и это вряд ли может вызывать сомнения. Однако практически весь набор сосредоточенного в ней погребального инвентаря, включая металл и керамику, вполне определенно соответствует и формам, и технологии производства хорошо известной местной продукции. Кажется, что в этом вроде бы может заключаться странное противоречие. Однако оно легко преодолимо, если рассмотреть комплексы Арслантепе с более широкими и разных позиций.

Сам факт сооружения «Царской Гробницы» на вершине Арслантепе связан, безусловно, с некими драматическими (а скорее всего — даже трагическими) событиями, выпавшими на долю обитателей этого жилого холма около 3000 года до новой эры. Для археологов стало совершенно ясным, что центральные сооружения поселения — храмы и дворец — были руинизированы в результате непрошенных «визитов» неких иноплеменных групп. Оказались разрушенными и примыкавшие к ним постройки. После этого «визита» очень резко меняется облик и характер жилого холма. Его поверхность застраивают мелкими — в одну или две комнаты — домишками из мало качественного кирпича. Но время этого упадка оказалось очень кратким, и к периоду Арслан VI-B2 следов северных «визитеров-варваров» уже не заметно. После исчезновения принесящих свои «инновации» пришельцев жизнь вскоре возвратилась «на круги своя». Вновь возобладали прежние традиции периода, обозначенного как Арслан VI-A и ушедшего всеми своими корнями к нормативам блока культур позднего Урука в бассейне верхнего Евфрата. Однако Арслантепе утрачивает с тех пор статус административного центра этого региона: на холме уже не видно восстановленных дворца и храма.

Естественно, что весь трагизм событий на Арслантепе резонно связывать с появлением здесь новых враждебных групп с севера. Итальянские ученые говорят при этом о так называемом «закавказском феномене». Безусловно, что с культурой Закавказья здесь связано многое. Однако я бы основной фокус сосредоточил все же на «майкопском феномене», и этот сюжет потребует более

детального освещения. Но перед этим добавим несколько слов о сопоставлении бронзового оружия из «Царской Гробницы» и из «Оружейного Зала». По сути, эти коллекции однородны по подавляющему большинству своих признаков. Особенно это касается длинных наконечников копий и некоторых мечей. Принципиально сходен и химический состав металла, где доминируют мышьяковые бронзы с нередкой и высокой примесью никеля.

Скорее всего, заваленные упавшей стеной «Зала» наконечники и мечи могли являться неким арсеналом или же хранилищем особых форм оружия у лидеров Арслантепе. Однако арсеналом этим оборонявшиеся сначала, видимо, не успели воспользоваться, а затем, наверное, воспользоваться этим оружием уже было некому. Во всяком случае, об этой ценнейшей коллекции великолепных мечей и копий никто тогда не вспомнил, а северные победители об этом погребенном стеной редкостном сокровище ничего и ни у кого не смогли разузнать. Те же орудия, оружие и украшения, что сопровождали усопших в «Царской гробнице» представляют собой, конечно же, местное производство, в чем сомневаться не приходится. Набор погребального инвентаря в усыпальнице существенно шире, нежели в «Зале», но ведь и функции этих металлических наборов были абсолютно несходными: одно дело «арсенал оружия», а другое — предметы для долгого странствия в ином мире.

Отблеск майкопского следа

В большей степени нас, однако, занимает вопрос о тех загадочных пришельцах с севера, к далеким от них верховьям Тигра и Евфрата, которые и нанесли жестокий удар по обитателям этих жилых холмов. Правда, особых загадок здесь вроде бы нет, и следы этих вторжений как будто не столь уж трудно распознать. Материалы говорят, что главенствующая роль здесь, по всей видимости, выпала на долю воинственных скотоводов «майкопа», появившихся здесь из-за далекого Кавказского Главного хребта. В обсуждении этой темы мы постараемся быть лапидарными, поскольку многие материалы были достаточно широко представлены в разделах предшествующей главы.

Вспомним сразу же о самом знаменитом «кургане-родоначальнике» культуры в городе Майкопе. Под этой грандиозной надмогильной насыпью также скрывался первоначально отрытый котлован размером 5,5 на 3,7 при полутора-метровой глубине. Затем в центре этого котлована облицовывают погребальную камеру известняковыми плитами. Саму могильную яму делят деревянными загородками на три части, в каждую из которых помещают трупы. Однако один из покойников, как полагали авторы раскопок, являлся здесь все-таки «главным», если исходить из богатого убранства его части общей усыпальницы. Полагали также, что «главного» усопшего могли сопровождать в потусторонний мир женщины, хотя более чем в столетней давности тех изысканий данное предположение не могло быть подтверждено антропологическими исследо-

ваниями. Погребения под курганной насыпью, но уже в каменных «дольменах-домиках» стали известны благодаря также широкому раскопкам курганов у станицы Новосвободная (рис. 9.14). Еще один и в каком то отношении самый впечатляющий пример использования каменных вертикально поставленных блоков с каменным же перекрытием гробницы являет курган в Нальчике (рис. 9.17), и об этом мы вели речь в главе 9.

Надгробный курган на Арслантепе, разумеется, не насыпали. Однако, судя по всему, заменял желанный курган сам грандиозный жилой холм — ведь его контур был поразительно сходен с величественными надмогильными насыпями на Северном Кавказе. Кроме того, сооружение громадной курганной насыпи требовало от соплеменников многих лет нелегкого труда. Здесь же, на Арслантепе у этих скоротечных пришельцев столь необходимых и долгих лет могло и не окантаться.

Практически все сохранившиеся и несильно потревоженные останки, равно как и на Арслантепе, позволяют говорить, что захоронение покойника в «майкопе» свершалось, как правило, на боку и в скорченном состоянии. Усопших лидеров в последний путь нередко сопровождали их насильно умерщвленные родственники или же иные, приближенные к вождю персоны.

Формы металла из «Царской Гробницы» отвечают чрезвычайно широко распространенному производственному стандарту ряда основных форм обеих фаз Циркумпонтийской и металлургической провинции. По этой причине никакого удивления от совпадения типов основных бронзовых изделий на Арслантепе и в курганах «майкопа» вызывать не должно. Другому циркумпонтийскому стандарту вполне соответствует и едва ли не повсеместное господство сплавов меди с мышьяком. Особая близость химических характеристик металла Арслантепе с майкопскими коллекциями проявляется, если обратить внимание на весьма заметную долю сплавов Cu+As+Ni или же так называемых мышьяковых бронз с высокой примесью никеля. В многочисленных коллекциях майкопских бронз на Северном Кавказе процент подобного рода тройных сплавов близок одной трети (Черных 1966: 36—40, 98—103).

Наблюдения эти исключительно важны. Ранее мы говорили о полном отсутствии реальных доказательств собственного горно-металлургического производства в «майкопе». Даже на, по всей вероятности, связанных с курганами неразвитых так называемых «майкопских» селищах археологи до сих пор не смогли найти никаких следов этих занятий. Здесь же — на Арслантепе — признаки местного горно-металлургического дела у археологов никаких сомнений не вызывают. Стало быть, гипотеза автора, что *весь* обнаруженный в майкопских курганах металл и изделия из него полностью связаны с производственными центрами Закавказья и Анатолии получает весомое подтверждение.

Другой сложный вопрос: каким образом эти бронзы, золото и серебро оказывались в распоряжении майкопских воинственных скотоводов? Путем торгового обмена? — но что те могли предлагать южанам в обмен? Возможно, скот?

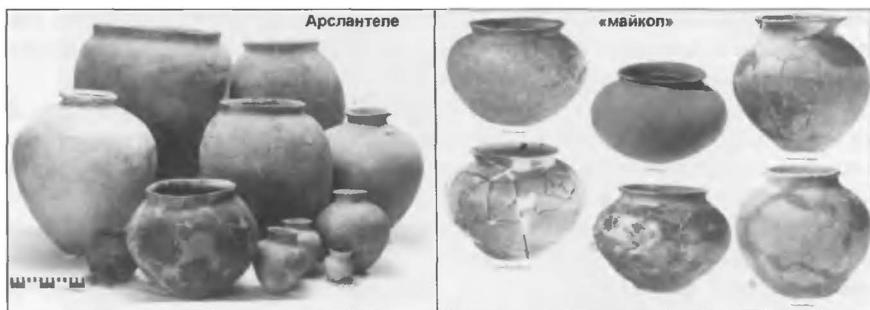

Рис. 10.8. Глиняные сосуды из Арслантепе и курганов «майкопа», изготовленные на гончарном круге (Frangipane ed. 2010, fig. VIII.2; Мунчаев, Бобринский 1965)

Не исключено, что и так, но гнать стада по горным дорогам многие сотни километров?.. Указать же на какие-либо отчетливо опознаваемые изделия северных скотоводов среди бесчисленных материалов культур оседлых «фермеров» очень и очень сложно... Нападения, набеги, военные рейды — приемы обычные, которые в более поздние исторические эпохи приносили всадникам-номадам столь частые успехи в течение многих тысячелетий их бесконечных борений с южанами? Наверное, именно так было и здесь... Может быть, уже в той глубокой древности практиковали захват мастеров-ремесленников, и те выполняли заказы своих захватчиков-повелителей? И в этом также нет ничего невероятного — что, скорее всего, и случалось в реальности. Однако доказать все это при отсутствии безупречно верифицированных материалов будет нелегко. Поэтому ограничимся сказанным, но только добавим, что на металле из комплексов «майкопа» весьма впечатляюще обозначился след, но только не северный, а уже как бы обратный — южный.

Параллельно с металлом сходный южный след явно проявил себя и на керамике «майкопа». Почти полвека назад было сделано одно любопытное открытие: некоторое число глиняных сосудов из майкопских курганов оказалось изготовлено на гончарном круге (Мунчаев, Бобринский). Тогда в это верилось с трудом, поскольку традиционно полагали, что степные культуры такого рода технологий не владели, а ограничивались ручной лепкой. Действительно, «высокотехнологичная» часть майкопской керамической коллекции и доныне является для степного пастушеского мира в известной степени неповторимой. Однако сравнение майкопских «высокотехнологичных» сосудов с посудой из Арслантепе и их принципиальное сходство не только в технологии, но и в их формах сомнений не вызывает (рис. 10.8). И опять же возникает трудно разрешимый вопрос: кто и где производил такие сосуды? Вполне возможно, что их формовали те же южные пленники или пленницы?...

На фоне больших майкопских курганов «Царская Гробница» Арслантепе не выглядит особо выдающейся. Скорее всего, ее можно приравнять к захороне-

ниям богатым, но не высшего ранга, скажем, таких как курган в Майкопе или же гробница в Нальчике, хотя набор бронзового оружия в «Гробнице» кажется достаточно выразительным.

И наконец, последнее, что совершенно необходимо привести в поддержку майкопской «интервенции» — это радиоуглеродная хронология с помощью систематизации обработанных серий датировок ^{14}C . Если следовать приведенным в Приложении 1 (рис. Пр1.3: 4 и 6) сопоставлениям сумм вероятностей, то наиболее приемлемой кажется синхронизация комплекса «Царской Гробницы» со слоями бронзового века Арслантепе VI-A и сравнительно поздними комплексами исходного «майкопа». Так что и в данном случае серии датировок по ^{14}C способны лишь подкрепить нашу гипотезу.

От прото-ЦМП к ЦМП

Не следует думать, что проникновение номадов с Северного Кавказа вплоть до Арслантепе ограничивалось только этим маршрутом. Подобного рода вторжения номадов на юг наверняка были очень протяженными и непростыми. Например, от верховьев Кубани до Восточной Анатолии с Арслантепе группы носителей культуры «майкопа» должны были преодолевать не менее полутора или даже двух тысяч километров нелегких горных путей. По всей вероятности, отряды направлялись на юг не напрямую через высокие перевалы главного хребта Большого Кавказа, но в обход его горных цепей, по Дербентских воротам — этому знаменитому еще с очень отдаленных палеолитических времен проходу вдоль западного побережья Каспия (рис. 10.9). Потом они продвигались через низменность Курь и Аракса и вновь поднимались на горы Малого Кавказа. Да и шли они по землям, населенным отнюдь не дружелюбно настроенными к ним аборигенами.

Арслантепе с его «Царской Гробницей» на вершине его холма выглядит сегодня комплексом уникальным. Ему трудно подыскать более или менее достойную параллель. Но вместе с тем совершенно невозможно представить, что реконструируемый рейд северных номадов на далекие нагорья Восточной Анатолии был единственным и неповторимым. Конечно же, отряды пришельцев могли атаковать обитателей тепе и теллей, разбросанных от Западного Ирана до Северной Месопотамии и даже Центральной Анатолии. Установить фронт их атак нелегко. Ведь далеко не всюду победители устраивали на жилых холмах свою «Царскую Гробницу». А уловить следы их кратковременного присутствия на изучаемых археологами слоях жилых холмов совсем не так просто: эти тусклые следы зачастую не столь заметны, как дворцы или храмы.

Заключение, что мало приятные для обитателей Арслантепе майкопские пришельцы подошли к поселку около 3000 года до новой эры, скорее всего, справедливо, поскольку базируется на сопряженной и значительной по числу серии датировок как для этого поселка, так и для отдаленных комплексов «майкопа».

Рис. 10.9. Таким представляется наиболее вероятный путь конных скотоводов «майкопа» на юг, к домену оседло-земледельческих культур

Однако эта дата означает лишь то, что надвигалось время массового переселения на юг носителей этой феноменальной курганной культуры.

Серии радиоуглеродных датировок (см. Приложение 1, рис. Пр.1.4: 5) говорят нам, что южнее Большого Кавказа, на плато Малого Кавказа, в начале III тыс. до н. э. появились курганные культуры с явными следами в их облике и характере майкопской первоосновы. С этого времени, то есть уже в начальные века III тысячелетия проявились очевидные признаки начала формирования «полноформатной» и окружающей со всех четырех сторон Черное море Циркумпонтийской металлургической провинции. Группы появившихся с севера скотоводов оказались рассредоточенными в чуждой для них среде оседло-земледельческих общностей Южного Кавказа (Закавказья). Курганная культура ранней группы получила наименование Марткопи-Бедени. Более поздние курганные некрополи Закавказья в археологической литературе именуются триалетскими (Триалети — наиболее знаменитая курганная группа в Южной Грузии).

Курганные насыпи Марткопи-Бедени, равно как и в исходной для них культуре «майкопа», как правило, отличаются крупными размерами — высотой более 10 или 12 метров и диаметром более 100 метров (Джапаридзе). С «майкопом» их роднит также архитектура надмогильных сооружений: погребальную яму здесь чаще всего окружали каменной кольцевидной выкладкой, а также могли сооружать и более тесную, облицованную каменными плитами похоронную

Рис. 10.10. Золотые и серебряные кубки и украшения из подкурганных захоронений знати культур Маркопи-Бедени и Триалети на Южном Кавказе (Georgien: 103—108)

камеру. Принципиально похожим оказался и набор инвентаря знатных покойников: бронзовое оружие, сакральные изделия, украшения из золота или серебра (рис. 10.10). Правда, теперь сами формы металлического оружия в той или иной мере отличаются от майкопских: сказывается тысячелетнее развитие приемов и навыков металлообработки. Однако достаточно строгое следование важнейшим принципам тысячелетних «циркумпонтийских» технологических канонов сомнений не вызывает.

Как и в предшествующее тысячелетие, существует чрезвычайно выразительный разрыв между выдающимся богатством могильных комплексов курганных народов и фактическим отсутствием золота или серебра в окружающих их селениях или же в захоронениях их соседей-земледельцев. Следовательно, сохраняли прежнюю и безусловную силу также идеологические установки минувшего тысячелетия.

Равно, как и в предшествующее время, носители курганных культур не оставляют нам прямых свидетельств всадничества. Как и прежде, нам ничего не известно относительно останков верхового коня у народов Южного Кавказа. По этой причине мы будем придерживаться той же гипотезы о всадниках-скотоводах, к которой мы склонялись при обсуждении феномена «майкопа»: номады без верхового коня никакой реальной силы для воздействия на близких или — уж тем более — отдаленных соседей не имеют. Почти невозможно предположить,

что они, не обладая эффективными рычагами насилия, были бы в состоянии насыщать могилы своих вождей паразитическим богатством. «Крышевание» древних оседлых «фермеров» кочевниками, по всей видимости, широко практиковалось на Южном Кавказе также и в III тысячелетии.

В этой связи весьма примечательно также другое. Внедрившись достаточно глубоко в регионы с явным преобладанием культур оседло-земледельческого толка, номады «отвели» себе те зоны, в которых скотоводы чувствовали себя наиболее комфортно и неуязвимо. Их курганы — и особенно некрополи триалетской культуры — как правило, располагались в безлесных, сравнительно высоких и сравнительно плоских нагорьях Южного Кавказа (рис. 10.11). Подобные районы оказались чрезвычайно привлекательными для пастбищ, но

были мало пригодны для успешного стационарного земледелия. Таким, по всей вероятности, может казаться тот своеобразный земельный передел и симбиоз между политически доминирующими кочевниками-скотоводами и подчиненными им оседлыми земледельцами. Во всяком случае, здесь достаточно отчетливо прослеживается логическая связь между экологическими условиями и хозяйственным укладом разных групп населения южнее Главного Кавказа.

Рис. 10.11. Плато Цалка в Южной Грузии (А). На этом плато воздвигали в III тысячелетии ставшие знаменитыми «золотые» курганы Триалетти. На рис. В отчетливо прослеживаются следы окружавшей древний курган каменной кладки (Georgien: 105)

Дрейф золота вокруг Черного моря

На фоне кардинальных структурных перемен в металлургических провинциях V—III тыс. до н. э. крайне интересной и загадочной кажется судьба «золотоносных» центров. Он по какой-то странной и плохо осознаваемой нами воле случая каждый раз со сменой эпохи и ставшими для нас уже привычными «скачками» меняли свою пространственную позицию. Первый центр — Варна, от Варны — «прыжок» на восток к майкопским курганам. Затем от «майкопа» на юг — через Большой Кавказ в Закавказье, Малую Азию и еще далее на юг — в Месопотамию. Помимо этого уже на запад — к сокровищам Трои. Наконец, во втором тысячелетии до новой эры золото как бы возвращается на «исходную» родину — к Микенским шахтным гробницам. Черное море с V по II тыс. до н. э. оказалось похожим

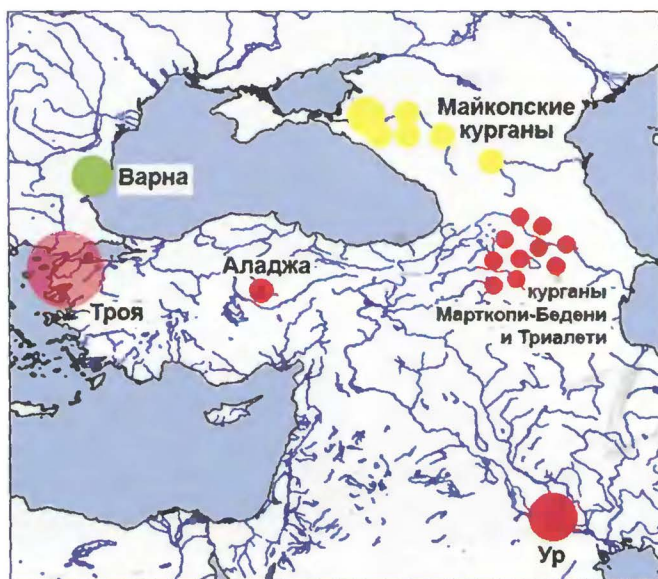

Рис. 10.12. Распространение основных золотосодержащих погребальных комплексов в V (зеленый цвет), IV (желтый цвет) и III (красный цвет) тысячелетиях до н. э.

на своеобразный центр, вокруг которого «прыжками» или же «скачками» передвигались эти «златопоглощающие воронки» (рис. 10.12).

О золоте и серебре в курганах Южного Кавказа мы уже говорили выше. Золотых изделий в этих могилах вождей скотоводов много — примерно две с половиной тысячи; однако по своему количеству закавказские предметы втроекратно уступали известным ныне и более ранним по своему возрасту майкопским. Доля же серебра в закавказских курганах вообще невелика.

В этот период основная масса известных нам драгоценных металлов смещается на юг — в Малую Азию и Месопотамию. В III тыс. до н. э. в тех областях лишь в совершенно ограниченном ряду «царских» некрополей оказалось сосредоточено более 40 тысяч золотых украшений и сакральных изделий, а также более 5 тысяч серебряных предметов.

III тысячелетие для южных культур в известном смысле явилось переломным в переоценке значимости погребального обряда в жизни человека. Почти одновременно в ряде высокоразвитых сообществ Месопотамии, достигших в своем развитии уровня государств со знанием письменности, скажем в Уре, или же в таких протогосударствах, с каковыми связываются памятники дохеттского времени в Анатолии, начали сооружать пышные гробницы и насыщать их потрясающими богатствами. Не подлежит сомнению, что имел место резкий сдвиг в понима-

нии потусторонней жизни, о вечности этого бытия, о необходимости снабжать покойника всем необходимым, чтобы его статус в загробном мире выглядел не ниже земного. Скорее всего, такая трансформация идеологических представлений явилась результатом самостоятельного развития в указанных общностях представлений о необъятной сложности окружающего их мира. Однако стоит ли исключать также вероятность того, что изначальный толчок к таким кардинальным переменам мог последовать с севера — от носителей курганных культур? Ведь майкопские вожди удостаивались подобной чести не менее чем за тысячу лет до знаменитого и насыщенного фантастическими сокровищами царского некрополя Ура.

Комплекс царских гробниц Ура датируется серединой III тыс. до н. э. Великолепие и сложность его разнообразных сооружений, а также погребального инвентаря уже давно стали объектом едва ли не обязательных упоминаний в хрестоматиях. Особым вниманием пользуются сокровища из гробницы царицы Шубад или же царя Мескаламдуга, чей золотой шлем (рис. 10.13) нередко может украшать и украшает заглавные страницы книг. Из королевских погребений этого кладбища извлекли более 6500 золотых и около 3800 серебряных изделий. Причем некоторые из этих предметов были весьма массивными, подобно уже упоминавшемуся шлему.

Однако самая крупная коллекция золотых украшений и иных предметов — почти 32 тысячи экземпляров — происходит из Трои, ставшей столь знаменитой благодаря легендарному Генриху Шлиману (1822—1890), потратившему столько усилий, чтобы найти воспетый Гомером в его «Илиаде» легендарный город ахейцев. Когда подручные Шлимана откопали эти удивительные сокровища, то он совершенно не сомневался, что в руки ему попал клад мифического и престарелого троянского царя Приама. С тех пор эта коллекция и приобрела ставшее ныне традиционным название — «клад Приама» (рис. 10.14). Вскоре стали осознавать, что раскопки Шлимана с методической точки зрения были для критики весьма уязвимы; что он ошибался в хронологических определениях, что время этого золотого сокровища следовало бы удревнить как минимум на тысячу лет и что, скорее всего, это вовсе не клад, а инвентарь очень богатого «царского» погребения, не замеченного Шлиманом во время его безумно торопливого поиска следов гомеровской «Трои».

В каком-то смысле гораздо более важными для наших целей служат несравненно более тщательные раскопки расположенного в центральной Анатолии комплекса, носящего имя Аладжа-хёйюк. Золота там существенно меньше, нежели в Трое — всего около 500 предметов, — однако весь комплекс каменных сооружений, сопряженный с этим некрополем, привлекает особое внимание (рис. 10.15). Кроме золота, в могилах Аладжи много бронзовых изделий — оружия и очень сложных по методу отливки сакральных предметов. Проведенные в самое последнее время тщательные исследования химического состава бронзовых, серебряных и золотых женских фигурок из Аладжи и синхронных

Рис. 10.13. Царский некрополь Ура: золотой шлем царя Мескаламдуга и так называемая «арфа» (Chronik: 35, Aruz: 106 No. 58).

ему комплексов (Yalcin & Yalcin) выявили удивительные по сложности и тонкому исполнению приемы обработки изученных артефактов (рис. 10.16).

Крайне примечательно также, что повальное стремление обеспечить покойника в загробный путь соответствующей его рангу «визитной карточкой» достигло в III тысячелетии даже Египта. Причем именно там оно нашло свое выражение в поистине экстремально гипертрофированной форме. Эпоха Древнего царства прославилась в основном пирамидами фараонов, и имя Хеопса сохранилось вплоть до наших дней благодаря той фантастической по конструкции гробнице, к которой ежегодно устремляются миллионы туристов.

Рис. 10.14. Второй «город» Трои, III тыс. до н. э. Так называемый «клад Приама»: покрывало из огромного числа золотых лепестков (Сокровища Трои)

Египет не имел отношения к Циркумпонтийской провинции. Мы сочли возможным упомянуть о пирамидах, чтобы показать, сколь невообразимые усилия должно было затрачивать общество на эти сугубо иррациональные цели. «Отец истории» Геродот посещал нильские пирамиды спустя два тысячелетия после Хеопса. Но в сознании жрецов, повествовавших ему об этих фантастических по размаху деяниях фараона, сохранился ужас от того, как в результате таких сооружений «Хеопс *вверг страну*

Рис. 10.15. Парадные ворота в храмово-погребальном комплексе Аладжа-хейюк

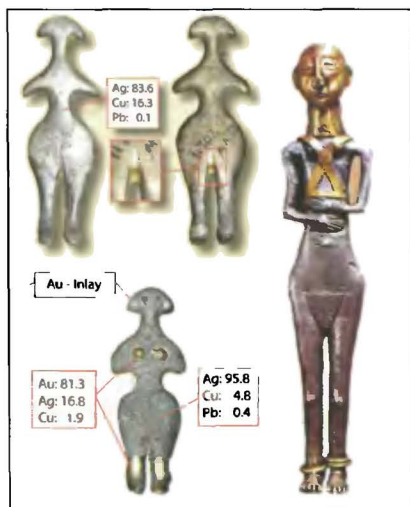

Рис. 10.16. Аладжа-хейюк (слева) и Хасаноглан (справа), Анатолия. Серебряные фигурки с золотыми аппликациями и тонировкой золотом (Yalcin & Yalcin 2013)

Рис. 10.17. Втульчатые топоры, желобчатые долота и проколка из комплексов культур куро-араксинской и марткопи-бедени на Южном Кавказе (Georgien: 102, 253, 258)

в пучину бедствий». Но мы уже ранее (см. главу 4) цитировали геродотовы свидетельства его разговоров с жрецами.

Конечно, майкопские курганы с пирамидой Хеопса сравниться не могут. Но ведь и майкопские воины-пастухи по численности своей были никак не ровней народу египетскому. А для того, чтобы добыть, скажем, золото и изготовить из него более семи тысяч предметов, также требовался труд, и судя по всему, труд для тогдашних обществ беспримерный...

Северные топоры в южном исполнении

Одними из самых ярких и безусловных символов активности циркумпонтийских производственных очагов являлись боевые втульчатые топоры (см. например, рис. 10.17). Инвентарь могил совершенно явно демонстрировал, что это оружие княжеское; простые воины обладать им не имели никаких прав. Привлекал внимание также тот факт, что господствующая доля находок этого оружия в комплексах IV и начала III тыс. до н. э. была сосредоточена именно в северной зоне ЦМП. Кажется, что именно воинственные скотоводы первыми оценили эффективность данного металлического оружия, и богатые коллекции подобных предметов из могил майкопской культуры в особенности подкрепляют это заключение. Топоры более развитых типов широко распространяются в Анатолии, Месопотамии, Леванте и даже в далекой Сузиане лишь со второй четверти или середины III тысячелетия. Причем оружие такого вида в этих областях предназначалось для указания на весьма высокий социальный статус персоны, этими предметами обладающей. Только обозначали это не так, как было принято в среде кочевников — через погребальный инвентарь, но почти всегда через изображения, причем часто на парадных барельефах.

Мы сошлемся здесь лишь на один пример: выгравированные на пластинах из слоновой кости изображения различных сцен из жизни Шумера эпохи пре-саргонидов (28—26 века до н. э.). Пластины были обнаружены во время раскопок 1933 и 1952 гг. храма богини Иштар, сооруженного в древнешумерском городе Мари. На некоторых из пластин можно видеть процессию высших сановников с топорами на плечах (рис. 10.18). Прекрасно выражен даже тип самого оружия, который полностью отвечает тем стандартам ЦМП, о которых мы говорили ранее.

Следовательно, не только удивляющая нас своей неожиданностью вспышка ритуала богатейших погребальных сооружений, но также и форма этого почти сакрального оружия заставит нас еще много раз обращаться к проблеме путей и интенсивности воздействия степных воинственных скотоводов на мир южных высокоразвитых культур.

И еще одно связанное с этими загадочными вопросами примечательное изображение на пластине слоновой кости из храма Иштар: головы взнузданных животных лошадиной породы (рис. 10.19). Никто не рискует определить этих животных как безусловно относящихся к виду лошади. Однако опять же это наво-

Рис. 10.18. Вооруженные бронзовыми топорами высшие персоны древнейшего Шумера (гравировка на пластине из слоновой кости из храма богини Иштар в городе Мари)

Рис. 10.19. Изображение пары взнузданных животных лошадиной породы (гравировка на пластине из слоновой кости; храм богини Иштар в городе Мари)

дит на мысли о воздействии культуры номадов на южные общества. Ведь вряд ли может подлежать сомнению, что без узды конь не мог подчиняться человеку. Носители культуры «майкопа» не оставили нам никаких изображений на эту тему. Просто мы коснулись здесь одного из самых выразительных свидетельств доместикации «лошадиных» пород, и вряд эти процессы в Месопотамии могли произойти без активных воздействий со стороны северных скотоводов.

Глава 11

ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И НОМАДЫ СТЕПНОГО ПОЯСА

Средний бронзовый век: домен северный

Рпредшествующей главе уже говорилось, что рубеж IV и III тыс. до н. э. был ознаменован на западной половине Евразии событиями исключительной важности. Безусловно, что в ряду этих явлений к числу наиболее значимых следует отнести второй, и по существу, финальный этап формирования Циркумпонтийской металлургической провинции — для Евразии в те поры условно центральной системы. Тогда наступил новый период в евразийской истории — *средний бронзовый век*.

В самом начале третьего тысячелетия структура Циркумпонтийской провинции проявила себя уже полностью сложившейся: ее горно-металлургические и металлообрабатывающие центры и очаги охватили Черное море со всех четырех сторон. Другим событием — также бесспорно знаковым и тесно связанным с формированием ЦМП — стал стремительный рост гигантского блока так называемых курганных культур, оккупировавших фактически всю Западную половину Степного Пояса (рис. 10.1). Здесь они пришли на смену степным, скотоводческим, еще «бескурганным» общностям.

Несомненно, что родоначальником скотоводческих курганных объединений Евразии следует считать ту коронную майкопскую культуру, которую мы условились именовать «культурой больших курганов» или «майкопом». Ранние столетия III тыс. до н. э. обозначили быстрый закат этой культуры, от которой и исходили два чрезвычайно мощных, ярких, но направленных в противоположные стороны импульса — на юг и на север. О южном импульсе через Главный Кавказский хребет шла речь в предыдущей главе. Северному импульсу мы посвятим главу настоящую. Однако сначала следует бросить взгляд на те северокавказские регионы, где еще не так давно безоговорочно господствовали те, кто воздвигал над могилами вождей огромные курганы.

Три блока северокавказских культур

С исчезновением коронной для Северного Кавказа культуры больших курганов целостная картина культур в этом ареале поменялась весьма существенно, хотя проследить при этом отчетливые следы как бы растворившегося майкопско-

го феномена особого труда не составляет. Уже с самого начала III тыс. до н. э. в северных предгорьях Большого Кавказа достаточно определенно можно различить отчетливые контуры трех основных культурных блоков.

Западный блок: его наиболее яркой чертой, безусловно, являлись дольмены (Марковин). Эти весьма выразительные наземные каменные погребальные «домики» (рис. 9.16) были рассеяны отдельными группами по северным склонам Кавказского хребта в бассейнах среднего и нижнего течения Кубани. Затем дольмены, «переваливая» хребет, протянулись к югу уже вдоль горных склонов близ побережья Черного моря вплоть до широты Абхазии. Общий массив этих удивительных памятников надгробной архитектуры воистину огромен: их общее число превышает 2300 сооружений. При этом вполне очевидно, что наиболее ранние экземпляры каменных «погребальных домиков» обнаруживают под курганными насыпями «майкопа», о чем упоминалось в предыдущей главе в связи с захоронениями вождей близ станицы Новосвободная. Однако датировка каждого конкретного дольмена довольно затруднительна, поскольку бывает очень нелегко разобраться в часто встречающемся похоронном «мессиве» из человеческих костей и различных предметов внутри множества дольменов. Такой погребальный «домик» мог использоваться в течение многих сотен лет, и потому в каменной камере мог залегать в беспорядке самый разнообразный инвентарь, сопровождавший покойников разных эпох. Однако если исходить из сравнительно немногочисленных дат по ^{14}C , основной массив этих дольменов был сооружен, скорее всего, в широких рамках III тыс. до н. э.

Не менее любопытным является вхождение этого «дольменного» культурного блока в Евразийский мир мегалитов, растянувшийся от Западного Кавказа, по всему Средиземноморью вплоть до Атлантики, до Британских островов и даже Южной Скандинавии. На всех сооружениях этого гигантского региона как бы отразилась печать сходной идеи — запечатлеть и связать переход человека в иной мир с монументальными каменными сооружениями. При этом каждую из крупных областей мегалитического мира отличало безусловное своеобразие сооружений. В этом удивительном и растянувшемся на многие тысячи километров ряду кавказские дольмены занимали крайний восточный фланг.

У нас очень мало надежных данных о том, как жили эти люди — строители дольменов. Те поселения, которые с той или иной степенью достоверности могут быть сопоставлены с дольменной культурой, весьма немногочисленны, а результаты их раскопок слабо документированы. Любопытно, но то же самое мы должны выразить и в отношении культур — или же единой культурной общности — центральной части Северного Кавказа, связанной с верхними бассейнами рек Кубани и Терека. Ведь и в этой обширной области едва ли не 99 % всех известных ныне материалов III тыс. до н. э. извлечено из некрополей, а среди последних доминируют подкурганные погребения. Все погребальные сооружения этой общности в той или иной мере несут на себе следы майкопской первоосновы. Здесь и широкое использования камня в виде простых облицовок плитами

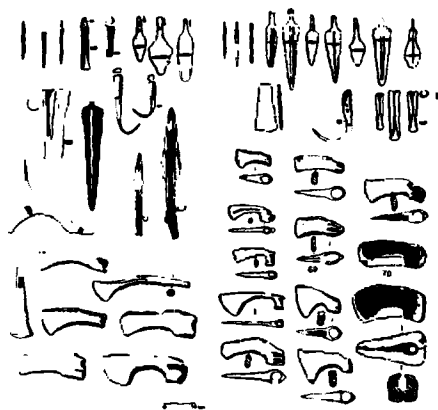

Рис. 11.1. Циркумпонтийская металлургическая провинция, III тыс. до н. э. Бронзовые (Cu+As) изделия из памятников культур северо-западного (слева) и северо-восточного Кавказа

похоронной камеры, и окружающие камеру каменные кромлехи и многое другое. Самым ярким похоронным инвентарем в могилах являются орудия и оружие из мышьяковых бронз (рис. 11.1), из которых также отливалась масса разнообразных украшений. Однако полностью исчезают сложные сплавы меди с мышьяком и никелем, столь примечательные для майкопских материалов и связанных с ними южных, аналогичных по химическому составу бронз. Огромная масса бронзовых украшений, пожалуй, отличала этот погребальный инвентарь от майкопского. В могилах «майкопа» бронзовые украшения практически отсутствовали, а самые богатые захоронения вождей сопровождалась

там изделиями из драгоценных металлов. В северокавказских же могилах постмайкопского времени золото и серебро если и встречаются, то в виде редкости исключительной.

Мышьяковые бронзы — продукция явно обязанная закавказским горно-металлургическим центрам — насыщали не только северокавказские комплексы, но активно передавались далее на север, к степным скотоводческим племенам. Следовательно, Кавказ продолжал исполнять свою активную роль в качестве связующего «моста» между доменами южным и северным, между оседло-земледельческими культурами и степными номадами.

Попытки выделить в центральной зоне Северного Кавказа какую-то отдельную культуру, как правило, завершаются неудачей. Вот, к примеру, выглядящая вполне фундаментальной попытка очертить контуры так называемой кубанотерской культуры (Николаева). Но остается неясным — как аргументировано определить ее пространственные и временные грани? Или же обратный пример: иногда предлагают расчленить кубано-терскую общность на протяженный ряд из пяти археологических культур. И опять неудача — таким предложениям нет достаточно широкого признания в специальной литературе. Скорее всего, будет разумным именовать весь этот пост-майкопский центральный блок — весь, а не часть его — не культурой, но кубано-терской археологической общностью, где растворены следы ряда культур? Вполне вероятно, что такое решение будет более логичным и справедливым

Пожалуй, именно в материалах кубано-терской общности с чрезвычайной силой и проявил себя *синдром культурной непрерывности*. Крайне расплывчаты

ми и туманными кажутся здесь все границы между отдельными группами погребальных памятников. Эффект синдрома непрерывности сказывается не только внутри общности, но как бы и за ее пределами. Как все-таки наметить пограничные рубежи с наплывающими на эту общность с севера курганными катакомбными культурами, о которых речь пойдет ниже? Но здесь также невозможно отыскать удовлетворительного решения. В любом случае, можно полагать, что скотоводческие племена как в кубано-терской общности, так и в западном «дольменном» блоке явно доминировали над оседлыми земледельцами.

Радиоуглеродных определений возраста для древностей этого типа также немного, особенно на фоне более северных общностей (см. Приложение 1, рис. Пр1.4: 4). Однако те датировки, что проделаны к настоящему времени, не противоречат принципиальной синхронности материалов центральных областей Северного Кавказа как с более западными регионами «дольменной» культуры, так и с восточными ареалами, сопряженными в основном с территорией Дагестана и Прикаспием.

Повторим, что этот прилегающий к «Дербентским воротам» регион в предшествующий исторический период заметно отличался от более западных. Здесь отсутствовали яркие курганные некрополи майкопского облика, а первый план занимали, пожалуй, уже бытовые, поселенческие памятники. Селища прикаспийского ареала относились, безусловно, к домену южных оседло-земледельческих культур, и их считали северным вариантом знаменитой куро-аракской культуры, о которой мы упоминали ранее (см. карту, рис. 9.1). Селищные памятники последующего периода дагестанские археологи в последнее время чаще всего объединяют в так называемую гинчинскую культуру, и в ее разнообразных материалах нетрудно уловить следы общностей более раннего времени.

Пожалуй, в настоящее время восточный блок культур Северного Кавказа изучен — особенно в комплексном отношении — существенно лучше, нежели гораздо более обширные материалы обоих западных регионов. Центром изучений здесь оказался комплекс Великента (Gadziev а.о 2000; Kohl 2007: 102—113), где представлены все исторические периоды Эпохи Раннего Металла, причем не только материалами поселений, но и уникальными коллекциям бронзовых предметов. Именно там оказалось намного легче проследить взаимосвязь между поселенческими и погребальными комплексами (Chernykh 1992: 123—124).

Одна из камер Великентского некрополя привлекает особое внимание. Она имела округлую форму до шести метров диаметром, ее стены были выложены каменными плитами. Точное число помещенных в камеру покойников по нарушенным костным фрагментам установить очень сложно, но их было несколько десятков. Хоронили их не одновременно, но в течение ряда лет. В камере довольно много керамической посуды. Однако самым интересным здесь была, конечно же, огромная масса бронзовых изделий — около 1500 предметов. Преобладали украшения, хотя значительная часть относилась к орудиям и оружию.

Импульс на север: степные курганные культуры

Северный импульс майкопского феномена сказался на характере и облике культур всего западного фланга Степного Пояса Евразии. Два важнейших признака отличали пастушеские, связанные с Циркумпонтийской провинцией культуры от предшествующих, вовлеченных в систему провинции Балкано-Карпатской: курганный обряд погребений и господствовавшие новые формы металлических изделий и иные методы металлообработки. В несравненно меньшей степени перемены отразились на таком тривиальном для археологических исследований признаке, каковым признается обычно глиняная посуда.

Первые тесные контакты с кочевыми скотоводами степей достаточно явно прослеживались уже в самом начале формирования майкопской общности, то есть в IV тыс. до н. э. В Кумо-Манычской впадине, в Калмыкии, а также на равнинах к югу от Дона были изучены подкурганные погребения, содержавшие керамику майкопского типа, но от захоронений собственно майкопского типа заметно отличавшиеся. По этой причине их очень часто именуют «степным майкопом» (об этом шла речь в главе 9). По всей видимости, именно этому «буферу» выпала доля осуществить следующий, хотя и промежуточно-инновационный импульс в сторону сообществ скотоводов более северных регионов, что и привело, в конечном итоге, к широчайшему распространению курганных культур в западном ареале Степного Пояса.

Радиоуглеродные датировки также подсказывают нам, что первичное направление этого «рывка» было нацелено на северо-восток, к засушливым степям междуречья Дона, Волги и Урала. Именно в этих регионах удалось выявить группы наиболее ранних подкурганных захоронений, датированных еще финальными столетиями IV тыс. до н. э. (подробнее об этом см. ниже).

В конце IV и в самом начале III тыс. до н. э. в степях западной половины Степного Пояса формируются две огромные и получившие весьма широкую известность общности курганных культур — ямная и катакомбная. Кроме них, археологи довольно часто уделяют внимание также иным, но уже намного менее выразительным культурам типа усатовской, кеми-обинской, ново-титоровской и других. Однако мы сосредоточим основное внимание лишь на двух первых — наиболее значимых. Именно на их материалах нам гораздо легче будет увидеть важнейшие результаты тех технологико-культурных перемен, что происходили в этих обширных регионах Степного Пояса Евразии.

«Ямная» археологическая общность культур

Северный импульс привел к широчайшему распространению группы очень близких по своим проявлениям культур, получивших общее, но кажущееся весьма странным наименование «ямных»: их мы и объединяем в понятие «ямная археологическая общность». Корни этого названия таятся в раскопках курганов,

которые более чем столетие назад проводил в Восточной Украине выдающийся российский археолог Василий Алексеевич Городцов (1860—1945). Изыскания привели исследователя к заключению, что свершенные в очень простых по форме прямоугольных ямах погребения здесь необходимо относить в разряд древнейших. В хронологическом порядке за ними следовали захоронения людей также в могильных ямах, но уже более сложной конструкции: в донной части погребальных ям, в их стенках откапывали подбой. Такая конструкция ямы напоминала катакомбу, а в подбой и помещали тело усопшего. Позднейшей хронологической группой в изученных курганах исследователь считал также простые по форме могилы, стенки которых обкладывали стволами деревьев. Получалось подобие сруба, в который уже и укладывали покойника. Эти изыскания В. А. Городцова и привели к тем весьма устоявшимся и ставшими ныне привычными для российских археологов названиям триады археологических степных общностей — ямной, катакомбной и срубной.

Конечно, спустя столетие звучание их наименований выглядит не вполне логичным и корректным. К примеру, подавляющая часть захоронений, свершившихся самыми разнообразными народами в различных регионах земного шара, связана именно с простыми по форме ямами. Могилы катакомбной конфигурации встречаются не столь часто, однако степные скотоводы III тысячелетия были далеко не единственными, кто предпочитал такую форму погребального устройства. Захоронения в катакомбах будут широко представлены в погребениях северокавказских народов этого же времени. Да и много позднее у ряда групп степных сарматских скотоводов железного века такая форма погребальной ямы также не будет исключительной редкостью. С носителями срубной культуры получился вообще изрядный конфуз: доля могил бронзового века с деревянными срубами в погребальных ямах оказалась в степях от Южного Буга до Урала и вовсе ничтожной.

Ямная общность удивительно монотонна в своих внешних проявлениях, и потому в блоке культур, составляющих эту общность, нетрудно различить признаки синдрома культурной непрерывности, который мы обсуждали ранее. Географические и даже временные грани общности достаточно расплывчаты, хотя ее абсолютная хронология базируется ныне на весьма значительной серии — более четырех сотен радиоуглеродных определений. Центральный и основной домен ямной общности охватил громадные территории от Южного Урала на востоке вплоть до крайнего западного фланга Степного Пояса (рис. 11.2). На этих пространствах общей площадью более 1 млн кв. км номады ямной общности оставили многие тысячи захоронений соплеменников под курганами в простых ямах. Покойников чаще всего укладывали в могиле на спине или же на боку с подогнутыми в коленях ногами. Нередко труп обсыпали охрой, отчего сохранившиеся его кости оказывались покрашенными в красный цвет. Погребенных, как правило, сопровождал весьма небогатый инвентарь: глиняные горшки, бусинки. В большинстве случаев усопшего укладывали в могилу вообще без каких-либо вещей.

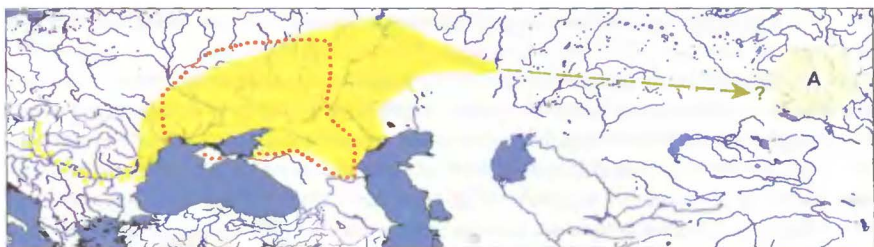

Рис. 11.2. Циркумпонтийская металлургическая провинция, III тыс. до н. э. Ареалы ямной (желтый цвет) и катакомбной (красный пунктир) общностей, а также западное и восточное направления воздействий культур ямной общности. А — афанасьевская культура

Богатые захоронения в больших курганах редки, и по большей части такие погребальные комплексы встречаются на востоке «ямной» территории — в Волго-Уральских степях. Диаметр курганных насыпей над погребениями вождей мог достигать порой едва ли не сотни метров, а в могилы лидеров помещали медное оружие — втульчатые топоры, ножи-кинжалы или какой-нибудь иной инвентарь (рис. 11.3). Но такого рода курганы очень редки.

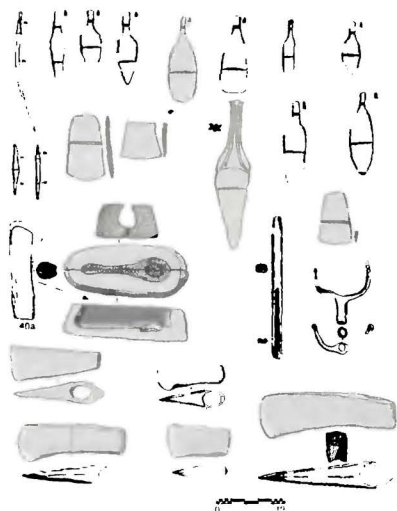

Рис. 11.3. Основные типы медных и бронзовых орудий, а также глиняная литейная форма для отливки втульчатого топора из комплексов ямной общности и некоторых близких ей степных культур в Северном Причерноморье

Иногда в могильных ямах присутствуют немногочисленные кости жертвенных животных. По ним порой стараются определить характер стада у этих пастухов. Правда, свидетельства такого рода многие — и вполне справедливо — считают весьма ненадежным источником для корректной реконструкции состава стада домашних животных — ведь в могильном инвентаре отражаются, прежде всего, требования ритуальных канонов. Опять же среди этого материала почти не встречается костей лошади, хотя освоение коня под верховую езду пастухами этих курганных культур, как правило, сомнений не вызывает.

Поселения единичны и облик их мало выразителен; остатки скромных по материалу и по размерам селищ изредка встречаются в бассейнах Днепра или Дона. Для археологов гигантский перевес погребальных памятников над селищными как раз и служит определяющим признаком кочевого характера культуры.

Керамические материалы указывают на следование традициям населения предшествующей — «докурганной» эпохи: это все те же круглодонные или же остродонные горшки, украшенные нехитрым узором, чаще всего выполненным посредством специально приготовленных штампов (рис. 11.4).

Бедность памятников культуры, особенно безынвентарных захоронений, в 30-е годы прошлого столетия у некоторых советских археологов могла даже порождать вопрос: а не являются ли все эти убогие могилы погребениями рабов? В те времена была мода упражняться на тему марксистской догмы о производительных силах, порождающих соответствующие производственные отношения.

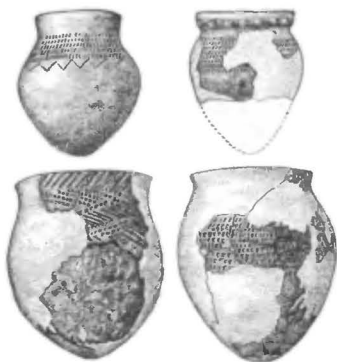

Рис. 11.4. Типичные формы глиняной посуды в культурах ямной общности

«Пионеры» освоения горно-металлургического производства

Еще одно обстоятельство привлекает пристальное внимание к носителям культуры ямной общности. По всей вероятности, именно они стали пионерами открытия рудных богатств Степного Пояса и освоения самостоятельного комплекса горно-металлургического производства. Ими впервые были обнаружены и начали разрабатываться богатейшие залежи южноуральских медных руд.

Гигантское меднорудное поле Каргалы принадлежит к типу широко распространенных на Западном Урале месторождений медистых песчаников. Именно здесь группы первых рудознатцев заложили свои открытые карьеры и шахты (рис. 11.5 и 11.6) и начали добычу медных минералов, стали выплавлять из зеленого малахита и синего азурита медь, а из меди отливать и отковывать те предметы, что являлись маркерами центров Циркумпонтийской провинции.

При раскопках курганов каргалинскую руду стали обнаруживать даже в некоторых могилах вождей ямной культуры; по всей видимости, этим зеленым камням придавалось некое особое, сакральное значение. Химический состав большинства медных изделий также указывал на каргалинский источник металла (рис. 11.7). И наконец, редчайшая находка: под одним из небольших курганов, насыпанном в самом центре Каргалинского рудного поля была раскопана могила мастера-литейщика (рис. 11.8). Его скелет выдавал пол и возраст погребенного: то был мальчик 12—13 лет от роду. У левого виска юного литейщика положили двусторчатую глиняную, намеренно расколотую литейную форму для отливки из меди втульчатого топора (рис. 11.7, сверху слева). В ней должны были отливать истинно княжеское оружие абсолютно типичной для ЦМП формы. Скорее

Рис. 11.5. Один из участков Каргалинского меднорудного поля. Видны следы древних и старинных заваленных шахт, а также археологический раскоп (работы 1994 года). Древнейший на Каргалах карьер III тыс. хорошо заметен по густой травянистой растительности

всего, юношу инициировали в статус мастера-литейщика совсем незадолго до кончины (инициация очень часто совпадала с наступлением полового созревания). Радиоуглеродный анализ указал дату его смерти: она случилась между 2890 и 2670 годами до н. э.

Комплекс находок поверг нас не только в изумление, но поставил ряд сложных вопросов. Вот например, кто и каким образом смог обнаружить выходы медистых песчаников Каргалинского рудного поля? Сами «ямные» кочевники? Но ведь этнографические примеры старательно подчеркивают, что номады, как правило, такой «грязной» работы чурались и обычно презирали ее. Для этой цели они предпочитали всегда захватывать и уводить в плен мастеров чужеродных культур. Но где же смогли бы они таких мастеров добыть? Материалы носителей майкопской культуры никак не предоставляют свидетельств, что номады «майкопа» были полны стремлением освоить горно-металлургическое производство и заниматься им. Далее, если верно предположение, что ремесло кузнеца-литейщика было презренным у майкопцев, то почему внезапно его стали выставять в качестве «визитной карточки» при проходах мастера в потустороннее путешествие у ранних скотоводов Степного Пояса? Кроме

Рис. 11.6. Археологический разрез средней части поискового карьера III тыс. до н. э. Длина карьера — около 46 м, глубина — до 9 м. В древности отсюда извлекли примерно 1200 куб. м вязкого глинистого грунта, общий вес которого был равен примерно 2,5—3 тысячам тонн. Первые рудознатцы Каргалов рассчитывали натолкнуться на этом пологом склоне холма на богатую линзу медных минералов, однако тщетно: тяжкую работу провели впустую

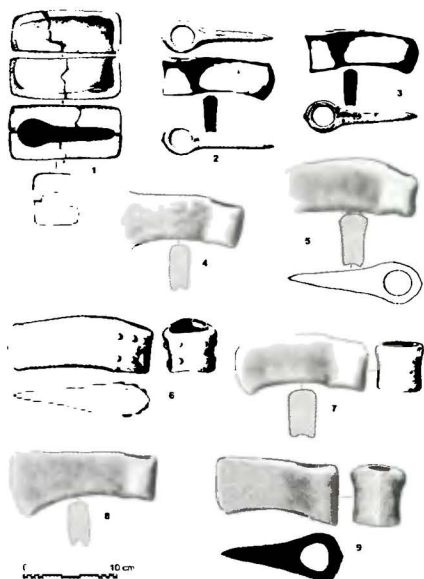

Рис. 11.7. Циркумпонтийская металлургическая провинция, волго-уральский регион, III тыс. до н. э. Втульчатые топоры, отлитые из каргалинской химически чистой меди. Литейная форма для топора (вверху слева) из погребения мастера-литейщика на Каргалах (см. следующий рисунок)

Рис. 11.8. Погребение юного мастера-литейщика ямной культуры на Каргалинском рудном поле. У его левого виска положили намеренно расколотую литейную форму для втульчатого топора (см. рис. 11.7)

всего, не мог не вызвать удивления юный возраст мастера, захороненного на Каргалах: сходного с этим погребением примера нам до сих пор не встречалось.

И еще об одном важном обстоятельстве. Почти половина металлических артефактов ямной общности — орудий, оружия, украшений — отлита или же откована из химически чистой меди. По всей вероятности, львиная доля данных изделий была связана с производством мастеров Каргалинского горно-металлургического центра. Другая часть металлических вещей — немногим более половины — связаны с импортными закавказскими мышьяковыми бронзами. Значение установленных здесь пропорций между химически чистой медью и искусственными сплавами на медной основе (бронзами) скажется намного ярче, когда мы приступим к сопоставлению металлообработки ямной и катакомбной общностей — но об этом ниже.

Таковыми представлялись очевидные факты и порожденные ими проблемы изучения предполагаемого нами первого акта освоения гигантских просторов Степного Пояса.

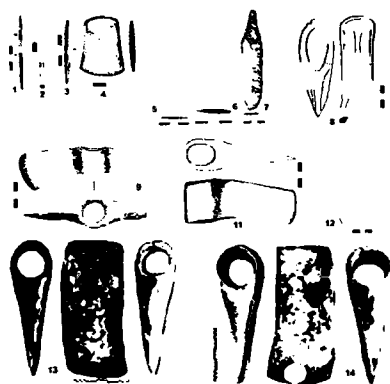

Рис. 11.9. Медные изделия, связываемые с афанасьевской культурой Алтая или же обнаруженные близ ее основного ареала

Алтая (рис.11.2). Этот импульс легко угадывается по материалам так называемой афанасьевской культуры. Здесь по преимуществу распространены погребальные памятники — грунтовые кладбища или подкурганные могильники. Правда, афанасьевские курганы не очень похожи на западные: как правило, они невелики, а под земляной насыпью очень часто замечают следы каменных выкладок, чаще всего кольцевидных. Самым главным признаком, сближающим ямную общность с афанасьевской культурой, служит, безусловно, керамика. Сосуды здесь чаще всего остро- или круглодонные. Их форма и орнаментация весьма близки типам западной глиняной посуды.

Западный импульс отразился также в производстве на Алтае некоторого числа отливок-подражаний втулчатым топорам (рис. 11.9). Эти изделия принципиально сходны с орудиями из западных центров ЦМП (Черных 2007: 54, рис. 3.14), но обнаружены случайно, вне погребальных комплексов алтайских культур. Впрочем, наличие местной металлургии меди сколько-нибудь обоснованных возражений не вызывает.

Комплекс всех материалов подобного рода означает при этом, что западные воздействия докатываются уже в начале III тысячелетия не только до самого створа знаменитых Джунгарских ворот. Их явные следы ощущаются много восточнее — на обширных просторах не только Северного, но и Южного Синьцзяна. Об этом особенно убедительно свидетельствуют многочисленные мумифицированные погребения из бассейна Тарима на самом краю пустыни Такла-Макан (рис.11.10). Некрополи эти примыкают к южным склонам хребтов Тянь-Шаня и к горной системе Кунь Луна (Ancient culture: 22—27; Grand view: 28—29). В последнее время генетики начинают исследовать геном людей, захороненных в этом регионе Синьцзяна. В частности, внимание ученых привлек некрополь Сяохэ (Xiaohé), относя-

Первая волна кочевников с Запада на Восток

Следы культур гигантской ямной общности, их воздействия, равно как и проникновение ее носителей хорошо прослеживаются вдоль Дуная вплоть до Паннонии (рис. 11.2). В Подунавье носители ямной культуры распознаются по подкурганным могилам. Правда, в них полностью отсутствует инвентарь, но там очень часто костяк погребенного окрашен в красный цвет, благодаря обильной порции минералов охры на теле покойного (Jovanović 1979; 1987; Ecsedy).

Восточный же след воздействий ямной общности протягивается вплоть до Саяно-

щийся, по всей вероятности, к III тыс. до н. э.: поразительная сохранность отличала здесь мумифицированные захоронения вместе с разнообразными деревянными погребальными сооружениями и их деталями. Анализ ДНК (DNA) отразил смешанный состав населения, оставившего это кладбище. Доля западного («кавказо-идного» или же европеоидного) типа людей на этом некрополе оказалась весьма представительной (Li а.о. 2010; see also Mair 1995). По всей вероятности, к достигшей Синьцзяна западной волне скотоводов принадлежали и носители культуры «чемурчек» — Qiemurqik or Chemurchev culture (Ancient culture: 221,222). Иногда даже звучит предположение, что исходная область народа «чемурчек» лежит где-то за Альпами, уже во Франции (Ковалев 2012; Kovalev 2011), но особого энтузиазма у специалистов этот взгляд не вызывает.

Фантастическое по размаху и широкое проникновение степных скотоводов не может не удивлять: от Паннонии до Алтая по прямой линии почти пять тысяч километров. А если продолжать эту линию далее на восток до бассейна Тарима, то нужно будет приплюсовать к пяти тысячам еще до полутора — если не до двух тысяч — километров. Таковой предстает картина начального освоения западными номадами открытых и растянувшихся на многие тысячи километров пространств Евразии. Но это ведь историческое полотно лишь только III тысячелетия до новой эры! За этой первой западной волной пройдут и другие, более

Рис. 11.10. Синьцзян, Западный Китай. Вверху слева: раскопки могильника Гумугоу в бассейне Тарима (пустыня Такло-Макан); хорошо видны основания деревянных столбов, окантуировавших захоронения. Вверху справа: «красавица Люлянь» — реконструированный антропологами облик женщины европеоидного типа из могильника Гумугоу. Внизу слева: глиняные сосуды сходной формы и орнаментации с посудой ямной общности и афанасьевской культуры. Внизу справа: погребение женщины с сосудом в плетеном шерстяном чехле (A Grand view: 28—29; The ancient culture: 22—23; музей города Бурджин)

поздние, а им навстречу прокатятся волны с востока. Так Степной Пояс начнет осуществлять и оправдывать свою — вольную или же невольную — роль моста между Востоком и Западом.

Катакомбная археологическая общность культур

Мы уже говорили ранее, что другая мощная группа кочевников предпочитала хоронить своих соплеменников также под курганами, но в ямах с подбоем-катакомбой (рис. 11.11). Некоторые полагают, что такая усложненная форма могилы символизировала женскую родительскую матку, где через некоторое время душа покойного должна была материализоваться в новом обличье. Может быть, догадка исследователей верна, но для нас этот признак усложненной ямы важен пока лишь для надежного отличия «катакомбников» от их соседей «ямников» и более поздних «срубников».

В. А. Городцов полагал — и об этом также шла речь, — что ямная культура исчезает, а ее место в восточноевропейской степи занимает культура катакомбная. Долгое время это положение безусловно господствовало в археологической науке о степных общностях. Однако серийные определения возраста на базе радиоуглеродных анализов позволили выяснить, что в действительности все было далеко не так, и ниже мы посвятим вопросам абсолютной хронологии специальный раздел.

Катакомбная общность отличается от ямной существенно меньшим пространственным охватом — примерно 0,7—0,8 млн кв. км. Ее территория как бы накрывала полностью самый центр «ямного» ареала (рис. 11.2). Именно поэтому ниже мы будем по необходимости сопоставлять важнейшие признаки указанных культур.

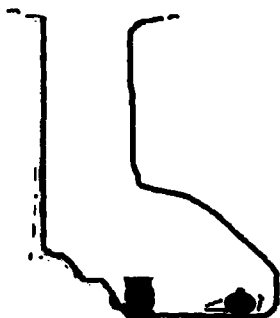

Рис. 11.11. Типичные для захоронений общности формы погребальных ям — катакомбы. На дне подбоя укладывали покойника и сопровождающий его инвентарь

Основные группы катакомбных некрополей сосредоточены в бассейнах Днепра, Дона и Дона; очень большое их количество зафиксировано также в степях Калмыкии и Предкавказья.

Число поселений в катакомбной общности заметно превосходит единичные ямные, то есть оседлость населения в катакомбных культурах была выражена сильнее. Правда, большинство селищ обнаружено в северных регионах общего ареала этой общности. В целом же эти поселки также мало выразительны. Равно как и во многих иных местах, основной материал катакомбного облика извлекают из кладбищенских комплексов. В отличие от ямной общности, здесь уже с гораздо большим трудом выявляются выдающиеся по своему богатству и величии курганы знати. Материалы из погребений

Рис. 11.12. Катакомбная общность. Глиняные горшки и так называемая ритуальная курильница на фигурном основании

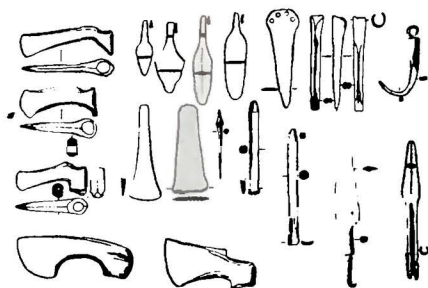

Рис. 11.13. Бронзовые орудия и оружие катакомбной общности, а также пост-катакомбной (бабинской) культуры

в целом небогаты, и по крайней мере качественная и количественная нивелировка погребального инвентаря у катакомбных племен существенно сильнее, нежели у групп ямной общности. Керамика катакомбного облика (рис. 11.12) более привлекательна, благодаря своей плоскодонной форме и орнаментальному стилю стенок сосуда.

Самое главное отличие от ямного материала, пожалуй, заключено в металле. Во-первых, формы орудий, оружия и украшений кажутся более совершенными и разнообразными на фоне параллельно существующих стандартов ямной общности (рис. 11.13). Во-вторых, здесь полностью доминировала — примерно 95 % — мышьяковая бронза, источники которой находились на Южном Кавказе или даже в Анатолии. Напомним, что в комплексах ямной общности из мышьяковой импортной бронзы выделялись лишь только около половины всех артефактов; да и качество сплавов меди с мышьяком там было заметно ниже.

Радиоуглеродная хронология степных культур и ее парадоксы

Около полувека назад, когда радиоуглеродные определения абсолютного возраста только-только начали входить в повседневную практику археологических изысканий, их первые результаты были встречены некоторыми археологами огнем жестокой критики. Одним из наиболее яростных противников этого метода объявил себя Владимир Милойич — серб по происхождению, но большую часть своей научной жизни проведший в университетах Германии. В 1959 году в Гронингене состоялся симпозиум, посвященный методам радиоуглеродной хронологии, где и прозвучали отзвуки начавшейся бурной дискуссии. При оценке результатов диспута один из видных европейских родоначальников применения в археологии ^{14}C метода голландец Харм Ватерболк заметил, что в подобного

рода спорах совершенно не годится оперировать аргументами типа «Милойчич — болван» или же «я не верю радиоуглеродным датировкам».

Но, пожалуй, особенно запоминающимися стали его слова из заключительного раздела статьи: «*Лучший путь преодоления трудностей — эмпирический, или же иначе: одна дата для памятника или же культуры — это не дата; имеет смысл только серия датировок, которая и может быть использована для целей хронологии*» (Waterbolk: 15, 18).

Спустя десятилетия после этих дискуссий многое изменилось, и нам сейчас очень трудно указать похожих на Милойчича идейных и бескомпромиссных противников метода ^{14}C . Хотя можно вспомнить, что еще в 60-е годы прошлого века российский археолог-теоретик Л.С. Клейн вслед за сербско-германским ученым, но учитывая его грубые промахи, попытался продолжить спор между физиками и «лириками». В 1966 году Клейн выпустил большую статью с интригующим названием «Археология спорит с физикой», но успеха не добился. В настоящее время некоторые специалисты в худшем случае могут как бы не замечать ^{14}C датировок, отстраняться от них, особенно если те противоречат устоявшемуся у археолога мнению о календарном возрасте какой-либо культуры или памятника («они мне не подходят»).

Автор еще раз хочет обратить внимание на замечательные, хотя и опубликованные очень давно слова Х. Ватерболка, что «одна дата — это не дата». Справедливость этого мнения очевидна уже давно, но это стало особенно ясно в настоящее время, когда серии датировок бывают нередко представлены многими сотнями определений.

Накопленные и систематизированно обработанные серии определений возраста комплексов ряда степных общностей и культур, о чем речь пойдет ниже, привели к ряду чрезвычайно важных заключений. Анализ мы начнем с датировок культур и общностей медного века, или же так называемого «нео-энеолитического» возраста. Так, нередко этот смутный период специалисты именуют по степным докуранным культурам Северного Причерноморья, благодаря металлу связанным с системой Балкано-Карпатской провинции. За ними в едином ряду следуют серии датировок уже курганных общностей раннебронзового времени, включенных в систему Циркумпонтийской провинции. И, наконец, для полноты предпринятых сопоставлений мы присовокупим к этой череде некоторые из систематизированных серий позднебронзового времени. Всего, таким образом, на представленных диаграммах распределения сумм вероятностей по возрасту образцов представлены результаты 1226 датировок (рис.11.14). При сопоставлении всех упомянутых блоков мы ориентировались на 68 % порог вероятности, что и отражено на приводимых диаграммах. Такой порог кажется автору намного более приемлемым, нежели порог в две сигмы, поскольку сравниваемые серии в количественном отношении весьма представительны.

Результат первый и кажущийся едва ли не самым невероятным: между оседло-земледельческими культурами медного века Караново VI-Гумельница и непо-

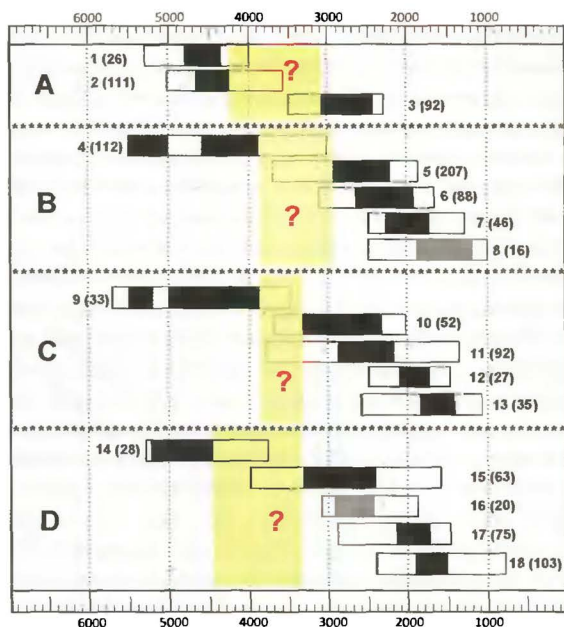

Рис. 11.14. Распределение вероятностных хронологических диапазонов различных общностей и культур на базе систематизированных и статистически обработанных частных баз данных. Распределение сумм вероятностей для каждой из баз отражено на диаграммах следующим образом. Основной прямоугольник, окомтуренный прямыми линиями означает диапазон сумм вероятностей определения возраста конкретной совокупности в две сигмы или же в 95,4 %. Внутри основного прямоугольника всегда располагается один залитый либо черным, либо — редко — серым цветом прямоугольник, означающий диапазон сумм вероятностей абсолютного возраста в одну сигму или же в 68,2 %. В двух случаях (4 и 9) внутри основного большого прямоугольника в две сигмы видны две залитые черным малые фигуры. Это свидетельствует уже о наличии аномалий в распределении вероятностей и их отклонениях от нормального характера. В данных случаях суммарная вероятность в одну сигму (68,2 %) распадается на две составляющих компоненты. В скобках после номера совокупности обозначено число включенных в нее датировок. Желтым цветом обозначены т. н. «пробальные» столетия или же хронологический hiatus.

Условные обозначения: А — северо-восточный, прилегающий к Черному морю ареал Балкан и Нижнего Подунавья; В — бассейн Южного Буга и Днестра; С — бассейн Дона и Донца; D — ареал Волго-Уралья.

1. Караново V-Боян; 2. Караново VI-Гумельница; 3. Караново VII-Эзеро-Юнаците; 4. степные нео-энеолитические культуры крайнего западного фланга Степного Пояса; 5. ямная общность; 6. катакомбная общность; 7. бабинская (пост-катакомбная) культура; 8. срубная общность; 9. степные нео-энеолитические культуры бассейна Дона и Донца; 10. ямная общность; 11. катакомбная общность; 12. абашевская культура; 13. срубная общность; 14. хвалынская энеолитическая культура; 15. ямная общность; 16. полтавкинская культура; 17. абашево-синташинская культура; 18. срубная общность

средственно следующей за нею в слоях восточно-балканских теллей культурой Караново VII-Эзеро-Юнаците (рис. 11.14 А) обнаруживается хронологический хиатус, **превышающий тысячу лет!** В полном созвучии с ним и параллельно ему между степными докурганными культурами медного века бассейнов Буга и Днестра и последующими курганными культурами имеет место также поразительно протяженный — почти в тысячу лет! — хронологический хиатус или же «провал» (рис. 11.14 В). Несколько меньший «провал» — «всего» в полтысячи лет — мы видим и для аналогичных блоков докурганных и курганных культур медного и раннебронзового веков в бассейнах Дона и Донца (рис. 11.14 С). И вновь уже с превышением в тысячелетие хиатус проявляет себя в бассейнах Волги и Урала (рис. 11.14 D).

Понять и объяснить длительный временной хиатус между распадающимися докурганными степными культурами медного века и началом эпохи курганных степных общностей весьма сложно. Эта трудно объяснимая лакуна укладывается в границы между порубежными веками V/IV и IV/III тысячелетий. Отчетливым контрастом «провалам» служит плавно-последовательная смена пост-ямных археологических общностей, локализованных во всех трех основных бассейнах западной зоны Степного Пояса — Днестра и Буга, Донца и Дона, Волги и Урала. Все совокупности системно обработанных и приведенных на рис. 11.14 В, С и D, следуют за ямными без каких-либо «провальных» сюрпризов. Причем это проявляется также и при переходе культур среднебронзового века в век поздней бронзы, когда на месте распавшейся Циркумпонтийской провинции формируется провинция Западноазиатская.

Так как же все-таки объяснить этот впечатляющий разрыв? Представить, что эти громадные степные пространства, а также примыкающие к западному Причерноморью (рис. 11.14 А), едва ли не полностью обезлюдели на целое тысячелетие?.. Вряд ли такое возможно — ведь подобные ситуации, в сущности, никогда не встречались на всей протяженной истории евразийских народов в пост-палеолитическое время...

«Монгольский синдром»?.. Резкая смена у степняков идеологических установок при переселении покойника в иной мир?.. Запрет на помещение усопшего под землю и последовавшая за этим тысячелетняя протяженная традиция?.. Такое, конечно, возможно, но как мы смогли бы доказать это?.. Поэтому предположим пока что завершить рассказ об этих парадоксальных и удивительных сюжетах большими вопросительными знаками.

Ямная и катакомбная общности: где хронологическая грань между ними?

Сопутствующие результатам системной обработки крупных серий радиоуглеродных датировок парадоксы отражаются и на иных аксиомах традиционной археологии. Оказалось, что неожиданные тысячелетие «провалы» могут соседствовать с труднообъяснимыми «наложениями» хронологических диапазонов

соседних культур. Картина получается как бы прямо противоположная, хотя, кажется, и не столь уж неожиданная. Прояснилось это при сопоставлении блоков систематизированных датировок ямной и катакомбной общности: 426 и 318 дат соответственно (см. Приложение 1, рис. Пр.1.4). Проведенные исследования заставляют нас признать, что эти общности сосуществовали на одной и той же территории в течение не менее шестисот или даже семисот лет — то есть с 29/28 по 23 вв. до новой эры. Оба этих результата обнажают резкое противоречие с традиционно устоявшимися в российской археологии взглядами на плавную динамику развития степных культур от Дуная до Урала, а также на последовательность их развития и характер взаимосвязей.

Мы провели более тщательную проверку этого заключения, проведя сопоставления хронологических диапазонов ямной и катакомбной общностей для важнейших ареалов их распространения, сопряженных с основными бассейнами рек западного фланга Степного Пояса Евразии (рис. 11.15). Результат и этого исследования подтвердил основной вывод безусловно.

Кажется, однако, что в сфере намеченных парадоксов существенно легче объяснить длительное сосуществование носителей культур ямной и катакомбной общностей, нежели временной hiatus между докурганными и курганными социумами в этом обширном регионе. Катакомбные племена появляются в степях несколько позднее, нежели кланы ямной общности. Судя по всему, именно по этой причине весьма нередко могильные ямы с катакомбами откапывали в той курганной насыпи, которую изначально сооружали сородичи «ямников». Однако разница в датах появления носителей обеих общностей относительно невелика: то была лишь пара сотен лет с 31 / 30 по 29 столетия новой эры (см. Приложение 1, рис. Пр.1.4: 2, 3).

Различия в идеологических установках при проводах усопшего в «иной мир» у обеих общностей вполне очевидны, при том что рутинный уклад их повседневной жизни вряд ли существенно отличался. В протяженном по времени симбиозе общностей III тыс. до н. э. кроется, пожалуй, еще одна весьма примечательная особенность мира степных пастушеских культур. Мы столкнулись с параллельным толерантным сосуществованием в одном и том же географическом пространстве ряда культур — в данном случае, по меньшей мере, двух — с заметными различиями тех идеологических канонов, что отражались в погребальных обрядах. Подобную веротерпимость далеко не всегда можно было обнаружить в ходе исторического развития у носителей разнообразных культур Евразии. В приведенном примере проявление этой черты кажется вполне очевидным.

Морфологическая парадигма Оскара Монтелиуса: как быть с ней?

В последние десятилетия 19 века известный шведский археолог Оскар Монтелиус (Oscar Montelius, 1843 — 1921) представил в ряде своих публикаций (Mon-

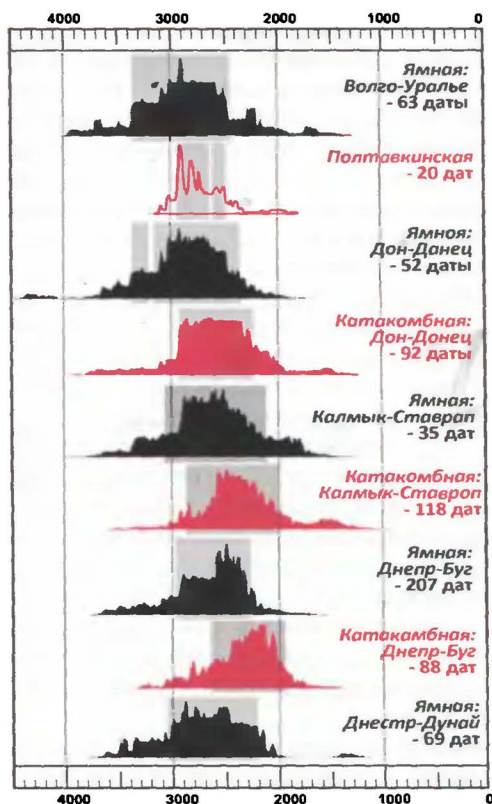

Рис. 11.15. Сопоставление вероятностных хронологических диапазонов ямной (черная заливка диаграмм) и катакомбной (красная заливка) по основным регионам Северного Причерноморья и Волго-Уалья. Полтавкинская культура занимает промежуточное положение в сравниваемых совокупностях

telius 1895; 1900 a.o.) разработанный им метод морфологического анализа различных категорий древних изделий — по преимуществу металлических орудий и оружия. Его методические исследования произвели на коллег впечатление весьма позитивное, что и сказалось на множестве археологических изысканий едва ли не до самого последнего времени.

В упрощенном истолковании морфолого-типологический метод по Монтелиусу (в англо-язычной литературе его часто именуют как *seriation*) может выглядеть следующим образом. Сначала необходимо наметить и сформировать базу дан-

ных для некоторой, впрочем, достаточно многочисленной категории однородных по функции древних и, желательнo, металлических предметов — к примеру, топоров, кинжалов, мечей и т. д. Затем исследователь, ориентируясь на наиболее выразительные формальные признаки изучаемой категории изделий, выстраивает их в некий протяженный типологический ряд, или же линию морфологического развития. Исходными в подобном ряду должны стать простейшие по облику артефакты. Замыкает же созданный исследователем ряд блок изделий, наиболее сложных по форме и конструктивным особенностям. Тем самым воссозданная ученым линия развития проанализированной категории приобретает как бы хронологический смысл: простейшие по форме предметы должно считать древнейшими, и наоборот, самые совершенные необходимо относить к позднейшим.

Генеральной базой самой парадигмы служила широко распространенная в 19 веке теория биологической эволюционной изменчивости организмов и их постепенного усложнения в потоке времени. Вполне возможно, что на шведского археолога произвели глубокое впечатление фундаментальные работы Чарльза Дарвина типа «Происхождения видов». Так или иначе, но предложенный шведским ученым метод сыграл заметную роль в развитии, по меньшей мере, европейской археологической науки.

У предложенной Монтелиусом парадигмы появилось множество поклонников, и она довольно быстро приобрела для археологии роль чрезвычайной значимости. Опираясь на ее постулаты, ученые многих европейских стран как бы обрели уверенность, что при формировании ими пространных шкал *относительной хронологии* древностей выводы будут зиждиться на надежном фундаменте. Абсолютная же хронология должна была восходить к иным источникам. В частности, сам Монтелиус искал для своих центрально- и североευропейских построений опорные календарные даты в материалах Древнего Египта.

Правда, довольно быстро выяснилось, что парадигма Монтелиуса вовсе не может считаться универсальной, что в ней много слабых позиций. Скажем, можно признать справедливым генеральный тренд в общеисторическом развитии всех технологий «от простого к сложному». Однако в конкретных случаях — а их число кажется весьма изобильным — исходными могли служить не простейшие, но весьма сложные формы творения человеческих рук, но по ходу развития они нередко замещались более простыми. Таков был нередкий путь от иррационального к рациональному. Процесс эволюции оказывался отнюдь не однолинейным, но гораздо более сложным, как бы «рваным» и извилистым. К примеру, даже на материалах евразийской эпохи Прото-металла (см. главу 7) можно было видеть, как почти из небытия, без какой-либо долгой предыстории, следовали взрывы ярчайших форм человеческого творчества и технологий их изготовления. Затем эти постижения гасли, сменялись на иные, нередко более «бесхитростные», но, наверное, более рациональные творения...

Однако мы должны теперь обратиться к тем материалам, которые и спровоцировали данный раздел, ведь абсолютная радиоуглеродная хронология

разрушила традиционные представления о временном соотношении ямной и катакомбной археологических общностей. На обще-евразийском фоне случай, конечно же, частный, но весьма показательный. Последние сто лет у археологов бытует почти неколебимая уверенность в хронологической последовательности обеих общностей. Стратиграфические доказательства подкрепляются отчетливо выраженной усложненностью едва ли не всех форм катакомбного металла в сравнении с «ямными», а также более продвинутой технологией в очагах металлообработки катакомбных культур. В предшествующие десятилетия автор настоящей книги конструировал на базе всех этих данных понятие об **эпохе ранней бронзы** в рамках ЦМП, включавшей металлургию ямной общности. На долю катакомбной металлообработки и всей этой общности в целом в Циркумпонтийской провинции отводился уже следующий по времени **средний бронзовый век** (Chernykh 1992: 54—171). Теперь же выясняется, что соседствующие металлургические и металлообрабатывающие центры могут пользоваться разными технологиями, а продукция более примитивных форм и не столь совершенной технологии может спокойно сосуществовать в течение долгих столетий с более развитыми. В этом заключался еще один болезненный удар по привычной для археологической науки парадигме Оскара Монтелиуса.

Ныне пресс трудно опровергаемых и оспариваемых фактов требует от автора отказа от прежних заключений, и он готов на это. Картина исторического развития древних культур Евразии приобретает новые повороты и новую окраску. Она становится в чем-то намного более интересной и загадочной и, во всяком случае, не вполне традиционной.

Глава 12

БОЛЬШОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЫВОК И ВЕЛИКАЯ СТАГНАЦИЯ

Поздний бронзовый век

Рторое тысячелетие до н. э., без всякого сомнения, предстало в роли ключевого периода в поступательном развитии огромного большинства евразийских культур. Тогда же наступил поздний бронзовый век, а вместе с ним и истинный апогей — четвертый, во многом важнейший и заключительный, период Эпохи Раннего Металла. Именно в то время определились не только состав и характер блоков важнейших социальных общностей на всем гигантском пространстве континента, но также динамика контуров всех систем Евразии. В значительной степени результат протекавших тогда событий предопределил абрис этнокультурного и в определенном отношении даже социально-политического полотна, сохранившего многие из своих основных черт вплоть до Нового времени.

Обратимся к краткому перечню ряда наиболее значимых и кардинальных событий этого тысячелетия, определивших лицо позднебронзового века — истинного апогея Эпохи Раннего Металла:

- а) распад Циркумпонтийской металлургической провинции;
- б) металлургический «взрыв» или же стремительное четырехкратное увеличение территорий, охваченных металлоносными культурами Евразии, а также Северной Африки («Большой скачок»);
- в) металлургическая революция в Восточной Азии;
- г) формирование в Евразии протяженной цепи новых металлургических провинций;
- д) трехтысячелетняя пространственная стагнация («Великая стагнация») и связанное с ней начало формирования так называемого Евразийского ядра высокотехнологичных культур.

События эти в той или иной мере коснулись подавляющего большинства культур Евразийского континента, а также некоторых — в основном присредиземноморских — областей Северной Африки. Необходимо хотя бы очень кратко охарактеризовать весь перечень упомянутых явлений: ведь все эти взлеты и падения прямо отразились и на культурах Степного Пояса. Конечно, подобные события, сказавшиеся и на социальных объединениях кочевников, кажутся нам весьма важными и значимыми; однако на фоне глобальных общеевразийских

феноменов их более частный характер также достаточно очевиден. Поэтому понимание последних будет затруднено, если анализ степных коллизий будет оторван от контекста более широкого звучания. По этой причине подробную речь о культурах Степного Пояса мы поведем в последующих главах.

Джинн, вырвавшийся из плавильного горна

К концу III тысячелетия некогда прочная система Циркумпонтийской металлургической провинции приобретала черты все более призрачные; сама система шаг за шагом как бы погружалась в прошлое. В течение примерно двух тысяч лет этот невероятно сложный по своей структуре и огромный культурно-технологический массив служил безусловным центром и одновременно символом западной модели древней металлургии. Гигантская цепь тесно взаимосвязанных металлургических и металлообрабатывающих центров распадалась, а ее отдельные звенья начали обособляться друг от друга. Агонизирующая ЦМП породила клоны не менее четырех новых аналогичных систем. При этом нетрудно было заметить, что эти вновь возникающие системы уже достаточно определенно и порой весьма выразительно отличались друг от друга. Старт всех этих событий восходил по преимуществу к столетиям рубежа III и II или же к началу II тыс. до н. э.

Размах территориального скачка, который свершили во втором тысячелетии металлоносные культуры Евразии, поразителен. Примерно за пятьсот — максимум семьсот — лет пространства, оккупированные металлоносными культурами, возросли четырехкратно: с 10—11 в III тысячелетии вплоть до 40—43 млн кв. км во II тыс. до н. э. (рис. 12.1). Надолго задержалось в т. н. неолитическом («безметаллическом») состоянии лишь население Северной и Северо-Восточной Евразии. Правда, занимаемая этими культурами площадь оказалась не так уж мала: примерно в 10—13 млн кв. км.

Параллельно этому и другая часть Старого Света — Африка — оказалась в своей подавляющей части за гранью металлических цивилизаций. Исключение составляла долина Нила, а также примыкающие к Красному и Средиземному морям полоски земель (рис. 12.1). Стало быть, южнее этой узкой полосы пустынные и каменистые взгорья Сахары, джунгли и саванна — а это едва ли не 30 млн кв. км — оставались под своеобразным покрывалом культур эпохи камня. Следовательно, в Старом Свете металлоносные культуры, с одной стороны, и культуры каменного века, с другой, занимали приблизительно равную площадь — примерно от 40 до 43 млн кв. км, хотя и в совершенно различных геоэкологических зонах.

Второе тысячелетие преподнесло нам еще один новый и весьма выразительный сюрприз в поддержку теории взрывов и скачков в культурно-технологическом развитии. В немалой степени этот рывок был спровоцирован, а возможно, даже инициирован распадом Циркумпонтийской провинции. Во всяком случае, это утверждение кажется справедливым для множества культур западной половины Евразийского материка.

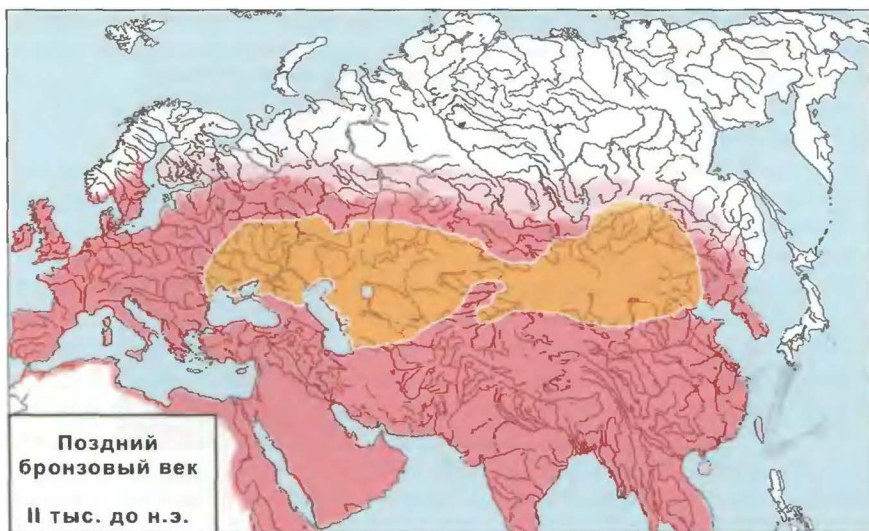

Рис. 12.1. Поздний бронзовый век, II тысячелетие до новой эры. Генеральный ареал металлonoсных культур в Евразии и Северной Африке. В этих территориальных рамках примерно в течение трех последующих тысячелетий возникали и распадались важнейшие культуры и сообщества Старого Света. Коричневая заливка обозначает ареал Степного Пояса

Однако — что также совершенно очевидно — чрезвычайное значение в этом глобальном процессе сыграла металлургическая революция в Восточной Азии. Ведь еще в III тыс. до н. э. едва ли не весь восток Азиатского континента был занят либо чисто неолитическими, совершенно не ведавшими металла культурами, либо встречавшиеся в восточноазиатских памятниках медные вещицы представляли изрядную редкость. Ситуация с невыразительными и мелкими медными поделками в ярких неолитических общностях речных бассейнов Хуанхэ и Янцзы оказалась в чем-то сходной с эпохой Прото-металла в Анатолии и Северной Месопотамии. Ведь там в слоях поселений IX—VI тысячелетий с феноменально развитой каменной и глиняной архитектурой также обнаруживали медные мало-впечатляющие по своему облику вещицы (см. главу 7). Но во втором тысячелетии как бы неожиданный и весьма фантастичный рывок решительно выводит восточноазиатскую металлургию на передний план. Тогда на восточном фланге Азиатского континента сформировались три взаимосвязанные металлургические провинции, но об этом речь пойдет ниже.

Эпоха Великой стагнации: что это?

С самого начала ограничим само понятие стагнации, чему будет посвящен настоящий раздел. В данном случае имеется в виду стагнация территориаль-

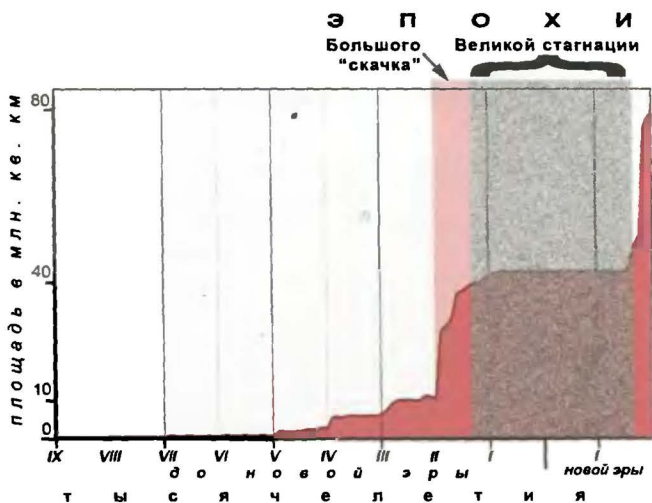

Рис. 12.2. Динамика расширения ареала металлоносных культур в Старом Свете. Особое внимание на графике привлекают территориальные и хронологические диапазоны эпох Большого «скачка» и Великой стагнации

ная, пространственная (рис. 12.2), но не технологическая — и это примечание кажется чрезвычайно важным. Напомню, что за теми территориальными рывками, взрывами или скачками, о которых мы много говорили в нашей книге, почти всегда следовала стагнация пространственная или же более или менее отчетливо выраженное торможение процессов территориального распространения относительно развитых в технологическом отношении культур.

Далее. Если мы такого рода скачок аттестуем, к примеру, в качестве некоего позитива, то стагнацию, естественно, следовало бы оценивать как негатив рывка. Но при этом представляется, что стагнация является совершенно неотъемлемой фазой любого стремительного развития. Быстрое освоение социальными группами новых пространств, тем более сопряженных с какими-то неведомыми для носителей культуры технологическими вершинами, требует от каждой из культур времени для их освоения. Именно эта необходимость и влечет за собой вполне понятное и закономерное торможение. Однако характер той стагнации, о которой мы поведем речь, никак не желает вписываться в рамки тех относительно кратких периодов торможения, что нам пришлось наблюдать на примерах более ранних периодов.

Вспомним три предшествующих стадии территориального распространения металлоносных культур. Каждый пространственный или же технологический рывок, — будь-то период медного века в V тыс. до н. э., или же последующие «всплески», связанные с культурами ранней и средней бронзы, — завершал-

сы относительно кратковременной стагнацией, вряд ли превышавшей две-три сотни лет. Здесь же стагнация растянулась на целых три тысячелетия. Согласитесь, что объяснить данный факт в рамках только что изложенной теории весьма трудно!

Более того: именно в тех территориальных рамках, в которых оказались заключенными блоки высокотехнологичных культур (рис. 12.1 и 12.2), в течение последующих трех тысячелетий имели место подлинные и воистину судьбоносные события. Последние были связаны с технологическими инновациями — и прежде всего, с открытием металлургии железа, или же, например, с производством пороха и изобретением огнестрельного оружия... Сферу информатики подняла на новую ступень алфавитная система письменности... С той же эпохой оказались сопряженными и основные достижения в духовной сфере и в попытках объяснения окружающего их мира: ведь зарождение, развитие и распространение всех мировых религий явилось продуктом деятельности культур эпохи Великой стагнации.

Равно как и *все* мировые социально-политические системы вызревали, развивались и завершали свой путь в эту поразительно странную эпоху. Вот, например, I тыс. до н. э. — знаменитое противостояние греческих полисов или городов-государств с империей персов. Легендарные походы Александра Македонского в IV в. до н. э. сокрушали государства «Ближнего Востока». Римскую республику сменила Римская империя — и она столь же упорно стремилась вслед за победоносным Александром покорить Восток, но своего соседа Парфию так и не смогла одолеть. На смену Римской империи пришла Византия, а раннехристианским государствам пришлось вскоре выдерживать бурю и натиск ислама. На самом далеком Востоке Евразии зарождались и распадались многочисленные древнекитайские государства. Наконец, покорившие большую половину Евразии Чингисхан и его потомки-чингизиды: их империя — при всей своей трудно вообразимой всеохватности — также полностью укладывалась в это удивительное время и пространство Великой стагнации.

Все эти феномены — для нас хрестоматийно и очень хорошо известные — зарождаются, развиваются, бесконечно бьются между собой, распадаются, гибнут. Однако при этом такого рода события — великого или же не вполне заметного ранга — почти никогда не выходили или же очень редко вырывались за пространственные рамки того ареала, что как для них, так и для Нового Времени оказался очерченным культурами позднего бронзового века во II тыс. до н. э.

Ядро евразийских культур

В этом тысячелетии становится возможным наметить грани нового гигантского феномена, связанного с возникновением обширного Ядра технологически высокоразвитых евразийских культур. Основа этого технологического превосходства опиралась, конечно же, на металл, на знание металлургии. Мысль эта никак

не нова. Вот, скажем, американский этнолог Генри Льюис Морган, труды которого буквально потрясли Фридриха Энгельса — одного из апостолов марксистского исторического материализма и знаменитой «пятичленки» исторического развития человечества. Морган писал еще в 1877 году: «Изобретение металлургии должно быть признано самым великим событием в истории человеческого опыта, подготовляющим цивилизацию».

Однако его намного опережали и другие мыслители. Так, примерно за 2600—2700 лет до Моргана один из великих поэтов древней Греции Гесиод в удивительно яркой форме рассказывал о созданном всемогущим Кронидом «третьем поколении людей»:

*Медное <...>, ни в чем с поколеньем несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Ароя, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался, великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомощих.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали. Никто о железе не ведал.*

Любопытно: когда Гесиод говорит, что эти могучие и страшные медные люди «хлеба не ели», не возникает ли здесь сама собой напрашивающаяся ассоциация с воинственными номадами? Пусть даже эта ассоциация кажется не вполне отчетливой и ясной, но ведь именно степные воины никогда не ели хлеба и почти всегда служили источником ужаса для оседлых народов. Предполагаемые «медные кочевники» устрашали, но при этом в их могуществе оказалась заложенной невидимая глазу таинственная и губительная бактерия, приведшая их к трагичной кончине:

*Сила ужасная рук принесла им погибель.
В затхлую область они ледящего душу Аида
Все низошли безымянно; и как не страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.*

Ареал самого «ядра» евразийских культур выглядит как бы застывшим или же почти недвижимым. Создается впечатление, что высокотехнологичным сообществам никак не удавалось прорвать невидимые, но вместе с тем на удивление прочные границы каким-то странным и малопонятным образом сформировавшегося ареала. Причем это касалось не только обширнейшего севера Евразии, но также и пространств Африки, лежавших к югу от Сахары. Народы южных областей африканского континента будут самостоятельно пытаться осваивать эти непривычные для них технологии, однако у племен саванн и джунглей подобные про-

цессы приобрели странный, пестро-калейдоскопичный облик, весьма отличный от того, что мы могли наблюдать в пределах евразийского Ядра.

Стремительный и решительный прорыв казавшихся едва ли не вечными и незыблемыми границ свершился лишь около 1500 года, но уже нашей эры, когда занялась заря Великих Географических открытий, а если выражаться более определенно — Эпоха Великой Европейской колонизации нашей Планеты. Произошло это, как мы хорошо знаем, на крайнем западе Евразии, а точнее — даже на самом западе Европейского субконтинента, в королевствах Испании и Португалии, а затем уже в Англии и Голландии. На востоке это случилось несколько позднее. В конце XVI века русские казаки сумели перевалить Уральские горы и устремились на восток по холодным, лесным и болотистым пространствам Сибири. Сначала их вел за собой казак Ермак Тимофеевич, ставший позднее легендарной фигурой для российского менталитета. Но затем, всего лишь через 60 с небольшим лет, казакам Семену Дежнёву и Михаилу Стадухину удалось достичь Чукотки — крайнего восточного мыса Евразийского континента...

...Вспомним, однако, что приблизительно за 17—15 тысяч лет до отважных русских землепроходцев люди древнекаменного века — той культуры, чьи технологии и оружие не могли идти ни в какое сравнение со временем русского сибирского казачества — сумели первыми пересечь ледяную Берингию, ступить на Аляску и начать заселение и освоение великого Американского материка.

Глава 13

ВТОРОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ: КАРДИНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Новые системы на руинах Циркумпонтийской провинции

Р IV и III тыс. до н. э. в Евразии доминировала по существу единственная — и уже по данной причине — центральная система взаимосвязанных горно-металлургических и металлургических центров: то была Циркумпонтийская металлургическая провинция, и мы достаточно подробно о ней рассказывали. Во II тыс. до н. э. ситуация резко меняется, и число подобного рода сложных и разветвленных систем достигло на нашем континенте, по меньшей мере, восьми. Причем каждая из возникших провинций в тот период оказалась четко сопряженной с обеими — западной и восточной — частями Евразийского материка.

К западной половине относились пять провинций, представлявших собой поздние «клоны» распавшейся ЦМП. Речь идет об Европейской, Кавказской, Ирано-Анатолийской, Восточносредиземноморской (Эгейской) металлургических провинциях и, наконец, наиболее важной для нашей темы провинции Западно-азиатской (ЗАМП), которая в ранних работах автора именовалась Евразийской. Наследие ЦМП в большей или меньшей степени проявлялось в целом ряде наиболее характерных форм металлургического производства большинства этих объединений.

На пространствах восточной половины Евразии можно различить три уже совершенно независимо возникших новообразования: Восточноазиатскую степную (ВСМП), Древнекитайскую (или Шан-Чжоу) и, наконец, Индокитайскую металлургические провинции (рис. 13.1). О каких либо признаках циркумпонтийского наследия или же импульса для этих трех систем говорить не приходится.

Для темы нашей книги самым существенным явилось то, что вся огромная по своей широтной протяженности территория Степного Пояса оказалась к этому времени под властью металлоносных культур скотоводческой модели. И при этом опять же мы обязательно должны упомянуть о весьма четкой зависимости географических контуров металлургических провинций от геоэкологических ареалов и зон. Так, система производящих очагов и культур Западноазиатской металлургической провинции полностью накрывала западную половину Степного Пояса. А ее соседка — Восточноазиатская степная провинция — охватывала

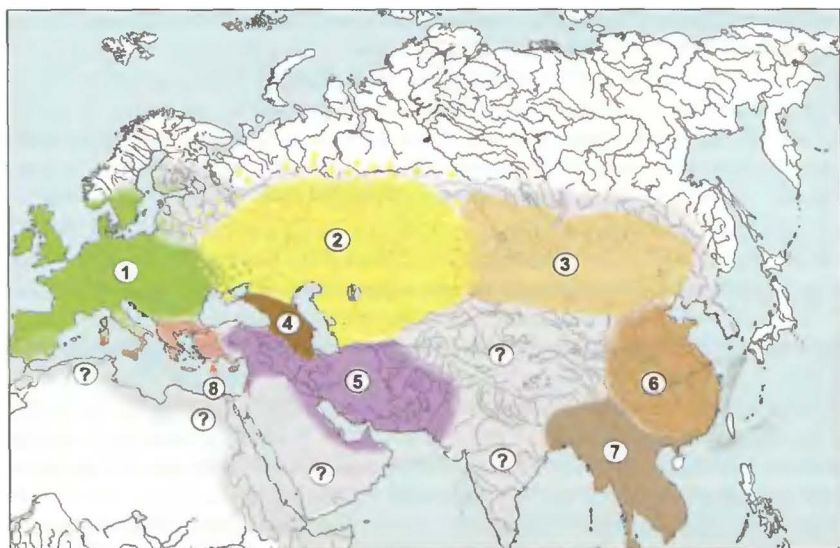

Рис. 13.1. Металлургические провинции II тыс. до н. э. 1 — Европейская, 2 — Западноазиатская, 3 — Восточноазиатская степная, 4 — Кавказская, 5 — Ирано-Анатолийская, 6 — Древнекитайская, 7 — Индокитайская, 8 — Восточно-Средиземноморская (Эгейская). Знаками вопроса помечены территории с неопределенным отношением металлической продукции региона к той или иной провинции.

главным образом пространства иной половины пояса, к востоку от знаменитого Джунгарского водораздела обеих частей евразийского материка (рис. 13.1).

Западноазиатская (Евразийская) металлургическая провинция: перемены в характере культур

Из всех перечисленных выше провинций западного блока именно на Западноазиатской системе горно-металлургических центров ярче и полнее всего отразилось наследие провинции Циркумпонтийской. Правда, циркумпонтийский «отблеск» коснулся в первую очередь, лишь металлопроизводства, но не иных сторон жизни степных скотоводов. В остальном, пожалуй, можно было замечать явные следы расхождений с циркумпонтийской основой.

Максимальный пространственный охват ЗАМП в период стабилизации ее центров достигал порядка до 6—7 млн кв. км (расплывчатые северные грани провинции не позволяют говорить о более точных значениях ее площади). Занимая всю западную половину Степного Пояса, продукция ее очагов широко распространялась также по обширной площади лесных культур, примыкавших к степному домену с севера. Именно в этом направлении и наблюдался главный территориальный прирост провинции.

Распространение основных моделей металлургии ЗАМП по северным лесным ареалам оказалось во многом обусловлено тем, что со второго тысячелетия принципиально изменилась ориентация генерального направления культурно-технологических связей для всего блока производственных очагов степных культур. Вспомним, что в предшествующее время, то есть в период господства ЦМП, скотоводческие культуры (к примеру, майкопская, да и более поздние) самым тесным — пусть весьма сложным и противоречивым — образом были связаны именно с южными соседями. По крайней мере, именно с юга они получали тогда основную долю металла, а Кавказ служил реальным «мостом» между культурами северного и южного доменов — скотоводческим и оседло-земледельческим.

Со второго тысячелетия блоки этих культур предстают уже изолированными друг от друга, а разделительная грань между прежними, тесно взаимосвязанными ареалами проступает весьма отчетливо. С распадом ЦМП некогда живительный кавказский «мост» оказывается перекрытым, а Кавказ скорее превращается в неодолимый барьер между Севером и Югом. Основные культурно-технологические импульсы из степных производственных очагов отныне оказываются устремленными уже на север, в таежно-лесную зону Евразии.

Другой кардинальной и сопряженной с формированием ЗАМП переменной стала фактическая утрата степными культурами статуса кочевых. С самого начала II тыс. до н. э. гораздо более точным для обозначения характера скотоводческих культур этих народов будет, пожалуй, служить термин *полукочевые* или *полуоседлые*. Отражением служат оставленные скотоводами следы многих тысяч поселков. Руины этих становищ весьма отличны от мощных и, чаще всего, огромных стационарных селищ оседлых земледельцев. В сравнении с ними у скотоводческих культур так называемые «культурные» слои поселений невыразительны: они редко превышают 30—40 см, а насыщенность «культурных» напластований бытовыми остатками и, прежде всего, наиболее представительными из них — обломками глиняной посуды — кажется незначительной. Поселки пастухов малы, и их площадь очень редко превышает 1—2 гектара. На фоне земледельческих глинобитных домов (вспомним хотя бы трипольские, или же каменные сооружения столь отдаленной по времени эпохи Прото-металла) убогими кажутся здесь и останки обиталищ скотоводов. Археологическая реконструкция большей части жилищ в поселках говорит об их незначительных размерах. Зачастую скотоводы обитали в простых полуземлянках, либо же пол их наземных жилищ был слегка углублен в почву. Стены подобных сооружений по большей части толщиной не отличались и зачастую напоминали плетень.

Все эти признаки, как правило, сопутствуют становищам сезонного характера, и примеры таковых нетрудно сыскать в среде народов, хорошо изученных современной этнографией. Основная жизнь в подобного рода поселках протекала, конечно же, в зимние периоды, когда скот не мог свободно передвигаться по заснеженным просторам степи, и пастухи оказывались привязанными к определенному месту. Летом же, наоборот, селища пустели, на них чаще всего

оставались лишь старики с малыми детьми. Все остальное активное пастушеское население передвигалось со своими стадами по степным или же лесостепным просторам в поисках лучших пастбищ. К зиме люди могли возвращаться либо к своим прежним становищам, либо устраивать свои нехитрые жилища на новых местах. Сколько-нибудь заметных следов занятия земледелием в слоях этих поселков обнаружить не удалось. Домашние животные — крупный и мелкий рогатый скот — по-прежнему оставались безусловной базой жизнеобеспечения пастушеских родов.

«Демократический» облик степных культур

Чрезвычайно сильные перемены отразились на той стороне жизни скотоводов, которой они по давней традиции придавали исключительное значение, то есть на погребальном обряде. Теперь эти культуры очень трудно относить к категориям курганных, столь характерных для сообществ кочевников двух предшествующих тысячелетий. Курганы еще сохраняются, особенно на ранней фазе становления ЗАМП, однако даже тогда их погребальные холмы утрачивают свой величественный облик. Надмогильные насыпи невелики, и их трудно ставить в один ряд с теми, что являли собой своеобразное лицо феномена собственно «курганных» культур в более ранних сообществах. На поздних фазах провинции признаки курганов исчезают едва ли не совершенно, а их кладбища приобретают тот характер, который археологи определяют термином «грунтовые могильники»: на подобных некрополях перекрывающие захоронения искусственные насыпи отсутствуют совершенно.

Результатом перемен явилось то, что культуры утратили тот — выразимся так — свой «героический облик», который создавали для степных общностей грандиозные курганные памятники. Ведь по мысли соорудивших их соплеменников, сами насыпи — эти степные «пирамиды», — равно как и то поразительное богатство при останках погребенного вождя, служили надежной «визитной карточкой» при переселении знатной персоны в иной мир. Археологи, а вслед за ними и все интересующиеся прошлым наши современники, весьма серьезно воспринимают такие «свидетельства», и это обеспечивает последним, например, беспрепятственное турне по музейным выставкам различных стран.

Совершенно иная картина предстает перед нами при созерцании степных культур второго тысячелетия до новой эры. Здесь нас ожидает унылое однообразие археологических памятников, рассеянных по всем неохватным просторам Евразийской металлургической провинции. Сотни и тысячи похожих друг на друга небольших поселков с материалом, резко проигрывавшим по своей выразительности южным соседям. Бесконечное число раскопанных трудно различимых между собой захоронений, сопровождавшихся однообразным и весьма скудным по количеству и качеству инвентарем. Здесь практически отсутствуют признаки иерархического членения тогдашнего общества. На кладбищах никак не обозна-

чены могилы вождей или героев, а захоронения низших по социальному статусу можно угадывать среди лишенных инвентаря погребений.

Вообще степные культуры претерпевают тогда крайне удивительную метаморфозу. С потерей своего «героического облика» их некогда выразительные черты как бы стираются, унифицируются, приобретают скучномонотонный характер. К ним уже не испытывают интереса суетливые топ-менеджеры выставок древностей, ведь привлечь внимание широкой публики здесь нечем.

И если бы археология была ориентирована лишь на шоу-бизнес, то, наверняка, мы могли бы спокойно пройти мимо этого злополучного для степняков периода их внешней «демократизации» и перейти к тем эпохам, что сулят нам новые сокровища. Однако это не так и даже совсем не так. Самым важным в выявленном здесь феномене второго тысячелетия является, пожалуй, желание обнажить и вникнуть в глубинные причины этой парадоксальной метаморфозы культуры степных народов. Для археологов, историков и обществоведов несравненно важнее уяснить смысл этого парадокса, нежели впадать в бесконечный восторг перед извлеченными из могил знати творениями древних мастеров. И хотя этот путь быстрого и несомненного успеха не сулит, мы постараемся проследить более детально как линию, так и динамику сложения этих культур, втянутых в рамки гигантской системы ЗАМП.

Западноазиатская провинция: у истоков формирования

Ранний период или же стадия формирования обширнейшей системы ЗАМП, согласно радиоуглеродной хронологии, должен датироваться в пределах приблизительно пятисот лет: от 22/21 до 19/18 веков до н. э. (см. Приложение 1, рис. Пр1.5: 1—3). В этот отрезок времени из бассейнов Дона и Средней Волги начали свое быстрое продвижение на восток, за Урал, скотоводы северной, лесостепной, полосы Степного Пояса, потомки недавно господствовавших здесь культур в рамках северо-восточной зоны Циркумпонтийской провинции. Археологи именуют эту культуру *абашевской*, согласно могильнику близ села Абашево в Чувашии — этому первому раскопанному более 80 лет назад некрополю. Ее носители довольно быстро преодолели невысокие хребты Южного Урала, и зауральский клон слегка видоизмененной по ходу продвижения абашевской культуры получил наименование *синташтинской*. *Абашево-синташтинские* скотоводы продолжили свой скорый путь на восток, и уже последний, самый восточный вариант этой общности стали называть *петровским* (опять-таки по названию одного из селищ). Общая площадь данного блока родственных культур, осуществивших продвижения с запада на восток достигала примерно 1—1,2 млн кв. км и была вытянута довольно узкой лентой по северной полосе Степного Пояса (рис. 13. 2).

Те черты степных культур второго тысячелетия, о которых мы говорили в предшествующем разделе, оказались присущими также и абашево-синташтинской

Рис. 13.2. Ареал абашево-синташтинской археологической общности был вытянут в широтном направлении почти на три тысячи километров

общности, причем в достаточно полной мере. При этом были не лишены интереса также некоторые отклонения. Например, в бассейне Среднего Поволжья в начале 60-х годов археологи раскопали один из курганов (сам курган получил название Пепкинский), под которым в одной длинной и узкой яме находились останки 28 молодых мужчин. Надмогильная курганная насыпь в сравнении с гигантскими сооружениями предшествующих эпох ничего примечательного собой не представляла. Однако одновременное погребение весьма значительного по численности отряда явно убитых молодых людей встретилось впервые. Среди них находился и кузнец-литейщик, профессию которого определили по лежавшей рядом глиняной форме для отливки боевого медного топора.

Другими заметными памятниками, наложившими свой яркий отпечаток на облик абашево-синташтинских культур, явились расположенные в Южном Зауралье рядом друг с другом Синташтинские могильник и поселение (по ним, кстати, и стали именовать зауральский вариант древностей данной общности). Расположение примерно двух десятков жилых построек на упомянутом селище напоминало правильный полукруг. Прижатый к берегу небольшой степной речушки поселок с одной стороны окружал невысокий земляной вал. Примечательной по своим формам и элементом декора оказалась также керамическая посуда абашево-синташтинской общности (рис.13.3).

Пожалуй, намного более интересным выглядел обнаруженный неподалеку одноименный могильник. Кладбище привлекло пристальное внимание археологов прежде всего тем, что в могильных сооружениях человеческие останки сопровождалось захоронениями лошадей с элементами конской узда. Здесь увидели также детали повозок или же боевых колесниц (следы их колес — правда, не вполне ясные — были замечены в некоторых могильных ямах). Пожалуй,

Рис. 13.3. Образцы глиняной посуды в комплексах абашево-синташтинской археологической общности

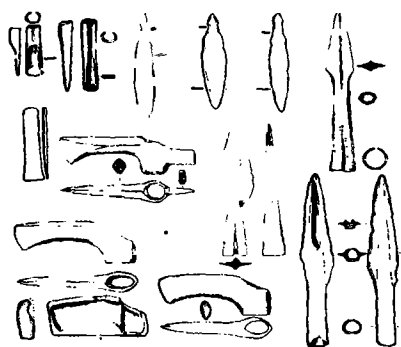

Рис. 13.4. Медные и бронзовые орудия и оружие, глиняная литейная форма из погребений и поселений абашево-синташтинской общности. Формы изделий четко выдают их исходные корни в очагах Циркумпонтийской металлургической провинции

в относительно богатых материалах Синташтинского некрополя удалось обнаружить явные свидетельства развитого коневодства в сочетании со знанием у этих племен колесного транспорта.

Металл абашево-синташтинской общности несет на себе отчетливые признаки дальнейшего развития стандартов ЦМП. В этой коллекции много топоров и ножей, формы которых явно указывают на свои циркумпонтийские прототипы (рис. 13.4). Горняки и металлурги западного варианта всей общности ориентировались на рудные богатства Приуралья с их медистыми песчаниками. После пересечения южноуральских хребтов, уже на восточных склонах Урала, им удалось открыть иные богатые рудные источники. То были знаменитые ныне месторождения — медно-мышьяковое Таш-Казган и медно-серебряное Никольское, располагавшиеся буквально в километре друг от друга (рис. 13.5 и 13.6). Благодаря своеобразию химического состава ташказганской и никольской меди, ее удалось довольно надежно отличать от металла иных рудных источников. По существу, эта медь приобрела роль знаковой для всего этого блока культур, а ее доля среди всей коллекции металлических орудий и украшений оказалась весьма значительной. Любопытно также, что при существенном росте числа абашево-синташтинских поселений, металл из некрополей резко доминировал.

Следует, конечно же, упомянуть здесь еще об одном чрезвычайно важном событии, сопровождавшем процесс формирования Евразийской провинции и придававшим ему весьма специфическую окраску. На всем широтном протяжении ареала абашево-синташтинской общности, протянувшемся почти на три тысячи километров, ее носителям при продвижении на восток пришлось постоянно сталкиваться, видимо, с агрессивными и весьма мобильными группами, устремленными уже в противоположном направлении — с востока на запад.

Рис. 13.5. Медно-мышьяковое месторождение Таш-Казган в Южном Зауралье. Следы древней выработки. Химические характеристики абашево-синташтинской меди указывают на этот рудник как на источник этого металла

Рис. 13.6. Никольское медно-серебряное месторождение. Расположено примерно в одном километре от Таш-Казгана. На поверхности холма отчетливо видны ямы: это провалы над древними горными выработками. Судя по химическим характеристикам абашево-синташтинской меди рудник также служил источником металла для этой культуры

В этом заключалась особая и необычайно яркая страница истории взаимоотношений различных скотоводческих общностей Евразии. Однако мы поведем об этом рассказ позднее, когда приступим к знакомству с восточными культурно-технологическими системами Степного Пояса.

Западноазиатская провинция: фаза стабилизации

Фазу стабилизации ЗАМП резонно связывать с началом формирования на пространствах западной половины Степного Пояса двух громадных археологических общностей (рис. 13.7). На территориях от северного Причерноморья вплоть до Южного Урала были рассеяны могильники и поселения так называемой *срубной археологической общности*. Ареал блока культур «срубного» типа равнялся не менее 1,5—1,8 млн кв. км. К востоку от Урала до Алтая и от лесостепи Западной Сибири вплоть до пустынных предгорий Копетдага было сосредоточено множество бытовых и погребальных памятников ряда родственных культур, составлявших блок гигантской *андроновской археологической общности*. Ее пространственный охват был не менее 2,5—3 млн кв. км, и в ней чаще всего различают две составные части или культуры. По преимуществу тяготеет к западным регионам культура *алакульская*, а к ареалам восточным — культура *федоровская*, хотя сколько-нибудь четко разграничительных территориальных рубежей проследить

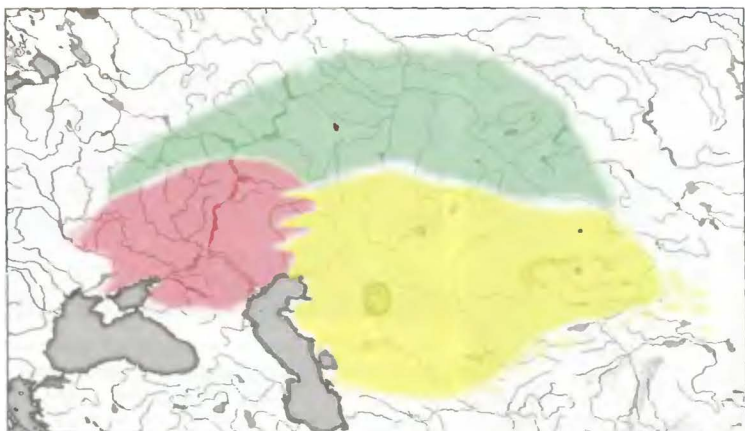

Рис. 13.7. Период стабилизации Евразийской металлургической провинции. Красноватым цветом обозначен ареал памятников срубной археологической общности; желтым — общности андроновской. Зеленым цветом определена зона примыкающих к ним с севера лесных — «срубноидных» и «андроноидных» культур, очень близких по своему облику степным и, видимо, во многом зависимых от последних

между ними вряд ли возможно. Многочисленные серии радиоуглеродных датировок (см. Приложение 1, рис. Пр1.5: 4—6) указывают, что начало периода стабилизации приходится по преимуществу на 19—18 века до н. э.

Облик всех этих культур и общностей западной половины Степного Пояса оказался достаточно сходным между собой. По этой причине нередко археологи предпочитают даже говорить о великой *срубно-андроновской общности*, охватившей необозримые — до 4 и даже 4,5 млн кв. км — пространства от Причерноморья до Алтая (а это около четырех тысяч километров в широтном простирании) и от южной кромки таежно-лесной полосы вплоть до предгорий Кавказа и равнин пустынь Каракумов и Кызылкумов (в долготном простирании до тысячи километров на западе и до полутора тысяч на востоке). Также далеко не всегда удается вполне надежно отличать друг от друга памятники более ранней абашево-синташтинской и срубно-андроновской общностей: по ряду важнейших деталей они весьма сходны друг с другом. Очень близкими с предшествующими представляются как формы керамической посуды (рис. 13.8), так и восходящие к своей циркумпонтийской первооснове металлические изделия (рис. 13.9). При этом ясно, что связанная с зарождением срубно-андроновских древностей вторая волна распространения западных культур поглотила или же перекрыла более раннюю — абашево-синташтинскую (ср. рис. 13.2 и 13.7).

Как территориальные, так и хронологические грани между культурами всех перечисленных блоков в большинстве случаев размыты и туманны. Причины этого восходят, по всей вероятности, к бесконечно подвижному характеру степ-

ных скотоводов, к постоянному культурному и одновременно активному — уже чисто биологическому — смешению и «скрещиванию» различных родственных этносов. На это накладывалась примечательная толерантность у степных этнокультурных групп в отношении внешних проявлений исходной культуры у родственных им социумов. И в этих случаях мы сталкиваемся с отчетливым проявлением *синдрома культурной непрерывности*, о котором мы столь часто говорили в ряде предшествующих глав. В такой ситуации легче и корректнее очерчивать и намечать тенденцию развития социумов, но не пытаться устанавливать жесткие территориально-хронологические границы между культурами и их вариантами.

Тогда же по южной полосе таежно-лесной зоны Евразии возникает целая цепь новых культурных клонов срубно-андроновского степного мира. Блоки этих лесных культур археологи весьма нередко объединяют, присваивая им не слишком звучные и выразительные наименования «срубоидных» или же «андроноидных»; тем самым как бы подчеркивается их родство со «старшими степными родственниками». И в этом случае почти всегда на фоне синдрома культурной непрерывности археологи различных направлений довольно безуспешно сражаются между собой в попытках определения четких границ между степной основой и их лесными клонами (рис. 13.7).

Равно как и в ситуации с границами, столь же трудным кажется определение механизма возникновения чрезвычайно ярко выраженного культурного сходства (а порой даже единства) на широчайших пространствах западной половины Степного Пояса — от Северного Причерноморья вплоть до Алтая. Ведь в предшествующее тысячелетие равнинные области к востоку от Урала были заселены племенами с неолитической экономикой. Правда, очевидное исключение составляли скотоводы Алтая: там были распространены погребальные сооружения, керамика из которых указывала на далекие западные связи с племенами ямной археологической общности (см. главу 11). Во втором же тысячелетии мы наблюдаем разительный скачок: местные народы стремительно постигают технологию весьма развитой металлургии. Одновременно с этим происходит значительная унификация основных признаков их культур. Вместе с тем представляется достаточно очевидным, что изначальный или же исходный импульс для формирования нового типа культур к востоку от Урала мог последовать лишь с запада, из среды угасающих общностей северного блока Циркумпонтийской провинции, чье существование завершилось в канун III тыс. до н. э.

Каков же был конкретный механизм предполагаемого импульса? Обычно в этом процессе предполагают решающую роль мигрантов — носителей кардинальных инноваций. Однако вряд ли все протекало столь однозначно. Миграции могли сочетаться с принятием технологических и идеологических инноваций, по крайней мере, частью коренного неолитического населения этой части Степного Пояса. Ведь уже задолго до этого, еще в начале III тыс. до н. э., редкие медные топоры западных форм, по всей видимости, отливали в предгорьях Алтая (см. главу 11, рис. 11.9). Кажется, что западные воздействия во втором тысячелетии

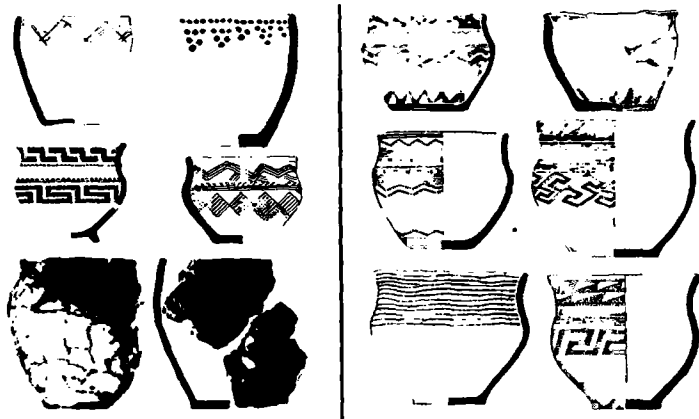

Рис. 13.8. Образцы глиняной посуды срубно-андроновской археологической общности. Морфология сосудов западной и восточной ареалов этой огромной общности кажется очень сходной. Слева — культуры срубных культур, справа — культур андроновских

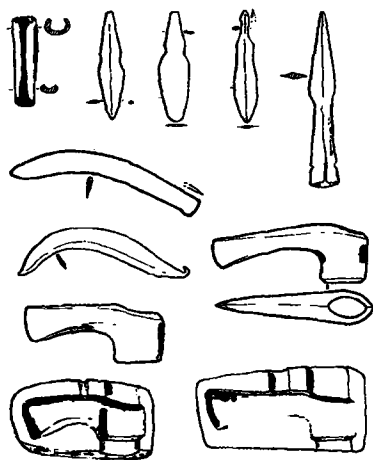

Рис. 13.9. Медные и бронзовые орудия и оружие срубно-андроновской археологической общности. Морфология металлических изделий близка к предшествующей по времени продукции абашево-синташтинской общности. В конечном итоге, большинство этих форм восходит к стереотипам Циркумпонтийской провинции

имели свою и достаточно долгую предысторию, латентный период которой мог ускользнуть от нашего внимания.

Все те наиболее выразительные черты степных общностей, о которых шла речь по поводу культур второго тысячелетия, полностью обнаруживают свои четкие параллели и в срубно-андроновском мире. В нем опять-таки археологи обнаруживают и фиксируют великое множество поселков со сравнительно слабо выраженным и довольно бедным культурным слоем. Бесконечное число раскопанных здесь мало выразительных кладбищ с бесчисленными рядами могил явно выраженного «демократического» облика. Среди погребенных их соплеменники не отмечали очевидными знаками ни знатных персон, ни героев, а низкий социальный статус погребенного обозначали, может быть, абсолютным отсутствием вещей в их могилах. Вполне возможно, что в этом обширном мире все было

не совсем так, и наш привычный взгляд на идеологические погребально-ритуальные признаки не верен?..

Феномен Каргалов

Пожалуй, самым ярким из достижений степных полукочевых народов стало их экономическое обособление, приведшее к очевидной независимости от южных культур. Наиболее четко это отразилось на примере горно-металлургического производства. Если с первой волной абашево-синташтинских племен связано открытие ими зауральских полиметаллических месторождений, то вторая волна привела к открытию и началу эксплуатации множества медных и даже оловорудных месторождений по всем регионам Казахстана, Средней Азии и Рудного Алтая. Безусловно также, что знаковым событием явилась способность опознавать и находить оловорудные минералы (касситериты) и уметь их использовать для выплавки высококачественных оловянных бронз.

В этой цепи постижений наиболее ярким и лучше всего обследованным комплексом, как и в предшествующее III тыс. до н. э., вновь явился Каргалинский горно-металлургический центр. О нем уже шла речь в главе 11 при характеристике металлургии у кочевников раннебронзовой поры. Этот богатейший меднорудный центр оказался забытым и покинутым древними горняками и металлургами ямной общности. Примерно через 500—600 лет, то есть в 19—17 столетиях, на этих столь богатых медными минералами холмах и увалах (рис. 13.10 и 13.11) вновь появились группы профессионалов, но связаны они были уже со средой срубной общности.

На Каргалах рудознатцы вновь и вновь врезались в перекрывавший меднорудные линзы многометровый глинистый чехол (рис. 13.12 и 13.13), стремясь достигнуть столь желанных для них зеленых или синих минералов малахита и азурита. Тяжелыми медными кайлами и костяными клиньями (рис. 13.14) день за днем пробивались они сквозь песчаниковую породу в надежде натолкнуться на богатые гнезда руды. Терпение вознаграждалось, и добытую в недрах руду дробили в своих поселках каменными молотками и молотами, чтобы очистить медные минералы от пустой породы (так именуется процесс обогащения руды). Курились присыпанные землей тлеющие кучи поленьев и березовых стволов, чтобы «выжечь» древесный уголь, без которого никакая плавка руды была невозможной. На вершинах холмов в раскаленных печах выплавляли металл, а из шлаковых лепешек затем выколачивали большие и малые капли меди, чтобы сплавить их в большие слитки...

Тяжкие труды мастеров горного дела и металлургии продолжались на Каргалах около пяти столетий — с 19/18 по 14/13 века до новой эры. За это время профессиональные горняки срубной общности пронизали недра Каргалов многими десятками, если даже не сотнями, километров подземных проходов — шахт, штолен и штреков. Лабиринт подземных выработок выглядит порой фантастичной

Рис. 13.10. Каргалинский горно-металлургический центр (Каргалы). Здесь на площади всего рудного поля, равной примерно 500 кв. км, удалось зафиксировать до 35 тысяч поверхностных следов засыпанных или оплывших шахт, карьеров и штолен. На снимке с вертолета представлен незначительный участок Каргалинского рудного поля; здесь заметны лишь до двух сотен провалов рудных выработок, связанных по преимуществу с разведывательными шахтами II тыс. до н. э.

Рис. 13.11. Площадь селища Горный: вид с вертолета. Хорошо различимы поверхностные следы древних шахт. Справа виден археологический раскоп 1994 года

сеть (рис. 13.15 и 13.16). Шахтерам бронзового века удалось извлечь на поверхность до 50 миллионов кубических метров скальной рудосодержащей породы. После ее обогащения (рис. 13.17) не менее 5 миллионов тонн руды оказались пригодными для выплавки металла. И за эти пять столетий из обогащенной руды металлургам удалось выплавить не менее 55—60 тысяч тонн меди. Руду плавил не только на Каргалах, ее пускали и на обмен. Вместе с рудой выплавленной на Каргалах медь и изготовленные здесь медные изделия отправлялись только на запад; восточнее Урала мы ее не находим. Химический состав металла позволил очертить зону распространения каргалинской меди — не менее 750—800 тысяч кв. км! Ее образцы достигают бассейнов Дона, Днѣца и левобережья Днепра.

Согласитесь, что все приводимые здесь цифры удручающе громадны и их трудно комментировать в кратком изложении. Добавим, однако, в этот перечень

Рис. 13.12. Селище Горный на Каргалах. Расчистка древней шахты (слева) и спуск в расчищенную шахту для ее обмеров (справа)

Рис. 13.13. Каргалы. Вертикальная шахта со следами «лестницы» по стенкам выработки

Рис. 13.14. На Каргалах в бронзовом веке длинные кости многих десятков тысяч принесенных в жертву коров и быков шли на изготовление бесчисленных по своему количеству клиньев, с помощью которых горняки извлекали из песчаников и мергеля медные минералы

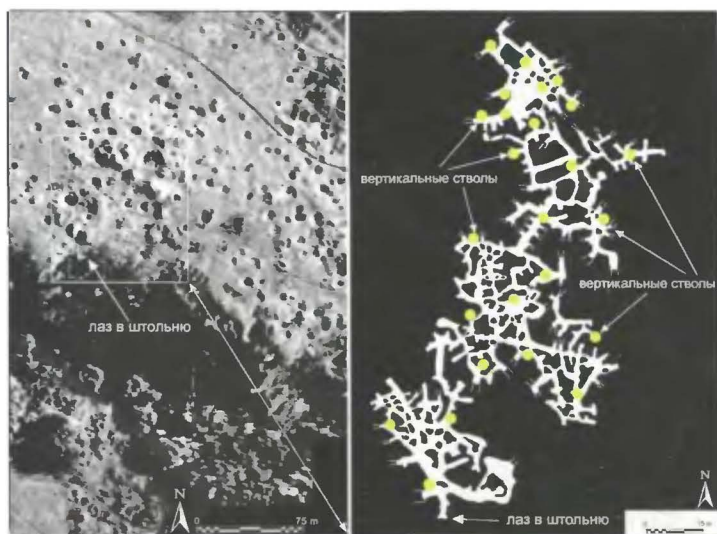

Рис. 13.15. Каргалы. Слева: аэрофотоснимок небольшого участка поверхностных следов шахтных выработок: оконтуренный белой линией прямоугольник покрывает площадь в 1 га. Справа: план подземных выработок в пределах выделенного прямоугольника на глубине 10—15 м; общая длина проходок (шахт, штолен и штреков) достигает лишь на этом крайне ограниченном участке полутора километров

Рис. 13.16. Каргалы. В одной из сохранившихся и бесчисленных подземных выработках. Их общая длина на рудниках Каргалинского комплекса фантастично велика: она достигает многих сотен километров

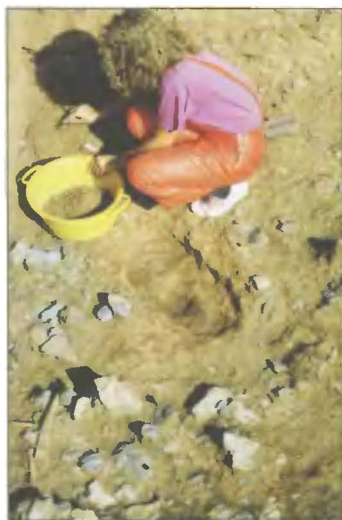

Рис. 13.17. Каргалы, поселение Горный. Раскопки и расчистка рудного двора на одном из жилых и производственных комплексов II тыс. Рудный двор служил складом лучших для плавки образцов малахита и азурита

еще ряд сведений о раскопках одного из самых ярких в пределах Степного Пояса поселений горняков и металлургов срубной культуры на Каргалах.

Селище Горный (рис. 13.11), а именно такое название присвоили ему археологи, подвергалось раскопкам почти 10 лет. За это время удалось вскрыть примерно одну тысячу квадратных метров культурного слоя. Площадь эта весьма незначительна на фоне раскопок многих иных

степных поселенческих памятников. Однако насыщенность культурного слоя различными материалами оказалась здесь воистину фантастической, что и не позволило сколько-нибудь заметно ускорять процесс раскопок. Горный предстал совершенно непохожим на все тонкослойные и обедненные материалами степные поселки бронзового века.

На этом ограниченном участке культурного слоя селища удалось обнаружить более 110 тысяч глиняных фрагментов от 7 или 8 тысяч горшков. Отсюда извлекли около 1,5 тысяч обломков и сколов каменных молотков и молотов, которыми дробили породу. Слой содержал сотни фрагментов песчаниковых литейных форм, предназначенных в основном для отливки тяжелых горнопроходческих орудий (рис. 13.18). Количество образцов выплавленной здесь меди (рис. 13.19) — а их оказалось более 4 тысяч — перекрывало все, что мы знаем для могильных и селищных памятников всей срубной общности. Примечательно, что лишь только Мосоловка — поселение профессионалов-литейщиков на Дону — могла сравниться с Горным по изобилию литейных форм (Пряхин 1993; 1996). Но с Каргалами мастера с Мосоловки никак связаны не были, и это показал химический состав меди.

Однако все эти рекорды Горного решительно затмила гора костей домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота: число их превысило 2,5 миллионов целых костей и фрагментов! Такая чудовищная масса (рис. 13.20), насыщавшая лишь крайне незначительный участок культурно-

Рис. 13.18. Каргалы, поселение Горный. Каменные наковальня, молоток и фрагменты литейной формы для отливки медного кайла

Рис. 13.19. Каргалы, поселение Горный. Медные предметы из слоя поселения. Всего же на крайне ограниченной обследованной археологами площади найдено более четырех тысяч медных образцов, среди которых резко преобладают отходы медной плавки — мелкие слитки и капли

Рис. 13.20. Каргалы, поселение срубной общности Горный. Здесь из слоев весьма ограниченной раскопанной археологами площади было извлечено более 2,5 миллионов костей домашних животных, относящихся примерно к 50 тысячам коров и 20 тысячам овец и коз. Полностью обработанные и изученные археозоологами, а затем собранные вместе они явили нам впечатляющий своими размерами холм

го слоя Горного, намного превысила всё, что нам известно ныне для всех степных памятников Евразии Эпохи Раннего Металла. Горняки и металлурги Каргалов скотоводством (равно как и земледелием) не занимались, это совсем не было их уделом. Огромные стада скота — коров, овец и коз — пригоняли сюда для обмена на руду и металл со всей обширной ойкумены распространения каргалинской меди, даже за сотни километров. Наверное, на большинство этих животных смотрели как на жертвенных, умерщвляемых с целью умилостивить властителей подземных богатств. При этом мясо животных все равно поедали, а длинные кости коров расщепляли на острые клинья для дробления в глубинах недр песчаниковой породы (рис. 13.13).

Каргалинский горно-металлургический центр играл чрезвычайно существенную роль не только в жизни степных народов Эпохи Раннего Металла. В 14—13 вв. до н. э. срубные профессионалы — горняки и металлурги — покинули Каргалы совершенно внезапно, и с тех пор эти холмы рудных отвалов погрузились в *трех-*

тысячелетнее «великое забвение». При этом Каргалы не были одиноки в этом странном забытии и заброшенности. Одновременно такая же судьба ожидала многие сотни крупных и мелких медных рудников на пространствах Казахстана, севера Средней Азии, Западного Алтая — то есть всех тех, что служили источником металла для населения гигантской срубно-андроновской общности.

Но как объяснить это? Что изменилось и изменилось достаточно решительно в жизни мастеров горно-металлургического производства? На третьей и заключительной фазе ЗАМП многие детали культуры ожидали заметные перемены, однако они не выглядели столь кардинальными, чтобы усматривать в них причину такого решительного отказа от горно-металлургического промысла. В любом случае, предложить достаточно удовлетворительно звучащую гипотезу для решения этой проблемы очень и очень сложно.

Лишь с приходом российских промышленников в 18 столетии (но уже нашей эры), то есть спустя три тысячи лет, на Каргалах вновь появляются рудознатцы, и этот уникальный центр обретает новую жизнь. Разумеется, в этой главе мы не в состоянии вести подробный рассказ о всех этапах эксплуатации этого удивительного

тельного и неповторимого комплекса. Поэтому интересующимся читателям мы рекомендуем обратиться к обширной посвященной Каргалам литературе (Каргалы I—IV; Черных 1997; 2007).

Западноазиатская провинция: финал и распад

С 14—13 столетий до новой эры начинается третий, финальный период Западноазиатской провинции (см. Приложение 1, рис. Пр1.5: 7, 8). Если ограничиваться одним лишь беглым взглядом на облик тех культур и центров, что составляли ядро этой системы, может показаться, что никаких особых перемен на этой фазе не произошло. По-прежнему на пространствах Степного Пояса преобладали не слишком выразительные поселения, принципиально сходные к тому же с общностями предшествующего периода. Людей продолжали хоронить на кладбищах, где, как и прежде, господствовал «демократический» характер могильных сооружений и погребальных ритуалов.

Правда, при более детальном сопоставлении с фазой предшествующей, где масса поселков срубной и андроновской общностей исчислялась тысячами, количество поселений финального периода резко сокращается. В этом отражались нарастающие у степных скотоводов тенденции к переходу от полукочевого к кочевому образу жизни. Впрочем, конечный итог этого процесса был для нас вполне очевиден: прослеживаемая тенденция завершилась в первом тысячелетии до н. э. полным господством «истинных» номадов в гигантском скифо-савроматском мире. Порой на третьей фазе можно было уловить даже некие намеки на возврат к прежним знаковым обозначениям могил вождей и/или героев. Так, в Центральном Казахстане в самом конце бронзового века, в бегазы-дандыбаевской культуре, возникают своеобразные, хотя и не слишком впечатляющие прообразы будущих пышных «мавзолеев» степной знати скифо-варварского времени (Маргулан: 61—160; Varfolomeev: 490, Abb. 9).

Основным знаком для отчленения культур третьей фазы от более ранних явился чисто внешний признак на глиняной посуде. Оказалось, что от четверти до половины керамических сосудов было украшено так называемым *налепным валиком*. Этот весьма незамысловатый декоративный элемент наносился гончарами, как правило, в верхней части горшка — по его венчику, шейке или же плечикам тулова сосуда (рис. 13.21).

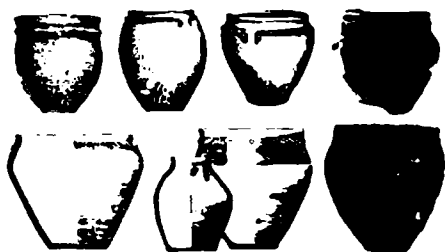

Рис. 13.21. Типичная глиняная посуда общности культур с так называемой «валиковой керамикой»; во многом формы подобного рода сосудов восходят к керамике срубно-андроновской общности. Фотографии сосудов справа (Varfolomeev 2013: 487, Abb. 6; Unbekanntes Kasachstan: 526, Abb. 314)

Рис. 13.22. Синьцзян. Могильник с валиковой керамикой в пустыне Такла-Макан (Cultural relics: 28) и глиняный горшок в музее города Емин (фото справа внизу)

Гораздо больше удивляло при этом другое: орнаментальный мотив налепного валика оказался характерным для глиняной посуды невероятно широких пространств. Керамика данного типа встречалась в самых разнообразных культурах от Нижнего Подунавья и Балкано-Карпатья на крайнем западе вплоть до Джунгарских «ворот» и еще далее на восток — до Синьцзяна и бассейна реки Тарим (рис. 13.22), огибавшей там весьма неприветливую пустыню Такла-Макан (см. например: *The Ancient culture in Xinjiang*: 103, 9; *Cultural relics* 2001: 28).

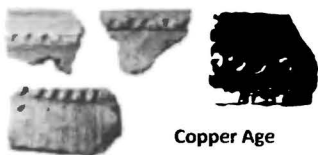
Исходный ареал как самой моды, так и традиции «валикового» декора на глиняной посуде, без сомнения, находился в Балкано-Карпаты. Именно там, начиная, по крайней мере, с культур медного века и — без какого либо заметного перерыва — вплоть до железного века, очень большая доля так называемой кухонной (рис. 13.23) — то есть сравнительно грубой — керамики покрывалась декором именно в форме налепного валика (см. например: *Езеро* 1979: 230—348; обр. 134—137, 140, 143, 146, 149 и и т. д.; и многие другие работы). Во втором тыс. до н. э. этот орнаментальный узор стал характерен уже для многих сосудов культуры Днепровского бассейна (т.н. *пост-катакомбная* или *бабинская культура «многоваликовой» керамики*). К середине второго тысячелетия чрезвычайно представительные серии «валиковой» керамики присутствуют в материалах практически всех степных и лесостепных общностей Северного Причерноморья. Стремительное распространение на восток этой моды в керамической орнаментации не могло не впечатлять.

Реальный смысл «валикового знака» угадать совсем непросто. Порой приходит на ум желание увидеть в нем некий идеологический знак — что-нибудь

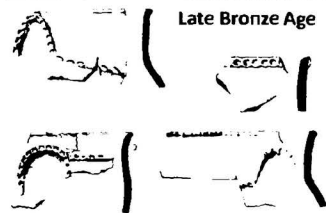
вроде обязательного для истинных христиан креста или же иного символа — скажем, свастики — какой-то нам неведомой веры. Однако в таких размышлениях мы скованы отсутствием каких-либо иных и более достоверных данных, позволяющих продвинуться за пределы этих туманных аналогий и смутных соображений. Во всяком случае, археологи использовали признак валика на сосудах, чтобы выделить по всему ареалу западной половины Степного Пояса особую и колоссальную по пространственному размаху — до 5,5–6 млн кв. км. — **общность культур «валиковой керамики»**. Громада этого феномена сменила на всем пространстве предшествующую срубно-андроновскую общность и вышла за ее пределы, как на западе, так и на востоке. Правда, при этом какого либо особого контраста в облике этих двух великих степных образований не наблюдалось.

На третьей фазе ЗАМП параллельно с керамикой очень заметные перемены отразились также на продукции металлургического и металлообрабатывающего производств (рис. 13.24 и 13.25). На прежние «циркумпонтийские стандарты» теперь как бы наслаивались чуждые им новые — западные формы, указывающие на горно-металлургические центры чрезвычайно яркой и своеобразной Европейской металлургической провинции. В коллекциях металла достаточно легко угадывались параллели в формах топоров-кельтов и кинжалов. Заметно возросло число кладов медных и бронзовых изделий — черта особо характерная для Европейской провинции: последнюю нередко даже именуют как провинцию кладов (об этом позже: см. главу 14).

Яркое отражение западного импульса можно видеть, например, на одном из крупных комплексов металла: клад Сосновая Маза на Нижней Волге (рис. 13.25). Все 62 изделия этой коллекции оказались отлитыми из меди с очень высокой примесью железа (Черных 1970: 17–20, 134–135; Chernykh 1992: 248–252). Медь такого состава была чрезвычайно характерна для ряда горно-металлургических центров Трансильвании. Олова у мастеров, отливавших орудия клада не было, а железистая медь оказалась не самым лучшим материалом для литья, отчего среди отливок из Сосновой Мазы мы видим много брака. Не менее чем две тысячи километров отделяли мастеров-литейщиков на Нижней Волге от

Copper Age

Early
Bronze
Age

Late Bronze Age

Рис. 13.23. Глиняная посуда с наlepным валиком весьма типична для так называемой кухонной посуды Северных Балкан, начиная с медного века вплоть до эпох поздней бронзы и раннего железа

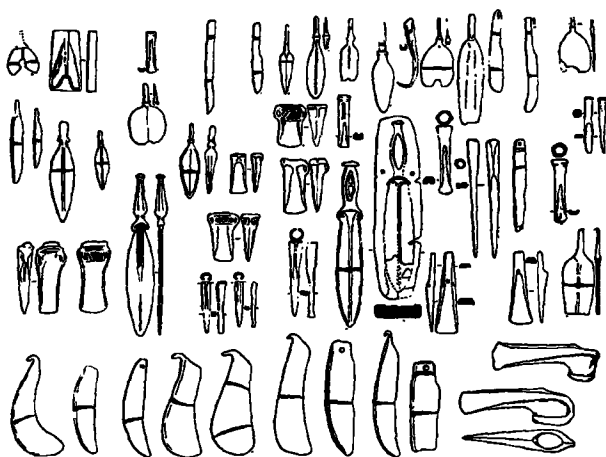

Рис. 13.24. Типичный набор медных и бронзовых орудий, а также литейных форм для финальной фазы Западноазиатской металлургической провинции

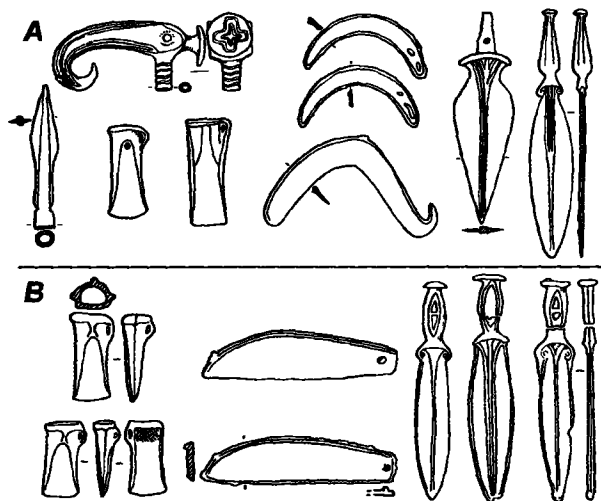

Рис. 13.25. Финальная фаза Западноазиатской провинции. Бронзовая и медная продукция, несущая отчетливые следы воздействий металлургических центров западной Европейской металлургической провинции на восточные степные очаги. А — изделия вкладах с территории Молдовы и Западной Украины. В — клад литейщика из Сосновой Мазы на Нижней Волге

трансильванских производственных очагов. Дистанция между Сосновой Мазой и Каргалами в три раза короче. Но именно в это время горняки и металлурги срубной общности по совершенно непонятной для нас причине покинули громады Каргалинского горно-металлургического центра. Вполне возможно, что резко возросший на третьей фазе западный нажим на характер и облик металлообрабатывающего производства у степных культур между Днепром и Уралом был обусловлен именно этим полным забвением Каргалов — и не только Каргалов, но и других более восточных рудных регионов.

С Западноазиатской металлургической провинцией и особенно с третьей фазой ее развития сопряжено немало труднообъяснимых ситуаций, и проблема рудных источников лишь одна из них. Остановим, к примеру, внимание и на другой странной особенности. В структуре ЗАМП почти всегда — практически на всех трех основных этапах ее развития — мы сталкиваемся с поразительно «размытыми» границами как между иными соседними системами, так и внутри ее важнейших производственных центров. Однако наиболее показательным в той связи стал финальный этап провинции. Здесь неопределенность водораздельных линий коснулась, прежде всего, ее обоих флангов — западного и восточного. Поэтому исследователь постоянно находится в большом затруднении, задаваясь вопросом: где и как следует прочерчивать пограничную полосу между примыкающими к ЗАМП с запада производственными очагами Европейской провинции? Эта грань кажется туманной, расплывчатой и нестабильной во времени. Неопределенность с разделением по металлургическим признакам усугубляется трудно расчленимой картиной культур с керамикой, сопровождаемой валиковым декором.

Восточный фланг ЗАМП на третьей фазе «расплывается» уже на просторах Северного Синьцзяна. Там столь же сложно, как и на Западе, уловить границу между Западноазиатской провинцией и ее восточной «соседкой» — Восточноазиатской степной провинцией (речь о ней пойдет в главе 16). На Востоке ситуация усугубляется относительно слабой археологической изученностью региона: в этом отношении ее, безусловно, не имеет смысла даже бегло сравнивать с Европейской металлургической провинцией.

Досадная «растущеванность» картины ждет исследователя и в тех случаях, когда возникнет необходимость обозначить хотя бы контуром разделительные грани не только вне, но уже внутри производственных очагов ЗАМП. Так, вполне очевидные признаки сильных воздействий западных очагов можно уловить вплоть до Волги. Последние явно ослабевают в материалах комплексов между Волгой и Уралом. В казахстанских материалах постепенно начинают нарастать следы восточных воздействий. Они явно прослеживаются и далее на восток, включая Среднюю Азию и северные области Синьцзяна. К востоку от Джунгарских ворот материалы позднебронзового времени относительно многочисленны (рис. 13.26), но до сих пор слабо систематизированы, и потому пока вопрос о принадлежности тех или иных производственных очагов к конкретной провинции для нас трудноразрешим.

Рис. 13.26. Бронзовые топоры из различных музеев Синьцзяна — полная аналогия продукции финальной стадии Западноазиатской провинции

Единственная жестко определенная граница между двумя соседними провинциями — Западноевропейской и Кавказской — проходит по степной полосе Северного Кавказа. В Средней Азии она кажется более размытой за счет феномена так называемого Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, где прослеживается взаимопроникновение элементов чужеродных культур — пастушеских и оседло-земледельческих (Kohl 2007: 192—217).

Мы коснулись сейчас тех основных зон и регионов, где на третьей фазе функционирования ЗАМП расплывчатый характер граней — равно как между различными соседними системами, так и внутри провинции — прослеживался без особого труда. Однако нетрудно вспомнить и о более ранних фазах. Ранний этап:

достаточно четко определенная и несходная с прочими абашево-синташтинская общность культур устремляется на восток. Однако встречный поток сейминско-турбинских агрессивных мигрантов (о них подробно в следующей главе) перемежается с западной волной, отчего мы далеко не всегда в состоянии определить территориальный раздел между обеими волнами. Вторая фаза ЗАМП: в то время столь же сложно определить водораздельную грань между гигантскими общностями — срубной и андроновской. Это же относится и к разделению отдельных культур внутри каждой из общностей, особенно андроновской.

Не менее сложной кажется задача по размежеванию степных культур гигантской срубно-андоновской общности и ее лесных клонов — культур *срубoidного* или *андроноидного* обликов. Однако на третьей фазе параллельно формированию блока «валиковых» культур не очень броско, но как бы сами собой эти северные лесные «клоны» либо исчезают, либо заметно трансформируются, и о них уже не идет речь в археологической литературе. На финальной фазе ЗАМП степные полукочевые и кочевые культуры «валиковой» общности оказываются более определенно связанными со своим исходным геоэкологическим степным домом. Следы их культур или же их явных воздействий не выходят сколько-нибудь далеко в лесные зоны. На севере «водораздельные» грани проявляются теперь, пожалуй, намного более явно.

Вторая и третья волны миграций с Запада на Восток

Под этими реконструируемыми волнами мы понимаем очевидные следы мощной инфильтрации носителей западных культур к востоку от «водораздельно» знаковых для нашей проблематики Джунгарских ворот. Напомним, что носи-

телями первой и ранней волны являлись номады афанасьевской курганной культуры, более или менее тесно связанной с отдаленной ямной археологической общностью времени Циркумпонтийской провинции (см. главу 11).

Вторую волну нетрудно отличить по следам явного проникновения в Синьцзян элементов андроновской общности, отнесенной ко второй фазе развития ЗАМП. Следы эти представляют собой довольно значительную коллекцию керамического материала безусловно андроновских форм (Mei 2000: 95, fig. 2.23; Ancient culture in Xinjiang: 216, 2; 217, 6, 7; 231, 4, 5; 232, 5; 244, 2; Steppe: 38, 1; 41, 11, 14; Zhang Liangren и другие работы). Однако в металле воздействия андроновских культур отразились уже не столь определенно.

Бронзы культур «валиковой» общности представлены в различных регионах Синьцзяна гораздо более обширно. В первую очередь, это касается втульчатых топоров (рис.13.26) — вполне очевидного наследия весьма отдаленных по времени и пространству производящих центров Циркумпонтийской провинции (Ancient culture in Xinjiang: 99, 5; 233, 9; 244, 5; Steppe: 39, 5; Zhang 2012). Топоры не были единственными свидетельствами этой инфильтрации: немалая доля принадлежала и иным формам бронзовых изделий западной для Синьцзяна общности «валиковой» керамики. Об этом же говорят также и многочисленные керамические сосуды с «валиковым» декором (рис. 13.22). По всей видимости, практически все эти материалы — и металлические, и керамические — могут происходить из могил носителей культур «валиковой» общности (см. например, Cultural relics: 28).

Краткий перечень всех трех устремленных на Восток западных волн как бы невольно маскирует вопрос: что же явилось причиной, воспрепятствовавшей раннему абашево-синташтинскому валу полуоседлых скотоводов достичь Джунгарских ворот и Синьцзяна? Ведь казалось, что эти культуры ранней фазы ЗАМП также очень стремительно продвигались на восток. По всей видимости, одной из важнейших причин торможения явилось их столкновение с поразительным по своим ярким проявлениям сейминско-турбинским транскультурным феноменом, которому будет посвящена глава 15.

Особенности Западноазиатской провинции: трудноразрешимые вопросы

Каждая из металлургических провинций наряду с повторяющимися базовыми деталями своей структуры отличается от иных систем некоторой спецификой, и черты этой специфики проявляются в каждом конкретном случае с разной степенью выразительности. То же самое следует отнести и к Западноазиатской провинции. Первое, что необходимо отметить: ЗАМП относительно кратковременна, период ее развития лишь немного превышает «единственное» — второе тысячелетие до новой эры. Другая ее черта: отчетливо выраженная обособленность от южного домена оседло-земледельческих культур. Еще особенность:

каждая из трех фаз ее сложения и развития также достаточно кратковременна и специфична по проявлениям своих важнейших черт. Все перечисленные особенности представляют структуру Западноевропейской провинции на фоне иных аналогичных систем существенно более динамичной.

Ограничимся только примером ее сравнения с исходной для нее Циркумпонтийской провинцией. ЦМП существует два тысячелетия, и ее развитие характеризуется двумя основными фазами — прото-ЦМП и собственно ЦМП. Развитие каждой из центровых археологических общностей, приеющих той или иной фазе, длится там примерно тысячу лет. В отличие от них, хронологическая протяженность любой из трех основных фаз не превышает четырех-пяти столетий. Третья же фаза ЗАМП приводит к весьма ощутимым переменам в общей картине всей системы: провинция теряет прежнюю четкость своих контуров и стереотипов.

С Западноазиатской провинцией оказался сопряженным целый ряд исключительно важных вопросов или же проблем, сформулированных не только в главе настоящей, но также и в предшествующей. К первой из этих проблем — о причинах *«великой»* и столь загадочной *пространственной стабилизации (или же стагнации)* в распространении высокотехнологичных культур — мы обратимся несколько позднее, когда для читателей станет более ясной и отчетливой характеристика соседей степных сообществ. Ведь даже материалы столь обширных систем, какой являлась, скажем, Западноазиатская, вряд ли смогут предложить исчерпывающие ответы на такие чрезвычайно сложные и емкие вопросы.

Нельзя не обозначить еще одну важную проблему: каковы *глубинные причины очевидной самоизоляции полукочевых скотоводов западной половины Степного Пояса* во втором тысячелетии от культур южного домена? И наконец, еще один чрезвычайно любопытный вопрос: чем можно *объяснить внезапную и внешне отчетливо выраженную «демократизацию» культур Западноазиатской провинции и их странную «монотонность»*? В чем таились причины неожиданного отказа от некогда столь любезного для менталитета кочевников *«героического образа»*, столь явно отражавшегося в погребальных памятниках и монументах?

На эти вопросы мы вряд ли будем в состоянии предложить ныне достаточно внятные объяснения. Автору кажется более предпочтительным ограничиться в настоящей главе лишь формулировкой этих проблем и вопросов, нежели предлагать заведомо зыбкие и потому малоудовлетворительные ответы.

Глава 14

СОСЕДИ ЗАПАДНОАЗИАТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Формирование новых систем

Второе тысячелетие предстало поворотным периодом в истории культур Евразийского материка. Степной Пояс от Черного моря на западе вплоть до моря Желтого на крайнем востоке оказался полностью под властью разнообразных объединений кочевников. Жестко обозначив свои южные границы, кочевые культуры тем самым как бы отчленили от мира технологически высокоразвитых образований гигантский кусок лесного севера континента. С этого времени таежные и еще более отдаленные громадные пространства Евразии, населенные охотниками, рыболовами или даже кочевыми оленеводами, превратились в относительно мало опасный тыл скотоводов Степного Пояса.

Примечательно также и то, что блоки культур западной и восточной половин Степного Пояса Евразии в те времена проявляли себя по-разному. Мобильные полуседлые скотоводы западной половины вполне определенно изолировали себя от своих южных оседло-земледельческих соседей: по крайней мере, это вытекает из анализа археологических материалов и сопоставления их с предшествующим периодом развития в рамках Циркумпонтийской провинции. Номады восточной половины Степного Пояса предстали намного более активными и, пожалуй, даже агрессивными. На раннем этапе их энергичные передвижения оказались устремлены на запад, что крайне ярко продемонстрировал нам сейминско-турбинский транскультурный феномен (о нем речь пойдет в следующей главе). Поздний этап характеризовался резкой сменой основного направления: в конце II тыс. явные следы движения кочевников уводят нас на юг и юго-восток, к областям древнекитайских государств.

Второе тысячелетие явилось также отчетливо знаковым и для развития южных соседей Степного Пояса, относящихся к кругу оседло-земледельческих культур. В предыдущих главах мы договорились, что при сопоставлении различного типа культурных объединений, чаще всего будем прибегать к показателям уровня горно-металлургического производства. Ведь металл для археологии служил почти всегда одним из самых ярких и значимых критериев степени технологического развития того или иного общества.

Скотоводы западной половины Степного Пояса граничили с тремя провинциями, связанными с культурами оседло-земледельческого уклада: Европейской,

Кавказской и Ирано-Анатолийской. Для кочевых сообществ восточной половины важнейшим соседом в этом отношении являлась Древнекитайская металлургическая провинция (см. рис. 13.1). Вполне понятно, что даже самое лапидарное, донельзя спрессованное обозрение этих сложнейших культурно-производственных систем в одной краткой главе ставит перед автором невероятно сложную задачу: слишком неохватно разнообразными предстают их материалы. Однако обойтись без этого кажется невозможным — в противном случае мы попросту утрачиваем возможность демонстрации их сколько-нибудь четких сопоставлений с технологией производств у скотоводческих объединений Степного Пояса.

Европейская металлургическая провинция

Во втором тысячелетии до новой эры, а скорее всего, во второй четверти этого тысячелетия на широких пространствах Европейского субконтинента — от Карпат и Северных Балкан вплоть до Атлантики и Британских островов — всплывают очевидные признаки могучего взрыва горно-металлургического производства. Вместе с этим и параллельно этому проявляются отчетливые черты формирования новой на Евразийском континенте металлургической провинции — Европейской (ЕвМП). Ее территория охватывала пространства около 3,5—4,0 млн кв. км (рис. 14.1). Важнейшие производящие горно-металлургические и металлообрабатывающие центры данной провинции функционировали в границах одной тысячи лет — вплоть до ранних столетий I тыс. до н. э. и, соответственно, уже до начала новой эпохи — раннего железного века.

Пространственные рамки Европейской металлургической провинции достаточно четко соответствуют сложным географическим контурам данного субконтинента. При этом на севере Скандинавии или в Юго-Восточной Балтии концентрация комплексов с металлическими изделиями предстает как бы сильно «разбавленной», и это хорошо заметно на фоне массивных сгустков материала в альпийском или карпатском регионах. Объяснить подмеченную ситуацию — в традиционном стиле — довольно легко: в периферийных северных областях практически все материалы предстают, как правило, намного более тусклыми в сравнении с центром. Однако гораздо труднее будет понять причины крайне слабой насыщенности типичным металлом Европейской провинции уже не на севере, но на юге — в Средиземноморье. Плотность и состав комплексов с металлом по мере продвижения к югу, к берегам столь знаменитого в мировой истории «внутреннего» моря, падает, порой — на востоке Иберийского или же на юге Апеннинского полуострова — приближаясь едва ли не к нулевой отметке.

С юга Европейскую провинцию буквально подпирали производственные очаги Эгейской или Восточно-Средиземноморской металлургической провинции. Эта система с храмами и знаменитыми шахтовыми гробницами (рис. 14.2) охватывала весь юг Балканского полуострова, запад Малой Азии, а также многочисленные острова, локализованные по преимуществу в Эгейском бассейне. Ее про-

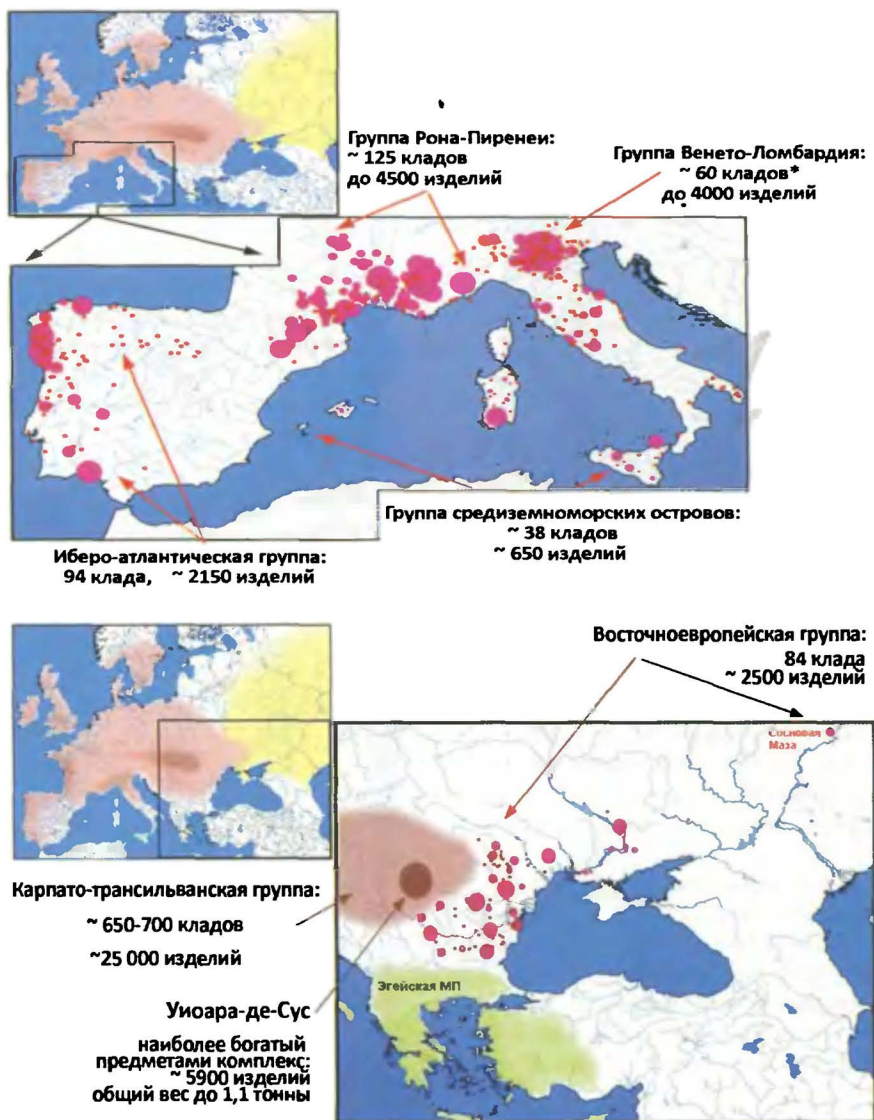

Рис. 14.1. Европейская металлургическая провинция: распространение основных групп кладов металлических изделий. Вверху: южная и юго-западная группы. Внизу: восточная группа

Рис. 14.2. Микены: дворец и шахтная гробница. По всей вероятности, именно с Микенами был связан реальный центр системы Эгейской (Восточно-Средиземноморской) металлургической провинции — южного соседа провинции Европейской (Великолепие исчезнувших цивилизаций: 39)

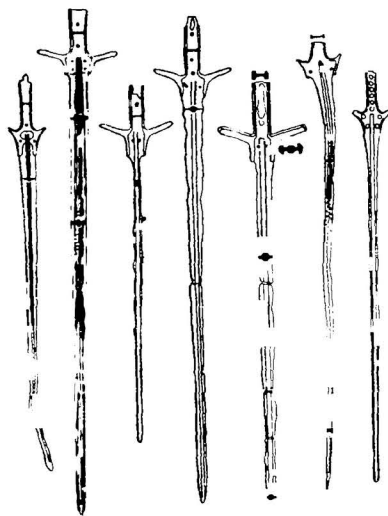

Рис. 14.3. Бронзовые мечи — типичная продукция очагов Эгейской МП (<http://www.salimbeti.com/micenei/weapons1.htm>)

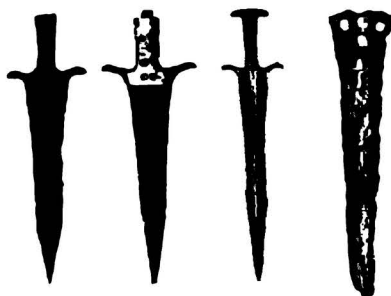

Рис. 14.4. Бронзовые кинжалы и мечи с золотыми аппликациями и обкладками — типичная продукция очагов Эгейской МП (<http://www.salimbeti.com/micenei/weapons1.htm>)

дукция заметно отличалась от соседних — Европейской и Ирано-Анатолийской провинций прежде всего своими характерными формами оружия — в основном длинными мечами-шпагами и кинжалами (рис. 14.3 и 14.4).

По всей видимости, к XVI—XIV столетиям до новой эры можно полагать, что в сравнении с металлом III тысячелетия — среди сохранившихся археологических материалов на этой части Европы — масса бронзовых изделий увеличилась не менее чем десятикратно. Бронзы Европейского субконтинента изучены и представлены в специальной археологической литературе несопоставимо лучше и полнее, нежели в любом другом регионе Евразии. Но, к глубокому сожалению, автор в отношении количественных показателей этого металла в состоянии ограничиться лишь кратким резюме подобного рода.

Европейская провинция — это, прежде всего, провинция кладов металла. Их совокупное число достигает порядка **двух тысяч**, суммарно содержащих до 100–120 тысяч металлических артефактов. Некоторые из этих кладов невообразимо велики. Так, в предположительном самом крупном кладе Европейской провинции — Уиоара де Суз (Uioara de Sus) из Трансильвании — было сосредоточено почти шесть тысяч (!) разнообразных изделий, а общий вес клада превышал одну тонну (!). Столь же поразительными предстают показатели территориальной концентрации кладов. К примеру, на крайне ограниченной площади — вряд ли превышающей 8–10 тыс. кв. км Закарпатской Украины (район Мукачево—Ужгорода) — в музеях сосредоточены материалы из примерно 150 кладов, содержащих более двух тысяч бронзовых изделий.

Сами клады очень часто являясь собой явное свидетельство их принадлежности неким группам мастеров металлообработки. В составе самых крупных комплексов чаще всего можно видеть различный по своему характеру набор изделий: 1) предметы готовые к употреблению; 2) отливки заготовок орудий, оружия или украшений, не доведенных до уровня полной готовности; 3) лом изделий, годных для переплавки; 4) черновые слитки меди. В некоторых кладах наряду с бронзовыми предметами можно было встретить также глиняные литейные формы.

Очень высок уровень технологии металлообработки. В огромном большинстве случаев употреблялись высококачественные оловянные бронзы. Рудными источниками для металла служили многочисленные медные месторождения, богатые группы которых были сосредоточены по большинству регионов Европейского субконтинента: в Альпах и Карпатах или же на Иберийском полуострове. Эксплуатировавшиеся в древности оловянные рудники известны на Британских островах (Корнуэл). Очень многие из них тщательно изучались и изучаются поныне археологами и геологами.

Среди форм металла, как правило, наибольшее внимание привлекает великолепное оружие: мечи с рукоятями, большие кинжалы, наконечники копий, алебарды, боевые клевцы и др. (рис. 14.5—14.9). Однако самыми многочисленными изделиями, пожалуй, являются в провинции втульчатые топоры-кельты, тесла

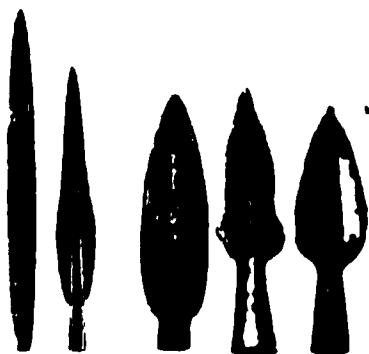

Рис. 14.5. Европейская МП. Бронзовые наконечники копий

и разнообразные серпы (рис. 14.10—14.12), хотя их формы по своей изысканности не слишком привлекают восхищенные взоры посетителей музеев и выставок. Гораздо более привлекательными для устроителей экспозиций выглядят более редкие формы творчества мастеров металлообработки (рис. 14.13 и 14.14). Понятно, что здесь мы имеем возможность представить лишь самую минимальную долю всего многообразия бронз Европейской системы производственных центров.

Апогей производства в границах ЕвМП приходится на вторую половину II тыс. до н. э., предпочтительно даже на его последнюю треть. К этому времени, как мы знаем, ее восточного соседа — гиганта Западноазиатской металлургической провинции — коснулся очевидный процесс распада. Западные границы степной провинции размываются, теряют отчетливость своих контуров, и на пространствах Молдовы, Правобережной Украины — даже вплоть до Нижней Волги — появляются комплексы металла (клады), вполне очевидно связанные своими корнями с более западными центрами, локализованными в Карпато-Балканском регионе (краткая речь об этом велась в главе 13; см. рис. 13.16).

Иногда с населявшими Европейский субконтинент племенами пытаются связывать

устрашавшие Хеттскую империю и Египет Нового царства нашествия так называемых «морских народов», вооруженных длинными мечами и копьями. Внешне это не кажется убедительным: ведь в Средиземноморье очень мало европейского оружия, а материковые области Европы с их обилием великолепных бронз вроде бы далеки от моря. Однако, их намного более предпочтительными соперниками на роль победоносных «морских народов» в битвах с египтянами Нового царства или же Хеттской империи, скорее всего, окажутся культуры Восточно-Средиземноморской (Эгейской) провинции. Те были намного теснее связаны с морем, ближе к Египту и побережьям Леванта, а в арсенале их вооружения представлены довольно многочисленные длинные и выразительные по форме бронзовые мечи-шпаги (рис. 14.3 и 14.4).

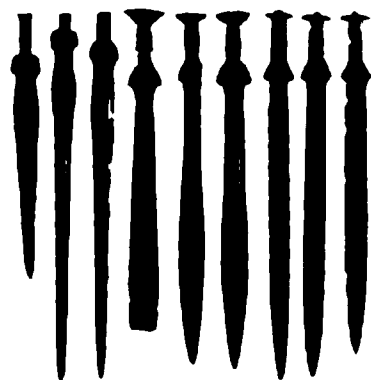

Рис. 14.6. Европейская МП. Бронзовые мечи (Börn, Hansen: Taf. XVII—XXII)

Рис. 14.7. Европейская МП. Бронзовые тесла, долото и кинжалы (Meller: 95)

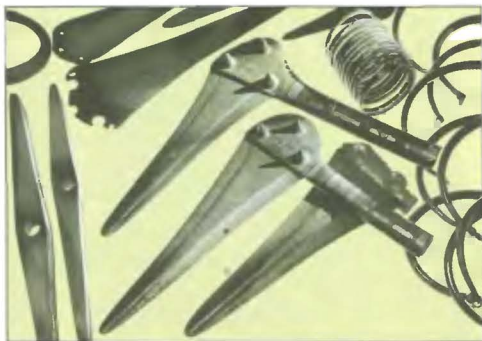

Рис. 14.8. Европейская МП. Бронзовые кинжалы, клевцы и браслеты

Рис. 14.9. Европейская МП. Бронзовые кинжалы, клевцы, гривны и браслеты (Muhl: 101, 103)

Рис. 14.10. Европейская МП. Бронзовые втульчатые кельты (Börn, Hansen: Abb. 118).

Рис. 14.11. Европейская МП. Клад бронзовых тесел (Krause: 171, Abb. 7)

Рис. 14.12. Европейская МП. Клад бронзовых серпов (Sommerfeld: 121)

Рис. 14.13. Европейская МП. Бронзовые шлем и нащечники (Born, Hansen: Taf. XII, XXIV, Abb. 105)

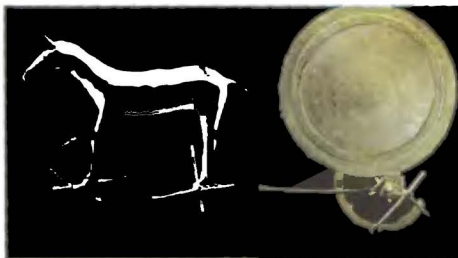

Рис. 14.14. Европейская МП. Бронзовая модель повозки с фигуркой лошади и солнечным диском с золотой аппликацией; найдена на Ютландском полуострове (Kaul: 54—57)

Кавказская металлургическая провинция

Кавказская металлургическая провинция (КаМП) являла собой безусловный феномен даже на фоне только что охарактеризованной и бесспорно блистательной по уровню своей технологии Европейской провинции. Ее производящие центры функционировали по преимуществу в пределах II тыс. и вплоть до начальных столетий I до н. э., т.е. в целом синхронно с ЕвМП. Однако четкую календарную хронологию ее ведущих производственных очагов и важнейших периодов функционирования установить пока что весьма сложно: надежные серии радиоуглеродных датировок здесь чрезвычайно редки и малочисленны.

Территория КаМП на удивление мала — не более 0,5 млн кв. км, и стало быть, Европейской провинции она уступала в 7 или 8 раз. И при этом совокупное число самых разнообразных металлических изделий здесь воистину бесчисленно: по всей видимости, количество их должно измеряться многими сотнями тысяч. Еще более разителен контраст Кавказской провинции с неохватной по пространству провинцией Западноазиатской: КаМП меньше своей северной «соседки» примерно в 15—16 раз! Такой контраст особенно примечателен, если напомнить при этом о сумме всех тщательно просчитанных металлических предметов в рамках северного гиганта — ЗАМП: их совокупная и тщательно подсчитанная сумма с трудом достигает лишь 17 тысяч.

Причем подчеркнем особо: по своей территории КаМП являлась самой незначительной из всех намеченных к настоящему времени для Эпохи Раннего Металла металлургических провинций Старого Света. Некоторое исключение в этом ряду представляет Эгейская провинция, но в сравнении с этой — по преимуществу разбросанной по островам системой — Кавказская провинция территориально очень компактна. Однако насыщенность ее, прежде всего, «за счет» погребальных памятников высококлассным металлом предстает столь фантастично высокой, что в XIX и XX столетиях, но уже нашей эры, возникла целая «индустрия» хищнической охоты за ее привлекательными для коллекционеров древностей бронзами. Варварские и неконтролируемые никем раскопки многих некрополей привели к тому, что великолепные металлические предметы — продукцию очагов КаМП — можно и по сегодняшний день встретить в витринах не только ряда европейских, но и североамериканских музеев, а также у частных коллекционеров.

Территориально Кавказская провинция характеризуется весьма четкими контурами, по крайней мере, как с севера, так и с юга (см. рис. 13.1). Севернее Кавказских предгорий, за пределами левобережья Терека и правобережья Кубани, продукция ее металлургических и металлообрабатывающих очагов практически малозаметна или даже не встречается вовсе. Типичным же металлом ее производственных центров насыщены погребальные комплексы основных регионов не только Главного Кавказа, но и так называемого Малого или же Южного Кавказа. Однако найти что-либо сходное с этой продукцией, скажем,

Рис. 14.16. Кавказская МП. Бронзовые топоры кобанского (слева) и колхидского (справа) типов (Georgien: 349—351)

Рис. 14.15. Кавказская МП. Бронзовые топоры-секиры колхидского типа (Georgien: 340, 341)

на соседних с Кавказом нагорьях Восточной Анатолии почти невозможно. Пожалуй, лишь в прилегающих к Каспию районах северного Ирана границы Кавказской провинции утрачивают свою примечательную четкость: там их черты как будто расплываются. Впрочем, этот регион мы не можем ныне относить к разряду досконально изученных, и будущие изыскания в состоянии изменить эти наши впечатления.

Теперь очень коротко об отличиях КаМП от провинции Европейской. Вспомним, что ЕвМП — это, прежде всего, провинция кладов; в тамошних комплексах среди прочих орудий по числу предметов доминируют серпы и топоры-кельты, а оружие — прежде всего, мечи — являет собой, пожалуй, наиболее выразительную и яркую категорию металлической продукции (рис. 14.5—14.12).

Кавказская же провинция — это система производственных очагов, активность которых направлена по преимуществу на заупокойные нужды, на сопровождение усопшего богатым набором, прежде всего, оружия, а также украшений. Клады металлических предметов также нередки на Кавказе. Однако в сравнении с европейскими они, конечно же, не столь многочисленны и, кроме того, резко отличаются от последних набором категорий представленных в них металлических изделий. На западе — в крупнейших комплексах ЕвМП — мы встречаем самые разнообразные разряды вещей: от готовых изделий до полуфабрикатов, лома изделий, а также порой и черновых слитков меди. Вкладах же КаМП явно преобладают готовые и предназначенные, по всей видимости, для погребальных ритуалов бронзовые предметы (см. например, рис. 14.15).

В целом даже поверхностное изучение огромной массы извлеченных из могил орудий и, прежде всего, оружия наводит на весьма определенную

мысль: металл этот никогда «в деле» не бывал. Скончавшимся соплеменникам в их могилы закладывали специально и искусно отлитый и обработанный после литья бронзовый инвентарь. Извлеченные из погребальных комплексов топоры, кинжалы или мечи (рис. 14.15—14.19) никогда не были в работе и не становились «участниками» воинских сражений. По всей вероятности, усопший должен был вступать в смертельные ристалища уже с обитателями не земного, но потустороннего мира, и эти великолепные изделия могли бы служить ему главным оружием в неведомых и бесчисленных стычках с таинственными и невидимыми врагами. Вещи эти не только не несут на себе следов употребления, но многие из них любовно покрывались сложной, причудливой гравировкой; их нередко украшали диковинные фигуры-навершия различных животных — коней, оленей, горных баранов — либо фантастических химер (рис. 14.20 и 14.21). Конь вообще предстает одной из самых любимых фигур, изображавшихся резцом мастера-металлурга на тулове топоров. Утверждение об его освоении под верховую езду на Кавказе вряд ли может вызвать сомнение; однако лошадь служила здесь также и тягловым животным (рис. 14.22).

С этой позиции великолепие кавказской позднебронзовой индустрии предстает перед нами едва ли не в некоем *супер-иррациональном* облике. Для того чтобы усопших достойно — конечно, с точки зрения их соплеменников — сопроводить на тот свет приличествующими их земному статусу «визитными карточками», то есть погребальным инвентарем, общество шло на колоссальные затраты энергии. Причем интересно: в пределах КаМП не сооружали громадных — подобных более ранним — курганов либо внушающих восхищение туристам мавзолеев. Внешние признаки их некрополей мало выразительны.

Долгое время в среде археологов, историков, краеведов бытовало поверье, что Кавказ фантастически богат медными и иными рудами, что здесь, где ни копни, повсюду буквально выпирают минеральные богатства: медные, золотые, серебряные, мышьяковые, сурьмяные руды. Но вот, наконец, в пределах северного и южного склона Главного Кавказского хребта археологи обнаружили медные и иные рудники, датированные II тысячелетием до н. э., но не отличавшиеся выразительным богатством рудных минералов. Горные выработки на месторождениях располагались зачастую в чрезвычайно труднодоступных — воистину заоблачных и близких к ледникам — ущельях или же на крутых и очень высоких склонах Главного Кавказского хребта. Добыча руд здесь была особенно трудна. После подобного рода открытий легенда об изумительном богатстве и легкой доступности кавказских недр сильно потускнела. На Кавказе, как и в иных местах, труд горняка и металлурга представлял собой одно из самых тяжелых среди известных в мире занятий.

В рамках КаМП довольно определенно намечаются две зоны производственных очагов. Северная зона связана по преимуществу с Главным Кавказским хребтом, и даже главным образом с его обращенными в степную сторону склонами. К южной зоне относится все Закавказье — или же Малый Кавказ. На археоло-

Рис. 14.17. Кавказская МП. Бронзовые топоры и секиры нередко украшались фигурками зверей или же химер, а также сложной гравировкой (Georgien: 146, 350)

Рис. 14.18. Кавказская МП. Бронзовые наконечники копий, кинжалы и мечи (Georgien: 114, 133, 139)

Рис. 14.19. Кавказская МП. Бронзовые и украшенные гравировкой наконечники копий (Georgien: 360, 361)

Рис. 14.20. Кавказская МП. Рукоять бронзового кинжала, украшенная фигурками животных (Chernykh 1992: 285)

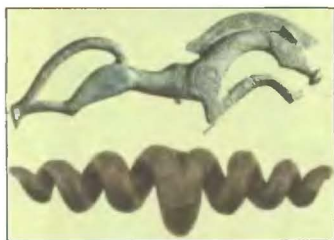

Рис. 14.21. Кавказская МП. Фигурка «летающего» скакуна и спираль-имитация головы и рогов горного барана (Georgien: 279)

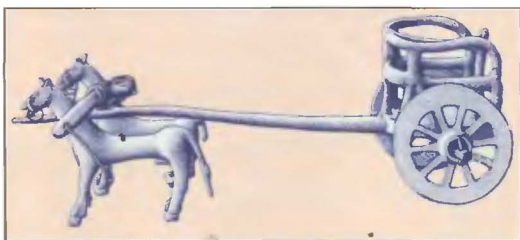

Рис. 14.22. Кавказская МП. Бронзовый макет двуконной боевой колесницы (самое начало I тыс. до н. э.). Происходит с территории Грузии (Georgien: 147)

гическом сленге северная зона очень часто именуется *кобанской* по знаменитейшему и в основном хищнически разоренному могильнику Кобан, располагавшемуся в Северной Осетии. Очаги южной зоны обозначаются как *колхидские*, поскольку самые первые и выразительные коллекции металла происходили здесь из легендарной Колхиды. Обе зоны имеют свои отличительные особенности, что выразительнее всего отражается на формах боевых бронзовых топоров (рис. 14.15—14.17).

В очагах КаМП — как северной так и южной зон — совершенно не производили топоров-кельтов, этого столь распространенного на Европейском субконтиненте вида изделий. На Кавказе мы практически не встречаем также металлических серпов. Вообще порой даже думается, что КаМП можно было бы именовать «*провинцией топора*»: ведь именно этот вид оружия являлся, пожалуй, наиболее любимым изделием у кавказских мастеров II тыс. до н. э. Параллельно литейщики отливали очень большое число кинжалов с фигурными сложными рукоятками (рис. 14.20). Мечи относились к самым крупным категориям оружия (рис. 14.18, две правые фигуры); однако на Кавказе их общее количество и морфологическое многообразие, конечно же, не могло равняться с продукцией ЕвМП. В некрополях сосредоточена также и огромная масса украшений (рис. 14.23 и 14.24). В могилах очень часто можно было встретить бусы, различных очертаний подвески, которые были изготовлены из сурьмы; либо украшения отливались из весьма легкотекучего сплава меди с большими присадками этого металлоида.

В эпоху поздней бронзы мы должны отметить еще одну чрезвычайно значимую перемену. Напомним, что в течение почти двух тысячелетий — IV и III тыс. до н. э. — Кавказ служил надежным «мостом» для переправки на север к степнякам очень больших масс металла, по преимуществу мышьяковой бронзы. Отныне Кавказ из «моста» между Севером и Югом превратился в барьер. Великолепие его металлургического производства по малопонятной причине либо не привлекает скотоводов, либо в кавказских культурах был возведен жесточайший запрет на распространение как своей конечной продукции, так и выработанной ими технологии производства. Во всяком случае, в степной зоне Северного При-

Рис. 14.23. Кавказская МП. Ожерелье из разнообразных медных сплавов с очень высоким содержанием сурьмы (Georgien: 151, 169, 172, 296)

Рис. 14.24. Кавказская МП. Ожерелье из Sb+Cu сплавов (Georgien: 281)

черноморья нам известно лишь несколько десятков кавказских изделий, тогда как в предшествующие тысячелетия из импортного кавказского металла отливали тысячи предметов.

Во всяком случае, взаимоотношения производственных очагов Западноазиатской и Европейской металлургических провинций, с одной стороны, а с другой — Западноазиатской и Кавказской, являют собой поразительный контраст. В первом случае между ЗАМП и ЕвМП наблюдаются отчетливо размытые границы и тысячекилометровые инфильтрации западных технологий на восток. Во втором случае — удивительно жесткая самоизолированность чрезвычайно высокоразвитых производственных центров КаМП.

Характер книги диктует нам необходимость жесткой лапидарности в характеристике изобильных материалов систем Европейской и Кавказской провинций. Вынужденную краткость описаний автор попытался восполнить богатым иллюстративным материалом, способным даже без лишних комментариев впечатляюще говорить сам за себя.

Западноазиатская, Европейская и Кавказская провинции: акцент на различиях

Сравнение структуры и характера этих трех соседних, в целом синхронных и весьма непохожих друг на друга систем, подталкивает нас к чрезвычайно любо-

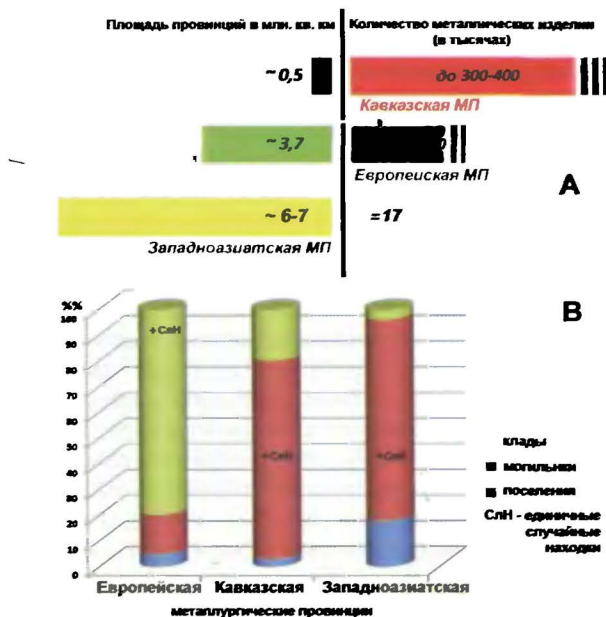

Рис. 14.25. Сопоставление некоторых важнейших характеристик Европейской, Кавказской и Западноазиатской металлургических провинций. Сведения о количестве металлических изделий Европейской и Кавказской провинций даются в приближенном виде

пытным выводам. Заключение подобного рода, конечно же, смогут пролить дополнительный свет, к примеру, на сложнейшие вопросы: каким, к примеру, предстает феномен металлургической провинции сквозь призму археологических источников? Или, скажем, какого размаха может достигать несходство между соседними системами?

Тема различий между огромными по своим материалам и территориально-хронологическому охвату металлургическими провинциями требует, конечно, специальных исследований. Допустимый объем нашей главы ставит этому неодолимый барьер, и поэтому автор вынужден будет ограничиться лишь кратким комментарием к двум сравнительным и весьма выразительным графикам (рис. 14.25). На приводимых диаграммах сопоставляются лишь некоторые, но вместе с тем ключевые, признаки трех упомянутых провинций: 1) пространственный охват и общая масса учтенных металлических изделий, (рис. 14.25, А), а также 2) распределение изделий по основным категориям археологических памятников (рис. 14.25, В). При этом обязательно укажем, что лишь для Западноазиатской провинции собранные данные отвечают доступной автору подробной

базе данных, которая на сегодняшний день по своей полноте может считаться в достаточной степени исчерпывающей. Сведения относительно гигантской массы известных находок Европейской и Кавказской металлургических провинций в плане распределения металла по категориям памятников носят достаточно приближенный характер. Однако при сопоставлении этих, пусть даже ориентировочных, данных мы получили ряд чрезвычайно важных наблюдений.

Так, самая незначительная по своей площади Кавказская металлургическая провинция оказалась наиболее насыщенной металлом. Уступая не менее чем двенадцатикратно (!) в пространственном отношении Западноазиатской Кавказская провинция опять-таки не менее чем двадцатикратно (!) превосходит ее по количеству сохранившихся бронзовых изделий. Европейская провинция занимает как бы промежуточную позицию между этими исключительно «полярными» системами: на Европейском субконтиненте не столь резко выражены данные по территориальному охвату и массе металла. Однако по одному из учитываемых здесь признаков Европейская провинция разительно контрастна с двумя другими: до 80% металлических изделий здесь сосредоточено в кладях.

И в ЗАМП, и на Кавказе львиная доля — до 4/5 бронз — связана с кладбищами. Вот только насыщенность металлом как отдельных могил, так и погребальных полей в сопоставляемых провинциях чрезвычайно несходна. Доля же кладов в рамках ЗАМП вообще ничтожна и к тому же, как уже говорилось, клады здесь по преимуществу связаны с заключительной фазой Западноазиатской провинции, когда воздействие модели металлообработки провинции Европейской достигает своего пика. На фоне Кавказской провинции контраст выглядит особенно впечатляющим: в ЗАМП учтено лишь 35 кладов, в которых зафиксировано всего 319 металлических предметов. То есть лишь только в одном трансильванском кладе Уиоара де Суз — правда, крупнейшем в ЕвМП — число артефактов превышает почти в два десятка раз (!) все то, что мы учли во всех кладях Западноазиатской провинции.

Изумительный контраст в доле металла из кладов между ЗАМП и ЕвМП наводит на мысль о принципиальных различиях в организации металлургии и металлообработки в обеих системах. Нередко европейские клады поражают громадой своих артефактов и разнообразием категорий содержащихся в них предметов. По всей видимости, кланы профессиональных мастеров металлообработки Европейской провинции были организационно отделены от кланов горняков и металлургов, осуществлявших добычу руды и выплавку меди из руд. Группы литейщиков-кузнецов обслуживали более или менее широкий круг потребителей, необязательно связанных с ними этнокультурным родством.

В системе ЗАМП господствовали иные формы организации. Здесь, как мы знаем на примере Каргалов, чаще всего обменивали руду и металл на скот, а металлообработкой занимались те мастера, что обитали на различных селищах и обслуживали в основном своих близких сородичей и соседей. Примеры же поселков, принадлежавших семьям профессиональных кузнецов-литейщиков,

крайне редки, и пожалуй, единственный пример здесь — это поселение срубной общности Мосоловка в бассейне Дона (Пряхин 1993; 1996).

Теперь о внешне кажущемся вполне правдоподобном заключении, связанном с одновременно и самой обширной по площади, и вместе с тем крайне обедненной металлом Западноазиатской провинции. Действительно, на фоне соседей вывод об ее исключительной убогости в массе меди может показаться бесспорным, если закрывать глаза на пример Каргалов. Ведь на Каргалинском центре в эпоху бронзы мы вполне обоснованно предполагаем выплавку меди в громадных масштабах — от 55/60 до 100/120 тысяч тонн! И это касается только одного центра ЗАМП, при том что число больших и малых не только медных, но даже и оловянных рудников в границах провинции достигало нескольких сотен. Мы говорили, что доли металла из некрополей в памятниках Западноазиатской и Кавказской провинций близки, но уж очень неравнозначной выглядит насыщенность металлом погребений. Однако это вовсе не означает, что в каждую конкретную могилу степняка-скотовода помещали редкие металлические изделия только потому, что меди было очень мало. Отнюдь! Здесь могли вступать в дело и, безусловно, выходить на первый план своеобразные и порой весьма жесткие фильтры уже не материального, но идеологического свойства. Именно эти фильтры призваны были регулировать все сакральные акции, что на материалах степных пастухов, прежде всего, отражалось на «демократически-уравнительном» характере заупокойных ритуалов. И запретную мощь фильтров этого плана мы далеко не всегда в силах корректно осознать и внятно охарактеризовать.

Ясно лишь одно: археологические источники, на базе которых мы готовы строить и строим свои ответственные заключения по поводу масштабов производства, равно как и относительно форм его организации, требуют критического анализа и более углубленной разработки.

Ирано-Анатолийская металлургическая провинция

Ирано-Анатолийская провинция также соседствовала с Западноазиатской в области Средней Азии, однако мы не включили ее в только что проведенный сравнительный ряд из трех провинций. Постараемся, объяснить причины такого отвержения.

Тема Ирано-Анатолийской металлургической провинции в рамках настоящей главы для автора таит в себе, пожалуй, наибольшее неудобство. Весь металл, о котором мы поведем речь ниже, связан с очень широко и хрестоматийно известными государственными образованиями II тыс. до н. э. в Месопотамии, Малой Азии, Западном Иране — с Вавилонией, Эламом, Касситами, Хеттской державой... Именно этим древнейшим государствам посвящена гигантская, воистину необозримая литература. Вся ее масса представлена не только книгами научными и научно-популярными. Этим древностям посвящены также сочинения художественные или вовсе малохудожественные, насыщенные до предела фантастиче-

скими выдумками. Число же статей на данные темы вообще никакому учету не поддается.

Связанные с этими цивилизациями древнейшие письменные документы и породили во многом ту традицию, которая надолго закрепила в парадигме мировой археологии казавшуюся до последнего времени неоспоримой аксиому «*Ex oriente lux*», то есть «Свет с Востока». Согласно этой «истине», свет высших знаний и достижений человечества всегда и непременно зарождался и расцветал в среде избранников Высшей Силы. Свет этот распространялся с того самого Востока, о котором пойдет краткая речь в настоящем разделе. Одаренность прочих и не допущенных в «блаженный круг» народов оценивалась лишь по способности тех понимать и усваивать достигавшие их ушей и взоров откровения. Обретавшиеся за «сакральным кругом» древние народы спорить с этой аксиомой, естественно, не могли, поскольку своей письменности не придумали. В центре внимания наших предшествующих глав всегда стоял металл, и вполне понятно, что здесь также перед нами стоит задача дать хотя бы самое общее представление об этом материале в памятниках классической древности «Ближнего и Среднего Востока».

Уже не в первый раз — даже в рамках второй части нашей книги — мы сталкиваемся с различиями оценок исторической реальности при опоре, с одной стороны, на документы исторические, а с другой, при обращении к источникам археологическим. К сожалению, здесь мы также упираемся в барьер подобного рода, причем барьер весьма досадный.

Вот, к примеру, если суммировать многочисленные письменные тексты Хеттской державы, каким рисуется обобщенный облик их легендарного воинства. Нескончаемы ряды воинов, принимающих воинскую присягу; их тела прикрыты щитами, а мечи и наконечники копий сияют под солнечными лучами. Легкие — не более 10—15 кг — стремительные, наводящие ужас на врагов боевые колесницы вмещают трех человек. Первый из них — возница, второй — обороняющий всех щитами, а третий — лучник, разивший врагов острыми стрелами. Такому воинству якобы не было равных среди вражеских полчищ... Но вот мы обращаемся к археологическим материалам: где же все это? Куда подевались или где запрятаны груды мечей и наконечников копий? Где хранятся останки стремительных колесниц?.. Увы, здесь мы упираемся в досадно и столь нередко повторяющуюся для исследователя-археолога сложность: руины хеттских городов и даже древние могилы Анатолийских нагорий не являють нам ни массы блещущего на солнце бронзового оружия, ни следов колесниц.

Только что перед нами — в этой главе — прошли описания удивительной мощи, разнообразия и фантастической массы металлического оружия и орудий вкладах и некрополях соседних Европейской и Кавказской металлургических провинций. Здесь же — на взгорьях Малой Азии — на фоне систем тех могучих металлургических центров нас ждет едва ли не пустыньность. Да и сама эта выразительная бедность бронзами кажется странной и труднообъяснимой. Металл,

конечно, встречается и здесь, но он относительно редок, а формы изделий из него чаще всего не столь уж выразительны. К тому же они во многом повторяют то, что было известно на этих пространствах в предшествующем III тыс. до н. э. в рамках Циркумпонтийской провинции (см. главу 11). Во втором тысячелетии н. э. нет не только общая масса бронзовых предметов, но равно и их морфологическое разнообразие. И куда подевались золото и серебро?

По этой причине каждый раз, когда автор данной книги намеревался приступить к выделению и определению важнейших черт особой Ирано-Анатолийской металлургической провинции, его ожидала постоянная и досадная нерешительность: на проверку здесь оказывалось так мало выразительного материала! И это при том, что пространственный охват этой предполагаемой провинции достаточно внушителен: примерно 2,2—2,5 млн кв. км (см. рис. 13.1).

Автор счел необходимым вкратце коснуться здесь материалов, отражающих характер металлопроизводства в рамках пока что гипотетически реконструируемой Ирано-Анатолийской провинции, поскольку на крайнем востоке ее прикопетагский ареал граничит с южной окраиной Западноазиатской провинции. В области Маргианы ряд исследователей выделяют даже так называемый Бактриано-Маргианский археологический комплекс, где заметно смешение несходных между собой черт культур северных степных скотоводов и южных оседлых народов, ориентированных на поливное (орошаемое) земледелие (Kohl 2007: 184—241).

Автор полагает, что нет резона давать характеристику всего металла на данной довольно обширной территории. Наверное, будет достаточным беглого обзора вопросов, связанных с металлопроизводством в пределах только Хеттского царства. К такому решению подталкивают три причины. Во-первых, хетты обретались в пределах Анатолии, где богатство и относительная доступность рудных источников сомнений не вызывали и не вызывают. Во всяком случае, горно-металлургическое производство в державе хеттов, очевидно, имело место, и хетты находились в безусловно более выгодном положении в сравнении с теми социальными объединениями, что локализовались, скажем, в пределах безрудного Двуречья. Во-вторых, письменные источники, причем не только хеттские, но известные также в иных центрах, скажем, в Месопотамии, как будто говорят о некой и весьма значимой роли передовой хеттской металлургии в этом обширном регионе. По крайней мере, в исторической литературе бытует широко распространенное мнение, что в Евразии именно хетты явились пионерами, к примеру, в открытии производства железа. И наконец, в-третьих, с севера едва ли не вплотную к Хеттскому царству подходили границы Кавказской металлургической провинции, яркие картины металлопроизводства которой только что прошли перед нами. Сопоставления эти вряд ли потребуют комментариев: судя по всему, картина кажется достаточно ясной.

Хеттскую державу нередко называют империей, хотя это явное преувеличение: она была не столь велика и всеохватна. Величественные руины столицы

этого царства — Хаттуса или же Хаттушаш (Hattusa) — дали самый яркий материал для характеристики культуры этого народа (рис. 14.26). Для специалистов по древней истории наиболее важным или же одним из самых важных объектов явился, конечно же, архив документов — клинописных глиняных табличек, а также и иероглифических надписей, найденных в слоях и руинах города. Расшифровка текстов позволила лингвистам установить принадлежность языка хеттов к индоевропейской языковой семье, а также вникнуть во многие стороны духовной жизни хеттского общества.

Общая площадь хеттской столицы превышает 1,5 кв. км, но по существу, она предстает еще большей. К примеру, знаменитое святилище Язылыккая, расположенное в скальной узкой щели и знаменитое своими барельефами (рис. 14.27), отстояло на два километра к северо-востоку от центральной точки города. Могучая каменная архитектура обеспечила руинам Хаттусаса более чем трехтысячелетнюю сохранность. Каменные фундаменты различных построек царского дворца, или же цитадели города, на вершине большого скального холма-возвышения Буйюккале позволяют судить о величии комплекса этих сооружений. Пожалуй, еще более впечатляют прекрасно сохранившиеся следы огромного храма, общая площадь которого вместе с двором превышала четыре гектара (рис. 14.28).

Хаттуса окружали стены, сложенные из крупных каменных блоков. Особый предмет внимания туристов, конечно, знаменитые ворота — Львиные, Царские. На выходе из города, на массивном каменном блоке Царских ворот высечена в полный рост фигура хеттского владыки, держащего в руке топор — своеобразный символ высшей власти в этой державе (рис. 14.29). Мы можем судить также и о другом виде оружия, которым пользовались боги хеттов. В святилище Язылыккая, как правило, привлекает внимание знаменитый барельеф «Двенадцать» (рис. 14.27). Обычно предполагают, что на нем изображено шествие божеств низшего ранга. Каждый из богов этой странной колонны несет на плече некое весьма своеобразное по виду оружие, которое ряд исследователей признают за специфический ятаган.

Нам приходится привлекать внимание к наскальным изображениям металлического оружия, прежде всего, потому что этим изображениям на барельефах очень трудно сыскать точные параллели среди дошедшей до наших дней металлической продукции хеттских кузнецов и литейщиков. Некоторые подобию топору, который держит в руке хеттский царь (рис. 14.29), можно видеть среди так называемых луристанских бронз (рис. 14.30). Правда похожий чем-то на этот рельеф топор происходит уже с территории Ирана. Иные виды бронзового оружия уже маловыразительны. По этой причине мы и ограничились здесь демонстрацией небольшого числа изображений металлических предметов с территории Ирана (рис. 14.30).

Около 1200 гг. до н. э. Хеттская «империя» рушится. От нее потомкам остаются лишь величественные каменные руины, наскальные панно, а также клинописные архивы и иероглифические надписи на скалах. Чаще всего считают, что в этой

Рис. 14.26. Столица Хеттской державы — Хаттусас (северная, более низменная часть города). 1 — цитадель (Бюйюк-кале), местоположение строений царского дворца; 2 — большой храм столицы (Google)

Рис. 14.27. Язылыкая — святилище Хаттусаса. Наскальный барельеф именуемый как «Двенадцать». Шествие двенадцати хеттских божеств низшего ранга, вооруженных бронзовыми «мечами-ятаганами»

Рис. 14.28. Хаттусас, большой храм (Google)

Рис. 14.29. Хаттусас. Оборонительная стена и Царские ворота с барельефом монарха. В руках у царя изображение ритуального топора

Рис. 14.30. Некоторые бронзовые предметы с Иранского плато, характерные для Ирано-Анатолийской провинции; «хвостатые» боевые втульчатые топоры — символы высшей власти — напоминают тот, что держит в руках хеттский владыка на каменном блоке у Царских ворот Хаттусаса (Stöllner, Körlin; Ghirshman: 64, 65)

катастрофе оказались повинными нахлынувшие с запада и всепобеждающие в те столетия «народы моря». Их волны, как утверждают авторы множества исторических трудов, прокатились огнем и мечом по обширным пространствам от Анатолии до Египта. И даже в одной из древних египетских надписей говорилось как будто, что «ни одна страна, начиная от Хатти, не устояла перед их войсками». Таковой ли была действительность, сказать трудно. Правда, весьма примечательно, что явные следы их нашествия на Центральную Анатолию и Хаттусас в археологической реальности остаются весьма мало заметными или даже совсем неуловимыми. Думается, однако, что если и протащили свой тяжкий каток через анатолийские нагорья не очень понятные для археологов «народы моря», то по всей видимости, внутренне хеттское общество ослабело тогда до чрезвычайности. Иначе вряд ли немногочисленные — а они и не могли быть иными — дружины пришельцев смогли бы преодолеть с такой легкостью могучие каменные стены столицы и сокрушить некогда почитавшееся почти непобедимым хеттское воинство.

Гиксосы — Манефон — Иосиф Флавий

В предыдущем разделе акцент нашего изложения был сосредоточен на тех особенностях структуры Ирано-Анатолийской провинции, которые заметно отличали эту систему от ее северных и западных соседей. Однако в этом плане мы должны обратить внимание еще на одну примечательную особенность: эта провинция граничила и с юга, и с севера сразу с двумя доменами скотоводческих культур. О северном пограничье мы кратко упоминали в предшествующем разделе: речь шла о так называемом Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе, где скрещивались черты южных — оседло-земледельческих — и северных — скотоводческих — культур. Другая и противоположная ей — южная контактная зона прилежала к домену семитоязычных кочевых и полукочевых племен Аравии и Сиро-Палестины (характеристику этого домена см. в главе 2).

Различные государства Месопотамии время от времени испытывали тяжесть ударов со стороны чуждых им и, предположительно, скотоводческих народов. Таковыми были, к примеру, гуттии, нашествия которых в конце III тыс. до н. э. послужили основной причиной падения Аккада (это случилось еще в рамках Циркумпонтийской провинции). Завоевания касситов в 16 столетии обрушили в Двуречье правление Старо-Вавилонской династии. И гутиев, и касситов обычно связывают с горными скотоводческими народами, населявшими регионы Западного Ирана, хотя особых доказательств в пользу предлагаемой локализации обычно не приводят. Нашествия и последующее владычество кочевых или полукочевых народов на социальные объединения чуждых им культур и цивилизаций приводят, как правило, к более или менее стандартным картинкам и столь же стандартным оценкам со стороны побежденных. Вот, к примеру, строфы из шумерийского гимна богу Нинибу с жалобой на жестокости гутиев:

*Страна в руках жестоких врагов.
Боги увезены в плен.
Населениеотягчено повинностями и налогами.
Каналы и арыки запущены.
Тигр перестал быть судоходным.
Поля не орошаются.
Поля не дают урожая.*

(Wikipedia„Гутии)

Мы же сейчас познакомимся с племенами гиксосов — тех скотоводов, чей домен был бесспорно связан не с горным Ираном, но с Сиро-Палестиной и Аравией. Нас в этой связи привлекают кажущиеся весьма реалистичными описания картин их завоеваний Египта, где в 17 столетии до новой эры правили фараоны слабых XIII и XIV династий. Нашествия номадов пресекли эпоху Среднего Царства Египта, а после изгнания гиксосов наступила пора Царства Нового.

Читателя, впрочем, может удивить внимание к этим сюжетам — ведь территориально они кажутся достаточно далекими от основной проблематики нашей книги. Два обстоятельства, однако, могут объяснить предпринятое «отклонение». Во-первых, перед нами наиболее ранние из исторических источников повествования о жестоких столкновениях общностей, чуждых друг другу по системам жизнеобеспечения. Во-вторых, кочевые и полукочевые народы Сиро-Аравийского домена в более поздние времена будут играть чрезвычайно значимую роль в истории многих евразийских народов; и в случае с гиксосами мы сталкиваемся также с наиболее ранними свидетельствами активности культур этих уже южных скотоводов.

Итак, Иосиф Флавий — знаменитый римско-иудейский историк первого столетия новой эры — в борьбе за право евреев считаться народом, по своему почтенному возрасту не уступающим иным и весьма именитым нациям, пишет книгу «*О древности иудейского народа. Против Апиона*». Историка-грамматика Апиона, жившего в первой половине первого века новой эры сначала в Александрии, а затем в Риме, Иосиф считал наиболее активным и вредоносным юдофобом. Поэтому он и явился главным объектом жестокой и беспощадной критики со стороны Флавия. Для доказательства древности иудеев он прибегает к свидетельствам также знаменитого греко-египетского историка и жреца Манефона (конец 4 — начало 3 в. до н. э.). Манефон создал впечатляющую по охвату историю древнего Египта, начиная от мифических фараонов вплоть до современной ему эллинистической династии Птолемеев. Из его текстов извлекает Иосиф (О древности... 14) те части, которые, по его мнению, утверждают глубочайшую древность иудеев. Однако нас в этих отрывках из истории Манефона будут интересовать лишь упоминания о гиксосах. Итак, слова Манефона в передаче Иосифа Флавия:

«Была у нас [в Египте] царь по имени Тимеос. В его царствование Бог, неизвестно почему, прогневался, и из восточных стран внезапно напали на нашу

землю люди бесславного происхождения, полные отваги, и завладели ею легко, без боя и насильно. Они покорили всех бывших в ней князей, затем беспощадно сожгли города и разрушили храмы богов. С жителями они поступили самым жестоким образом, убивая одних, а других вместе с женами и детьми обращая в рабство. После всего этого они избрали царя из своей среды, имя которого было Салитис. Последний основал свою резиденцию в Мемфисе, обложил данью верхнюю и нижнюю землю и поставил гарнизоны в более подходящих пунктах. Но в особенности он укрепил восточные окраины, в ожидании, что ассирийцы когда-либо, собравшись с силами, сделают нападение на его царство, желая завладеть им. Найдя в Сетроитском номе, на востоке от Бубастийского рукава Нила, весьма удобно расположенный город, который, согласно древнему религиозному сказанию, назывался Аварис, он обстроил его, укрепил его весьма сильными стенами и поместил в нем многочисленный гарнизон, состоявший из двухсот сорока тысяч тяжеловооруженных. Туда он отправлялся летом как для раздачи продовольствия и жалованья, так и для того, чтобы, с целью внушения страха соседним народам, заставляя воинов усердно заниматься военными упражнениями. Он умер, процарствовав девятнадцать лет».

Затем Манефон перечисляет еще пять царей-гиксосов, наследников Салитиса, которые «...постоянно и со все большей силой стремились к тому, чтобы искоренить род египетский. Весь их народ назывался гиксос, что значит «цари-пастухи». Ибо гик означает на священном языке «царя», а «сос» в народной речи — «пастуха» или «пастухов»; из этих же двух частей образовалось слово гиксос. Некоторые полагают, что это были арабы».

«В другом же экземпляре, — пишет Флавий, — я нашел, что звук гик означает не царей, но, наоборот, указывает на то, что пастухи были пленниками, так как, с другой стороны, гик и гак (произносится с придыханием густым) по-египетски прямо означает «пленников». Это объяснение мне кажется правдоподобнее и согласнее с древней историей.

Манефон далее говорит: «Вышеупомянутые цари из так называемых пастухов и их преемники владели Египтом в продолжение пятисот одиннадцати лет. После этого цари фивские и верхнеегипетские поднялись против пастухов, и вспыхнула сильная и продолжительная война. В царствование Мисфрагмуфоса пастухи были побеждены и вытеснены из всего Египта, и они заперлись в одном месте, которое в окружности своей заключало десять тысяч арур. Место это называлось Аварис. Его со всех сторон, — говорит Манефон, — пастухи окружили большой и крепкой стеной для того, чтобы иметь все свое состояние и добычу в безопасности. Но Фуммос, сын Мисфрагмуфоса, расположившись перед стеной во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек, осаждал их, стараясь силой подчинить их себе. Но отчаявшись в успехе осады, он заключил с ними договор, в силу которого они должны были оставить Египет и могли все в полной безопасности напра-

витель, куда им угодно было. И тогда они, на основании состоявшегося соглашения, со своими домочадцами и своим состоянием оставили Египет в количестве не менее двухсот сорока тысяч человек и пошли в Сирийскую пустыню. Но из страха перед могуществом ассирийцев, которые тогда владычествовали в Азии, они в ныне называемой Иудее построили город, который мог бы вместить столько тысяч людей, и наименовали его Иерусалимом».

В другой книге своей «Египетской истории» Манефон замечает, что «этот же народ так называемых пастухов в их священных книгах назывался пленниками». И это совершенно верно, потому что у наших отдаленных предков пастушество составляло обычное занятие и они, ведя жизнь кочевников, по справедливости называются пастухами. Пленниками они также не без основания называются египтянами, так как наш предок Иосиф [Прекрасный] сам заявил египетскому царю, что он пленник, и впоследствии, с согласия царя, вызвал в Египет своих братьев».

Правление шести царей в течение «пятисот одиннадцати лет», с точки зрения принятой ныне хронологии, выглядит невозможным: в действительности их владычество длилось не более 150 лет. С начала XVIII династии — а это около 1550 года до н. э. — в Египте наступает пора династий Нового Царства. Также малореальной кажется численность военных соединений обоих сражающихся сторон. Но для нас наиболее ценными в этих текстах Манефона и Флавия являются свидетельства об участии семитоязычных народов в формировании картины исторического развития этой части Евразии.

В конце главы обратим, пожалуй, внимание на еще одно, но важное наблюдение. В археологическом контексте все нашествия, завоевания и даже периоды правления кочевников на фоне археологических древностей «обычных» оседлых цивилизаций выглядят крайне тускло, а порой и вообще незаметно. Это отчетливо видно не только на примере гиксосов, касситов или гутиев. Вспомним также случай с «Царской Гробницей» и сопряженными с ней по времени малоприметными сооружениями на Арслантепе (см. главу 10). Может быть, именно с этим феноменом были связаны и «провальные» столетия на Балканах?.. (см. главу 11).

Глава 15

РЫВОК ИЗ ЦЕНТРА АЗИИ НА ЗАПАД: ЧИНГИЗОВЫ ПРОВОЗВЕШНИКИ

Сейминско-турбинский транскультурный феномен

Перенесемся теперь в самый центр Азии, в тот регион, — вспомним геоэкологию — где в тесном клубке сплелись засушливые степи и пустыни с таежным Саяно-Алтаем и, совсем невядалеке от Алтая, с высокими пиками восточного Тянь-Шаня. Народы, населявшие эту область, вплоть до рубежа III и II тыс. до н. э. отнюдь не блистали сколько-нибудь заметными культурно-технологическими достижениями. Однако именно там, на переломе этих тысячелетий, и произошел тот уникальный технологический «взрыв», которому, пожалуй, очень трудно подыскать прямые параллели на всем Евразийском континенте. Заключение это кажется справедливым, даже если не забывать о всех феноменальных «взрывах» минувших эпох, идет ли речь об удивительной и поразительно древней эпохе Прото-металла; либо о Балкано-Карпатской металлургической провинции V тыс. до н. э. Технологический рывок в Центральной Азии чем-то напоминал упомянутые здесь, но во многом существенно отличался от них.

Три тесно взаимосвязанных фактора придают яркое своеобразие феномену, именуемому сейминско-турбинским (СТ). Те находки металла III тыс. до н. э., о которых нам известно в данном регионе в комплексах афанасьевской культуры, в какой-то мере, могли наводить на мысль о весьма далеком западном импульсе (мы об этом уже говорили раньше, в главе 11). Однако столь внезапно возникшая центральноазиатская металлургия с этим импульсом не имела никаких явных соединительных связей: все здесь представало в облике удивительно самобытным. Неожиданной оказалась не только произошедшая вспышка бесспорно самостоятельного и изолированного от западных центров производства. Изумлял технологический уровень новой металлообработки: во многих отношениях он оказался существенно выше того, что мы наблюдали в центрах Циркумпонтийской провинции, а также ее наследницы — Западноазиатской провинции. Наряду с этим технологическим взлетом не менее сложным для археологов оказалось найти объяснение тому бесподобно стремительному пространственному броску, который свершили носители этой культуры (или же блока родственных культур?) от центра Азиатского материка вплоть до Балтики и даже бассейна Нижнего Днестра (во всяком случае, они оставили там свой отчетливый след). Металл —

и прежде всего металл — стал основой наших представлений об этом феномене. То был первый в Евразийской истории голоценовой эпохи великий бросок с Востока на Запад. Последующие за ним взрывные волны восточных миграций произойдут уже много позднее — спустя два тысячелетия.

Третий фактор мы уже поминали кратко в главе 13. Речь идет о столкновении двух прямо противоположных по своему направлению мощных миграционных волн. С запада на восток продвигались довольно плотные массы мигрантов абашево-синташтинской археологической общности. Параллельно и в то же самое время сейминско-турбинские группы устремились с востока на запад. Разгадка форм их взаимодействия придает нашему повествованию привкус особой интриги.

Своеобразие этой проблемы в причастии к прочим евразийским культурам столь велико, что мы позволим себе несколько изменить характер настоящей главы. Значительное место в ней будет уделено более подробной характеристике археологических материалов, связанных с этой темой. Без этого вряд ли удастся достаточно отчетливо высветить важнейшие аспекты новых социо-культурных формирований на восточной половине Степного Пояса.

Некрополи или же мемориалы-жертвенники?

Погребальные или же какие-то иные сакральные памятники, а также рассеянные по необозримым пространствам отдельные находки металлического оружия и орудий (археологи такого рода находки обычно именуют «единичными случайными»), протянулись гигантской, но пологой дугой с востока на запад, и ее протяженность превысила семь тысяч (!) километров (рис. 15.1). На востоке край дуги упирался в Центральный Китай, на западе его «плечи» касались Восточной Балтики и даже низовьев Днестра. При таком гигантском территориальном охвате вся дуга — а это до четырех миллионов квадратных километров! — была представлена крайне ограниченным числом металлических предметов: не более девяти сотен — всего лишь! И в своей основе коллекции этих изделий были представлены едва ли не исключительно бронзовым оружием! Суровый характер инвентаря подчеркивала крайняя редкость металлических украшений. Исключение, пожалуй, составляли лишь нефритовые браслеты. Наряду со столь трудно объяснимым малым числом изделий, оружие этих воинов на фоне металла соседних культур оказалось столь специфичным по форме и технологии изготовления, что вплоть до сегодняшнего дня у серьезных исследователей не зарождалось сколько-нибудь заметных сомнений в ярко выраженном своеобразии культур его носителей.

Также чрезвычайно малым оказалось и общее количество тех памятников, которые археологи обычно относят к категории могильников — их не более десятка (рис. 15.1). И это при том, что среди тех имеются такие местонахождения групп металлических предметов, которые по своему характеру остаются не

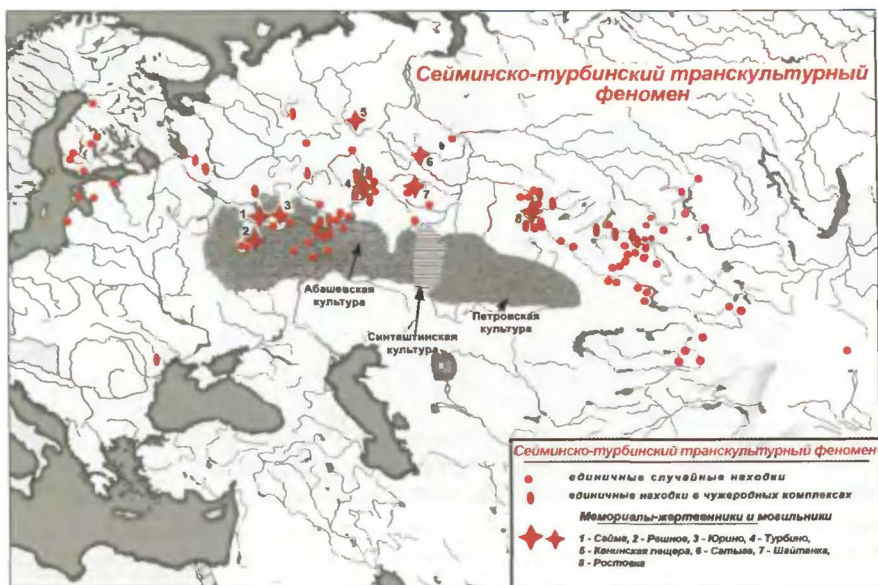

Рис. 15.1. Две встречные волны распространения носителей новых технологий в Северной Евразии. С запада на восток в Сибирь проникали наследники культур распавшейся Циркумпонтийской провинции — носители абашево-синташтинской культуры. Из центра Азии на запад стремительно продвигались конные группы, олицетворявшие сейминско-турбинский транскультурный феномен

вполне ясными для исследователей. Столь непривычная оговорка вызвана тем обстоятельством, что даже те памятники данного круга, которые в специальной литературе привычно именуют могильниками, оказываются в огромном большинстве мало похожими или же вовсе непохожими на обычный «археологический стандарт» древних некрополей. В них, к примеру, не удастся проследить следов погребальных ям; и даже в тех местах, где как будто можно угадать признаки выкопанных могил, нет человеческих костей. Материал в местах его скопления представлен по преимуществу лишь металлическими предметами; кроме них, встречаются кремневые наконечники стрел, да изредка нефритовые кольца-браслеты, и уже совсем редко — литейные формы для отливки бронзового оружия. Подобного рода памятников в разбираемом нами круге очевидное большинство. Если же в могилах некоторых западносибирских или зауральских кладбищ и встречаются кости человека, то они зачастую пережжены до того состояния, что антропологи не решаются судить по их фрагментам о расовой принадлежности захороненных там людей.

В ряду этих «некрополей» обязательно обратим внимание и на так называемые могильники-святилища или же жертвенники. Здесь опять-таки важнейшим

Рис. 15.2. Шайтанка или Шайтанское озеро: на его берегу и располагался один из С-Т мемориалов-жертвенников

Рис. 15.3. Шайтанка. Мелкий раскоп почти сразу же упирался в каменные глыбы, между которыми и залегали отдельные предметы или их группы

Рис. 15.4. Шайтанка. Группа находок из ножа и лежащего поверх него кельта

объектом явились металлические предметы. Однако тут зачастую не удастся различить даже имитаций погребальных ям. Бронзовое оружие может залегать отдельными скоплениями. При этом кажется, что такого рода внешне взаимосвязанные группы предметов раскладывались и втыкались в грунт древними в каком-то лишь им ведомом порядке. Сформировавшийся позднее дерн служит для тех изделий и поныне укрытием, хотя вряд ли очень надежным, особенно когда так называемые «черные» археологи вооружились чувствительными металлодетекторами. Во всяком случае, именно такой представляется картина совсем недавно открытого и тщательно раскопанного археологами мемориала-

жертвенника этого культурного феномена на берегу таежного зауральского Шайтанского озера (см. рис. 15.2—15.4). Теперь мы именуем его в более удобном для восприятия формате Шайтанкой.

По существу, перед нами некие весьма странные святилища-мемориалы или же жертвенники-мемориалы. Нам очень трудно с достаточной определенностью составить мнение о том, выкладывались ли все эти некогда драгоценные металлические предметы в честь павших на поле боя, либо просто скончавшихся соплеменников? Или же таким образом древние воины отмечали некие памятные для них события? Кроме того, они довольно слабо или же почти не отличаются от иных, ставших уже знаменитыми памятников, которые традиционно считаются некрополями, но на самом деле таковыми не являются (мы упомянем их ниже).

Еще одной чрезвычайно характерной особенностью рассматриваемых здесь древностей следует назвать отсутствие поселений. Попытки обнаружить их следы наталкиваются на полную неясность в отношении сколько-нибудь четко выраженных ориентиров, чтобы уловить связь материалов из предполагаемых мемориалов-жертвенников с местами самых разнообразных селищ. Проблема предстает еще более трудноразрешимой на фоне гигантского территориального рассеивания этого яркого металла: ведь на таких пространствах археологи обыкновенно различают изрядное множество разнообразных археологических культур.

Два памятника из тех, что исследователи по устоявшейся традиции причисляют к истинным могильникам, явились своеобразным символом этого уникального явления и послужили основой для обозначения самого феномена. Первый из некролей получил название Сейминский; находится он в самых низовьях Оки, близ места ее впадения в Волгу, недалеко от Нижнего Новгорода. Второй обозначен как Турбино; он расположен на Каме близ Перми, напротив впадения в Каму ее крупнейшего уральского притока — реки Чусовой. По двум указанным некролям данный феномен и стал именоваться *сейминско-турбинским*, и название это уже давно закрепилось в мировой литературе. В последнее время к этому наименованию феномена прикрепилось также весьма важное прилагательное — *транскультурный* (сокращенно СТ-феномен). Прилагательное подчеркивает, что эти бронзы покрывали территории множества культур, несколько не утрачивая при этом важнейших и ярких черт своей самобытности.

Заметим кстати, что большинство памятников сейминско-турбинского типа локализовано близ крупных рек. К тому же они зачастую тяготеют к устьям их притоков. Кроме Сеймы и Турбина, на Волге близ впадения в нее Ветлуги обнаружены следы еще одного некрополя того же типа (Юрино — он же Усть-Ветлужский); в низовьях Оки раскопан могильник Решное. Кажется также, что на стрелке-мысу у слияния Волги с Камой находился еще один некрополь — Соколовский, но от него мало что сохранилось. Один из самых выразительных и богатых могильников-жертвенников Западной Сибири — Ростовкинский — также привязан к реке Омь, причем близ впадения ее в Иртыш, совсем неподалеку от Омска.

Из этого вытекает вполне определенное заключение, что носителей сейминско-турбинских культур отличало отчетливо выраженное тяготение к крупным речным магистралям. Подобная «привязка» окажется весьма важной для понимания характера и основной территориальной устремленности сейминско-турбинских групп, о чем речь пойдет ниже.

История открытия и изначального обсуждения характера сейминско-турбинских памятников кажется весьма интересной и поучительной. Достаточно подробно она была изложена в посвященной кочевому миру предшествующей книге автора (Черных 2009: Приложение 6).

Сейминско-турбинский металл

Бронзовые и медные изделия сейминско-турбинского облика являются безусловным и важнейшим признаком, пожалуй, даже символом для этих столь необычных евразийских культур. Среди всех известных ныне их коллекций определенно выделяются четыре категории металлических изделий, присущих исключительно лишь СТ-феномену. Самыми распространенными и наиболее характерными для этих категорий являются две: топоры-кельты или же просто кельты (рис. 15.5), а также наконечники копий (рис. 15.6 и 15.7). Различия среди этих кельтов касаются, прежде всего, размеров конкретного орудия (скорее — оружия), характера орнаментации по тулову и под венчиком, а также наличия или отсутствия боковых ушек для крепления кельта к рукояти. У наконечников копий по форме стержня пера различаются также две основные группы изделий. Наиболее характерной для сейминско-турбинского металла копия усложненно-го вида (рис. 15.6), так называемые «вилчатые» (от слова вилка); и кроме них, наконечники с простым ромбическим в сечении стержнем (рис. 15.7), служившие также достаточно надежным ребром жесткости для пера такого оружия. Конструкция кельтов также почти обязательно предполагала наличие двух ребер жесткости по вертикальным краям изделий.

Обе эти категории изделий — кельты и наконечники копий — характеризуются так называемым тонкостенным литьем со «слепой» втулкой. Такая инновация для евразийских культур конца III и начала II тыс. до н. э. явилась принципиальным технологическим достижением в сфере металлообрабатывающего производства. Их связанные с западными корнями степные соседи подобных приемов литья оружия тогда еще не ведали.

Другой аспект технологического уровня металлообработки касался широко применения искусственного сплава меди с оловом, то есть, по существу, уже классического вида бронз. Именно этот легкотекучий сплав и позволил в немалой степени освоить и успешно применять технику тонкостенного литья оружия со «слепыми» втулками — кельтов и наконечников копий.

Еще одна категория орудий или оружия относилась также к литым, но уже плоским ножам или кинжалам (рис. 15.8). Как правило, пятка клинка формова-

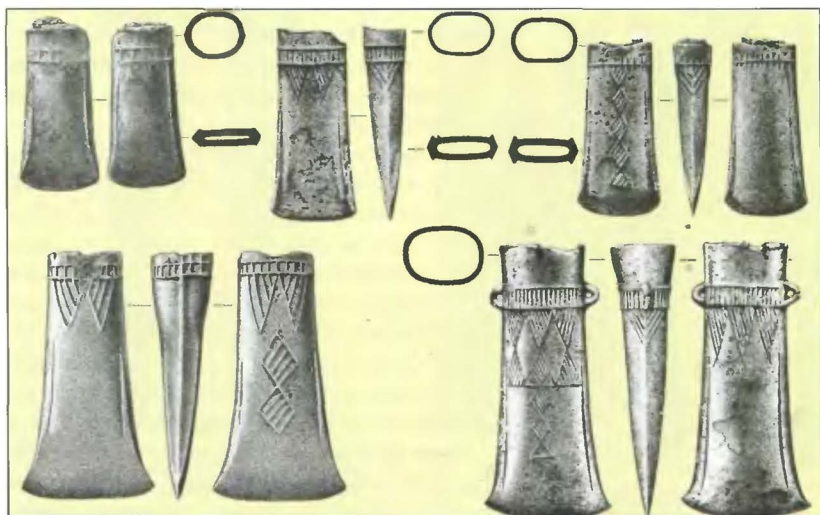

Рис. 15.5. Бронзовые и медные топоры-кельты сейминско-турбинского типа. То были самые распространенные типы орудий у этих популяций. Во втулке кельтов нередко сохранялось дерево от рукоятки, на которую насаживалось само тонкостенное орудие. Внизу справа кельт с боковыми ушками для лучшего его крепления к рукоятке. Поверхность кельтов литейщики старались украшать любимым ими видом орнамента: заштрихованными поясами, треугольниками или ромбами.

Рис. 15.6. Так называемые «вильчатые» бронзовые наконечники копий: у этих типично сейминско-турбинских экземпляров стержень пера напоминает трезубую вилку. Оба изображенных по краям рисунка изделия связаны с крайними точками ареала этих бронз: левое — из Бородинского клада в бывшей Бессарабии; правое — из урочища Шенна в центре северного Китая. Расстояние между ними по прямой (!) линии достигало не менее шести тысяч километров. Центральный наконечник происходит из могилы Ростовкинского некрополя близ Иртыша: сам некрополь находится как раз посередине гигантской пологой дуги распространения металла этого феномена

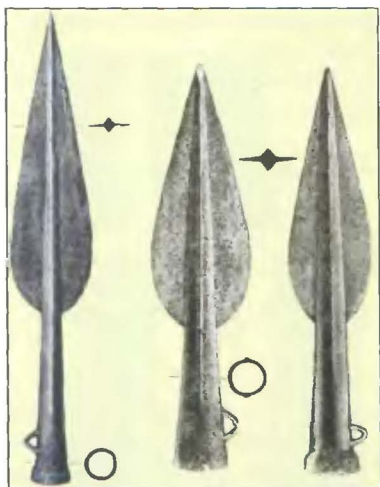

Рис. 15.7. Литые бронзовые наконечники копий так называемого «обычного» вида, то есть без «вилки». Этот тип оружия характеризовался более широким ареалом распространения, нежели у типичных сейминско-турбинских или же «вильчатых»

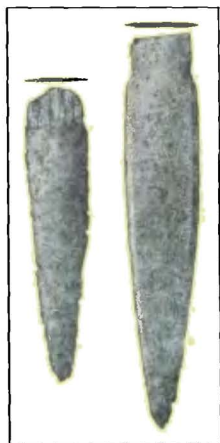

Рис. 15.8. Ножи-кинжалы без рукоятей. Короткие и широкие черенки клинков могли вставляться в костяную или деревянную рукоять.

лась без явно выраженного черенка, а сам нож вставлялся в обойму деревянной или костяной рукояти и крепился там с помощью какого-то растительного или, возможно, животного клея.

Однако даже на фоне этого высокотехнологичного бронзового оружия ярко выделялась серия кинжалов или кинжалов-ножей с фигурными рукоятями. Первые три охарактеризованные выше категории изделий в большей или меньшей степени отличались очевидной стандартизацией форм. На фоне их каждый из кинжалов с фигурной рукоятью, по существу, являлся уникальным по своим формам и технике исполнения. В этих случаях признаки стандартизации проявлялись лишь в конструкции клинка, где различались две основные формы: прямые двулезвийные (рис. 15.9 и 15.10) и однолезвийные с вогнутым лезвием (рис. 15.11 и 15.12).

Наиболее примечательными деталями этих кинжалов служат, однако, навершия рукоятей, где скульптурные изображения животных и даже человека смогут приоткрыть нам своеобразие картины представлений носителей этой общности об окружающем мире, равно как об исходной области формирования культур, а также и о появлении их на далеком западе. Кроме наверший на ножах-кинжалах, изображения животных отмечены лишь на одном кельте, а также на втулке наконечника копья, но мы рассмотрим эти предметы в совокупности с кинжалами. Фигурные рукояти, как правило, приливались жидким расплавленным металлом к прямым или изогнутым клинкам. По всей вероятности, литейные формы для подобных наверший выделявали с помощью первично изготавливаемых тонких и изящно выполненных восковых моделей для отливки этого выразительного парадного и уникального оружия.

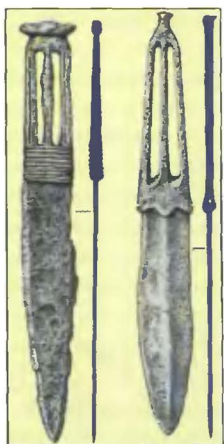

Рис. 15.9. Бронзовые двулезвийные кинжалы с фигурной прилитой к лезвию рукояткой

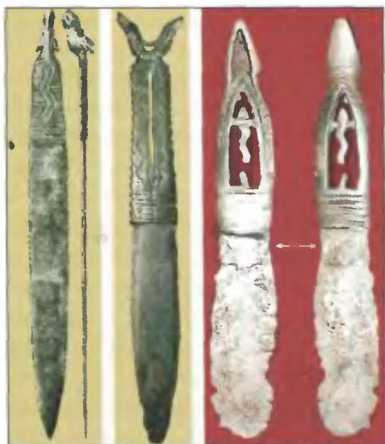

Рис. 15.10. К черенкам двулезвийных кинжалов могли приливать фигурные рукоятки с изображением лосиных голов и змей

Рис. 15.11. Однолезвийные ножи-кинжалы с фигурными рукоятками. Слева: сцепившиеся рогами быки. Справа: нож-кинжал с изображением гривастой лошадиной головы

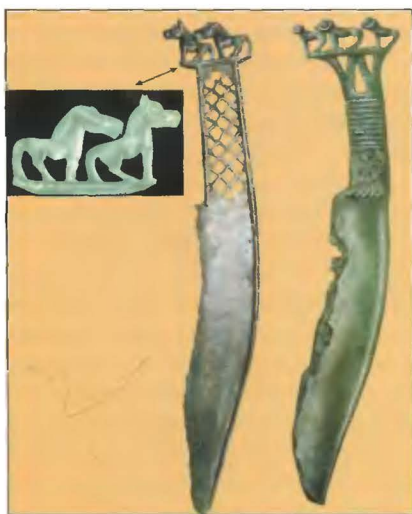

Рис. 15.12. Однолезвийные ножи-кинжалы. Слева: кинжал с фигурками большоголовых лошадей на рукояти из Сеймы. Справа: ныне утраченный нож с фигурками баранов-архаров из Турбино. Каждый экземпляр подобного оружия готовился, по всей видимости, по специальному заказу для знатной персоны, и его форма никогда не повторялась в деталях

Химико-металлургические группы

Еще один яркий и чрезвычайно значимый для нас признак оказался связан с химическим составом сейминско-турбинского металла. В этих коллекциях можно отчетливо наметить три основные химико-металлургические группы сплавов: 1) оловянные бронзы — Cu+Sn+(As) , 2) медь с примесью мышьяка, а также гораздо реже сурьмы — Cu+As+(Sb) , 3) медно-серебряные — Cu+Ag или же серебряно-медные сплавы — Ag+Cu . Кроме того, выделена значительная по числу групп изделий из т.н. чистой меди — без заметных химических примесей к основному металлу.

Оловянная бронза представляла тот тип сплава, что, безусловно, являлся самым предпочтительным в практике сейминско-турбинских мастеров. Сплавы меди с оловом были зафиксированы во всех территориальных группах — от крайних восточных вплоть, по крайней мере, до верхнего бассейна Волги и Оки (Черных, Кузьминых 1992: 167, рис. 84). Однако их доли сильно различались в каждой из групп. Если оловянные бронзы безусловно и резко доминировали во всей восточной зоне сейминско-турбинских комплексов, то в западных регионах их доля очень резко снижалась. Иные химические группы меди к востоку от Урала встречались крайне редко, а химически чистая медь без примеси олова чаще всего относилась к мелким слиточкам, либо из нее отковывали небольшие изделия типа шильев или проколов.

Резко непохожей и даже контрастной оказывается карта распространения прочих химико-металлургических групп. Медь с примесью мышьяка, а также медно-серебряные или же серебряно-медные сплавы были сопряжены с комплексами, локализованными едва ли не исключительно западнее Урала. Здесь же было сосредоточено огромное большинство образцов химически чистой меди (там же: 168, рис. 85).

Карты очень показательно отражают исходные рудные источники для каждой из химико-металлургических групп. Оловянные бронзы почти безусловно следует связывать с древними оловорудными касситеритовыми рудниками Западного Алтая. Во всяком случае, на сегодняшний день эти месторождения наряду с иными медными и полиметаллическими древними рудниками этого региона являются наиболее вероятными претендентами на роль основного источника такого важнейшего для сейминско-турбинских литейщиков типа бронз.

Но уже на совершенно иные источники указывает химический состав меди с примесью мышьяка или же сплавов меди с серебром. То были знаменитые и по соседству расположенные восточноуральские месторождения — медно-мышьяковое Таш-казган и медно-серебряное Никольское (там же: 169, рис. 86). О них мы вели речь в связи с рудными источниками абашево-синташтинской археологической общности (см. главу 13). Эти месторождения, скорее всего, могли обслуживать мигрантов обеих встречаемых волн — западной и восточной.

Наконец, химически чистая медь, в которой химический анализ лишь с большим трудом может улавливать какие-либо микропримеси. Ее источники легко

угадываются по множеству поверхностных рудных выходов на огромной по территории охвату зоне медистых песчаников Западного Урала. К этому типу относится, кстати, и знаменитый горно-металлургический центр Каргалы. Однако на Каргалах следов деятельности встречных волн этих мигрантов заметить не удалось: по всей видимости, путь и той и другой волны пролегал севернее. Во всяком случае, и химически чистая медь так же, как и медь мышьяковая и сплавы меди с серебром, отмечена в подавляющем большинстве западнее Урала.

Отсюда следует, что химико-металлургические группы могут очень четко маркировать генеральное направление сейминско-турбинских мигрантов на запад.

Фигурки животных и людей на сейминско-турбинском металле

Чаще всего на рукоятях изображены лошади. Кони могут быть представлены либо в полный рост (рис. 15.12 и 15.13), либо только в виде гривастой головы (рис. 15.11 — справа). Совершенно уникальной среди «конских» наверший является, конечно же, рукоять ножа из Ростовкинского могильника (рис. 15.13). Здесь изображен зацепившийся вожжой за лошадь лыжник в плоской шапке. Заметим, — и это важно — у лыжника отчетливо выраженное широкоскулое лицо монголоида. Примечательно также, что «конские» сюжеты сопутствуют только однолезвийным кривым ножам-кинжалам.

К другим крупным копытным животным относятся лоси, головы которых венчают рукояти кинжалов исключительно с прямыми двулезвийными клинками. Одна из лосиных голов совмещена с контуром змеи (рис. 15.10). А вот пара сцепившихся рогами быков сопряжена опять таки с однолезвийным изогнутым ножом-кинжалом (рис. 15.11 — слева). Чрезвычайную важность в этом ряду имеет, без сомнения, также и группа из трех горных баранов-архаров, отлитых на рукояти также криволезвийного ножа из Турбина (рис. 15.12, справа).

Особое место в сейминско-турбинской коллекции металла занимают изображения из так называемого Галичского клада (город Галич, что расположен в междуречье Волги и Камы). Один из кинжалов с прямым клинком был увенчан рукоятью со змеей (рис. 15.10, справа). Однако самыми примечательными в кладе стали фигурки обнаженных людей (рис. 15.14), в которых многие справедливо видят изображения шаманов. Лица этих древних медиаторов из Галича также характеризуются определенно монголоидными чертами.

Очень существенным добавлением ко всей этой коллекции изображений животных и людей является фигурка крупного хищника кошачьей породы на обломанной втулке «вилчатого» наконечника копья (рис. 15.15). Судя по ярко выраженным полосам на тулове зверя, по всей вероятности, здесь художник старался представить тигра. И наконец, обратим внимание ещё на один контур животного на тулове кельта из Ростовкинского некрополя: профильное изображение длиннорогого горного козла (рис. 15.16).

Рис. 15.13. Скульптурная группа на однолезвийном ноже-кинжале из Ростовкинского некрополя. Это изображение воистину уникально — на нем отражена целая сцена из жизни сейминско-турбинских пришельцев в Западной Сибири: лыжник монголоидного облика, зацепившийся вожжой за большеголовую лошадь

Рис. 15.14. Изображение шамана из т. н. клада в городе Галич в Поволжье

Рис. 15.15. Сломанный в древности во время жертвенных ритуалов наконечник копья (найден близ Омска). На его втулке изображена фигурка тигра (?)

Рис. 15.16. Бронзовый топор-кельт из Ростовкинского могильника. На боковой стенке орудия художник изобразил фигурку горного длиннорогого козла

Хоровод животных и «визитная» карточка восточных пришельцев

Из всего хоровода зверей на сейминско-турбинском металлическом оружии лишь два вида животных относительно безразличны к соответствующим геоэкологическим зонам: лось и змея. Лось встречается по огромной зоне едва ли не всей Евразии от лесотундры на севере континента вплоть до лесостепных регионов. Змею же во множестве разновидностей данного вида пресмыкающихся можно встретить где угодно. Все остальные животные сопряжены с геоэкологическими областями гораздо более четко.

Лошадь — это, прежде всего, порождение степной фауны. Почти все изображенные на рукоятях кинжалов кони отличаются небольшими размерами и крупной головой. Этими чертами они полнее всего соответствуют сохранившимся в изобилии вплоть до наших дней лошадям монгольских степей, вроде так называемой лошади Пржевальского. С той же степной зоной надежнее всего связывать и рогатых быков, которых мы также можем видеть на одном из наверший кинжала.

Однако в некотором отношении наиболее интересной для нас является группа из трех видов животных — архаров, горного козла и хищника кошачьей породы (тигра?). Ареалы обитания этих зверей локализованы не ближе Южного Алтая, пустыни Гоби или же Восточного Тянь-Шаня (рис. 15.17). Прибегая к тому языку, что стал, как надеется автор, более привычным для читателей книги, регионы обитания этих животных не могут выходить далеко к западу да и к северу от «водораздела» Джунгарских ворот. Ведь для северных областей таежного Алтая подобного рода фауна малохарактерна.

Рис. 15.17. «Хоровод животных» в Синьцзяне и Гоби. Слева: убегающий крупный архар в пустыне. Справа: чучела архара и длиннорогого горного козла в музее Бурджина (Северный Синьцзянь)

Стало быть, те художники и скульпторы, кто был в состоянии изображать всех животных нашего «хоровода» — как относительно экзотичных, вроде тигра или архаров, так и широко распространенных, подобно лошади, — должны были их постоянно видеть и хорошо знать. Помимо всего, именно все эти млекопитающие центральноазиатских регионов приобретали чрезвычайно важную роль тотемных животных — в противном случае они вряд ли венчали бы «княжеское»

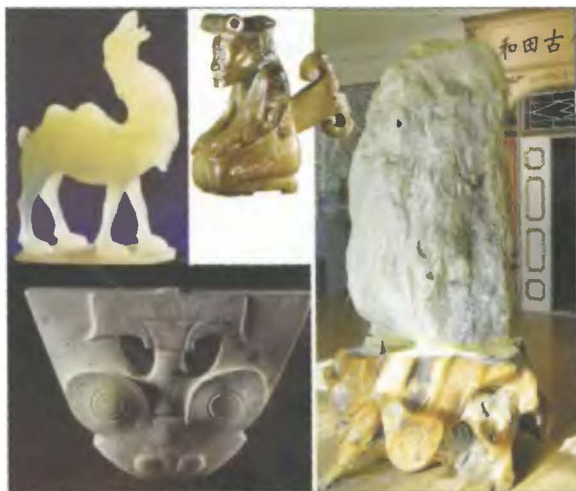

Рис. 15.18. Нефрит в Южном Синьцзяне. Справа внизу: громадный — весом около двух тонн — нефритовый блок в музее города Хотан. Прочие изделия относятся к разным эпохам (Ancient culture: 73; Formation: 4—49, 6—25)

Рис. 15.19. Облаченные в нефритовые пластины мумии захоронений принца Лю Шена и его жены принцессы Ту Ван; династия Западная Хань, конец 2 в. до н. э. (New archaeological finds in China)

оружие сейминско-турбинских лидеров. Подобные сакральные для них тотемы могли быть связаны, прежде всего, с теми видами животного мира, что корнями восходили к верованиям их предков. Именно поэтому комплекс фигур зверей на сейминско-турбинском оружии приоткрывает нам завесу над теми зонами и даже территориально более ограниченными регионами, в которых носители этого феномена зарождались и из которых они проникли на западную половину великого Степного Пояса Евразии. То были степные и лесостепные, а также, возможно, и южные горно-таежные области Центральной Азии: Джунгария, южный Саяно-Алтай, монгольские степи...

К этому же выводу нас подталкивают и находки в сейминско-турбинских комплексах браслетов из беловато-зеленого нефрита. Месторождения этого полудрагоценного камня практически не встречаются западнее Саянской горной системы, но наиболее богатые и разрабатываемые поныне месторождения этого минерала находятся в Синьцзяне, на восточных и северных склонах Кунь-Луня и Памира, близ Хотана.

Об этих богатых нефритом краях писал еще в 80-х годах 19 века Н. М. Пржевальский: «Камень юй или нефрит. В области своего горного течения Кэрийская река замечательна обилием нефрита, который у многих восточных народов почитается талисманом и весьма дорого ценится в Китае <...> Горы к югу и

юго-западу от этого оазиса (Хотан, Кэрий <...>) по рекам Юрун-каш и Кара-каш славились с незапамятных времен обилием нефрита... По сведениям, добытым в настоящее наше путешествие, обильные местонахождения описываемого камня встречаются в западном Алтын-таге <...> По словам туземцев, описываемый камень встречается в вышеназванных местностях прослойками или жилами, изредка даже значительными глыбами в скалах среднего, еще же чаще верхнего пояса гор, иногда вблизи вечных снегов; случайно попадает и в виде валунов по руслам горных рек» (Пржевальский 1948: 268). •

Хорошо известно, что нефрит в течение длительных периодов широко и разнообразно использовался в качестве украшений и для ритуальных целей также в древнем Китае (см. рис. 15.18 и 15.19). В Западной же Сибири и к западу от Урала в бронзовом веке самые ранние нефритовые украшения принесли с собой лишь сейминско-турбинские мигранты.

Культуры центра Азии и «монгольский синдром»

Судя по всему, именно Синьцзян и явился исходным регионом для формирования СТ- феномена. При этом территориальное понятие Синьцзян можно трактовать в расширенном формате, соответствующем, к примеру, границам Синьцзян-Уйгурского автономного района современного Китая — то есть от Монгольского Алтая вплоть до Восточного Тянь-Шаня, с включением в эти рамки Джунгарии и бассейна Тарима: всего до 1,5—1,7 млн кв. км. Этот реконструируемый первичный для сейминско-турбинской культуры ареал мог даже слегка накрывать более западные от Синьцзяна области.

Однако высказанной гипотезе мешает одна ее слабая черта — чрезвычайная обедненность «колыбели» металлом сейминско-турбинского типа. Внимательный читатель, сумевший подробно взглянуть в карту распространения сейминско-турбинских комплексов (рис. 15.1), наверняка подметил эту странную особенность. Не может не броситься в глаза очевидная «пустынность» гипотетического центра, с одной стороны, а с другой — удивительный контраст этому на фоне «сгустков» металлических комплексов в весьма отдаленных областях Сибири и, в особенности, уже западнее Урала. Так чем же можно объяснить заметную и весьма странную «свободу» этих — как нам кажется — исходных территорий от металла, что столь характерен для сейминско-турбинского феномена?

Разгадка этого вопроса требует, как мне кажется, обращения к ранее сформулированному нами понятию о так называемом **монгольском синдроме** (об этом феномене мы довольно подробно говорили в конце главы 4). Напомним его основу: номады оставляют по себе археологическую память фактически только в форме погребальных сооружений. Если таковых, по причинам идеологического характера, на какой-либо территории кочевники не сооружают (подобно, скажем, монголам 13 столетия нового времени), то исследователи чаще всего склонны думать о пустынности и незаселенности тех земель. Одна-

ко подобный вывод в огромном большинстве случаев исторической реальности не соответствует.

Попробуем оценить с позиции этого синдрома и характер проявлений культуры у сейминско-турбинских групп. В наших руках имеются, хоть и косвенные, но очень весомые признаки тесной связи этих популяций с геоэкологическим центром Азиатского континента. Однако отсутствие здесь погребальных памятников с характерным материалом, конечно же, не свидетельствует о полном отсутствии в этом ареале кочевых племен — это попросту несостоятельно. В своем исконном домене они переправляли на тот свет своих покойников, по всей вероятности, без сооружения привычных для нас могил.

Заметим и другое: если бы сейминско-турбинские отряды не оставили своих крайне странных «мемориалов-жертвенников», то мы бы даже и не подозревали о появлении в бассейнах Оби и Волго-Камья этих носителей столь своеобразной центральноазиатской культуры. Возникает естественный вопрос: отчего же они оставляли свои следы именно здесь, но в своей *alma mater* таковых мы не видим. Вот, на мой взгляд, наиболее вероятное объяснение: после их исхода из собственного домена, жизнь мигрантов изменилась весьма кардинально и во всех отношениях. Номады продвигались по совершенно чуждым для них — как в экологическом, так и в этно-культурном отношении — пространствам, и внешние проявления их культуры, конечно же, должны были претерпевать и, судя по всему, претерпевали заметные перемены. Удивляться этому на фоне богатых этнографических параллелей вряд ли имеет смысл.

Воины-пришельцы

Безусловно, что ядром сейминско-турбинских мобильных групп являлись вооруженные всадники. Об этом говорит их многочисленное оружие и та микроскульптура, что они оставили нам на своих «княжеских» ножах-кинжалах. Влекли ли они за собой также свои семьи и свои стада, как это едва не постоянно случалось в походах воинственных номадов, сказать трудно, хотя исключать это вряд ли стоит. Сомнительно, что сами эти мобильные группы были многочисленны. Скорее всего, малое число металлических комплексов, обнаруженных на обозначившей их стремительный путь на запад гигантской дуге, отражает сравнительно небольшое число воинственных пришельцев с востока.

Генеральным направлением их агрессии являлось западное. Путь наших воителей вслед за уходящим солнцем, скорее всего, был связан и во многом определялся током многочисленных рек, из которых они предпочитали ориентироваться на самые заметные. В их первоначальном маршруте русла этих больших и малых рек входили в огромный бассейн Оби и, прежде всего, Иртыша. Уже после перевала через невысокий Урал — опять-таки, скажем, вдоль Чусовой, — сейминско-турбинские популяции спускались уже в обширный Волго-Камский бассейн сначала на Каму, а затем и на Оку.

Двигались они не только летом, но и зимой. Им были известны также лыжи, и своих выносливых небольших лошадей воины приспособили для передвижения по глубокому снегу (поразительно демонстративным в этом отношении явилось навершие рукояти кинжала из Ростовки, см. рис. 15.13). Освоили ли они плавание на челнах по рекам? Скорее всего — да, хотя прямых свидетельств этого они нам не оставили.

Изучение карты (рис. 15.1) опять-таки подводит нас к еще одному загадочному вопросу. Чем же объяснить, что коренные степняки — выходцы из горных степей Джунгарии и Монголии — как бы вдруг и едва ли не весь свой нелегкий путь должны были проделывать по лесным областям Урала и Волго-Камья? Что побудило их резко сменить столь привычное для себя природное окружение? Безусловным здесь кажется лишь одно: это было вынужденным решением.

В незнакомых для себя степях и лесостепях юга Западной Сибири, где-то в бассейне Иртыша, они натолкнулись на встречный и весьма мощный массив племен абашево-синташтинской общности в ее так называемом петровском, наиболее восточном варианте (об этих популяциях мы вели речь в предшествующей главе). Металлическое оружие сейминско-турбинских групп было более совершенным, но, скорее всего, огромный численный перевес племен западной ориентации сыграл решающую роль. И это тем более, что абашево-синташтинские племена были также хорошо знакомы с domesticiрованной лошастью. Восточным воинам-мигрантам пришлось продолжать свое продвижение вслед за солнцем, но уже севернее. Здесь в лесной зоне, в домене охотников и рыболовов, угроз их беспокройной жизни было, конечно же, несравненно меньше.

Карта показывает, что на Урале и, особенно, в Волго-Камском бассейне имела место очевидная чересполосица в ареалах сосредоточения памятников абашево-синташтинской общности и сейминско-турбинских пришельцев. Сомнительно, чтобы отношения между ними отличались миролюбием. Здесь очень любопытным является факт инкорпорации некоторого числа носителей абашево-синташтинской культуры в ряды сейминско-турбинских групп. Мы застаем в их мемориалах-некрополях находки — правда, очень редкие — определенно абашево-синташтинских комплексов. Как правило, на близкой площадке залегало медное оружие, свойственное последним (рис. 15.20), а порой рядом с этим западным металлом мог лежать также типичный абашевский горшок.

Почему инкорпоранты? Дело в том, что никаких останков покойника с такими комплексами не найдено. По всей видимости, выходцы из абашево-синташтинской среды — принудительно или же добровольно — включались в состав сейминско-турбинских групп со своими материальными атрибутами. Но при этом они должны были подчиняться канонам ранее для них чуждых обрядов и ритуалов.

Любопытно также, что для абашево-синташтинской среды картина была обратной: в их комплексах мы не замечаем ни следов сейминско-турбинских инкорпорантов, ни признаков заимствования чуждых западным общностям восточных форм металла. Объяснение этому можно найти в феномене идеологической толе-

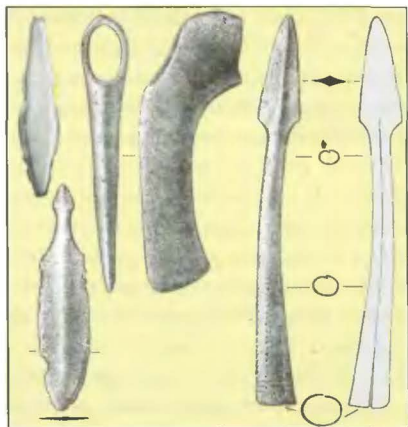

Рис. 15.20. Образцы медного оружия абашево-синташтинских инкорпорантов в ритуально-жертвенных комплексах памятников сейминско-турбинского типа

рантности обеих культур. Сейминско-турбинские популяции оказались намного более терпимыми и восприимчивыми к проявлениям чуждых им культур.

Пожалуй, стоит завершить этот раздел главы словами еще об одном свидетельстве сложных взаимосвязей восточных мигрантов с абашево-синташтинским населением. Оторванные от прежней рудно-металлургической базы, они теряют возможность отливать свои орудия из высококачественной оловянной бронзы. Местная уральская медь — а они могли заимствовать ее только от абашево-синташтинских мастеров — для этой цели оказывалась менее пригодной. Источники же оловянных минералов оказывались весьма удаленными — ближайшие располагались на Западном Алтае. Отсутствие

оловянных бронз определенно сказалось на ухудшавшемся качестве отливок, рассеянных западнее Урала. Заметной стала доля металла, связанного, к примеру, с упоминавшимися еще в предшествующей главе рудниками Таш-Казган и Никольское. К руде Никольского комплексного серебряно-медного месторождения (см. рис. 13.6) достаточно надежно привязывалась группа медно-серебряных и серебряно-медных изделий. Самой интересной связкой в этом плане стали серебряно-медные наконечники вильчатых копий из Турбина, а также из столь знаменитого Бородинского клада — этого самого удаленного юго-западного комплекса, связанного с сейминско-турбинским металлом (см. рис. 15.6, слева). Бородинский клад и немногочисленные находки бронз этого феномена в Восточной Балтии ставят перед нами трудно разрешимый вопрос: преодолели ли эту длинную дистанцию отдельные представители восточных мигрантов, или же эти вещи стали объектом обменных манипуляций на просторах от Балтики до бассейна Днестра? Получить сегодня удовлетворительный ответ на этот вопрос вряд возможно.

Финал СТ-феномена

Финал сейминско-турбинских популяций также оказался примечательным и нестандартным. Вытесненные в таежную зону Евразии эти группы, видимо, не смогли продолжать свой привычный для кочевников образ жизни. Их уделом стало оседлое пребывание в болотистых и суровых краях Западной Сибири, а также отчасти бассейна Камы и более северных рек Приуралья. Станным оказалось

то, что потомки сейминско-турбинских групп продолжали свою деятельность по отливке бронзовых изделий. Мы называем эту таежную культуру как *самусь-кижирово*.

Однако при этом археологи столкнулись с любопытным явлением: в слоях поселений этой культуры оказалось намного — в три-четыре раза! — больше литейных форм, нежели металлических изделий. В практике исследований обычных селищных слоев любого времени литейные формы представляют собой редкость исключительную — они всегда и многократно уступают по числу металлическим находкам. В собственно сейминско-турбинских комплексах, связанных с жертвенниками-мемориалами, это соотношение оказывается приблизительно равным 15:1 в пользу металлических артефактов. Объяснить же такую неожиданную пропорцию для пост-сейминского таежного населения довольно сложно, если только не предполагать в *самусь-кижирово* поселений профессиональных мастеров-литейщиков, подобных тем, с которыми сталкивались к Западу от Урала — в Каргалах и на Дону (см. главу 13). Но даже в процессе своего быстрого затухания данный феномен не перестает нас удивлять.

Практически этими таежными коллекциями и ограничивается явное наследие столь яркого и развитого металлопроизводства сейминско-турбинского типа. Возникая как бы из трудно объяснимой «пустоты» своей предполагаемой прародины в Синьцзяне и Джунгарии, между Алтаем и Тянь-Шанем, этот феномен и в тех краях ставит нас перед трудной дилеммой поисков не только прародины, но и своего потомства. Об этом и пойдет речь в следующей главе.

Глава 16

ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ И ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРОВИНЦИИ

В поисках сейминско-турбинского наследия

Предшествующая глава о провозвестниках чингизидов перенесла нас на Восток. Вернее, к восточным истокам сейминско-турбинского транскультурного феномена — ведь сам феномен в реальности проявил себя лишь на западной половине Евразии. Настоящая глава целиком погружает нас в древности Востока Эпохи Раннего Металла, и в этом мире мы немедленно сталкиваемся с его некой спецификой в динамике и преемственности развития культур. Восточное своеобразие ярче всего проявляет себя при сопоставлении с трехтысячелетней историей двух западных провинций — Циркумпонтийской и Западноазиатской. Две тысячи лет развития горно-металлургического производства — от прото-ЦМП к истинной или же «полноформатной» ЦМП — никогда не ставили нас перед трудной проблемой поиска истоков того или иного явления и его судьбы. Столь же последовательно ясным выглядел путь развития металлургических стандартов более чем тысячелетней Западноазиатской провинции, погруженных своими корнями в циркумпонтийские производственные каноны. Картины относительно плавного перетекания ранних культур в последующие по возрасту находили свое четкое подтверждение в систематизированных сериях радиоуглеродных определений возраста (см. Приложение 1, рис. Пр1.4 и Пр1.5).

Иной выглядит картина восточной металлургии, где великолепные формы бронзовых изделий СТ-феномена возникают как бы внезапно и ниоткуда. Почти невозможно нащупать сколько-нибудь явные связи с предшествующими производствами западного толка на Алтае и в Синьцзяне, олицетворявшие, правда, не слишком выразительными коллекциями металла афанасьевской культуры (см. главу 11). Но, пожалуй, в не меньшей степени нас удивляет кажущееся столь же внезапным и стремительным «растворение» самого транскультурного феномена. Исчезновение всех комплексов этого ярчайшего явления мы застаем как на Западе, так и на Востоке. Причем, если для западных комплексов объяснить такое несравненно проще — иссяк, к примеру, весь поток мигрантов! — то восточное «растворение» может поставить нас в трудно понимаемый тупик. В ареале предполагаемой исходной «колыбели» СТ-феномена явных наследников обнаружить не удается. Можно различить, пожалуй, лишь своеобразную, хотя и

в чем-то отчетливую тень или же некий признак сейминско-турбинских корней, проявивших себя в так называемой карасукской культуре. Правда, этот «некий» признак выглядит не очень впечатляюще: к нему относились по преимуществу лишь коленчатые однолезвийные ножи-кинжалы, хотя те и служили одной из наиболее знаковых категорий сейминско-турбинского оружия.

Но не только ограниченность самого «признака» мешает нам видеть в карасукской культуре прямую наследницу СТ-феномена. Радиоуглеродная хронология показывает, что их разделяет временной hiatus до четырех-пяти «провальных» столетий. Так, самые поздние и бесспорно стыкующиеся с абашево-синташтинской общностью комплексы СТ-феномена датируются не позднее 18—17 вв. до н. э., а наиболее ранние карасукские — лишь 14/13 веками. Позднейшие же датировки укладываются примерно в 9/8 столетия до н. э., и это базируется на представительной базе данных в 80 хронологических определений возраста. Кроме того, едва ли не по всей территории Синьцзяна, в период синхронный карасукской культуре, распространены достаточно яркие и выразительные комплексы восточного фланга общности «валиковой» керамики, входившей в систему Западноазиатской металлургической провинции. Многочисленные некрополи карасукской культуры сосредоточены в существенно более северных областях и, прежде всего, в верхнем бассейне Енисея — в Минусинской котловине, Тыве, Хакасии. Металл карасукского типа хорошо известен в Монголии. Бронзы карасукского облика как бы огибают просторы Синьцзяна с севера и северо-востока; они обнаруживают себя во всем неповторимом блеске уже в Ордосе. Следовательно, если и признавать карасукскую культуру за родственника-потомка, то такой «родственник» будет и не близким, и не прямым, но скорее отдаленным и косвенным (ниже мы продолжим эти сопоставления). Тем не менее именно эта культура явилась коронной в формировании Восточноазиатской металлургической провинции (ВАМП).

Карасукская культура и оформление Восточноазиатской металлургической провинции

Древности карасукской культуры выглядят довольно однородными и не балуют разнообразием. Поселения, равно как и в ареале СТ-феномена, здесь неизвестны, что заставляет видеть в популяциях этой общности «чистых» или же истинных кочевников. Основной вид памятников — это бескурганные некрополи, где могильная яма по верхней границе обкладывалась каменными плитами или небольшими скальными обломками. Человеческие погребения, как правило, одиночные; покойник сопровождался часто круглодонным орнаментированным глиняным сосудом, а также металлическими предметами. Огромное большинство могил было, однако, вскрыто и ограблено еще в древности, отчего полноценная оценка характера погребального обряда порой бывает затруднительна. Грабителей, по всей видимости, привлекал по преимуществу металл.

Рис. 16.1. «Олений» камень в Центральной Монголии. На стеле обозначены голова с височным кольцом; одяние с аппликациями в виде «летающих» оленей; пояс и заткнутые за него образцы оружия карасукского типа

Рис. 16.2. «Олений» камень в Центральной Монголии. Редкий случай относительно реалистичного изображения головы и лица степного князя. Во всем прочем — повторение общего стиля оформления подобных стел (см. пояснительную подпись к предыдущему рисунку)

Некрополи карасукского типа внешне монотонны, а их могилы порой неотличимы друг от друга. Среди захоронений очень трудно встретить такие, что выделялись бы на фоне иных своим исключительным богатством, подобно, скажем, тем, что удивляли нас в курганных некрополях майкопской культуры IV тыс. до н. э. в предгорьях Северного Кавказа. Однако усматривать в нивелировке погребальных сооружений номадов строгое свидетельство «демократизма» такого рода культуры вряд ли реально. Идее «демократического» устройства общества первобытных скотоводов Центральной Азии противоречат многочисленные каменные стелы — одна из самых ярких категорий древностей восточной половины Степного Пояса.

Подобные стелы обыкновенно именуют «олениными камнями», и сосредоточены они по преимуществу в Монголии (таковых там известно ныне не менее шести сотен), а также на севере Синыцзяна. Крупный — до полутора, а иногда даже более трех метров длиной — скальный блок известняковой или даже кристаллической породы аккуратно обтесывался и служил болванкой для изображения человеческой фигуры (рис. 16.1). Только очень редко «оленному» камню придавался облик, сравнительно близкий к скульптурному изображению человека (рис. 16.2). Верхняя часть блока должна была схематически или же более реалистично выражать собой человеческую голову, на височной части которой очень часто изображали круглую серьгу. Туловище от шеи вплоть до пояса представлялось в виде парадного одяния, сплошь затканного и украшенного аппликациями,

изображающими в стремительной скачке оленей, — по этой причине такие стелы и были названы оленными камнями. На каменном блоке под поясом нередко оказывались хорошо заметными высеченные формы оружия: ножи, кинжалы, луки, стрелы и тому подобное. Эти изображения форм оружия и позволили исследователям говорить, что творцами многих подобного рода памятников являлись скульпторы именно карасукской общности. И конечно же, нереально думать, что такие величественные стелы-мемориалы могли сооружать в честь кого-либо, кроме племенных вождей этих воинственных кочевников Центральной и Восточной Азии.

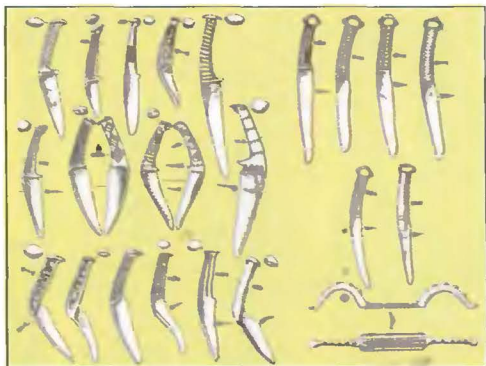

Рис. 16.3. Карасукская культура в Минусинской котловине, бассейн верхнего Енисея. Коленчатые однолезвийные бронзовые ножи и т. н. «модель ярма для тягловых животных»

Медные и бронзовые предметы карасукской культуры, как и во множестве иных сообществ, являются самым привлекательным материалом не только для грабителей, но равно и для современных исследователей. Важнейшее место в коллекциях занимают так называемые коленчатые однолезвийные ножи, зачастую увенчанные фигурной рукоятью (рис. 16.3). Исходную форму для этого вида орудий или оружия нетрудно обнаружить в сейминско-турбинских ножах-кинжалах принципиально сходной конструкции, и об этом мы уже говорили в предшествующем разделе (рис. 15.11—15.13). Правда, у носителей культуры СТ-феномена это оружие принадлежало, по всей видимости, персонам «княжеского» ранга. Видимо, к карасукской культуре могут относиться также и кинжалы (рис. 16.4), некоторыми деталями формы напоминающие двулезвийные сейминско-турбинские прототипы (см. рис. 15.9 и 15.10).

Металл карасукского облика распространен весьма широко на восточной половине Евразии. Типичные карасукские ножи встречаются вплоть до побережья Желтого моря. Однако наиболее впечатляющие коллекции однолезвийных ножей и двулезвийных кинжалов (рис. 16.5 и 16.6) сосредоточены, конечно же, в Ордосе, там где Хуанхэ делает свой знаменитый меандр-скачок с резкими поворотами с юга на север, затем на восток, снова на юг и, наконец, на восток к Желтому морю. Великолепие образов различных животных на этих удивительных собраниях ножей и кинжалов в чем-то отвечает, с одной стороны, их сейминско-турбинским провозвестникам, а с другой — последующему по времени так называемому и чрезвычайно знаменитому «скифо-сибирскому звериному стилю».

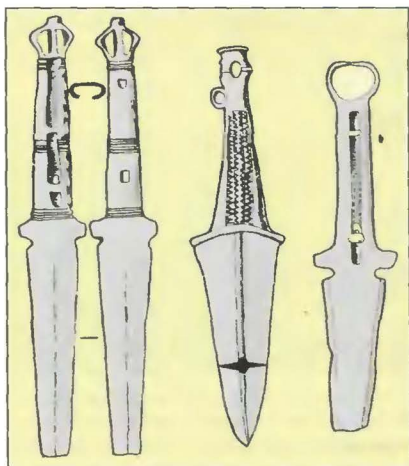

Рис. 16.4. Карасукская культура в Минусинской котловине. Бронзовые двулезвийные кинжалы

Рис. 16.5. Ордос. Бронзовые коленчатые однолезвийные ножи и их навершия с изображениями животных

Рис. 16.6. Ордос. Бронзовые двулезвийные кинжалы и их навершия с изображениями животных

Рис. 16.7. Типичные для Синьцзяна и Восточного Казахстана медные и бронзовые оружия, прямо или косвенно связанные с карасукской культурой (Синьцзян, музей города Бурджин)

В остальном же весь прочий набор карасукских металлических орудий или оружия от своих сейминско-турбинских предшественников отличается весьма существенно. Здесь фактически нет наконечников копий, которые являлись столь яркой и необходимой категорией в коллекциях СТ-феномена. Топоры-кельты крайне редки, да и весьма несходны со своими, впрочем, не вполне очевидными прототипами. Высокотехнологичные оловянные бронзы отступают на задний план, а их место занимают менее совершенные в техническом смысле сплавы меди с мышьяком (мышьяковые бронзы). По крайней мере, таковой представляется картина с карасукской металлургией в Минусинской котловине.

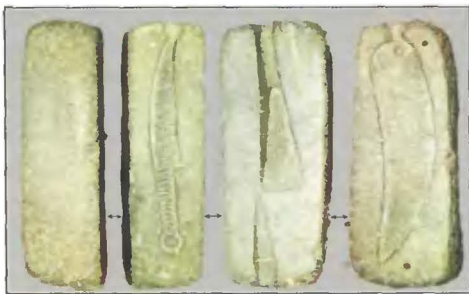

Рис. 16.8. Комплексная литейная форма, в которой отливались одновременно четыре вида бронзовых изделий, связанных с карасукской культурой Синьцзяна и Восточного Казахстана (Синьцзян, музей города Бурджин)

Ранее мы уже говорили, что в последней четверти II тыс. до н. э. границы между Западно- и Восточноазиатской провинциями представляются сильно размытыми и нечеткими (см. главу 13). Очень многие присущие обеим системам металлические формы встречаются как в Синьцзяне, так и в Восточном Казахстане. Это отразилось не только на ряде типов металлических изделий (рис. 16.7), но и на комплексных литейных формах (рис. 16.8).

Еще одно весьма примечательное свойство поздних центров культуры Восточноазиатской степной провинции. В отличие от своих сейминско-турбинских предшественников, львиную долю своей агрессивной энергии эти кочевые группы устремили, по всей вероятности, в совершенно противоположном направлении. Их стрелы были направлены на восток, к областям зависимым или же подвластным древнекитайским государствам Шан-Инь, а также сменившему последнее — Западному Чжоу. Именно среди древнекитайских древностей мы застаем множество подражаний карасукским типам ножей, кинжалов и других изделий (рис. 16.9). Любопытно также другое: китайцы конца II тыс. до н. э. воспринимают чуждые им типы металлического оружия (Chêng Te-kun 1960: fig. 7; Müller-Karpe 1979: Abb. 56—58, 71; Mei 2000; Chernykh 2009: 6, fig. 6; и другие работы). Однако в то же время во всех коллекциях, связанных с карасукской общностью, мы не сумели заметить сколько-нибудь отчетливых свидетельств подражания китайским южным формам металла (более подробно об этом пойдет речь ниже).

И наконец, последнее. Степная Восточноазиатская провинция по существу не оказывает воздействий со стороны своих технологически развитых центров на культуры таежной зоны Азии, особенно севернее Байкала. Металл там редок, а

неолитический облик лесных культур Сибири и Дальнего Востока безоговорочно господствует здесь вплоть до 17—18 столетий Нового времени. Правда, этому может быть и иное объяснение: полная самодостаточность лесных культур и отторжение абсолютно чуждого для них ремесла. Вполне вероятно, что действовали в некоем безмолвном, но недоговорном согласии обе причины. Так или иначе, но пожалуй, именно в этом возможно усматривать одни из наиболее существенных причин Великой трехтысячелетней пространственной стагнации высокотехнологичных культур Старого Света как на Западе, так и на Востоке (об этом уже шла речь в главах 12 и 13).

Древнекитайская (Шан-Чжоу) металлургическая провинция

Важнейшие производственные горнометаллургические центры данной провинции оказались связанными с системами ранних государственных объединений древнего Китая — династий Шан (XVI—XI вв. до н. э.) и Западное Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.). Территориально Древнекитайская металлургическая провинция ассоциируется в основном с так называемой Великой Китайской равниной, с нижним течением Хуанхэ и отчасти нижним бассейном Янцзы. Об этом, например, говорят карты распространения металлургической продукции царства Шан (Hao Xin, Sun Shuyun 1999: 19—39, fig. 1).

В сравнении с западом Степного Пояса Евразии для его восточной половины характерна иная картина взаимодействий народов оседло-земледельческого толка и степных кочевников. Вспомним, что первая яркая волна носителей сейминско-турбинского металла, воинственных кочевников-скотоводов, свершает свой стремительный прорыв очень далеко на запад. Весьма примечательно, что никаких отчетливых следов проникновения сейминско-турбинских стандартов металлообработки в производственные технологии западных культур мы не видим. То ли сейминско-турбинские мастера не желали поделиться своими секретами с чуждыми им племенами, то ли те не захотели заимствовать чуждые им формы и технологии металлообработки? В то же время в наших руках вплоть до настоящего времени не имеется никаких отчетливых и безусловных доказательств сколько-нибудь широкого проникновения СТ-феномена на просторы Великой Китайской равнины. Те два или три наконечника копий сейминско-турбинского типа, обнаруженные к востоку от Синьцзяна (Mei 2009: 11, fig. 3), способны лишь подчеркнуть слабый интерес носителей культуры СТ-феномена к восточному направлению их миграционных бросков.

Иное дело — вторая волна или же та, что датируется последней третью II тыс. до н. э. и четко ассоциируется с карасукской культурой, синхронной к тому же с поздней фазой царства Шан. В этом случае не может возникнуть никаких сомнений, что важнейший канал устремлений этих кочевников был направлен уже на восток и юго-восток, в зоны господства этого государства (рис. 16.9 и 16.10). Имен-

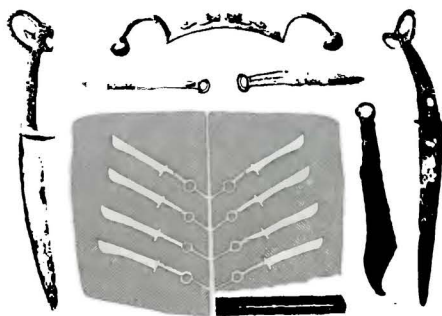

Рис. 16.9. Каменная литейная форма для отливки ножей степных форм, бронзовые ножи — подражания степным формам оружия, а также бронзовая предполагаемая модель «ярма» для двуконных повозок (также хорошо известна в могильном инвентаре степной карасукской культуры — см. рис. 16.3). Все они найдены в комплексах эпохи Шан и Западного Чжоу в Китае

Рис. 16.10. Музей Аньяня, некрополь Инь-суй. Прямые и опосредованные параллели металлу карасукской культуры

но к этому времени и сформировались принципиальные черты характера и облика Восточноазиатской металлургической провинции (ВАМП).

Во взаимоотношениях очагов металлообработки степных кочевников и мощного горно-металлургического производства в рамках древнекитайских государств мы останавливаемся перед довольно странной и весьма непохожей на западную картину. Китайское общество приемлет, и китайские мастера металлургии и металлообработки производят ряд форм оружия степняков (Chernykh 2009; Mei 2004; 2009). Однако параллельно этому на базе изучения достаточно представительных коллекций металла кочевых культур, известного ныне от Саяно-Алтая вплоть до Маньчжурии, мы почти не видим никаких отчетливо выраженных заимствований форм китайской металлургии времени Шан-Чжоу. Если же подражания и отмечаются некоторыми исследователями, то почти всегда вызывают обоснованные возражения. Удивление вызывает даже не сам факт отсутствия чуждого воспроизводства. Древнекитайская металлургия в технологическом отношении стояла на безусловно более высоком уровне. Однако все разработанные и практиковавшиеся в китайских культурах технологические приемы, а также формы и характер представления их продукции, скорее всего, оказывались неприемлемыми для степных кочевников и, видимо, теми не воспринимались. Кроме того, китайцы чаще всего заимствовали у кочевников именно их формы металлического оружия. Это становится вполне объяснимым сквозь призму многотысячелетних борений оседлых китайских социумов с северными мобильными скотоводами. Жестокие поражения, которые те наносили китайским армиям,

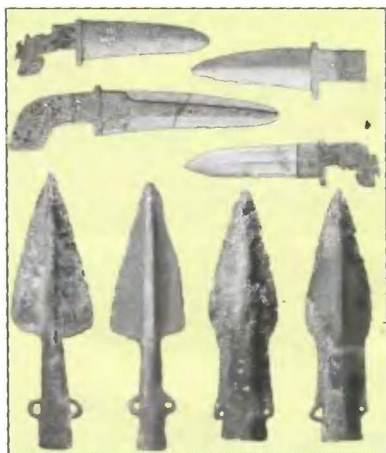

Рис. 16.11. Наконечники копий и боевые клевцы с нефритовыми клинками или рукоятями типичных форм эпохи Шан в Китае

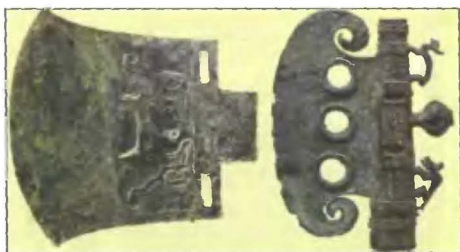

Рис. 16.12. Образцы парадного бронзового оружия эпохи Шан. Левая секира из могилы Фу Хао [Formation: 164]

заставляли китайских лидеров очень нередко перенимать у кочевников не только их тактические приемы ведения боев, но и виды оружия. Может быть, именно в этом кроется разгадка на первый взгляд столь странных заимствований? Вполне вероятно, что уже во втором тысячелетии до новой эры конные орды кочевников, по сути, невольно принуждали китайцев усваивать все те приемы боя и оружие, чем кочевники неустанно и зачастую весьма успешно досаждали Китаю. И подобные сюжеты повторялись на этой половине Евразийского материка едва ли не последующие три тысячи лет. Собственно же китайское бронзовое оружие времени Шан-Чжоу достаточно своеобразно и сильно отличается от того, что известно нам в арсенале степного воинства (рис. 16. 11 и 16.12).

Теперь мы приступим к очень краткой характеристике тех основных черт, которые можно причислить к безусловно китайским творениям в металле времени провинции Шан-Чжоу. Правда, перед этим следует хотя бы бегло упомянуть о легендарной династии Ся. О реальности этого китайского пра-государства ведется очень много дискуссий не только в среде китайских историков и археологов, но также в коллективах западных специалистов по востоку Евразии. Существует мнение, что династия Ся бытовала примерно с XXII по XVIII вв. до н. э. Металл здесь редок, а изделия из него выразительностью своих форм не блистали (Barnard 1993: 4—18; Linduff 2000: 1—5; An Zhimin 2000: 29—35).

Однако дело даже не в металлопроизводстве мифического царства Ся: медь встречалась в древнекитайских поселениях и могильниках задолго до этой династии — примерно с рубежа IV и III тыс. до н. э. Зарождение реальной металлургии — чрезвычайно выразительной, весьма оригинальной по формам и технологическим приемам — приходится, конечно же, лишь на время династии Шан

(Hao Xin, Sun Shuyun 1999; Linduff 2000: 8—10), то есть со второй четверти II тыс. до н. э. Причем самые внушительные коллекции неповторимых по формам бронзовых изделий мы находим в погребальных комплексах поздней стадии этого государства. Этап этот чаще всего обозначают как Иньский, и берет он свое начало в наименовании тогдашней столицы государства Иньсуй, древности которой сосредоточены в пределах нынешнего города Аньян. Гигантский комплекс Иньсуй («иньский холм») датируют обычно в пределах 1300—1027 гг. до н. э. Даты эти установлены историками и лингвистами на базе письменных иероглифических источников, которых к концу II тысячелетия накопилась уже изрядная масса.

Даже беглый взгляд на блистательные бронзовые изделия эпохи Шан не может не удивлять и не восхищать. Накопленные огромные коллекции великолепных бронз вновь заставляют нас обращаться к столь часто всплывающей на страницах нашей книги теории технологических взрывов. Основная часть известного ныне металла была сосредоточена в огромных могильных сооружениях высшей и, без сомнения, царской знати Шан. В Китае порой далеко за пределами комплекса Иньсуй было также обнаружено немалое число великолепных бронзовых изделий сакрального характера, датируемых тем же временем. Они могли быть обнаружены как бы случайно и вне каких-либо комплексов; однако почти наверняка эти предметы должны были быть также связаны с разрушенными или частично разграбленными усыпальницами столь же высокого ранга.

Весьма примечательна и форма этих царских могильных сооружений. Они очень велики, порой истинно громадны, а контуры их очертаний прекрасно различимы даже из космоса (рис. 16.13). Мы специально обращаем внимание на характер подобных некрополей, поскольку своеобразные попытки подражания могильным громадам иньского некрополя мы обнаруживаем также в могилах вождей степных северных народов, однако уже для более поздних столетий (об этом пойдет речь в третьей части книги).

Вообще же конструкция некрополей высшей знати на восточной половине Евразийского континента имела одно весьма существенное и бросающееся в глаза отличие от усыпальниц западной половины материка. На Западе надмогильное сооружение для привилегированных персон — курган, по сути дела, — почти обязательно должно было впечатлять своими огромными размерами и быть хорошо заметным на фоне окружающего пейзажа. То был своеобразный эффект мавзолея. Гигантские насыпные курганы майкопской культуры — яркое свидетельство этому (см. главу 9). Позднее аналогичные майкопским величественные погребальные холмы будут воздвигать уже в I тыс. до н. э. для скифо-савроматской знати.

Устройство некрополей для высшего сословия на истинном Востоке и, прежде всего, в Китае представляло по ряду важных деталей как бы обратной картиной. Некрополь Иньсуй в Аньяне стал этому ярким свидетельством. Здесь вся сложная конструкция могильного сооружения для владельцев архитекторами того времени была как бы устремлена в глубину земных недр. Центральное сооруже-

Рис. 16.13. Космический снимок некрополя Иньсуй. Хорошо видны крестовидные конструкции царских усыпальниц с длинными траншеями и с расширением в средней части, где на большой глубине находилась основная погребальная камера (Google)

Рис. 16.14. Аньян, некрополь Иньсуй. Наклонный ход в могилу знатной персоны; центр ее могилы обозначен огромным медным ларем. У границы могилы два десятка черепов умерщвленных спутников (слуг) знатной персоны

Рис. 16.15. Некрополь Иньсуй. Строгие и выровненные, будто по линейке, ряды могильных ям для погребения людей менее значимого социального ранга

ние усыпальной камеры покойного монарха устраивалось на впечатляющей глубине до 15—20 и даже более метров. К самому месту упокоения властителя вели наклонные крестовидные могильные траншеи (рис. 16.13 и 16.14). Никаких сколько-нибудь грандиозных, хотя бы просто хорошо заметных или уж тем более величественных насыпей здесь в те поры не возводили.

Скелеты или же черепа умерщвленных слуг ближнего к владыке Иньской ряда помещались в это же могильное сооружение по краям могильной камеры либо в наклонных траншеях (рис. 16.14). По всей вероятности, телам иных спутников монархов уже не очень высокого ранга были суждены скромные и идущие строгими ровными рядами погребальные ямы (рис. 16.15), а их на этом некрополе трудно даже подсчитать.

В том же феноменальном по богатству некрополе сосредоточены целые «гаражи» боевых колесниц, то есть тех, что на протяжении трех тысячелетий считались главной боевой ударной силой китайской регулярной армии (рис. 16.16). Каждую колесницу влекла пара коней, управлявшихся возницей. В пугающем зрителя подземном «гараже» Иньская располагает ряды колесниц с умерщвленными колесничими и лошадьми: участью тех было следовать за своим властелином в бесконечно долгий поход по потусторонним пространствам.

Однако вряд ли может вызвать сомнение, что именно блистательный и богатейший набор бронзовых изделий — особенно сосудов — явился наиболее выразительным отличительным знаком Древнекитайской металлургической провинции. Отливки (рис. 16.17— 16.20) почти не повторяющихся по своей форме и орнаментации изделий невероятно сложны с технологической точки зрения (Li Jinghua 1999). Самым крупным из известных до настоящего времени творений стал огромный сакральный, весьма своеобразный по форме и орнаментации, бронзовый «ларь», стоящий на четырех «ногах» (рис. 16.21—16.23). Вес этого удивительного священного ларя составляет почти целую тонну (!). По всей вероятности, заливка расплавленной бронзы для отливки этого сверхтяжелого «ларя» протекала в весьма сложные многосоставные литейные формы (рис. 16.20). Громадное число фрагментов подобного рода глиняных матриц сохранились в слоях Иньской (Lu Liacheng, Yan Wenming: 145).

Рис. 16.16. Некрополь Иньской, музей Аньяна. Погребальный «гараж» двухколесных боевых колесниц со скелетами умерщвленных животных и колесничих

Рис. 16.17. Сакральные бронзовые сосуды, ларь, фигурки людей и фантастических животных. Все эти великолепные изделия происходят в основном из бассейна Хуанхэ и относятся ко времени Шан-Инь (Formation)

Рис. 16.18. Некрополь Иньсуй, музей Аньяна. Сакральные бронзовые сосуды из различных царских погребальных комплексов

Рис. 16.19. Некрополь Иньсуй, музей Аньяна. Сакральный бронзовый сосуд и маска человеческого лица из различных царских погребальных комплексов

Рис. 16.20. Музей Аньяна. Фрагменты стенок огромных глиняных литейных форм для отливки сакральных ларя (слева) и сосуда

Рис. 16.21. Конец II тысячелетия, но уже нашей эры. Торжественная церемония представления общественности отреставрированного и самого крупного из ныне известных сакрального бронзового ларя эпохи Шан-Инь (Путеводитель по музею Аньяна на китайском языке)

Рис. 16.22. Музей Аньяна. Так представляют современные китайские историки массовые моления перед огромным священным бронзовым ларем в эпоху Шан (конец II тыс. до н. э.)

Рис. 16.23. Музей Аньяна, некрополь Иньской. Точная копия самого крупного сакрального бронзового ларя эпохи Шан как символ преемственности китайской культуры на фоне современного металлургического завода

Рис. 16.24. Музей Аньяна. Скульптурная фигура Фу Хао — принцессы или же любимой императорской наложницы

Рис. 16.25. Некрополь Иньской. Погребальная камера Фу Хао, насыщенная бронзовыми сосудами, ларями, оружием. Общий вес металлического инвентаря достигает полутора тонн. По верхним краям погребальной камеры расположены скелеты умерщвленных слуг этой сановной дамы

Ставшая также знаменитой погребальная камера Фу Хао (рис. 16.24) — то ли принцессы, то ли любимой императорской наложницы властителя Шан — заполнена самыми разнообразными бронзовыми сакральными сосудами и ларями (Müller-Karpe 1979), а их общий вес превышает полторы тонны (рис. 16.25). Кроме сакральных изделий в этом наборе могильного инвентаря встречено и оружие. Причем среди его образцов замечены и безусловные подражания формам ножей степных воинов. По узким краям-приступкам погребальной камеры этой важной дамы были выложены тела ее намеренно умерщвленных слуг.

Заметим, однако, что в нашем поле зрения, по крайней мере, при настоящем изложении материалов, безусловно, доминируют изделия, предназначенные для высшей знати. Вряд ли можно сомневаться, что металл для простонародья подобным блеском никак не отличался. Это следует иметь в виду, хотя мы, прежде всего, ставили своей целью показать вкратце технологические вершины металлургии и металлообработки Китая эпохи Шан. При этом сопоставления металла Древнекитайской провинции могут быть весьма любопытными не только при разборе металлической продукции соседней с Китаем степной Восточноазиатской провинции, но, пожалуй, и при обращении к гораздо более отдаленным и более «демократичным» по своему облику огромным коллекциям бронз Европейской и Кавказской металлургических систем.

Глава 17

У истоков эпохи железа

«В археологической науке начало эпохи раннего железа в Евразии чаще всего предпочитают датировать 8—7 веками до н. э. Выполненные в последнее время крупные серии радиоуглеродных датировок позволяют понижать эту дату вплоть до 10—9 столетий (см. Приложение 1, рис. Пр1.6). Если пользоваться более расплывчатыми хронологическими определениями, то можно считать, что уже в ряде культур западной половины нашего континента, датируемых первой четвертью I тыс. до н. э., появляются устойчиво повторяющиеся и достаточно многочисленные серии железных орудий. С этого времени и следует вести отсчет нового в Евразии железного века. Тогда на нашем континенте зарождается, а в последующие столетия стремительно ширится горно-металлургическое производство с технически достаточно сложными приемами восстановления металлического железа из исходной руды. Именно тогда многие народы Евразии включаются в процесс новой великой технологической революции.

Правда, несложные по форме железные изделия могли изредка встречаться и в гораздо более древних комплексах, относящихся, например, ко второму или даже третьему тысячелетию до н. э. Источником металла у подобного рода ранних находок служили, как правило, метеориты. Химический состав космического железа почти всегда отличается резко повышенным содержанием никеля, что и было характерным для большинства таких образцов.

Пятый век Гесиода: металл ужасающий, металл-убийца

Тему древнейшего железа автор хотел бы открыть несколько необычным сюжетом, который, на первый взгляд, может показаться довольно странным. Речь пойдет об одной из самых любопытных особенностей, коснувшихся феномена железного века. Этот металл и связанная с ним эпоха послужили объектом диаметрально противоположных оценок. Причем в ряду этих мнений преобладали негативные либо даже резко отрицательные, ненавистные. Высказывания по адресу новоявленного черного металла прозвучали уже с самых начальных шагов его освоения и продолжают — что уж совсем трудно объяснить — едва ли не до самого последнего времени.

Наиболее ранними из известных и поразительно горестных восприятий железного века явились проклятья Гесиода по адресу выделенного им же пятого века в истории человечества: ведь жизнь и творчество великого греческого поэта и мыслителя пришлось на самую зарю эпохи — около 700 года до новой эры:

*Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
 Раньше его умереть я хотел бы или позже родиться.
 Землю теперь населяют железные люди. Не будет
 Им передышки ни ночью, ни днем от труда, и от горя,
 И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.*

Виновниками открытия и появления в жизни людей этого губительного металла был, как полагали в древней Греции, родственник номадам-скифам народ халибов. Вот, например, великий трагик Эсхил (5 в до н. э.) устами Прометея, прикованного по повелению Зевса к неприступной скале Кавказа, советует Предводителю хора не приближаться «к кочевьям скифов, что в плетеных коробах, высоких, на колесах, с дальнотрельными не расставаясь луками привыкли жить. Не подходи к ним». Но где-то неподалеку от скифов, близ побережья Понта Эвксинского, — «там слева кузнецы, с железом дружные, живут халибы. Этих опасайся ты: народ суровый, круты с чужеземцами» (Прометей прикованный, 700).

Упоминает об этом суровом к инородцам племени и Аполлоний Родосский (2 в. до н. э.). «Халибы — скифский народ за Термодонтом; они, открыв железные рудники, занимаются их разработкою... Упоминает о них и Каллимах: «да погибнет род халибов, которые открыли это злое, поднимающееся из земли творение» (Аргонавтика: книга II, 373). И уже много позднее древнеримский писатель Руф Фест Авиен (4 в. н. э.) в своем «Описании круга земного» опять недобрым словом поминает первооткрывателей железа — халибов, у которых «богатые губительным железом поля оглашаются стуком высоких наковален».

В таких мрачно-безрадостных и даже устрашающих оценках железа древние греки были неодинокими. В очень далекой и по времени, и по дистанции от цветущих эгейских островов, в суровой лесной стране финно-угров, где, согласно эпосу «Калевала», металлами ведал легендарный кузнец Илмаринен, терзаемое огнем железо умоляло вытащить его из пылающего горна. Но великий мастер воскликнул:

*Коль тебя отсюда выну,
 Может, станешь ты ужасным,
 Станешь слишком беспощадным,
 Своего порежешь брата,
 Сына матери поранишь.*

(Калевала: Руна девятая)

Сотней лет позже Гесиода израильский пророк Даниил (6 в. до н. э.) во время вавилонского пленения иудеев набрасывает перед вавилонским властителем Навуходоносором контур исторической картины уже иными красками. В его четвертом — и следующим за медным — царстве железо становится центровым, негибаемым и неодолимым становым хребтом. И именно оно будет служить незыблемой опорой для царств грядущих. «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство [пятое], которое вовеки не разрушится» (Даниил: 2.44).

Но вот иная оценка истории сменяющихся технологических эпох у Тита Лукреция Кара, римского философа и поэта (99—55 гг. до н. э.). Она в воображаемом диалоге поэта с Меммием предстает несравненно более уравновешенной и потому убедительной:

*Ныне тебе я скажу, как открыта природа железа <...>.
Прежде служили оружием руки могучие, когти,
Зубы, камня, обломки ветвей от деревьев и пламя,
После того, как последнее стало людям известно.
После того была найдена медь и порода железа.
Все-таки в употребление вошла прежде медь, чем железо,
Так как была она мягче, притом изобильней гораздо.
Медным орудием почва пахалась, и медь приводила
Битву в смятенье, тяжкие раны везде рассеивая.
Скат и поля похищались при помощи меди, легко ведь
Все безаружное, голое повиновалось оружию.
Начали мало-помалу мечи из железа коваться,
Вид же оружия из меди в людях возбуждать стал презренье.
В это же время и землю возделывать стали железом,
И при войне с неизвестным исходом равнять свои силы.*

(О природе вещей, 1281—1295. Перевод И. Рачинского).

Но минуло еще более полутора тысяч лет, и уже в 16 столетии основоположник европейской науки о горном деле и металлургии Георгий Агрикола вновь старался убедить своих сограждан в совершенной несбыточности нормальной жизни людей без железа: «Ибо если бы не было металлов, люди влачили бы самую жалкую и омерзительную жизнь среди диких зверей» (см. также главу 5).

Отзвуки этих жарких споров — правда, уже не столь яростные — докатились даже до наших дней. В своих ярких работах об окружающем нас мире минералов выдающийся российский ученый академик А. Е. Ферсман поистине воспекает особую для человечества роль железа. В собственной и, пожалуй, неповторимой манере изложения в книге «Воспоминание о камне» (1956) академик имитирует свою свободную беседу со многими элементами всей периодической таблицы Менделеева. И вот, наконец, он подводит читателя к группе элементов железа: «Во главе шеренги из маленьких сильно заряженных атомов стоит железо. Слева его друзья по сплавам — марганец, хром и ванадий, справа его соратники — кобальт, никель и медь».

Слово получает тогда уже сам металл: «За нами будущее мира, — говорит железо, — весь мир построен из нас, на самых отдаленных звездах и туманностях горят наши линии. Из меня построена вся ваша планета. Без меня и моих друзей не было бы ни магнита, ни магнитных бурь, ни оружия, ни машин. Я — металл войны и мирного труда, пушек и рельс. Меня закаляют мои това-

рищи по таблице: посмотри, каким непроходимым барьером выстроены мы — самая ее середина».

Потом А. Ферсман уже в другом своем произведении пытается представить тот кошмар, если бы железо внезапно исчезло бы из нашей обыденной жизни. И здесь он как бы невольно повторяет и развивает мысли Георгия Агриколы, высказанные немецким ученым пятью столетиями ранее.

Пространственные и хронологические рамки эпохи железа

Железо, невзирая на столь нелестные о нем отзывы и мнения, победоносно вторглось в быт громадного большинства евразийских культур. Впрочем обладающие технологией железообработки археологические общности территориально не выходили за границы Ядра высокотехнологичных культур нашего континента: в реальности они охватывали примерно те же пространства в 40—43 млн кв. км (см. главу 12).

Однако проявились и некие новые черты в соотношении производства железа на обеих половинах материка. Теперь Запад по времени освоения и внедрения новой технологии практически не опережает Востока. Если же некая хронологическая «щель» между обеими частями материка в этом плане и сохранялась, то вряд ли она была сколько-нибудь значительной. Последнее обстоятельство отметим особо, поскольку не стоит забывать о впечатляющем хронологическом разрыве в начале предшествующей Эпохи Раннего Металла. В те времена то была не «щель», но по сути, огромный временной провал, достигавший не менее трех или даже трех с половиной тысяч лет.

С началом железного века картина приобрела совершенно иной характер. Теперь уже на Западе путь от старта «медной» революции на Балканах до революции «железной» потребовал примерно четырех тысяч лет. На Востоке же рывок от начала медно-бронзовой революции к более поздней — железной — оказался намного более сжатым: всего около тысячелетия.

Судя по всему, культуры протяженной Эпохи Раннего Металла, завершившейся формированием Ядра высокотехнологичных культур, и подготовили тот обширный евразийский полигон, на котором восприятие технологических инноваций и переход к металлургии железа протекали существенно быстрее. По всей вероятности, давно знакомым с принципами горно-металлургического производства мастерам оказалось много легче постигать новые приемы обращения с рудой и процессами восстановления качественного железа из руд и насыщенных шлаками криц.

В ходе размышлений о временных гранях железного века может показаться весьма странным, что намного более сложным предстал вопрос о верхней хронологической грани этой эпохи. В канонах евроцентристской парадигмы об исторической периодизации финал железного века совпадал с распадом Римской империи. С конца пятого столетия — а иногда даже прямо указывают на 476 год — человечество переступает порог новой эпохи Средних Веков. Однако такая пери-

олизация оказалась принятой лишь приверженцами евроцентристской парадигмы. На Востоке ее как будто даже не обсуждают: там подобные принципы членения исторических процессов оказываются совершенно неприемлемыми. В Китае, например, практически все членение исторического процесса подчинено на периоды правления соответствующих династий или их блоков.

В этом заключается первая крупная «неувязка» при попытках четкого определения верхних рубежей железного века. Вторая и, по всей вероятности, даже более значимая «неувязка» очевидна в несогласованности между принципами технологической и социальной периодизаций.

Периодизации технологические и социальные: проблема согласования

Расхождение это выглядит чрезвычайно важным. Вся археологическая и поступательная во времени «триада» веков — от каменного к бронзовому и затем к железному — ориентируется, в первую очередь, на господствующий в Ядре евразийских культур технологический фундамент их бытия. Именно эти признаки являются для нас первостепенными и наиболее фундаментальными. При этом различия в социальной структуре сообществ отодвигаются как бы на второй план, хотя их мы никогда и не теряли из виду. В этом можно было убедиться при знакомстве с предшествующими главами второй части книги. При пересечении же «верхней» грани железного века культур евразийского Запада мы погружаемся в евроцентристское понимание Средневековья.

Вспомним об истоках этой периодизации. Впервые сам термин и его понимание были сформулированы флорентийским историком и общественным деятелем Леонардом Бруни из Тосканы (1370—1444). Он также предложил свою «триаду веков», но она была очень короткой и сжатой в своей хронологической протяженности. Первым периодом был Греко-римский, или же **Античность**. Замыкала триаду — **Современность**, или же **Модерн**; начало данного периода приходилось, видимо, на 15 столетие или же на годы жизни самого Леонарда Бруни. В это время признаки Ренессанса, или же Возрождения, идеи Античности стали проявлять себя весьма и весьма энергично. Между этими двумя — первым и третьим — историческими эпохами и разместил историк свой **средний** период, который и получил позднее устойчивое наименование **Средние Века** (их нередко могли на фоне Античности называть также **Темными Веками**).

Вполне очевидно, что никакого отношения к учету важнейших блоков технологического фундамента данный период не имеет. Основной фокус при его выделении был сосредоточен на признаках взаимосвязи европейских народов с ушедшей в древность блистательной культурой Античности. Средние Века — это время активного отвержения христианством буквально всего богатейшего наследия греко-римской культуры. Модерн — это постепенное возвращение к некогда растоптанным идеям Античности.

С точки зрения технологической, абсолютно все средневековые культуры и общности должны полностью соответствовать железному веку. Причем для европейских раннехристианских государств в технологическом плане никакого прогресса не замечалось. Скорее наоборот: на фоне производственных достижений Рима имел место вполне очевидный регресс. По отношению же к науке античного периода регресс выглядел, без сомнения, гораздо более жестко. При обращении к кочевым культурам Запада Степного Пояса, которые историки и археологи по евроцентристской традиции обыкновенно относят также к числу средневековых, то в их характере и облике вообще никаких изменений не наблюдалось — они так и оставались в прежнем ряду железного века.

При опоре нашего повествования на евроцентристскую позицию Средних Веков, с отказом от учета технологического базиса, очень легко столкнуться с рядом неприятных и трудно разрешимых ситуаций. Так, к примеру, каким образом можно будет наладить ее стыковку с принятым нами ранее подходом? Такая сопряженность будет выглядеть явно нелогичной и искусственной. Или, скажем, как мы будем разбираться в той изрядно нелепой картине, что может получиться при сопоставлении периодов евразийского Запада с не вполне совместимыми периодами Востока? Да и в целом опора в глобальной (обще-евразийской) периодизации на понятие Средневековье представляется неудобной, хотя для западных историков эта терминология уже очень давно стала вполне привычной, обыденной.

Слабая пригодность этого подхода достаточно явно проявилась уже в последнее время, когда историки предпочли возвратиться к технологическим принципам в глобальной периодизации. Появились и вошли в широкое употребление понятия — *промышленная революция, индустриальное общество, постиндустриальное общество*. Таким образом стали аттестовать мировые сообщества, развивавшиеся в течение последних двух-трех столетий. Стало очевидным, что технологический фундамент несравненно более эффективен и пригоден при конструировании глобальной периодизации историко-технологического развития, причем не только для евразийских культур, но и охватывавших всю нашу планету.

Для целей же нашего изложения гораздо удобнее воспользоваться тем принципом, который был изложен в главе 4. Во второй части нашей книги были представлены те культуры и общества, которые могли быть поняты и объяснены лишь на базе археологических материалов и их реконструкций. Письменная документация к ним также кажется вполне приложимой, но играла она роль подчиненную, сопряженную к тому же лишь с позднейшими из этих сообществ. Данный период мы потому и предпочли именовать *археологическим*. Этап, когда на первый план выходят уже письменные, исторические документы, мы и станем именовать *историческим*. Археология и в этот поздний период также значима, но отступает на второй план. Этим культурам мы посвятим следующую — третью — часть книги. Во второй же части нашим последним сюжетом станет великолепный и неповторимый скифский мир Евразии.

Глава 18

СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ ГЕРОДОТА

кифы и проявления их культуры относятся, безусловно, к одним из самых ярких порождений эпохи раннего железа в I тыс. до н. э. Евразии. Их феномену посвящены бесчисленные фолианты исторических и археологических популярных работ. Старт этого потока исследований и публикаций восходит, конечно же, к знаменитой «Истории» отца этой науки Геродота (484—425 гг. до н. э.). Из девяти его книг — в четвертой, посвященной музе трагедий Мельпомене, описывается мир скифов, как его видел и понимал древнегреческий историк во время своего путешествия по причерноморской окраине скифских владений. Правда, среди эллинов не он первый упоминал скифов. В предшествующей главе мы цитировали, например, Эсхила, который устами Прометея упреждал об опасности сближения с этим опасным и чуждым для «нормальных» людей племенем: *«не подходи к ним»*. Однако связные и отчетливо изложенные картины истории и этнографии этих кочевых народов представлены лишь у Геродота. В основном историк-путешественник (рис. 18.1) воспроизводил рассказы людей, либо неплохо знакомых со степняками, либо что-то о них слышавших. И в этой связи у Геродота нередко подкупают его личные оценки достоверности добытой им информации, когда он говорит, например, *«существует ещё и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю)»*. Представленные историком картины воспринимались со знаком плюс далеко не всеми его «коллегами» — как современниками, так и позднейшими. Но так или иначе, именно воссозданное им полотно и послужило той исходной и важнейшей базой, без которой мы не в состоянии обойтись и по сей день.

Рис. 18.1. Геродот (Wikipedia)

Автор намеренно идет на нарушение им же установленного порядка изложения материалов. В этой главе археологическую канву будут предвосхищать материалы исторические, письменные; археологическая часть последует уже в главе следующей. И можно надеяться, что такой порядок сделает более внятной как общую картину культур номадов Степного Пояса в железном веке, так и динамику ее сложения в умах исследователей — от Геродота до современности.

Скифы: кто они?

Вот слова, которыми «Отец истории» начинает свой девятитомный труд: *«Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».*

К варварам у эллинов относились все иноземные племена, и «по словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне» (Геродот: 1, 1). Правда, неясно, отчего в этих бесконечных войнах главными злодеями оказались финикияне. Но наше внимание устремлено к скифам. Понятно, что скифы также были варварами, но они никогда с эллинской метрополией затяжных войн не вели. Вполне возможно, что у скифов с обитателями северопричерноморских (северопонтийских) греческих колоний стычки и имели место, но вряд ли те могли бы привлечь особое внимание коронных полисов Эллады.

Согласно Геродоту, скифы обитали в степях к северу от Черного моря, и историк употреблял этноним «скифы» по отношению, прежде всего, к центральной группе скотоводческих племен: *«Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра [Дунай] до Борисфена [Днепра] 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды [Азовского моря] еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны [четырёхугольника] Скифии составляют 40000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, — еще столько же. Такова величина этой области»* (Геродот: 4, 101).

Отсюда возможно полагать, что реально подвластная скифам площадь была в приближенном исчислении равна около полумиллиона квадратных километров.

В этом причерноморском регионе, по тем же сведениям историка, кроме главенствующего народа собственно царских скифов, обитали и скифы-земледельцы (борисфениты), и скифы-пахари, а также невры, меланхлены, исседоны, андрофаги (последние вроде бы уже не скифское племя). *«За рекой Танаисом [Доном] — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам... Выше их обитают будины»* (Геродот: 4, 21).

Особого смысла в перечислении всех попавших в повествование Геродота народов и племен я не вижу. Вряд ли имеется резон включаться в бесконечный диспут о территориальной локализации каждого из этих народов. Малая результативность подобных дискуссий очевидна уже на примере одной из книг академика Б. А. Рыбакова — «Геродотова Скифия. Историко-географический анализ» (1979). Пусть не вызывает удивления, что я предпочел здесь обратиться к труду отнюдь не скифолога, но слависта. В своей книге российский выдающийся уче-

Рис. 18.2. Таким представлялся академику Б. А. Рыбакову (1979: 79) путь Геродота по окраине скифских владений Северного Причерноморья. Нередко этот ареал культур археологи именуют Геродотовой Скифией

ный попытался решительно выйти за грани обычных в скифоведении дискуссий об этнической принадлежности упоминавшихся Геродотом народов (рис. 18.2). Ему хотелось разобраться в безграничном и крайне запутанном клубке мнений по этой проблеме для наведения там порядка; понять их связь с раннеславянскими племенами. Однако удачей эту попытку назвать трудно.

В конечном итоге нам важно в этом плане отметить одно: даже на этом сравнительно ограниченном участке «скифского мира» и в тесном соседстве с ним обреталось впечатляющее множество племен и народностей, каковые скифами не именовались.

Истоки скифов, по Геродоту

Согласно сведениям историка, сами эти воинственные номады возводили свои корни к легендарному пращуру Таргитаю и именовали себя «...сколотами, то есть царскими. Эллыны же зовут их скифами» (Геродот: 4, 6). Стало быть, в наименовании этих прославленных в евразийской истории кочевников наши современники, как и мы с вами, следуют древнегреческой традиции.

Эллыны же, что живут на севере Понта, полагали, что родоначальник народа Скиф стал порождением вынужденной связи Геракла с женщиной-змеей. Геродот же сам больше всего доверял третьему преданию, гласившему, что «кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда

военной силой, скифы перешли Аракс [Волгу] и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам) (Геродот 4, 11).

Действительно, присутствие народа киммерийцев отражено в ряде других исторических источников и, пожалуй, — что главное, — в сохранении таких топонимов, как, скажем, «Боспор киммерийский» в отношении Керченского пролива между Азовским и Черным морями. Археологи уже давно пытаются «привязать» киммерийский народ к некоторым причерноморским культурам эпохи финальной бронзы или же переходного времени к железному веку (см. главу 13). Однако их успехи на этом поприще не выглядят впечатляюще и, во всяком случае, доказательства такого рода связей не вполне очевидны.

Но вот «с приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска». Однако народ киммерийцев в Причерноморье разделился на две партии и погрузился в братоубийственную битву, после чего остатки киммерийцев «...покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной». И уже в погоне за разбитыми киммерийцами «<...> они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами» (Геродот: 4, 1).

Но рабы в своих генах так и остались рабами, отчего власть перешла вскоре в руки истинных потомков Таргитая.

Однако по возвращении из Азии, где скифы господствовали 28 лет, над этим народом нависла угроза более серьезная. За прошлые обиды мидянам царь персов «Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско» (Геродот: 4, 4). Описание катастрофического провала этого грандиозного похода 512 г. до н. э., когда персидский властитель направил свое огромное войско в неведомые ему причерноморские степи, бесчисленное множество раз комментировалось в мировой науке. И вряд ли имеет смысл повторять даже его краткую канву. Мы же обратим здесь внимание лишь только на одно из множества примечательных мест геродотовой книги — на причины очевидной неуязвимости воинских отрядов степных кочевников. Царь скифов Иданфирс так объяснял посланнику Дария, вопрошавшего скифского вождя, отчего же он сразу стал уклоняться от лобовых столкновений с персидским войском:

«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте раз-

рушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». [Геродот: 4, 127].

Наверное, именно это и являлось важнейшей причиной неодолимости культур Степного Пояса Евразии от моря Черного до моря Желтого почти во всей долгой истории их существования. Добавим при этом, что причерноморские степи были отнюдь не самыми жестокими и негостеприимными для чужеродных пришельцев. В этом отношении их невозможно приравнять, скажем, к более восточным ареалам Пояса.

Похороны царей

Свидетельства Геродота о похоронных обрядах скифов для нас особенно важны: ведь номады Степного Пояса открываются своим далеким потомкам, по существу, только лишь через свои могилы. Да к тому же почти все исторические и этнографические свидетельства говорят о том, сколь трепетным было у них отношение к процедурам погребальных церемоний. По этой причине мы процитируем слова греческого историка с минимальными сокращениями.

«Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры <...>. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копыя, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше.

Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают

из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину — на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят» (Геродот: 4, 71—72).

Рис. 18.3. Знаменитый золотой гребень из кургана Солоха в Поднепровье. Сцены из батальной жизни (Im Zeichen: 247)

Археологические курганные некрополи сохраняют для нас далеко не все подробности этих погребальных процедур, а они для нас очень важны, чтобы вести правильную расшифровку раскопанных могильных комплексов (рис. 18.3—18.12).

Упоминает Геродот и о похоронных церемониях простых скифов.

«Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни» (Геродот 4, 73).

Еще раз напомним, что все упоминаемые историком обычаи касаются причерноморской Скифии. В иных областях скифского мира похоронные обряды могли выглядеть иначе, но у нас об этом нет никаких письменных свидетельств.

Рис. 18.4. Знаменитая золотая гривна — шейное украшение скифского вождя из кургана Толстая могила в Поднепровье. На гривне представлены поразительные по своей реалистичности сцены: из бытовой жизни — малый диаметр, и здесь же — по большому диаметру — понятий степняков Северного Причерноморья о фантастичности окружающего их мира (Im Zeichen: 295)

Рис. 18.5. Золотая пластинчатая обкладка горита — деревянного или кожаного футляра для боевых стрел — из кургана Чертомлык (Im Zeichen: 243)

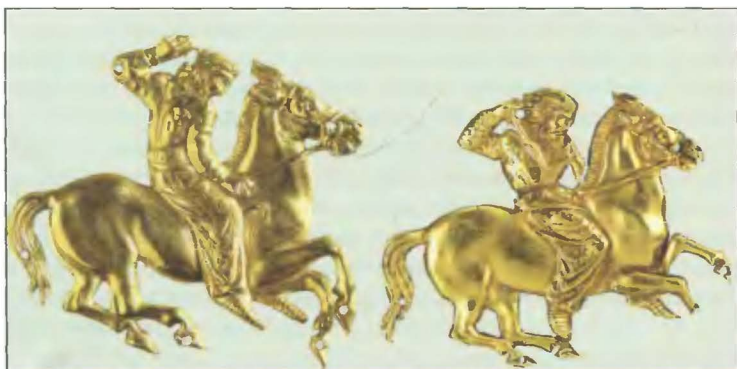

Рис. 18.6. Золотые нашивные фигурки скифских всадников из кургана Куль-оба (Im Zeichen: 36, 277)

Рис. 18.7. Акинак и меч из курганов Келермес и Чертомлык (Королькова: 26—27; Im Zeichen: 250)

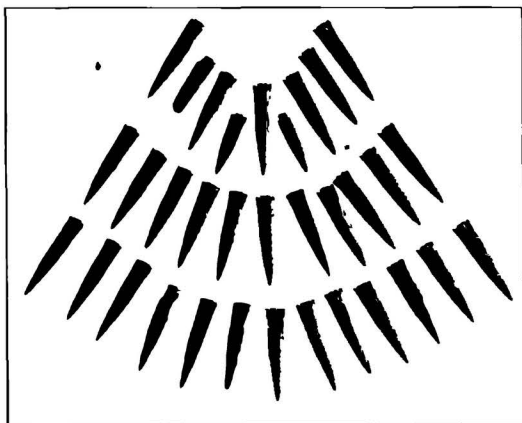

Рис. 18.8. Медные и бронзовые наконечники стрел из кургана «Козел» в Поднепровье (Im Zeichen: 283)

Рис. 18.9. Бронзовый шлем скифского времени из бассейна Кубани (Im Zeichen: 47)

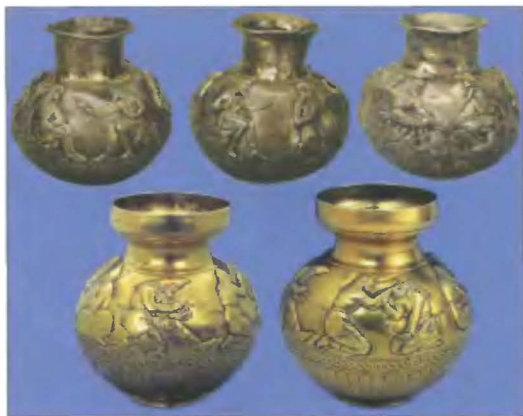

Рис. 18.10. Золотые сосуды из Частых курганов с Дона и кургана Куль-оба из Восточного Крыма. Выразительные сцены из повседневного быта скифов (Im Zeichen: 279—281; Королькова: 45)

Рис. 18.11. Котел медный скифского времени из Нижнего Поволжья (Демиденко: рис. 54)

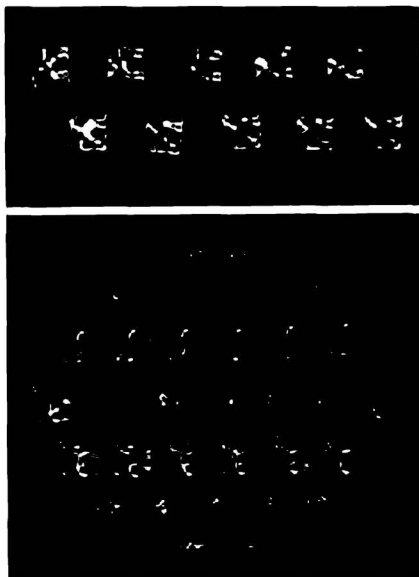

Рис. 18.12. Золотые бляшки-нашивки на одежду скифской знати в погребениях из Прикубанья (Im Zeichen: 227)

Скифы и эллины: взаимные оценки

Интересно, однако, что для коренных, но не причерноморских греков, скифы казались народом не очень пугающим. Ведь они кочевали где-то на далеком от греков севере, за пределами хмурого для них Понта Эвксинского, и до греческой метрополии их конные отряды никогда не добирались. Над ними можно было даже поиздеваться, представляя их в качестве людей не совсем полноценных, довольно потешных, которые никогда не могли бы подняться до статуса даже рядового греческого гражданина. Поэтому, например, Аристофан в своих «Женщинах на празднике Фесмофорий» (строки 1010, 1190, 1220) выводит комичную фигуру похотливого и глуповатого скифа-охранника, когда того для отвлечения от обязанностей охранника пытаются соблазнить прелестями девицы:

*Мулчат, старик дурной!
Потстилку приташу, лижача поглижу
Што брехаешь,
Ты смялся миня! <...>
Задкам яво хуруш! Цыц, цыц, свой миста знай!*

*Вот так <...> и пиридка красива бульна туж.
Ай бульна хуруша, ай сладка дученька!
И смирна дивка, ни сирдита. Где старух? <...>
Ни дивка он сапсим, адин гришна старик,
Мушенник, вуруват прщила.*

Скифы, как мы видим, были нередкими гостями в Элладе, могли там даже служить (наподобие современных гастарбайтеров); над ними можно было надсмехаться. Однако сами кочевники могли беспощадно карать даже своих властителей за отречение от национальных традиций, признавая это за тяжкие грехи — предательство и измену.

«Скифы также старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими, как показала судьба Анахарсиса и второй раз снова — Скила <...>. Анахарсис, после того как посетил многие земли и в каждой из них воспринял много мудрого, возвращался в местопребывание скифов. Плывая через Геллеспонт, он прибывает в Кизик и застаёт кизикенцев очень пышно справляющими праздник в честь Матери богов. Анахарсис принес Матери обет: если здоровым и невредимым возвратится к себе, то будет совершать жертвоприношения таким же образом, как он это видел у кизикенцев, и установит ночное празднество. Когда же он прибыл в Скифию, то, углубившись в так называемую Гилею, <...> Анахарсис стал совершать весь обряд в честь богини — с тимпаном, увешав себя священными изображениями. И кто-то из скифов, заметив, что он это делает, донес царю Савлию. Тот прибыл сам и, когда увидел, что Анахарсис делает это, выстрелил из лука, убил его. И теперь, если кто-нибудь спросит об Анахарсисе, скифы утверждают, что не знают о нем, из-за того, что он побывал в Греции и воспользовался чужеземными обычаями» [Геродот: 4, 76].

Однако в определенном смысле случай со Скилом стал еще более показательным: ведь Скил был одним из «царей» скифских племен.

«Очень много лет спустя Скил, сын Ариапифа, претерпел подобное этому <...>. Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов <...> и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, сам же проходил внутрь, за городскую стену и запирал ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене, и женился там на местной женщине».

Затем царь Скил в своем падении пристрастился к «вакхическому исступлению», что было обычаем эллинов того времени.

«А скифы презируют эллинов за вакхическое исступление. Они говорят, что не подобает выдумывать бога, который приводит людей в безумие. Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: «Над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое исступление и что в нас вселяется бог. Теперь это божество вселилось и в вашего царя, и он в вакхическом исступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите — следуйте за мной, и я вам покажу. Старейшины скифов следовали за ним, и борисфенит, приведя их, тайно поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил, и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из [города], они сообщили всему войску то, что видели... Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него <...> Скилу же Октамасад [кстати, его брат] <...> отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают» (Геродот: 4, 78—80).

Жестокая позиция скифов по отношению к проявлениям чужеродных влияний должна быть понятна современному исследователю: в этом кочевники видели залог сохранения высшего смысла своего бытия, своих исконных традиций. «Тлетворное» влияние культуры эллинов разъедало монолит скифских базовых ценностей, по этой причине и возникала необходимость обращения к столь суровым мерам. Правда, подобного рода реакция служила вполне обычной защитной реакцией не только у скифов, но у множества иных культур вплоть до современности.

Глава 19

СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ АРХЕОЛОГА

Скифский мир: что это?

Не только для историков, но и для археологов зарождение и стремительное формирование в I тыс. до н. э. на Евразийской арене *скифского мира* являлось, по убеждению автора, событием «номер один». Исходным ареалом этого феномена послужила западная половина Великого Степного Пояса с ее пастушескими кочевыми и полукочевыми культурами. Однако очень скоро номады степного Запада резко расширяют границы своих влияний — а может быть, даже владений. Об этом свидетельствуют их яркие курганные некрополи в бассейне Среднего Дуная, в Паннонии. Более того, их отдельные проникновения мы видим еще далее к западу, уже на Одере. На противоположном фланге исключительно яркие их комплексы находят в поразительном — примерно в две с половиной тысячи километров — удалении от Джунгарских ворот, этой знаковой границы между Западом и Востоком Евразии. Мы имеем в виду полупустынный Ордос, окомтуренный гигантским меандром Желтой реки (*Ordos Bronze Wares*: 40—63, 154—219 и др.). Но скифский металл обнаруживают и далее к востоку, на севере провинции Хэбэй, по существу, в Маньчжурии. Следовательно, ареал скифского металла фактически вплотную примыкает к тихоокеанскому заливу Бохай (Yang Jiahua 2004).

Дистанция по прямой линии между западным и восточным флангами скифского мира поражает: не менее восьми с половиной тысяч километров (рис. 19.1). Однако прямолинейно никто и никогда не передвигался, а по реальной или же «ломаной» линии все эти дистанции надо увеличивать, по крайней мере, в полтора раза. Общий охват площади скифского феномена был равен также не менее восьми—десяти с половиной миллионов квадратных километров. Сравните: геродотова Скифия покрывала примерно 0,5 млн кв. км причерноморских степей. А это ведь не более шести процентов от пространств всего скифского мира.

Культуры скифского мира — каковы их важнейшие черты? Чем врезаются они в нашу память и как формируют представления о давно исчезнувшем удивительном мире? Ответ не кажется сложным: в этом перечне лишь несколько черт, но зато очень ярких и легко запоминающихся.

Первое — это, разумеется, гигантские курганы скифских вождей. Второе — характер скрытых под насыпями погребений с захоронениями коней, что почти

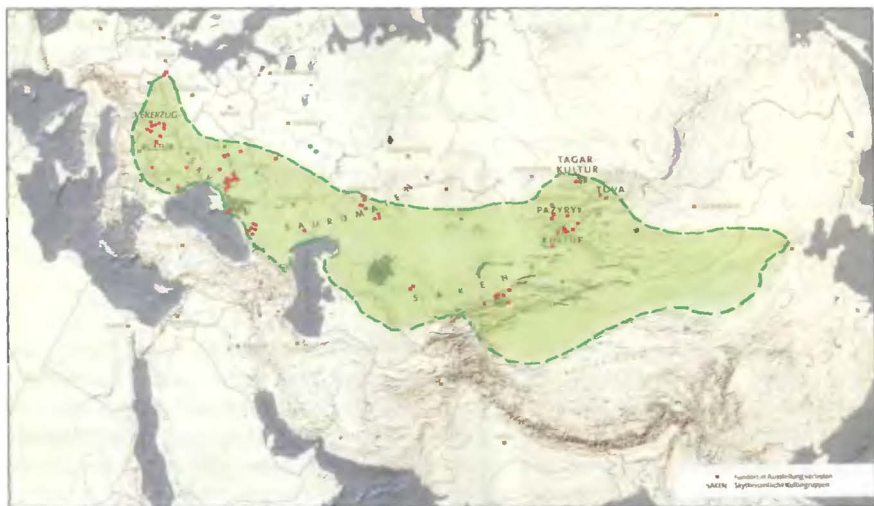

Рис. 19.1. Ареал Скифского мира. Красными точками обозначены группы «царских» некрополей. Данные по западной половине Степного Пояса Евразии взяты из публикации «Im Zeichen»; границы восточного ареала отражают представление автора

непрерывно сопровождали покойника в потустороннее путешествие. Третье — общий комплекс конской упряжи и лошадиной сбруи. Четвертое — металлические изделия — железное, медно-бронзовое или же биметаллическое оружие; к этому ряду прибавим бронзовые крупные котлы. И наконец, пятое — неповторимая по форме и содержанию, неисчислимая масса высокохудожественных золотых и серебряных изделий. Эти истинные сокровища скифского мира по праву занимали лучшие витрины центральных музеев мира; им же были посвящены многочисленные и оформленные самым совершенным образом богатые альбомы...

Наследники «майкопа» — две тысячи лет спустя

Но если перечисленный перечень базовых деталей скифского мира близок истинному, то в таком случае по своей сути блок скифских культур является едва ли не полным повтором или же воссозданием того, что мы наблюдали в «майкопе»: те же гигантские надмогильные курганные насыпи, те же погребения вождей с высокохудожественным золотом и серебром, богатые наборы металлического оружия с бронзовыми котлами (см. главу 9). Вот только их отчленил друг от друга весьма протяженный временной «провал» в два тысячелетия. Но таким ли уж неодолимым оказался этот «провал»? Может быть, через некоторое время всё или же многое в нашем мире должно повторяться и повторяться в реальности?

При всем поразительном сходстве обоих миров различия, конечно, имеются, и выглядят они также впечатляюще: скифы все показатели давно ушедшей культуры раннего бронзового века усиливают как бы сразу на два порядка. Так, площадь «майкопа» в северокавказских предгорьях весьма невелика — всего около 75 тысяч кв. км. Скифский мир увеличивает ее более чем стократно — до восьми миллионов! Теперь о драгоценностях: всего в майкопских могилах нашли около 7,5 тысяч золотых украшений и до 1100 серебряных предметов. Но примерно такую же массу золота и серебра археологи могли обнаружить всего лишь в одном-единственном (!) захоронении скифского князя. И учтем при этом, что едва ли не все скифские могилы были ограблены еще в древности, отчего крайне трудно определить, сколько же изделий из драгоценных металлов сопровождало вождя при похоронных церемониях в действительности. Стало быть, и в этом плане различия вряд ли могут быть меньшими, нежели стократные. Добавим также, что не сопровождали в «майкопе» могилы усопших вождей трупами забитых коней...

Удивляет, пожалуй, еще одно: во времена «майкопа» могилы соплеменников не грабили, и те представляли перед археологами нетронутыми. Возможно ли это объяснять более высокой нравственностью майкопских пастухов на фоне номадов скифских культур? Если да, то эта добродетель относилась в таком случае лишь к их сородичам. Ведь мы видели, что южных соседей-инородцев они вряд ли «освобождали» от лишних богатств только лишь ласковыми уговорами.

Величие курганов скифского мира

Истинное, знаковое величие скифских надмогильных насыпей поражало уже с момента их возведения, по-видимому, всех, кто их видел не только вблизи, но даже издали. Не перестают, впрочем, удивлять эти громады и сегодня — ведь еще остались на далеком Востоке нетронутые археологами надгробья, и они неповторимы (рис.19.2). Насыпь самого, как полагают, крупного из курганов скифской череды в Северном Причерноморье под именем «Огуз» возвышалась над степью более чем на 21 метр и покрывала круг диаметром до 380 метров (рис. 19.3). Курган «Чертомлык» из этой же группы надмогильных холмов имел сохранившуюся насыпь высотой в 20 метров при диаметре 350 метров. Немного меньшей по масштабам насыпью отличался курган «Солоха», высота которого приближалась к 18 метрам. Все эти искусственно созданные «возвышенности» располагались в бассейне Нижнего Днестра. И заметьте: почти каждый из таких выдающихся своими размерами курганов местные обитатели награждали особым именем: «Пять братьев», «Литая, или Червоная, могила», «Гайманова могила», «Толстая могила»... Насыпавшие более двух тысяч лет назад в безбрежной степи эти надмогильные холмы скифы в своих надеждах не прогадали: ведь кочевавшие по этим равнинам или же оседавшие здесь группы людей должны

Рис. 19.2. Не исследованные археологами скифские огромные курганы с каменными и земляными надмогильными насыпями в Синьзяне (Steppe: 47, 48, 97)

Рис. 19.3. Один из самых крупных в Скифском мире курган Огуз в Поднепровье. Слева: раскопки в 1979—1981 гг. Справа: раскопки 1891—1894 гг.

были сразу же ощутить невыразимое величие тех персон, чей прах покоился под этими курганами.

Действительно, могучие курганы почти всегда привлекали к себе внимание людей самых разнообразных. Когда слабели и исчезали из этих краев родичи и соплеменники усопших героев, незамедлительно появлялись профессионалы-грабители, имевшие достаточный навык, чтобы уверенно судить о возможных богатствах покрытой насыпью могилы и о том, где те сокровища проще отыскать. Потом, спустя долгие сотни лет, уже после завоевания Россией Тавриды, среди желающих узнать о содержимом этих холмов вначале преобладали генералы и градоначальники, а порой выказывал интерес даже сам российский император. Так, в 1763 году генерал-поручик А. П. Мельгунов постарался раскопать Литую могилу, но никакого опыта для этого не имел. Некие подкурганные сокровища он тем не менее добыл и переправил скифское золото императорскому двору в Санкт-Петербург. В 1830 году градоначальник Керчи И. А. Стемпковский, пораженный богатством случайно обнаруженного погребального инвентаря в гробнице Куль-Оба, назначил офицера П. Дюбрюкса расчищать этот насыщенный золотыми шедеврами склеп. После Куль-Обы уже император Николай I распорядился о выделении специальных средств для продолжения раскопок выдающихся курганов... Однако, к глубокому сожалению, все эти «воинские» археологические раскопки по своему методическому уровню не столь уж далеко ушли от древних грабительских поисков сокровищ.

Громады курганов — каков же объем земли, камней и иных материалов нужно было доставить на место захоронения скифских вождей? И откуда все это привозили? Раскопанная в 1971 году Б. Н. Мозолевским (145—184) Толстая могила — совсем не самое крупное из княжеских надгробий: высота насыпи 8,5, а диаметр — лишь 70 метров. Объем насыпи был равен примерно 12 000 куби-

Рис. 19.4. Курган Иссык в Семиречье, Юго-Восточный Казахстан. Справа: реконструкция фигуры похороненного под курганом вождя в золотом одеянии и с оружием (Unbekanntes Kasachstan: 544, 545)

ческих метров земли, которую, как полагает автор раскопок, доставляли к могиле на возах за 5 километров от места погребения. Участвовали в сооружении насыпи, а также в погребальной тризне от двух с половиной до трех тысяч человек. Б. Н. Мозолевский считает, что вся операция заняла примерно 8 дней (там же: 157). Но вот уже во время археологических раскопок для транспортировки всей этой массы земли потребовались могучие грузовики и более месяца для их работы. Верны ли эти расчеты для скифской древности «Толстой могилы» — сказать сложно; во всяком случае они не во всем кажутся убедительными. Согласно Геродоту (см. предшествующую главу), погребальные процедуры скифских царей совсем не столь скоропалительны, и они никогда не укладывались в рамки одного года. В любом случае, сооружение всего надмогильного комплекса требовало от сородичей и соплеменников колоссальной энергии. А если же примериться, например, к кургану Огуз? — ведь там объем насыпи, определяемый разными авторами от 117 до 140 тысяч кубометров, был десятикратно больший (см., например, применение тяжелой техники на раскопках Огуза: рис. 19.3, слева).

Порой раскопки этих гигантов продолжаются не один год, проводятся совершенно разными исследователями, и далеко не всегда удается восстановить истинную картину всего погребального комплекса. Уже говорилось, что курган Огуз в Нижнем Поднепровье являлся своеобразным рекордсменом по гигантской машине надмогильного холма. Но Огуз стал бы дважды рекордсменом, если бы мы вели отсчет по продолжительности раскопок: к комплексу последовательно обращались четыре поколения археологов. Сначала в 1891—1894 годах Н. И. Веселовский закладывал в насыпи обширную траншею, пытаясь обнаружить центральное погребение царя (рис. 19.3, справа). Затем курган принялось энергично «исследовать» окрестное население, привлеченное возможностью

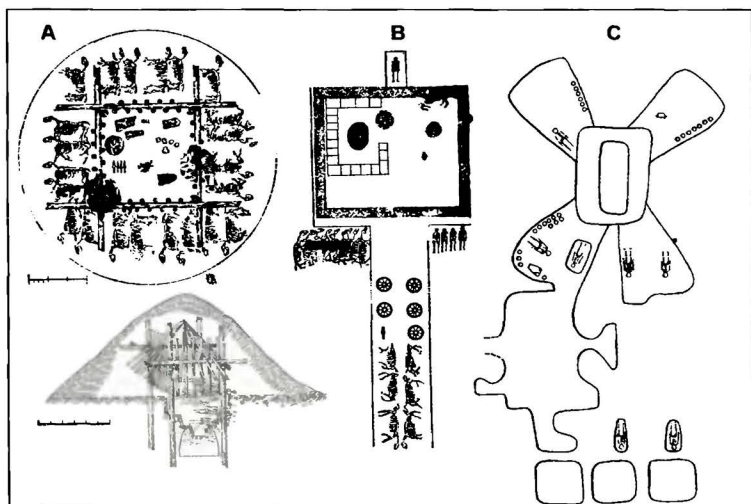

Рис. 19.5. Скифские курганы знати: расположение центральной похоронной камеры и примыкающих к ней ответвлений. А и В — Костромская и Елизаветинская в Прикубанье, С — Чертомлык в Поднепровье (Граков: 68, 115)

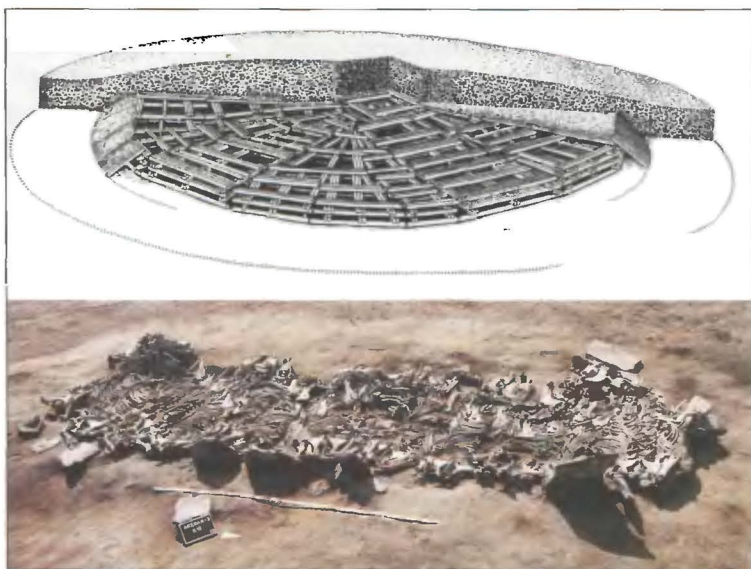

Рис. 19.6. Курганы Аржан в Тыве. Реконструкция сооружения под курганной насыпью и захоронения лошадей (Im Zeichen: 43, 331)

добычи здесь драгоценного золота. Чтобы справиться с активностью этих «черных археологов» в 1902 году из центра прибыл с бригадой квалифицированных землекопов В. Рот. Спустя 70 лет к кургану приступил, наконец, уже квалифицированный специалист-археолог А. М. Лесков, правда, без особого успеха. Наконец в 1979—1981 годах археолог Ю. В. Болтрик завершил многострадальные раскопки этого гиганта (рис.19.3, слева). Однако приходится горько сожалеть как об огромной массе безвозвратно утраченных материалов, так и об отсутствии вплоть до сегодняшнего дня полноценной публикации этого уникального памятника.

Похоронные ритуалы и церемонии у кочевников в различных регионах гигантского скифского мира, конечно же, различались и притом в существенных деталях; хотя, безусловно, центральное место под курганом непременно принадлежало покойному лидеру (рис. 19.4). Иное дело — как велось оформление пространства, окружавшего центральную усыпальницу. К примеру, под огромной насыпью кургана Чертомлык от центральной могилы царя отходили четыре обширные, но примыкавшие к камере вождя ямы (рис.19.5). Иначе выглядит расположение похоронных комплексов, например, в станице Костромская на Северном Кавказе. И уж совершенно по-иному обустраивали пространство под курганной насыпью в далекой Туве. Там под курганом Аржан-1 вся площадь вокруг центральной могилы оказалась покрытой достаточно сложными конструкциями из толстых деревянных стволов (рис. 19.6).

Сопровождение покойника специально забитыми к похоронам конями является, пожалуй, почти неизменной деталью едва ли не всех более или менее значительных по своим размерам курганов (рис. 19.6). Вождь воинственных кочевников должен был явиться в потусторонний мир не только с табунном лихих коней, но также с женами, наложницами, слугами. Об этом обряде довольно подробно говорил и Геродот (см. предыдущую главу). Повторим, однако, что тексты геродотовой Мельпомены повествуют нам лишь о погребальных ритуалах у северопричерноморских, так называемых «царских», скифов.

Группы царских курганов и их география

Изучение географической карты распространения величественных курганов скифского мира наталкивает на ряд любопытных заключений. Правда, в этом отношении мы имеем возможность пока что судить лишь о западной половине Евразии — для Востока континента достаточно внятные и представительные материалы отсутствуют (рис. 19.1).

Начнем с утверждения, что сколько-нибудь равномерного рассеивания «царских» некрополей по всему пространству запада скифского домена не наблюдалось. Все некрополи этого ранга, как правило, достаточно четко группируются на определенных территориях, и таковых групп можно насчитать до семи. Некрополи первой из них мы только что обсуждали в предыдущем разделе: это геродотовы «царские скифы» Северного Причерноморья и Нижнего Поднепровья. Вторая

Рис. 19.7. Курганный некрополь в Семиречье близ хребтов Тянь-Шаня (Im Zeichen: 163)

и самая западная группа выходит за пределы Степного Пояса; она локализована по преимуществу в Паннонии, сопряженной со средним бассейном Дуная. Третья группа представлена на Северном Кавказе, а точнее — в бассейне Кубани (Келермес, Уляп и др.). Следующее скопление огромных курганов сосредоточено уже на северо-востоке, в регионе савроматов, в степном бассейне реки Урал (Филипповка, Прохоровка). Уже в очень далекой от Урала области располагаются золотоносные некрополи народа саков, или же сако-массагетов (курганы Семиречья, Золотой курган и другие). Сакская группа буквально «прижата» к северным предгорьям Тянь-Шаня (рис. 19.7), неподалеку от знаменитого озера Иссык-Куль. В предгорьях Алтая и в горных областях этой системы (высокогорное плато Укок) сосредоточены знаменитые своими ледовыми мумиями курганные некрополи пазырыкской культуры (рис. 19.8 и 19.9). Наконец, самая восточная группа примыкает к верхнему бассейну Енисея в Туве и Хакасии, с их широкоизвестными курганами Аржан-1 и 2 (рис. 19.6), а также с некрополями тагарской культуры.

Следующее наблюдение за картой распространения могильников знати говорит, что пять из семи перечисленных групп некрополей знати с богатейшими наборами погребального инвентаря располагались у самых краев ойкумены скифского западного мира (рис. 19.1), в большей или меньшей степени тесно соприкасаясь с инородными оседло-земледельческими цивилизациями и сообществами. Почесть это чистой случайностью совсем невозможно. Среднедунайская группа в Паннонии вплотную «придвинулась» к периферии эллинского мира — к Фракии и Иллирии. Нижнеднепровская группа «царских скифов» всегда находилась в тесном контакте с греческими колониями в Северном Причерноморье. Кубанская группа «прижата» к предгорьям Большого Кавказа, за хребтом которого располагались чужеродные для кочевников вассальные образования государств Урарту, Ассирии, западной Мидии. Сакские некрополи воздвигались близ относительно доступных перевалов через могучий Тянь-Шань, в бассейн Тарима, к восточным провинциям царства Мидии. Пазырыкские курганы нависали с севера над Джунгарскими воротами, откуда открывался свободный проход в Синьцзян, вплоть до Ордоса и, стало быть, до пограничных областей государств Западного и Восточного Чжоу.

Скорее всего, пограничная позиция большинства групп приоткрывает нам тайну тех путей, по которым к скифам могли попадать и, почти наверняка, попадали драгоценные металлы, как, вероятно, и некоторые готовые изделия из них. К примеру, курганы из Причерноморья, из бассейнов Днепра и Дона, будут ука-

Рис. 19.8. Высокогорное плато Укок на Алтае (верхнее фото М. Караванова, Google). Начало раскопок скифского (пазырыцкого) кургана в высокогорье Монгольского Алтая (Молодин и др.: 80)

Рис. 19.9. Реконструкция скифской (пазырынской) деревянной погребальной камеры (слева) с захоронением лошади рядом с камерой. Курган в высокогорье Монгольского Алтая (Молодин и др.: 69, 463)

зывать на балкано-эгейские каналы. Среднеазиатские драгоценности ведут нас в Иран. Саяно-алтайские погребальные комплексы могут даже связать тамошних обитателей с весьма отдаленным Китаем времени династий Чжоу. При этом весьма сомнительно, чтобы такие удивительные дары соседствующие со скифами народы передавали тем совершенно добровольно, «в порыве любви и дружбы».

Металлы у скифов

Наряду с громадами курганных сооружений и характером погребений под ними, металл скифского мира также можно относить к разряду неповторимых. Основных металлов у кочевников было четыре: железо, медь/бронза, золото и серебро. Железо шло на изготовление оружия. Медь и различные типы сплавов на медной основе являлись более универсальным сырьем: из меди и ее сплавов отливали и отковывали оружие, предметы сакрального назначения, а также украшения. Из золота и серебра выделывали только украшения.

Железо — это, прежде всего, кинжалы, мечи-кинжалы, мечи, наконечники копий и дротиков (рис. 18.7; 19.10). Порой к железному клинку княжеского меча или кинжала приливали фигурную бронзовую рукоять и покрывали ее золотой фольгой с вытесненными на ее поверхности различными изображениями. Удивительные по реалистичности изображения железного оружия в битве всадника с двумя пешими воинами изображены, например, на золотом гребне из кургана Солоха (рис. 18.3).

Рис. 19.9а. Мумия татуированного мужчины из могильника Верх-Кальджин на плато Укок (Феномен алтайских мумий: 115)

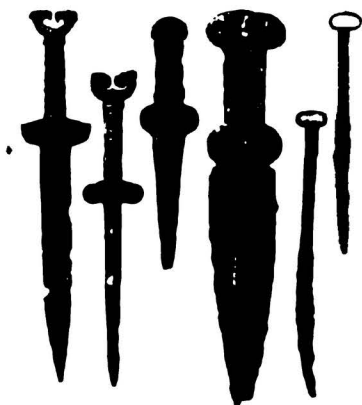

Рис. 19.10. Железное оружие в Скифском мире (Unbekanntes Kasachstan: 648, 649)

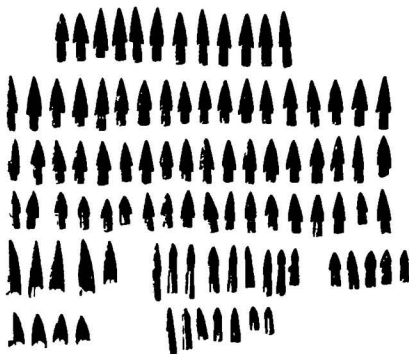

Рис. 19.11. Знаменитые скифские медные и бронзовые наконечники стрел. Курганное поле «Нагорный» в Семиречье (Unbekanntes Kasachstan: 646)

Рис. 19.12. Медные и бронзовые котлы Скифского мира. 1—3 — Синьцзян (Steppe:66; Silk road: 263); 4 — Казахстан, курган Кирик-оба II (Unbekanntes Kasachstan: 676)

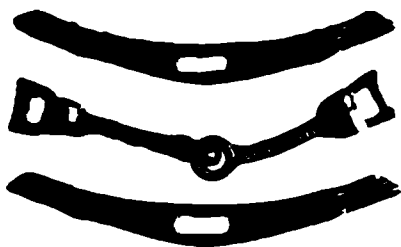

Рис. 19.13. Конница скифского мира, конская узда: удила и псалии (Unbekanntes Kasachstan: 591)

гуннских или монгольских всадников — и об этом сообщают нам письменные источники. Уже в пятом столетии до новой эры предупреждением прозвучали слова из «Прометея прикованного» об особой опасности скифов — тех, «что в плетеных коробах, высоких, на колесах, с дальнострельными не расставаясь луками привыкли жить». Шипы на вонзающихся в тело врага наконечниках стрел не позволяли простым усилием вырвать их из раны. Нужно было обязательно вырезать из раненой плоти этот коварный кусочек металла, иначе почти наверняка пораженного стрелой ожидали весьма неприятные осложнения.

Столь же знаменитой, но уже совершенно иной категорией медной или бронзовой продукции были котлы — малые, большие и даже огромные (рис. 18.11; 19.12). Их отливали в специально приготовленных многостворчатых литейных формах-матрицах. Подобные котлы, и в первую очередь крупные, никак не могли относиться к обычной кухонной посуде. По всей видимости, в них готовили лишь сакральную пищу, приуроченную к тем или иным важным событиям — похоронным церемониям или же праздникам.

И наконец, медь и бронза шли на изготовление огромной массы конской сбруи и узды, включая удила и псалии (рис. 19.13). Для кочевников весь этот набор вещей имел ценность особую, поскольку вся их жизнь была неразрывно связана с коневодством.

Источники металла

Коснувшись болезненной темы о нравственности кочевников в IV тыс. до н. э., вспомним, что весь металл «майкопа» был обязан южным источникам. И вряд ли северокавказские пастухи получали его по принципу «товар за товар»: в реальности никаких свидетельств собственного горно-металлургического производства в «майкопе» нам не известно. Судя по всему, едва ли не то же самое нам придется предположить и в отношении скифов. Ведь именно разнообразные — черный, цветной, драгоценные — металлы, великолепные формы их производства

и смогли во многом выдвинуть скифские культуры на первый план среди множества иных евразийских сообществ. Но откуда скотоводы всей этой гигантской системы могли получать такую неохватную массу металла?

Некоторое исключение у скифов составляет знаменитое Каменское городище, располагавшееся на левом берегу Нижнего Днепра, напротив города Никополь. Именно на него был направлен фокус внимания скифологов при обсуждении жгучей проблемы металлургического и металлообрабатывающего производств у этих культур. То был огромный поселок или даже, как полагают некоторые, город площадью 12 кв. км. Интерес к городищу проявляли еще в самом конце 19 века, после чего вот уже более сотни лет самые разнообразные специалисты приступали к его раскопкам, изучению материалов и их интерпретации (Граков 1954; 1971: 61—63; Шрамко и др.; Ольговский 1987; Гаврилюк 1999: 28—85, 173—186; Гуляев 2005: 38, 216—219; и другие работы).

Исследователи стремятся доказать, что на этом поселении вели работу довольно многочисленные мастерские по обработке преимущественно черного, а также цветного металлов. Вместе с тем масштаб производства в мастерских Каменского городища, судя по публикациям, представляется не столь значительным. Не слишком впечатляет также и разнообразие выпускаемых мастерами изделий. В любом случае, можно полагать, что продукция этих мастерских могла охватить лишь относительно узкий регион Степной Скифии в Нижнем Поднепровье — и не более того. И еще одна любопытная деталь: скифы завершили свою историю в данном «царском» регионе в третьем веке до новой эры; синхронно с этим прекратило свое существование и огромное Каменское городище с его мастерскими (Граков 1971: 63).

В отношении к этому городищу странным кажется другое. Очень многие скифологи затрагивали тему обработки металлов на городище, но никогда всерьез не пытались даже поставить вопрос об их источниках. Откуда же доставляли сюда и железо, и медь? Возможно ли полагать, что в I тыс. до н. э. началась эксплуатация выходов железистых руд огромного Криворожского железорудного бассейна, протянувшегося к бассейну Днепра более чем на сотню километров от рек Ингульца и Саксагани? И есть ли у нас какие-либо четкие свидетельства этих разработок в столь раннее — еще скифское — время? Ведь об этом огромном рудном поле ничего не было известно вплоть до самого конца 18 столетия (Горная энциклопедия 3: 133).

Ну, а медь? Искать ли эти источники в горно-металлургических центрах Балкано-Карпатя или же на Кавказе? Или же, к примеру, Донецкие медистые песчаники — ведь они сравнительно недалеко от зоны царских скифов с Каменским городищем. Однако и в этом случае никаких безусловных доказательств эксплуатации этих руд в скифское время мы не имеем (Проблеми гірничої археології 2003).

Пожалуй, еще более показательными в этом смысле служат данные о полном отвержении скифо-сарматскими номадами занятий горно-металлургическим промыслом на Каргалинском горно-металлургическом центре. После ухода отту-

да горняков и металлургов срубной общности наступает долгий, трехтысячелетний период полного забвения этого центра (см. главу 13). Погребальные памятники савромато-сарматской культуры в этом районе изобильны. Совсем недалеко от Каргалов высилась группа огромных царских курганов у села Филипповка. В самом центре Каргалинского меднорудного поля раскопаны могильники с захоронениями сарматов IV в. до н. э. (Каргалы IV: 39—43). Однако ни малейших признаков причастия этих номадов к эксплуатации рудных богатств, ни вообще следов рудных разработок первого тыс. до н. э. на этом гигантском рудном поле мы не знаем, хотя специальные их поиски проводились.

Каргалы полностью вписываются в бессчетную череду оставленных древними горняками еще в начале третьей фазы Западноазиатской металлургической провинции многочисленных медных и полиметаллических месторождений от Южного Урала вплоть до Западного (Рудного) Алтая. Едва ли не все они — малые, большие и гигантские — простояли три тысячи лет не востребуемыми вплоть до 18—19 веков. Тогда в этих регионах появились российские промышленники и разыскивали все эти рудники с поразительной скоростью, ориентируясь лишь на древние выработки. Явных следов работ скифских мастеров на этих месторождениях мы до сих пор не знаем, и стало быть, вопрос о реальных источниках металла у номадов скифского мира пока что резонно оставить открытым.

Скифское золото

Золото — этот «кумир священный» для человечества — а также связанные с ним высокохудожественные произведения мы разместили как бы в конце перечня особо приметных для скифского мира признаков. Скорее всего, предложенный порядок не совсем точен: творения эти столь примечательны и выразительны, что ими, вероятно, можно было открывать весь перечень скифского комплекса. Во всяком случае, даже отдельная, изолированная от иных предметов находка какого-либо изделия, выполненного в так называемом «скифском зверином стиле», как правило, не вызывает сомнений в принадлежности этого предмета к скифскому миру.

«В истории культуры любого народа есть вершины, заслуживающие того, чтобы быть предметом особой гордости, явления, не только привлекающие пристальное внимание специалистов, но и способные вызвать активный душевный отклик у самых широких кругов зрителей, читателей, слушателей. В богатом культурном наследии России подобной вершиной стал самобытный художественный феномен — искусство кочевых и полукочевых племен Северного Причерноморья, так называемый звериный стиль» (Гуляев 2005: 260—261). С этими словами В. И. Гуляева — известного российского исследователя культуры скифов — нельзя не согласиться. Его трактовку, пожалуй, можно будет расширить пространственно, относя все подобные восторженные слова ко всему неохватному скифскому миру, выходящему за рубежи России.

Рис. 19.14. Сцена охоты на фигурной подставке. Бронза, Семиречье (Unbekanntes Kasachstan: 645)

Рис. 19.15. Бронзовые литые пластины со сценами терзания животных и со следами позолоты на некоторых. Ордос (Ordos: 155—191)

Рис. 19.16. Золотая корона вождя из захоронения в Ордосе (Ordos: 133)

Рис. 19.17. Золотые бляшки. Синьцзян, Турфан (Grand view: 159, 164)

Рис. 19.18. Золотые бляшки из курганов Семиречья (Im Zeichen: 167)

Рис. 19.19. Слева серебряный ритон с золотыми аппликациями — курган Уляп-Адыг, северо-западный Кавказ (Im Zeichen: 213) и золотой ритон из Луристана, северо-западный Иран (Ghirshman: 242)

Рис. 19.20. Золотые аппликации из Куль-обы и неизвестного местонахождения: скифы-побратимы и отдых скифского семейства под деревом (Im Zeichen: 51, 297)

Спору нет, так называемый «скифский звериный стиль» стал одной из самых ярких и впечатляющих страниц в многотысячелетнем искусстве Евразии. Перед зрителем проходят бесконечные вереницы диких копытных — оленей, козлов (рис. 19.14—19.18). Над ними нависают и их беспощадно терзают львы, тигры или же некие чудища-грифоны. Здесь строгий реализм фигур может быть свободно совмещенным с причудливо-фантастичными образами и композициями.

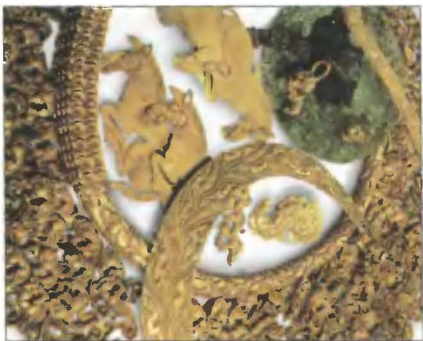

Рис. 19.21. Золотые и бронзовые изделия из кургана Аржан в Тыве (Im Zeichen: 44)

Лошадь на такого рода картинах крайне редко бывает «оторвана» от человека, она почти всегда со своим хозяином. Если люди восседают в конском седле — тогда это либо сцены битвы, либо охоты (рис. 18.3; 19.19—19.22). Кони, как и их хозяева, почти никогда не приобретают фантазмагорических образов, а их изображения практически всегда на удивление реалистичны. Пожалуй, наиболее впечатляющими в этом ряду «конь — человек» являются даже не героические, но бытовые сцены. Скифы сидят, ведут между собой беседу, либо управляют с тетивой лука (рис. 18.10). Скиф выдирает больной зуб у своего сородича; два скифа-побратима осушают рог с хмелем на «брудершафт»; скифская семья со своими лошадьми отдыхает под деревом (рис. 19.20). Череда подобных образов людей и животных весьма протяженна, но при этом, разумеется, описание их не может являться задачей книги.

Однако обязательно обратим специальное внимание на одну чрезвычайно любопытную особенность сюжетов с участием человека на золотых горельефах. На них представлены исключительно лишь рядовые, «обычные» скифы. В этом пространном ряду совершенно нет властной элиты — вождей, князей, царей. В данном отношении скифские картины резко отличаются от тех, что являются хрестоматийно известными в искусстве южных цивилизаций. Скажем, Древний Египет — обычное панно: фараон на колеснице, попирающий всякую вражескую мелкую нечисть. Ассирийские монархи, перед которыми повержены ниц их некогда владетельные недруги...

Но интереснее, пожалуй, даже другое. Скифское общество ведь строго иерархично, иначе как можно истолковать громады их курганов и насыщенные сокровищами погребения под надмогильными насыпями? Все драгоценности, все золотые горельефы с подобными картинами обнаружены исключительно в могилах царей и знати, но никогда в рядовых. Но именно среди них мы и не находим ни одного изображения великого в своей прижизненной славе покойника, которому уготован долгий путь в пока что неведомый для него мир и над могилой которого воздвигнут огромный холм. Ведь искусно выполнен-

Рис. 19.22. Золотые нашивные бляшки с изображениями, характерными исключительно для греческой традиции (Im Zeichen: 282)

Рис. 19.23. Колесницы китайской знати во владении вождей номадов. Слева: наскальное изображение колесницы в сопровождении всадников (Монгольский Алтай). Справа: китайская деревянная колесница в высокогорных алтайских могилах скифской знати (Королькова: 129)

ный в золоте образ владыки мог бы послужить успохею надежной визитной карточкой для трудного путешествия. Возможно ли представить себе сходную ситуацию, скажем, для египетского фараона?... Объяснить этот скифский феномен очень трудно, и потому автор предпочитает здесь ограничить себя лишь сформулированными вопросами. Во всяком случае, таковыми рисуются ныне тогдашние, по крайней мере, погребальные и не во всем понятные нам каноны скифского мира.

И еще об одном. Геродот передает нам сведения о жестком неприятии скифским обществом чужеродных и, в частности, греческих воздействий. Дело обернулось даже казнями видных, властных персон — Анахарсиса и Скила, позволивших себе погрузиться в дурман столь ненавистной для скифов эллинской религии (см. предыдущую главу). Но чем и как можно объяснить в таком случае изрядное количество изображений и горельефов с явными сюжетами из эллинских канонов в царских курганах Северного Причерноморья (рис. 18.5; 19.19; 19.22) — то есть имен-

но в геродотовой Скифии, о которой в основном и повествовал историк? Ведь на золотых пластинах и подвесках различных обкладок представлены античные боги и герои, даже целые ряды этих вроде бы ненавистных для скифов фигур. Что это? — Отвержение деталей чужеродной идеологии в реальной жизни и благосклонное отношение к ней в жизни потусторонней? Или же возможно иное — более удовлетворительное объяснение? Но не только к этому труднообъяснимому парадоксу причастны драгоценные металлы. Вот, скажем, китайская колесница из Пазырыкского кургана (рис. 19.23) — она ведь тоже либо трофей, либо дар врагов. Почему же она должна сопровождать князя в его потусторонние дали?

Во всяком случае, блистательные золото и серебро скифов — *«этот самобытный художественный феномен»*, — кроме восхищения и гордости за подобные вершины искусства, преподносит нам такие вопросы, на которые ответить совсем нелегко. Проблема источников скифских драгоценных металлов столь же туманна, сколь туманными и зыбкими кажутся соображения в отношении черного и цветных металлов. Нам остаются совершенно неведомы и такие сюжеты: *как, кто и где* творил все эти неповторимые шедевры? У скифов Нижнего Поднепрывья в активе имеется хотя бы Каменское городище с мастерскими по обработке железа и меди. Для золотых шедевров во всем необъятном скифском мире, как и в «майкопе», нет даже таких неверных следов.

Отречение от старого мира

Калейдоскоп гигантского скифского мира складывался на пространствах Евразии из заново сформировавшихся родственных культур раннего железного века. Его базисом явилась среда полукочевых, а также кочевых скотоводческих общностей, оккупировавших западную половину Степного Пояса Евразии и втянутых в обширную систему Западноазиатской металлургической провинции. Такой аспект дискуссии диктует нам еще один весьма важный вопрос: каковыми же были формы и характер соотношения скифских культур-«наследников» с культурами-«предков» ушедшего в прошлое позднего бронзового века?

При обсуждении проблемы происхождения той или иной культуры обычная, рутинная манера исследований предполагает неперменный анализ материально выраженных и уходящих в глубь столетий корней, связующих ее с культурой-предком. Довольно часто какие-то черты «перетекали» в культуру-наследника без особых перемен, путем слабо выраженных во времени эволюционных изменений. Полнее всего такого рода приметы проявляли себя в блоках тех культур, что были подвержены *синдрому культурной непрерывности*, и о подобных общностях шла речь в ряде глав (см. главы 8, 11, 13).

Однако резонно обратить внимание уже на иной, как бы противоположный случай, когда на фоне культур-предков проявляются — и весьма явно — кардинальные сдвиги в формах, характере и облике культур-наследников. Такого рода черты и являются как раз теми знаковыми признаками, позволяющими очертить

комплекс заново сформировавшейся археологической общности. Примеров подобного рода также очень немало, и многие из них обнаруживают себя в сфере горно-металлургического производства. Таковым признаком, скажем, явилось стремительное зарождение металлургии в культурах медного века в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции (см. главу 8). Или же весьма похожей выглядит ситуация с культурами Восточной Анатолии и Северной Месопотамии, где в IV тысячелетии вспыхнула металлургия с выразительными чертами прото-Циркумпонтийской провинции (см. главы 9, 10).

Мы позволили себе эту преамбулу для формулировки новой сложной и сопряженной со скифским миром проблемы. Этот блок вопросов вновь ставит нас перед очень трудной задачей: как понять и чем объяснить почти полное отвержение важнейших канонов и стандартов культур-предков, бытовавших в финальных столетиях бронзового века? Ведь скифский мир предал полному забвению или же отвержению практически все, чем был для них предшествующий мир кочевников западной половины Степного Пояса — их действительной прародины.

Возможно, что самым главным здесь стало фактически абсолютное отрешение от былого и ярко выраженного «демократизма» в облике буквально всех, совсем недавно исчезнувших из степного мира культур-предков. Их заменил жестко демонстрируемый «героический», строго иерархичный курганный мир. В этом мире погребальные памятники скифской элиты должны были быть заметны издали и сразу, и никогда ни у кого не вызывать сомнений в величии тех, кто под ними покоился. Абсолютно не похожим на прежние предстал как облик кладбищ, так и погребальный инвентарь могил. Даже погребения рядовых кочевников железного века невозможно было спутать с их предшественниками позднего бронзового века.

Крупные поселения — селища и городища — представлены по преимуществу в лесостепных регионах среднего бассейна Днестра и отчасти Северского Донца (Археологія Української РСР-2: карта 2; 72—73, 76—81, 94—100). В слоях тех же поселков можно встретить и посуду с наклепным валиком по горлу и тулову сосуда — своеобразное и сохранившееся наследие символики предшествующего периода финальной фазы Западноазиатской провинции (Археологія Української РСР-2: 79, рис. 24; 92—93, рис. 27, 28; 96, рис. 29 и другие). Вполне возможно, что именно в этих регионах были владения скифов-пахарей, скифов-земледельцев, о которых сообщал Геродот.

В более восточных районах — к примеру, на Дону — поселков существенно меньше, да и сами они, как правило, очень невелики и маловыразительны. Их площадь всего 0,3—0,5 га, и чаще всего это городища, за оборонительными валами которых обитатели — вряд ли кочевые — могли на какое-то время укрыться от нападений. Их не столь уже редко даже сами исследователи причисляют к так называемым «скифоидным» общностям, то есть каким-то образом связанным с коренной и более южной скифской культурой, но к ней имеющим, скорее всего, лишь косвенное отношение (Пузикова 1997).

Во взаимном и абсолютном контрасте предстают оба — скифский и доскифский — комплексы металлических оружия и орудий. Здесь мы не в состоянии заметить никаких явных следов наследия традиций и подражаний даже в формах производимых предметов. И относится это не только к орудиям и оружию, но присуще всем видам искусства, причем не только связанного с металлами, но также и с иными материалами — с гравировкой по кости, с деревянными фигурами оленей и других животных. Об истинных шедеврах искусства, связанных с золотом и серебром, не стоит даже говорить: здесь пропасть между обеими разновременными блоками культур кажется попросту неодолимой.

Анализ феномена скифского мира вольно или невольно вновь обращает нас к давней истории «майкопа», о чем уже шла речь в начале главы. И в этой глубокой древности было также почти нереальным уловить сколько-нибудь отчетливую связь культуры больших северокавказских курганов с предшествующими общностями: контраст и в том случае проявлял себя буквально во всех деталях. Зато не составляло никакого труда проследить четкую линию развития от «майкопа» к более поздним курганным культурам, локализованным уже в Закавказье — Марткопи-Бедени и затем Триалети (см. главу 10).

Мы говорили, что на фоне «майкопа» скифский мир стократно увеличил не только подчиненное ему пространство, но и общую массу драгоценных металлов в могилах вождей. Однако в продолжительности своего существования он уступил «майкопу» и его наследникам не менее чем трехкратно. Курганные «золотые» культуры Кавказа, включая закавказские, существуют около двух тысячелетий. Скифский же мир сгорает, распадается и полностью утрачивает свое единство примерно за шесть — максимум семь столетий. Так в чем же дело?

Может быть в основе всего лежат новые технологии получения железа из руд и обработки этого металла? Вряд ли! Хотя, конечно, новая технология не могла не отложить свой отпечаток на облик культур. Однако в этой связи мы предложим лишь краткую отсылку к двум соседним и синхронным металлургическим провинциям — Кавказской и Европейской (о них шла речь в главе 14). В производственных центрах этих систем при зарождении прогрессивной технологии обработки железа и при переходе к железному веку, невзирая на инновации, продолжалось достаточно широкое производство бронзовых орудий и украшений, принципиально продолжавшее формы и стандарты, господствовавшие в более раннюю эпоху.

Нередко, чтобы объяснить столь решительные перемены в облике культур, прибегают к гипотезе о появлении нового населения, инородных мигрантов, носителей новой идеологии, иных канонов бытия. Однако в нашем случае эти объяснения не могут быть принятыми. Почти невозможно предположить, что на таком громадном пространстве внезапно сменилось все или почти все население. Антропологи не подтверждают таких предположений: скифы принадлежат к прежнему массиву степного европеоидного населения. С этим согласны и палеолингвисты: они считают, что на западе Степного Пояса в скифское время

по-прежнему доминируют языки арийской семьи или же индо-иранской группы, и никаких существенных перемен в этих регионах не происходило.

Но теперь, кажется, настал момент вернуться к нашим сформулированным ранее вопросам: как понять и чем объяснить едва ли не тотальное отвержение скифским миром важнейших канонів и стандартов прошлой и для него как будто бы «материнской» среды? Новая технология? Разумеется, она сыграла свою роль, но она никак не могла стать всеохватной, поглотить и переиначить абсолютно все сферы бытия. Речь может идти лишь о великой *идеологической революции*, отбросившей старые каноны и преобразившей культуру кочевников I тыс. до н. э.

Культура — ведь это, прежде всего, система запретов и предписаний. Нормативный фактор в ней (см. главу 6) может быть толерантным, очень мягким — и это его первое полярное значение. Но на другом полюсе он может быть предельно жестким и даже жестоким. Этот фактор определяет, что и как делать можно, а что нельзя; когда можно что-то совершать, а когда запрещено; с кем из соплеменников можно что-то производить, а с кем — уже полное табу...

Возможны ли столь стремительные и быстрые переходы от одних идеологических систем к иным, порой совершенно несходным с прежними? К тем, которые воздвигают запретительные барьеры на деяния и которые до тех пор оказывались вполне допустимыми и даже желательными? Безусловный, и опять только один, но очень яркий и хорошо известный многим пример: начало Средневековья в Европе и полная победа христианства. Тогда ведь также имела место великая идеологическая революция. И вот ее следствие: быстрый и решительный запрет на основные и привычные каноны античного мира, связанные, в первую очередь, со сферой мировоззрения и их повседневными проявлениями. Вскоре даже внешний облик европейского мира претерпел существенные перемены. В те столетия, по мнению многих мыслителей, наступили *Темные века*; большинством же людей постепенно овладела уверенность, что человечество наконец-то обрело путь истинный.

Похоже, что нечто сходное постигло скифский мир в его зарождении, и тогда иррациональное в его культурах устремилось к своим вершинам.

Иррациональное в культуре

Обсуждение проблемы культур-наследников и культур-предков подводит нас к двум диаметрально противоположным моделям бытия. Предки, то есть общности позднебронзового века в рамках Западноазиатской провинции, олицетворяют модель сугубо *рациональную*. Наследники скифского мира — уже приверженцы модели отчетливо *иррациональной*. Рациональная модель малоинтересна или даже неинтересна нам вовсе (при употреблении слова «нам», автор имеет в виду по преимуществу не специалистов-археологов, но достаточно образованную публику). Противостоящая ей иррациональная модель захватывающе интересна буквально всем. Особых доказательств для последнего не

требуется: всё уже издавна определено бесчисленным количеством посвященных иррациональным культурам публикаций, множеством помпезных выставок, разнообразных альбомов...

Рациональная модель невыразительна, но устойчива и мало уязвима при испытаниях ее временем. Иррациональная же модель фонтанирует яркими картинками, неожиданными и трудно объяснимыми поворотами, устремлениями и нестандартными решениями. Однако она весьма коварна и опасна для ее носителей и созидателей, ее конечные результаты трудно предсказуемы. В своих концепциях иррациональная модель опирается на базу малодостижимых или же вовсе недостижимых в своих фантазиях идей, которые выдвигает и которым следует вся культура или же, скажем, только ее лидеры. Почти всегда в иррациональной модели заложено стремление возвысить и увековечить себя в двух мирах — земном, то есть реальном, а также в потустороннем, или же загробном. Окружающий человека реальный мир практически всегда материален, и здесь не возникает вопросов, каким образом можно реализовать жажду предполагаемого величия. Это постижимо и доказуемо лишь с помощью силы и тех материальных предметов, что могут явить себя в виде ярчайших символов желаемого величия. В человеческой истории именно золото чрезвычайно быстро — уже с V тыс. до н. э. — оккупировало, безусловно, важнейшую среди прочих знаков-символов позицию (см. главу 8).

Свое особое место в потустороннем мире люди обычно пытаются обеспечить двумя способами. Если господствует вера, что загробное бытие столь же загружено материальными творениями, сколь и земное, то грядущий покойник уже при жизни должен беспокоиться накоплением и переправкой в тот таинственный мир максимально представительной коллекции символов собственной значимости. Так случилось, например, с проклинаемым грядущими поколениями и соорудившим себе невиданную по громаде надгробную пирамиду фараоном Хеопсом. Так было и с не менее ненавистным для наследников первым императором династии Цинь в древнем Китае — Шихуанди (умер в 210 г. до н. э.) — с тем, кто соорудил для себя гигантский погребальный комплекс со ставшим ныне знаменитым терракотовым многотысячным войском — его потусторонней гвардией. Однако касается это не только владык, но также людей гораздо более скромного социального ранга.

Если же загробный мир соткан из ценностей духовного порядка, если он отвергает все материальное, то при переходе в него из мира земного нужды в подобного рода знаках нет. Тогда на том свете для высших сил значимо лишь духовное величие персоны, и это не требует осязаемых материальных доказательств. С такой моделью мы столкнемся вплотную уже в третьей части книги при знакомстве с некоторыми кочевыми сообществами Востока Евразии.

Но вернемся к представлениям не о духовном, но материальном потустороннем мире. В большинстве случаев люди очень давно и отчетливо осознали, что их земная жизнь коротка и, по крайней мере, весьма жестко ограничена некими, но неведомыми для персоны сроками. Конечно, порой некоторые,

подобно Чингисхану (см., например, Приложение 2), мечтают о земной бесконечности, пытаются каким-то образом овладеть ею, но результаты таких мечтаний мы даже не обсуждаем. Поскольку никто и никогда не возвращался из иного мира на грешную землю для рассказа, «как у них там», то каждый человек мог надеяться, что бесконечность постижима и ждет его именно в далеком таинственном космосе. Если же надежда перетекает у людей в уверенность, то земная жизнь в их представлении становится лишь краткой прелюдией к жизни потусторонней и вечной. В таком случае все земное бытие следует подчинять тщательной подготовке к этой желанной вечности.

Таковой может быть озвучена гипотеза о господствующем в скифском мире мировоззрении. Если гипотеза справедлива, то все курганное многообразие кочевых сообществ возможно рассматривать сквозь призму основных особенностей подобной идеологии.

Здесь очень хочется напомнить об одной парадоксально звучащей мысли, которую мы развивали в разделе «Археологи в качестве представителей потустороннего мира» (глава 4). Действительно, если скифский властитель и не добился признания величия его персоны в крайне для него желательном, хотя и крайне гипотетическом загробном мире, то в глазах археологов, а также интересующейся древней историей публики, он преуспел безусловно.

Итак, погребальная камера насыщена сокровищами — это абсолютно необходимые предметы в грядущей вечности. При покойном лидере — царе или князе — выложены тела намеренно умерщвленных жен, наложниц, слуг, лихих коней. Без них в ином мире царю также обойтись невозможно. Над погребальной камерой воздвигают громаду курганной насыпи, стараясь сделать ее как можно более могучей, величественной. И делается это не только для потустороннего, но равно и для посюстороннего мира. Многочисленные толпы бывших подчиненных, вассалов или хотя бы косвенно зависимых от скончавшегося владыки людей стараются принять деятельное и весьма приметное для вождя участие в подобных важнейших церемониях. Для них такие акции крайне важны: ведь также и этим, пусть не столь значимым, персонам предстоит когда-нибудь переселение — и вполне возможно очень скорое — в загадочное космическое пространство. А там они, разумеется, снова окажутся под властной рукой их только что скончавшегося вождя — ведь в ином мире жизнь бесконечна.

Это, разумеется, гипотеза. Ее трудно обеспечить безусловными доказательствами материального свойства — археология таковыми, к сожалению, не располагает. Но высказанные предположения представляются автору достаточно реальными.

Теперь об опасности и коварстве иррациональной модели. Если общество своей главной целью ставит подготовку к вечной потусторонней жизни, если для

этого оно вкладывает едва ли не всю свою энергию и свои силы для оформления необходимого антуража при переходе в иной мир, если обязательной является также организация достойного бытия и на том свете — то само общество становится послушным рабом крайне сомнительной, опасной и лживой идеи. Пока племена кочевников сильны и удачливы, а южные оседлые соседи слабы и растеряны, все выигрышные карты, конечно же, в руках воинственных пастухов. Невиданные по великолепию и разнообразию подкурганские сокровища — зримый результат их баснословных успехов. Даже потери в бесконечных битвах соплеменников и сородичей не должны смущать кочевников: погибшие, без сомнения, найдут свою счастливую долю под крылом своих уже ранее переселившихся в другой мир владык.

Но вот меняется ситуация, потери нарастают, конные отряды кочевников слабеют, а южные соседи становятся сильнее, и их уже так трудно побеждать. Отныне церемонии переселения в таинственные выси становятся скудными, а то и вовсе убогими. Что же в таком случае ждет некогда победоносного князя на том свете? Нищета и серость? Но что же в таком случае предпринять? Где выход?.. И опять приходят на память слова Страбона о том, что кавказские племена албанов, загружая все имеющееся у них в могилы родителей и старших родственников, погружаются в нищету (см. главу 4), а это невыносимо.

Привлечем теперь внимание к еще одному любопытному сопоставлению. Нет человека, который бы не ведал о своей грядущей кончине, хотя разные люди к своему неизбежному будущему относятся с неодинаковой мерой психологического настроя. Иное дело культура, под которой мы понимаем традиционный способ существования этноса или же группы этносов. Культура никогда предполагать подобного не может. Она обязана излучать непререкаемую уверенность в своей несокрушимой вечности, в справедливости избранного ею пути, а синдром Нарцисса всегда должен находиться в ее арсенале, укрепляя ее в этой мысли. Для носителей культуры абсолютно невозможно признать, что ими же канонизированный способ бытия в чем-то ложен или даже порочен. Однако столь же неотвратимо, волей или неволей, но таковое признание становится неизбежным — ведь нет культур вечных. Проявлявшиеся еще совсем недавно как ярчайшие, но иррациональные черты губительно воздействуют на культуру народа, и той уже невозможно являть себя в прежнем облике. И тогда верных поклонников и приверженцев прежних устоев окутывает атмосфера истинной трагедии... По всей вероятности, именно это и происходило со скифским миром в 4—3 вв. до н. э.

И вновь уже в который раз мы не можем отрешиться от желания наметить параллель с кавказскими курганными культурами IV—III тыс. до н. э., могилы вождей которых также были насыщены сокровищами. По аналогии со скифскими, их проявления также кажутся вполне иррациональными. Но ведь они сумели не утратить ни своего характера, ни облика в течение долгих двух тысяч лет. Как объяснить это — ведь все

столь похоже на скифский курганный мир? Может быть, в данном случае все зависело от умения культуры кавказских кочевников найти себя в ближайшем окружении и сохранить необходимый баланс сил в сложных взаимоотношениях с оседлыми соседями-земледельцами? Если данное предположение справедливо, то скорее всего, именно этого и не удалось достичь общностям скифского мира.

Сарматы сменяют скифов

Рис. 19.24. Золотая фигурка сидящего сармата с коротким мечом на коленях (Королькова: 68)

В конце 4 и начале 3 вв. до н. э. скифы уступают свою первенствующую роль сарматам — новым властителям народов западного фланга Степного Пояса. В общем поле сарматских культур специалисты включают многие кочевые народы, говорившие, как и их предки, на языках индо-иранской лингвистической группы и обитавшие на степных просторах от Южного Урала до Северного Кавказа, а также по всему Причерноморью вплоть до низовьев Дуная. То были аланы и аорсы в восточной части этого ареала, а также роксоланы и языги в Подунавье, уже на крайнем западном краю великой Степи. Сарматы в археологии уже не оставили после себя ничего похожего на тот блистательный «золотой» мир, который явили нам скифы и их ранние предки — савроматы (рис. 19.24). Культура сарматов выглядит несравненно более рациональной.

Эти народы доживают до четвертого столетия новой эры, и им — аланам — посвятил строки в своем труде позднеримский историк Аммиан Марцеллин при изложении событий 375—378 гг.

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням <...>. Молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины

ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами <...>. Они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора, с одной стороны, и до Армении и Мидии, с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у

Рис. 19.25. Железные стремена монгольского всадника с явными следами-отголосками образов далекого Скифского мира. Фото автора 1980 года

них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют <...>. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (Аммиан Марцеллин: XXXI-2, 17 — 25).

К концу настоящей главы мы вплотную подошли к тому хронологическому рубежу, когда иссякает воинственный и всеокрушающий запал западных волн кочевых племен. Звездный час скифских успехов и подвигов в Евразии гаснет, и эстафету с тех пор берут в свои руки уже восточные кочевники. Этот период совпадает со временем, когда в оценках культур в качестве наиболее значимых выходят письменные источники, а археологические материалы невольно уступают им свое место.

Аммиан Марцеллин, рассказывая о сарматах, очень кратко упоминает и тогда же внезапно возникших на Западе гуннов. Мы приведем его слова об этих столь ненавистных для позднего Рима кочевников уже в следующей — исторической — части книги. И обратите внимание, насколько более жестокими на фоне сарматов прозвучат его оценки гуннских «нелюдей». Однако именно с этими «нелюдями» и будет сопряжен первый вал с Востока на западной половине Евразии.

* * *

Культуры Скифского мира Евразии и их выразительные атрибуты могут показаться иногда вечными и неувядаемыми. Вот лишь один, правда, не очень часто встречающийся пример: в конской узде монгольских всадников наших дней возможно порой столкнуться с совершенно неожиданным следом и отражением образов скифско-звериного стиля — более чем двухтысячелетнего возраста (рис. 19.25).

Приложение 1

КАЛЕНДАРНАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ДОПИСЬМЕННОЙ» ЭПОХИ ЕВРАЗИИ

Абсолютная хронология основных периодов так называемой «дописьменной/археологической» эпохи Евразии в настоящее время строится на системном анализе крупных серий калиброванных радиоуглеродных датировок. Об этом шла краткая речь в начале второй и в пятой частях книги (см. главы 4 и 38). Временной «костяк» настоящей монографии опирается на генеральную базу данных датировок по ^{14}C , которая формируется в течение последних двух десятилетий в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Общий массив этой базы превышает ныне пять тысяч определений возраста археологических объектов; однако процесс ее наполнения датировками продолжается постоянно. Основная направленность базы устремлена на археологические общности, культуры или отдельные значимые комплексы Эпохи Раннего Металла Евразии (ЭРМ). Однако помимо этого внимание уделяется также сопряженным с этой эпохой по времени и пространству культурам и комплексам эпохи Прото-Металла, неолитическим общностям северных, лесных ареалов, а также степным общностям раннего железного века.

Цель настоящего Приложения, по сути, единственная: дать читателям представление о важнейших, узловых сериях и совокупностях радиоуглеродных датировок, которые явились истинным фундаментом в процессе распределения большинства затронутых в книге общностей и культур по абсолютной календарной шкале. При этом основное внимание уделялось датировкам древностей, входивших в системы трех крупных металлургических провинций — Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Западноазиатской. Кроме того были привлечены данные по предшествующей этим системам эпохе Прото-Металла, а также последующим по времени степным культурам раннего железного века. Всего в Приложении приведены сведения о распределении 3219 радиоуглеродных калиброванных датировок по 57 различным совокупностям, составленным на материалах упомянутой выше генеральной базы данных.

Вся необходимая информация отражена на диаграммах шести комплексных рисунков (Пр1.1 — Пр1.6). Каждый из рисунков соответствует конкретному и крупному историческому периоду евразийской истории: 1 — Прото-металл; 2 — медный век, Балкано-Карпатская металлургическая провинция; 3 — ранний бронзовый век, Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция; 4 — средний бронзовый век, Циркумпонтийская металлургическая провинция; 5 — поздний бронзовый век, Западноазиатская металлургическая провинция; 6 — ранний железный век, Скифский мир.

На указанных рисунках-диаграммах не могут не броситься в глаза резкие различия в количественных характеристиках демонстрируемых совокупностей: от минимальных — в 7 или 8 — определений возраста (рис. Пр1.3 и Пр1.5) вплоть до чрезвычайно представительных — до 318 и 426 датировок соответственно (рис. Пр1.4). Автор полагает, что специальное упоминание здесь столь малочисленных совокупностей кажется совершенно необходимым для корректной оценки реальности и надежности в определении возраста конкретного археологического комплекса или же культуры.

Распределение сумм вероятностей для каждой из баз отражено на диаграммах следующим образом. Основной прямоугольник, околтуренный прямыми линиями означает диапазон сумм вероятностей определения возраста конкретной совокупности в две сигмы, или же в 95,4 %. Внутри основного прямоугольника всегда располагается один залитый либо черным, либо серым цветом прямоугольник, означающий диапазон сумм вероятностей абсолютного возраста в одну сигму, или же в 68,2 %. В случае единичного окрашенного прямоугольника можно полагать, что распределение сумм вероятностей внутри каждой анализируемой совокупности соответствует нормальному характеру или же близко к нормальному.

Порой внутри основного большого прямоугольника в две сигмы можно видеть две или даже три залитых черным или серым малых фигуры. Это свидетельствует уже о наличии аномалий в распределении вероятностей и их отклонениях от нормального характера. Поэтому в такого рода случаях вероятность в одну сигму, или же в 68,2 %, распадается на две или даже три составляющих компоненты.

Заполнение внутреннего малого треугольника серым цветом ставит цель привлечь внимание к недостаточному — менее 25 — количеству датировок для каждой из совокупностей. Тем самым как бы возникает сигнал относительной ненадежности определения возраста совокупностей подобного рода — ведь малое число анализов очень часто отражается на нестабильном характере распределения вероятностей. Во всех базах, где число датировок превышало 24, малые внутренние прямоугольники заливались черным цветом.

Наши исследования показывают, что в условиях работы с блоками крупных баз данных или же их совокупностей, а также при сопоставлении их друг с другом наиболее рациональным подходом при оценках возраста конкретной археологической культуры или же комплекса можно считать вероятность в одну сигму. Вероятность же возрастного диапазона в две сигмы во многих случаях представляет картину чрезвычайно расплывчатую, что сразу же понижает интерес к подобного рода хронологическим определениям — и в этом можно убедиться, к примеру, при анализе сравнительных диаграмм на рис. Пр1.1:1; Пр1.2: 13, 17; Пр1.5: 6; Пр1.6: 6.

Все аналитические процедуры, связанные с калибровкой всех представленных здесь радиоуглеродных датировок, а также хронологических диапазонов для каждой из 54 совокупностей дат, произведены на базе программы Research Laboratory for Archaeology & the History of Art, University of Oxford (Version 3.10).

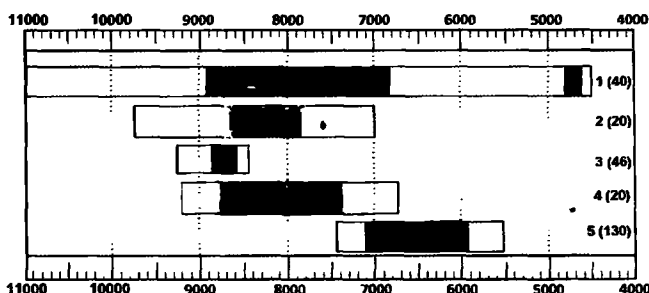

Рис. Пр1.1. Распределение радиоуглеродных датировок по комплексам поселений и сакральных центров эпохи Прото-металла (см. главу 7).

Условные обозначения: 1 — Чайоню-тепеси; 2 — Невали Чори; 3 — Ашкили-хейюк; 4 — Телль Халула; 5 — Чатал-хююк.

Примечание: в скобках после номера базы обозначено число включенных в нее датировок; это же условие относится и ко всем последующим иллюстрациям настоящего Приложения

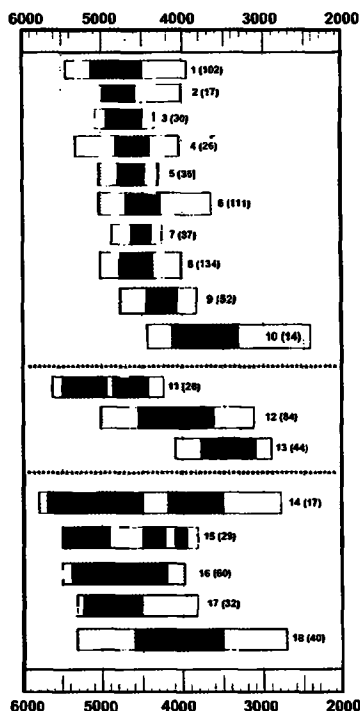

Рис. Пр1.2. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам медного века. Балкано-Карпатская металлургическая провинция (см. главу 8).

Условные обозначения:

Центральный блок: 1 — Винча С-Д; 2 — Бутмир; 3 — Тиса; 4 — Караново V; 5 — Херпаи-Чоскалом; 6 — Караново VI—Гумельница; 7 — Варна; 8 — Лендьел; 9 — Тисаполгар; 10 — Бодрокерестур.

Периферийный блок: 11 — Триполье А; 12 — Триполье В; 13 — Триполье С.

Степной блок: 14 — Ракушечный Яр; 15 — Азово-Днепровская; 16 — Днепро-Донецкая; 17 — Хвалынская; 18 — Средний Стог.

Примечание: Не могут не броситься в глаза чрезвычайно заметные различия в характере распространения сумм вероятностей между культурами центрального блока провинции и блока степных культур. На фоне компактных и строго околнуренных диаграмм (и в одну и в две сигмы) распределения вероятностей в культурах центрального блока — диаграммы степных общностей выглядят плохо отвечающим признакам нормального распределения сумм вероятностей возрастных определений. По всей видимости, в этом сказывается чрезвычайно сильное воздействие так называемого синдрома культурной непрерывности. В восьмой главе мы говорили о том, что феномен этого синдрома крайне затрудняет корректную культурную верификацию датированных образцов, что и отразилось на результатах датировок

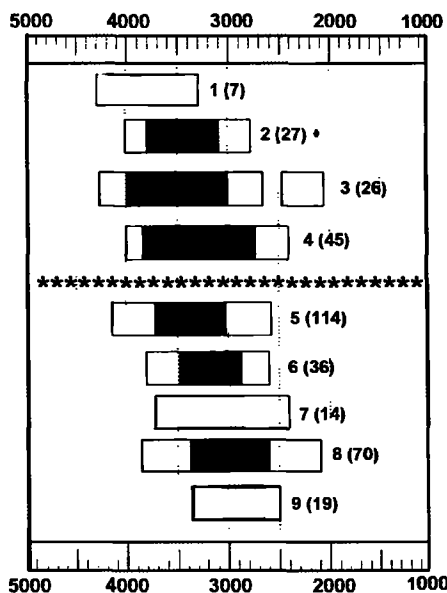

Рис. Пр1.3. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и отдельным поселениям раннего бронзового века. Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция (см. главы 9 и 10).

Условные обозначения:

Северная зона провинции, блок культур и отдельных поселений майкопской общности —

1 — поселение Мешоко; 2 — прочие поселения; 3 — т.н. степные курганы; 4 — «большие» курганы предгорий.

Блок культур и культурных комплексов в южной зоне провинции: 5 — Поздний Урук (культура); 6 — Арслантепе VIA; 7 — Гординтепе; 8 — куро-араксинская культура; 9 — Гегарот.

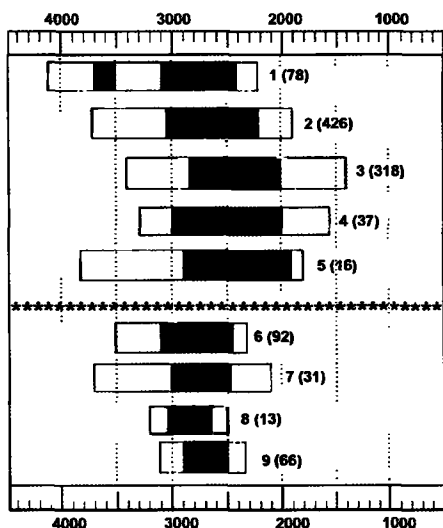
Примечание: Нередко слои отдельных поселений типа Арслантепе в Восточной Анатолии или же Гординтепе в Западном Иране могут быть включены в систему культуры позднего Урука, а к примеру, Гегарот (Армения) — в куро-араксинскую культуру. Однако это принципиально не влияет на общую картину хронологии в южной зоне провинции

Рис. Пр1.4. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и отдельным поселениям среднего бронзового века. Циркумпонтийская металлургическая провинция (см. главу 11).

Условные обозначения:

Блок курганных, преимущественно северных скотоводческих культур и общностей: 1 — афанасьевская; 2 — ямная; 3 — катакомбная; 4 — северокавказская; 5 — марткопи-бедени.

Напластования многослойных поселений южного, оседло-земледельческого домена: 6 — Эзеро-Караново VII; 7 — Троя I; 8 — Арслантепе B1/B2; 9 — Демирджи-хейюк

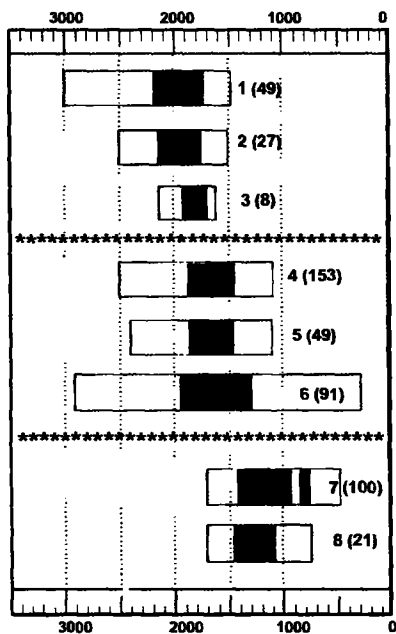

Рис. Пр1.5. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и общностям позднего бронзового века. Западноазиатская металлургическая провинция (см. главы 13 и 15).

Условные обозначения:

Первая (ранняя) фаза провинции: 1 — синташтинская; 2 — абашевская; 3 — сейминско-турбинская.

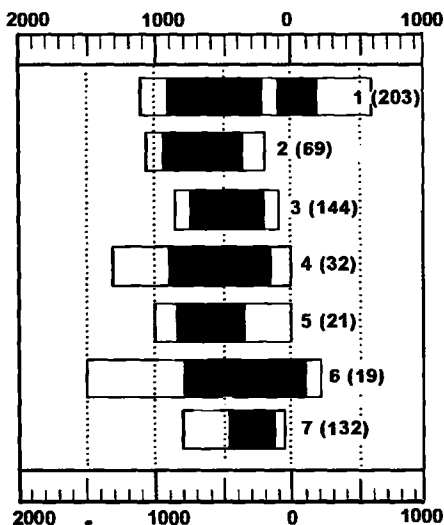
Вторая (средняя) фаза провинции: 4 — срубная; 5 — алакульская; 6 — федоровская.

Третья (финальная) фаза провинции: 7 — западный блок культур общности «валиковой» керамики; 8 — восточный блок культур общности «валиковой» керамики

Рис. Пр1.6. Распределение радиоуглеродных датировок по курганным археологическим культурам и группам некрополей раннего железного века. Скифский мир Евразии (см. главу 19).

Условные обозначения:

1 — тагарская (Саяны); 2 — Аржан и другие (Саяны); 3 — пазырыкская (Алтай); 4 — Южный Урал, савроматская культура; 5 — Северный Кавказ; 6 — Южный-Казахстан (Семиречье); 7 — Северное Причерногорье

Библиография (кириллица)

- Аполлоний Родосский.** Аргонавтика / Пер. Г. Ф. Церетели. Тбилиси: Мецниереба, 1964.
- Аристофан.** Женщины на празднике Фесмофорий // Комедии. Т. II. М.: ГИХЛ, 1954.
- Археология древнего Ярославля.** Загадки и открытия. 2-е изд. М.: ИА РАН, 2012.
- Археологія Української РСР.** Том 2. Скифо-сарматська та антична археологія. Київ: Наукова думка, 1971.
- Великолепие исчезнувших цивилизаций.** Новое открытие великих культур прошлого. М.: ЗАО «БММ», 2007.
- Войтов В. Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М.: Государственный музей Востока, 1996.
- Гаврилюк Н. А.** История экономики Степной Скифии VI—III до н. э. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1999.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I — II. Тбилиси: Тбилисский Гос. Университет, 1984.
- Герасимова К. М.** Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
- Герасимова К. М.** Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
- Геродот.** История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Гесиод.** Труды и дни / Пер. В. Вересаева. М., 1927.
- Горная энциклопедия.** Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- Граков Б. Н.** Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во Московского Университета, 1971.
- Гуляев В. И.** Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алтейа, 2005.
- Демиденко С. В.** Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.). М.: ЛКИ, 2008.
- Деревянко А. П.** Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Международный симпозиум «Древнейшие миграции человека в Евразии». Махачкала, сентябрь 2009. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009.
- Деревянко А. П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.

- Деревянко А. П.** Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. Лекция памяти профессора Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском университете. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012.
- Джапаридзе О. М.** К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н. э. (раннекурганная культура). Тбилиси: Изд-во Тбилисского Университета, 1998 (на грузинском языке).
- Древнее искусство.** Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Гос. Эрмитажа / Ред. М. И. Артамонов. Л.: Аврора, 1974.
- Духовная культура Китая.** Энциклопедия в пяти томах. Философия. М.: Восточная литература РАН, 2006.
- Езеро.** Раннебронзового селище. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1979.
- Енциклопедія Трипильської цивілізації.** Т. I. Книга перша / Гол. редактор М. Ю. Видейко; видп. редактор Н. Б. Бурдо. Київ: ЗАТ «Петроимпекс», 2004.
- Ермаков М. Е.** Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // *Страны и народы Востока*. Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 362—382.
- Иессен А. А.** К хронологии «больших» кубанских курганов // *Советская археология*. XII. М.: 1950. С. 157—200.
- Иллич-Свитыч В. М.** Опыт сравнения ностратических языков. М.: Наука, 1971.
- Калевала.** Л.: Лениздат, 1984 / Пер. с финн. Л. П. Бельского.
- Каргалы, том I.** Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологические памятники / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Каргалы, том II.** Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Каргалы, том III.** Селище Горный: археологические материалы; технология горно-металлургического производства; археобиологические исследования / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Каргалы, том IV.** Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Каттанео М., Трифони Ж.** Древние цивилизации. М.: Астрель, 2004.
- Клейн Л. С. 1966.** Археология спорит с физикой // *Природа*. № 2. С. 51—62; №3. С. 94—107.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.** Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 234 иллюстрациях Гюстава Доре.** Sankt Petersburg: Symposium, 1997.
- Ковалев А. А.** Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2012. С. 32—55.
- Королькова Е. Ф.** Властители степей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.
- Кореньевский С. Н.** 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука.
- Кравцова М. Е.** Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-классика. 2004.
- Луcretий Тит Кар.** О природе вещей / Пер. И. Рачинского. М., 1933.
- Малов С. Е.** Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малявкин А. Г.** Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.
- Маргулан А. Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.
- Марковин В. И.** 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука.
- Марцеллин Аммиан.** Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. М.: АСТ; ЛАДОМИР, 2005.
- Мегаструктура Евразийского мира:** основные этапы формирования. Материалы Всероссийской науч. конф. / Ред. Е. Н. Черных. Москва, Институт археологии РАН, 4—6 декабря 2012 года. М.: Институт археологии РАН, 2012.
- Мейе А.** Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с фр. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.** Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981.
- Миняев С. С.** Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2 (38). 2009. С. 49—58.
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М.** Элитный гуннский курган в пади Царам // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. М.: Собрание, 2010. С. 7—17
- Михайлов Н.** Голос хивинских пленных // Иллюстрированный журнал «Нива». № 30. 1873.
- Мозолевский Б. М.** Скифский степ. Київ: Наукова думка, 1983.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.** Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: ИД Триумф принт, 2012.
- Морган Л. Г.** Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.

- Мунчаев Р. М.** Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
- Мунчаев Р. М., Бобринский А. А.** Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 108. М., 1966. С. 14—22.
- Мюллер А.** История ислама. От доисламской истории арабов до Аббасидов. М.: АСТ-Астрель, 2004.
- Над Землей:** ошеломляющие спутниковые снимки Земли. Подборка спутниковых снимков NPA Group / Пер. с англ. М.: ООО «МАГМА», 2005.
- Николаева Н. А.** Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III—II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011.
- Ольговский С. Я.** Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 48—53.
- Павленко Н. И.** Екатерина Великая. Сер. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Пагсам-джонсан.** История и хронология Тибета / Пер. с тибетск., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.
- Панорама Средневековья.** Энциклопедия средневекового искусства / Под ред. Роберта Барлетта; пер. с англ. М.: Интербук-бизнес, 2002.
- Песнь о Роланде.** Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976. С. 27—144.
- Песнь о Сиде.** Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976. С. 259—360.
- Плетнева С. А.** Хазары. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986.
- Полосьмак Н. В.** Система жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии (империя хунну) и ее влияние на Китай эпохи Хань // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Материалы Всероссийской науч. конф. Москва, Институт археологии РАН, 4—6 декабря 2012 года. М.: 2012. С. 114—117
- Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.** Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011.
- Потанин Г. Н.** Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. 11. СПб.; М., 1884. С. 31—48.
- Пржевальский Н. М.** Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / Под ред. и вступит. ст. Э. М. Мурзаева. М.: ОГИЗ, 1946.
- Пржевальский Н. М.** Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / Под ред. и вступит. ст. Э. М. Мурзаева. М.: ОГИЗ, 1948.
- Проблеми гірничої археології.** Доповіді II-го Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевск, 2003.
- Пузикова А. И.** Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.: Институт археологии РАН, 1997.

- Пряхин А. Д.** Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1993.
- Пряхин А. Д.** Мосоловское поселение металлургов — литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996.
- Райт Дж. К.** Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.
- Рашид-ад-дин I.** Сборник летописей. Т. I / Пер. Л. А. Хетагурова (Кн. 1) и О. И. Смирновой (Кн. 2). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Рашид-ад-дин II.** Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: 1960.
- Рашид-ад-дин III.** Сборник летописей. Т. III / Пер. А. К. Арендса. М.; Л.: 1946.
- Резепкин А. Д.** Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012.
- Ренан Э.** История происхождения христианства в семи книгах. Кн. 1: Жизнь Иисуса. М.: Терра, 2009.
- Рерих Ю. Н.** Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: Международный центр Рерихов, 1992.
- Рид П. П.** Тамплиеры / Пер. с англ. М.: АСТ, 2005.
- Ру Ж.-П.** Тамерлан / Пер. с фр. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Рубрук, Гильом де.** Путешествие в восточные страны // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.
- Рычков П. И.** История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896 (первое издание 1759 г.).
- Рычков П. И.** Топография Оренбургская то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии: науч. изд.: В 2 т. / Под ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилева. Оренбург, 2010.
- Савинов Д. Г.** Минусинская провинция хунну. СПб: ИИМК РАН, СПб ГУ, 2009.
- Саводник В.** Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. 3-е изд. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915.
- Свет Я.** Колумб. Сер. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1973.
- Седов В. В.** Этногенез ранних славян. Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 7. 2003. С. 594—605.
- Сенкевич Г.** Огнем и мечом. М.: Орбита, 1989.
- Сиротенко В. Т.** Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-Балканские Исследования. Историография и источниковедение. М.: Наука, 1972. С. 195—218.
- Скрынников Р. Г.** Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982.
- Слово о полку Игореве.** Сборник / Прозаич. пер. Н. А. Мещерского. Л.: Сов. писатель, 1985.

- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Книга первая, с 1585 до 1742 года. М.: В типографии А. Семена при Императорской Медико-Хирургической академии, 1838.
- Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Соч.: В 18 книгах. Т. 1—29. М.: Мысль, 1988—1995.
- Сокровища Трои.** Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А. С. Пушкина — Леонардо Арте. М., 1996.
- Спаский Г.** (сост. и коммент.). Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими, при царе Иване Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1821.
- Старостин С. А.** У человечества был один язык // Знание — Сила. 2003. 8.
- Стоун Ирвинг.** Муки и радости. Роман о Микеланджело. М.: Художественная литература, 1971.
- Страбон.** География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши Цзи). Т. III / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М.: Наука, 1984.
- Толстой А. Н.** Петр Первый. Собр. соч. Т. 7. М.: ГИХЛ. 1959.
- Торчинов Е. А.** Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. М.: Восточная литература, 2005. С. 383—414.
- Феномен алтайских мумий** / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭтн СО РАН, 2000.
- Флавий Иосиф.** Иудейские древности. Т. 1 — 2. / Пер. с др.-евр. Г. Г. Генкеля (?). М.: Ладомир, 2003
- Флавий Иосиф.** О древности иудейского народа. Против Апиона // Иудейские древности. Т. 2. М.: Ладомир, 2003. С. 463—543.
- Халфин Н. А.** Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару // Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 5—18.
- Черных Е. Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
- Черных Е. Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
- Черных Е. Н.** Металл—человек—время. М.: Наука, 1972.
- Черных Е. Н.** Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во Болгарской Академии наук, 1978.
- Черных Е. Н.** [1978а]. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 53—82.
- Черных Е. Н.** Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // Советская археология. 1982. №. 4. С. 8—20.
- Черных Е. Н.** Каргалы. Забытый мир. М.: Nox, 1997.

- Черных Е. Н.** Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // Российская археология. № 4. 2005. С. 49—60.
- Черных Е. Н.** Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. 2007. М.: Языки славянской культуры. 2007.
- Черных Е. Н.** Древнейший металл в Старом и Новом Свете. Первый металл человечества // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 5. М.: Собрание; Наука, 2008. С. 59—69.
- Черных Е. Н.** Степной Пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Черных Е. Н., Венгеров А. Б.** Нормативная система в структуре древних обществ // Конференция — Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное: Тез. докл. М.: 1984 С. 61—73.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1992.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.** Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской металлургической провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV—III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: Институт археологии РАН. 2011. С. 24—62.
- Чеченов И. М.** Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: 1973.
- Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: тексты, пер., коммент. М., 1980.
- Шелехов Г.** Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование... СПб., 1793.
- Шмидт Р. В.** Металлическое производство в мифе и религии античной Греции // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. IX. Вып. 8—10. М.; Л., 1931.
- Эсхил.** Прометей прикованный // Трагедии / Пер. с др.-греч. С. Апта. М.: Художественная литература, 1971.
- Юрченко А. Г.** Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII—XV вв. СПб.: Евразия, 2006.
- Юрченко А. Г., Аксенов С. В.** Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Критический текст, пер. с лат. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа — С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.

Bibliography

- The **Anatolian Civilisation**. Vol. I. The Council of Europe. XVIII-th European Art Exhibition. Istanbul, May 22 — October 30, 1983.
- The **Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road**. Compiled by Qi Xiaoshan and Wang Bo. Urumqi, 2008.
- An Zhimin**. On Early Copper and Bronze Objects in Ancient China // *The Beginnings of Metallurgy in China* / Ed. by K. M. Linduff, H. Rubin, Sun Shuyun. Chinese Studies. Vol. 11. The Edwin Mellen Press, 2000.
- Aruz J.** (ed.). *Art of the first cities: the third millenium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. Catalogue Metropolitan Museum of Art. New York, 2003.
- Aurenche O., Galet P., Régagnon-Caroline E., Évin J.** Proto-Neolithic and Neolithic cultures in the Middle East — the birth of agriculture, livestock raising, and ceramics: a calibrated 14C chronology 12,500—5500 cal BC // *RADIOCARBON*. Vol. 43. No. 3. 2001. P. 1191—1202.
- Bar-Adon P.** *The Cave of the Treasure: The Finds from the Caves in Nahal Mishmar*. Jerusalem: The Bialik Inst. and the Israel Exploration Society (in Hebrew), 1971.
- Barnard N.** Thoughts on the Emergence of Metallurgy in pre-Shang and Early Shang China, and a Technical Appraisal of Relevant oBronze Artifacts of the Time // *Bulletin of the Metals Museum*. 19. 1993. P. 3—48.
- Bayburtoğlu B., Yildirim S.** Gold and Silver in Anatolia // *Anatolian Metal IV. Der Anschnitt*. Bht 21. Bochum 2008. P. 43—53.
- Benz M., Coşkun A., Weninger D., Alt K. W., Özkaya V.** Stratigraphy and radiocarbon dates of the PPNA site of Körtik tepe, Diarbakir // *26 Arkeometri sonuçları toplantısı*. Istanbul, 24—28 Mayıs 2010 (Ankara 2011). P. 81—100.
- Benz M.** Comments on radiocarbon dates of Epipalaeolithic and Early Neolithic sites of the Near East. http://www.exorientale.org/associated_projects/ppnd.php.
- Bloomfield L.** *Language*. NY; Chicago: Holt, Rinehart & Winston, 1933.
- Born H., Hansen S.** *Helme und Waffen Alteuropas. Bd IX. Sammlung Axel Guttmann*. Verlag Sammlung Guttmann bei Verlag Philipp von Zabern. Berlin, 2001.
- Bowman Sh.** *Radiocarbon dating*. London: The Trustees of the British Museum, 1990.
- Cheng Te-kun**. *Archaeology in China*. Vol. 2. Cambridge: Heffer, 1960.
- Černych E. N.** Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? *Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell'Eta del Bronzo in Europa*, 1982. Verona. S. 27—43.

- Chernykh E. N.** Rational and Irrational in Culture (on the problem disintegration of the Copper Age cultures in the Balkans) // XI. Internationales Symposium über das Spätneolithikum und die Bronzezeit. Symposia Thracica. Xanthi. 1982. S. 91—109.
- Chernykh E. N.** Ancient mining and metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge University Press, 1992.
- Chernykh E. N.** Postscript: Russian archaeology after the collapse of the USSR — infrastructural crisis and the resurgence of old and new nationalism // Nationalism, Politics, and the practice of archaeology. Cambridge University Press, 1995. P. 139—148.
- Chernykh E. N.** The “Steppe Belt” of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age // Trabajos de Prehistoria. 65. No. 2. Julio-Diciembre 2008. P. 73—93.
- Chernykh E. N.** Eurasian Steppe Belt: Radiocarbon Chronology and Metallurgical Province // Anatolian Metal V. Der Anschnitt. Bhft 24. Bochum 2011. P. 151—171.
- Chronik der Menschheit.** Dortmund: Chronik-Verlag, 1984.
- Cook James** — The journals of captain James Cook on his voyages of Discovery. The voyage of the Endeavour 1768—1771. Cambridge, 1955.
- Chronicle of Theophanes the Confessor** / Transl. by Cyril Mango and Roger Scott. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Cultural relics.** Cultural relics and archaeological annals. Urumqi, 2011. (In Chinese).
- Di Nocera G. M.** Radicarbon datings from Arslantepe and Norsuntepe: the fourth—third millenium absolute chronology in the upper Euphrates and transcaucasian region // Chronologies des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IVe—IIIe Millenaires / Marro C., Hauptmann H. (eds.). Varia Anatolica XI. 2000. P. 73—93.
- Ecsedy I.** The People of the Pit Grave Cultures in Eastern Hungary. Budapest: Akademiai kiado. Fontes Archaeologica Hungaricae. No. 10. 1979.
- Esin U.** Copper objects from the pre-pottery Neolithic site of Aşikli (Kizilkaya Village, Province of Aksaray, Turkey) // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bhft 9. Bochum, 1999. P. 23—30.
- The Formation of Chinese Civilization.** An Archaeological Perspective / Ed. by Sarah Allan. C & C Offset Printing Co., Ltd, 2000.
- Frangipane M.** 4th millenium Temple/Palace Complex at Arslantepe-Malatya // North-South Relations and the Formation of Early State Socieies in the Northern Regions of Greater Mesopotamia. Paléorient 23, (1997). P. 45—73.
- Frangipane M.** Centralization Processes in Greater Mesopotamia: Uruk Expansion as the climax of systematic interactions among areas of the greater Mesopotamian region. In: Uruk Mesopotamia and its Neighbors: Cross Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe: School of American Research Press, 2001.
- Frangipane M. (editor).** Economic Centralization in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millenium Arslantepe. Stidi di Preistoria Orientale. Vol 3. Sapienza Universita di Roma, 2010.

- Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmitz-Schultz T.** New Symbols of a New Power in A "Royal" Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paleorient* 27/2. 2001. P. 105—139.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen.** Königsgraber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel 2008.
- Gadzhiev, M. G., Kohl, P. L., Magomedov, R. G., Stronach, D., Gadzhiev, Sh. L., Lopez, P., Lopez, B., Moreno, M., Morales, A., Moreno, J., Lopez-Saez, A. and M. Martin.** Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia, 1997—1999 // *Eurasia Antiqua*. 6. 2000. P. 47—124.
- Georgien:** Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies / Hrsg. I. Gambaschidze, A. Hauptmann, R. Slotta, Ü. Yalçın. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2001.
- Ghirshman R.** Persia. Protoiranos, Medos, Aquemenidas. Aguilar, S.A. de Ediciones, 1964.
- Govedarica B., Kaiser E.** Die äneolitische abstrakten und zoomorphen Steinzepter Sudost- und Osteuropas // *Eurasia Antiqua*. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd 2. 1996. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- A Grand view of Xinjiang's cultural relics and historic sites.** Suntime Techno-Economic Cooperation (Group) Co. Ltd. Urumqi, 1999. (In Chinese).
- Guo Wu.** Archaeological Reserches of the Societies of the Late Prehistory in Xinjiang. Shanghai Gruji Press, 2011 (in Chinese).
- Hauptmann H.** Ein Kultgebäude in Nevalı Cori // Between the Rivers and over the Mountains. *Archaeologica anatolica et mesopotamica Alba Palmieri dedicata* / Eds. M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink. Universita di Roma "La Sapienza", 1993. P. 37—70.
- Hess K., Hauptmann A., Wright H. T., Whallon R.** Evidence of fourth millennium BC silver production at Fatmalı-Kalecik, East Anatolia // *Metallurgia Antiqua*. In Honour of Hans-Gert Bachmann and Robert Maddin / Hrsg. Rehren Th., Hauptmann A., Muhly J. D. Der Anschnitt. Bhft 8. Bochum, 1988. P. 57—68.
- Hauptmann A., Palmieri A.** Metal Production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case Studies from Arslantepe // *Anatolian Metal I* / Hrsg. Ünsal Yalçın. Der Anschnitt, Bhft 13. Bochum, 2000. S. 75—82.
- Huntingford G. W. D.** Free hunters, serf-tribes and submerged classes in East Africa // *Man*, dec. 1931. Vol. XXXI. № 262.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen.** Königsgraber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2008.
- Johnson A.** Solving Stonthenge. The New Key to an Ancient Enigma. Thames & Hudson, 2008. P. 288.
- Jovanović B.** Stepska kultura u enolitskom periodu Jugoslavije. In *Praistorija Jugoslavenskih zemalja. Eneolit*. Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1979. P. 381—396.

- Kaul F.** Der Sonnenwagen von Trundholm // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 54—57.
- Kohl Ph.** The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
- Kovalev A. A.** The Great Migration of the Chemurchek People from France to the Altay in the early 3rd Millennium BCE // International Journal of the Eurasian Studies. Vol. 1(11). 2011. P. 1—58.
- Krause R.** Zur Entwicklung der frühbronzezeitlichen Metallurgie nördlich der Alpen // Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas / Hrsg. B. Hänsel. Kiel: Oetker-Voges Verlag, 1998. S. 163—192.
- Li Chunxiang, Li Hongjie, Cui Yinqiu, Xie Chengzhi, Cai Dawei, Li Wenying, Mair V. H., Xu Zhi, Zhang Quanchao, Abuduresule Idelisi, Jin Li, Zhu Hong, Zhou Hui.** Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age // BMC Biol. 2010. 815.
- Lovell Julia.** The Great Wall. China against the World 1000 BC — AD 2000. Atlantic books, 2000.
- Lu Liacheng.** The Eastern Zhou and the Growth of Regionalism // The Formation of Chinese Civilization. P. 203—248.
- Lu Liacheng, Yan Wenming.** Society during the Three Dynasties // The Formation of Chinese Civilization. P. 141—202.
- Maddin R., Muhly J. D., Stech T.** Early metalworking at Çayönü // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bht 9. Bochum, 1999. P. 37—44.
- Mair V. H.** Prehistoric Caucasoid corpses of the Tarim Basin. Journal of Indo-European Studies. 23/ 1995. P. 281—307.
- Mair V.** "Priorities" // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by Victor H. Mair. Institute for the Study of Man Inc. in collaboration with the University of Pennsylvania Museum Publications. 1998. P. 4—44.
- Mannerheim // Mannerheimin C. G. Valokuvia Aasian-Matkalta 1906—1908 / Ed. by Peter Sandberg. Helsingissä kustannusosakeyhtiö otava. 1990.**
- Mei J.** Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865, 2000.
- Mei J.** Metallurgy in Bronze Age Xinjiang and its Cultural Context // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / Ed. by K. M. Linduff. New York, 2004.
- Mei J.** Early metallurgy in China: some challenging issues in current studies // J. Mei & Th. Rehren (eds.). Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond. Archetype Publ. Ltd. 2009. P. 9—16.
- Mellaart J.** Earliest civilizations of the Near East. London: Thames & Hudson, 1965.
- Mellaart J.** Çatal Hüyük: a Neolithic Town of Anatolia. New York: McGraw-Hill Book Company, 1967.
- Meller H.** Die Himmelsscheibe von Nebra // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 22—31.

- Meller H.** Der Körper des Königs // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 7. 94—97.
- Menkhaus K.** Bantu ethnic identity in Somalia // *Annales d’Ethiopie*. 2003. Vol. XIX. P. 323—339.
- Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M.** Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsar-aam Valley. Part 2: The Inventory of Barrow No. 7 and the Chronology of the Site // *The Silk Road*. Vol. 5. No. 1. 2007.
- List M., Montero-Ruiz I., Clop X., Rovira S., Guerrero E. and Anfruns J.** New metallurgic finding from the Pre-Pottery Neolithic: Tell Halula (Euphrates valley, Syria) // *Paleorient*. Vol. 35.2. P. 33—48.
- Montelius O.** La civilisation primitive en Europe depuis l’introduction des métaux. Stockholm, 1895.
- Montelius O.** Die chronologie der ältesten Bronzezeit in Norddeutschland und Skandinavien. Stockholm, 1900.
- Muhl A.** Gesegnetes Land & der Grossraum Dieskau im frühbronzezeitlichen Fundmosaik // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 100—103.
- Müller-Karpe H.** Das Grab der Fu Hao von Anyang // Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie / Hrsg. Müller-Karpe H. Munich: Beck’she Verlagsbuchhandlung, 1979.
- New archaeological finds in China.** Discoveries during the Cultural Revolution. Peking: Foreign Languages Press, 1973.
- Ordos Bronze Wares.** 2006. ISBN 7-5010-1972-X (In Chinese).
- Özdoğan M., Özdoğan A.** Archaeological evidence on the early metallurgy at Çayönü Tepesi // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bht 9. Bochum, 1999. P. 13—22.
- Özkaya V., Coşkun A.** Körtik Tepe, a new Pre-Pottery Neolithic A site in south-eastern Anatolia // *Antiquity*. Vol. 83. Issue 320. J. 2009.
- Palmieri Alba 1981.** Excavation at Arslantepe. *Anatolian Studies*, XXXI. P. 101—119.
- Palmieri Alberto, Di Nocera G. M.** The Metal Objects from the “Royal” Tomb at Arslantepe (Malatya-Turkey) and the Metalwork Development in the Early Bronze Age // *Landscapes, Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East. Papers presented to the XLIV Rencontre Assyriologique Internationale, Venezia, 7—11 July 1997. Monographs III*, 3. Padova, 1999. P. 179—190.
- Parzinger H.** Die Reiternomaden der Skythenzeit in der Eurasischen Steppe // *Unbekanntes Kasachstan, II. Archäologie im Herzen Asiens* / Hrsg. Th. Stöllner, Z. Samshev. Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. S. 539—553.
- Pilipenko A. S., Molodin V. I.** Paleogenetic Analysis in Archaeological Studies // *Russian Journal of Genetics: Applied Research*, 2011. Vol. 1. No. 1. P. 51—72.

- Pilipenko A. S., Romanchenko A. G., Molodin V. I., Parzinger H., Kobzev V. F.** Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // *Archaeol Antropol Sci.* Springer Verlag, 2010.
- Pernicka E., Rehren Th., Schmitt-Strecker S.** Late Uruk silver production by cupellation at Habuba Kabira, Syria // *Metallurgia Antiqua. In Honour of Hans-Gert Bachmann and Robert Maddin / Hrsg. Rehren Th., Hauptmann A., Muhly J. D. Der Anschnitt. Bht 8.* Bochum, 1988. P. 123—134.
- Read Piers Paul.** The Templars. Weidenfeld & Nicolson Ltd. 1999.
- Russell Bertrand.** Has Religion Made Useful Contribution to Civilization? An Examination and a Criticism. London: Watts & Co, 1930.
- Rezepkin A. D.** Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // *Archäologie in Eurasien. Bd 10.* Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000.
- Rolle R., Murzin V. Ju. Alexeev A. Ju.** Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts. Teilband II. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1998.
- Schachner A.** Zur Entwicklung der Metallurgie im östlichen Transkaukasien (Azerbaycan und Nahçevan) während des 4. und 3. Jahrtausends // *Anatolian Metal II. Der Anschnitt. Bht 15.* Bochum 2002. P. 115—130.
- Das Schiff von Ulunburun.** Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2016 / Hrsg. Ü. Yalçin, C. Pulak, R. Slotta. Bochum, 2005.
- Schmidt Klaus.** Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die Archäologische Sensation am Göbekli Tepe. München: Verlag Beck. 2006.
- Schoop U-D.** Aspects of early metal use in Neolithic Mesopotamia // *The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Beiheft 9.* Bochum, 1999. P. 31—36.
- Silk road Treasures.** Urumqi, 2010 (in Chinese).
- Smith M. E.** The Aztecs. Blackwell Publishers, 1996.
- Steppe. Steppe. Heavenly Horses. Nomads. A visit to the Ili Kazakh Autonomous Prefecture's Cultural Relics and Historic Sites.** (Yining), 2008 (In Chinese & English).
- Stordeur D., Helmer D., Jamous B., Khawam R., Molist M., Willcox G.** Le PPNB de Syrie du Sud à travers les découvertes récentes à tell Aswad // *Hauran V. La Syrie du sud du néolithique à l'Antiquité tardive. Recherches récentes. Actes du colloque de Damas 2007. Vol. I.* Beyrouth, 2010. S. 41—67.
- Stöllner Th., Körlin G.** Der Katalog der Funde // *Streifzüge durch Persien. 5500 Jahre Geschichte in Ton.* Bochum: WAZ-DRUCK GmbH & Co, 2008.
- Stöllner Th., Gambashidze I.** Gold in Georgia II: The Oldest Gold Mine in the World // *Anatolian Metal V. Der Anschnitt. Bht 24.* Bochum, 2011. P. 187—200.
- Strommenger E.** Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1980.

Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd I. Bochum, 2013.

Yalçın U. Anfänge der Metallverwendung in Anatolien // *Anatolian Metal I. Der Anschnitt*, Bhft 13. Bochum, 2000. P. 17—30.

Yalçın U., Pernicka E. Frühneolithische Metallurgie von Aşıklı Höyük // *The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bhft 9.* Bochum, 1999. P. 45—54.

Yalçın U., Yalçın H. G. Reassessing anthropomorphic metal figurines of Alacahöyük, Anatolia // *Near Eastern Archaeology*. No. 76: 1, 2013. P. 38—49.

Yang Jianhua. The formation of Northern Chinese frontier belt during the Spring and Autumn and Warring States periods. Aurora Centre for the Study of Ancient Civilizations, Peking University. Publication Series. No. 10. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2004 (In Chinese).

Xu Pingfang. The Formation of the Empire by the Qin and Han Dynasties and the Unification of China // *See: The formation of Chinese civilization*. P. 249—282.

Zhang Liangren Ancient Society and Metallurgy. A comparative study of Bronze Age societies in Central Eurasia and Northern China. BAR International Series 2328, 2012.

Zweig Stefan. Amerigo: Die Geschichte eines historischen Irrtums. 11. Aufl. Fischer, Frankfurt a. M., 2001.

Waterbolk H. T. The 1959 Carbon-14 Symposium at Groningen // *Antiquity*, XXXIV. 1960. P. 14—18.

Weisgerber G. Montanarchäologie. Grundzüge einer systematischen Bergbaukunde für Vor- und Frühgeschichte und Antike. Teil I. Der Anschnitt. No. 6. Bochum, 1989.

Wong Jichao. Tomb of Marquis Yi of Zeng in Suixian County and Bronze Chimebells of Marquis Yi of Zeng // *Hubei Association for Cultural Exchanges with Foreign Countries. Hubei Provincial Museum. Hubei pictorial. Hong Kong*, 1988. P. 19—23.

Wright J. K. The geographical lore of the time of the crusades. A study in the history of medieval science and tradition in Western Europe. N. Y., 1925.

Евгений Николаевич Черных

**КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В МЕГАСТРУКТУРЕ
ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА**

Том 1

Корректор О. Сурикова

**Оригинал-макет и художественное
оформление переплета И. Богатыревой**

Подписано в печать 07.10.2013. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Calibri.
Усл. печ. л. 29,67. Тираж 700 экз. Заказ № K-12102.

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: **8 (495) 95-95-260** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnosys@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, ул. Бутлерова, д. 17 «Б», офис 313

Отпечатано в ГУП ЧР «ИПК «Чувашия»
Мининформполитики Чувашии,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

